

ΠΟΛΙΣ

Ф. Г. Юнгер

Совершенство
техники

Совершенство техники

Ф. Г. Юнгер

ΠΟΛΙΣ

ΠΟΛΙΣ

Friedrich Georg Jünger

**Die Perfektion
der Technik
Maschine
und Eigentum**

Фридрих Георг Юнгер

Совершенство техники

Машина и собственность

Перевод с немецкого И. П. Стребловой

**ФОНД
УНИВЕРСИТЕТ**

**Санкт-Петербург
«ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
2 0 0 2**

УДК 1/14
ББК 87
Ю 50

Редакционная коллегия серии «ПОΛΙΣ»

*В. П. Сальников (председатель), А. И. Александров,
С. Б. Глушаченко, В. В. Лысенко, В. П. Очередько, Р. А. Ромашов,
И. А. Соболев, А. Г. Хабибуллин, Д. В. Шумков*

Данное издание выпущено в рамках проекта
«Translation Project» при поддержке Института
«Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и Института «Открытое общество» — Будапешт

ISBN 5-93615-014-3

- © Издательство «Владимир Даль», 2002
- © Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002
- © Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002
- © И. П. Стреблова, перевод, 2002
- © С. А. Федоров, послесловие, 2002
- © П. Палей, оформление, 2002

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Здесь под одной обложкой объединены книги «Совершенство техники» и «Машина и собственность». Они появились не одновременно — вторая стала как бы продолжением первой и отличается от нее отбором анализируемого материала, — но вместе они составляют единое целое.

Первую книгу, работа над которой была начата весной и окончена летом 1939 года, удалось издать лишь в 1946 году. В годы второй мировой войны о ее публикации не могло быть речи. Хочу отметить, что несмотря на невозможность ее издания, книга еще тогда была набрана моими издателями — Бенно Циглером в Гамбурге и Витторио Клостерманом во Франкфурте-на-Майне. Весь гамбургский набор, а также почти весь тираж, напечатанный по Фрейбурге, погибли во время бомбежек. В то же время в США (Лексингтон, штат Кентукки) типограф Виктор Хаммер, у которого находился один экземпляр рукописи, отпечатал вместе со своим сыном трудоемким ручным способом девять экземпляров этой работы, успев дойти до 60-й страницы. Они старались сохранить эту рукопись. Отцу и сыну Хаммерам, а также моим издателям, я благодарен за приложенные ими усилия. Не всякое начинание увенчивается успехом, но сама

жизнь показывает, что нередко в труд, затраченный на самую неудачную попытку, бывает вложено столько энергии, благожелательности и заботы, сколько не встретишь при удачливом, легко осуществимом предприятии.

Памятуя об этом, я благодарен и тем читателям, которые откровенно говорили мне, что такие книги, как «Совершенство техники» и «Машина и собственность», нельзя публиковать, их нужно запрещать и не допускать к печати. Эти читатели переоценивали могущество цензуры и могущество печатного слова. Любая мысль, какой бы она ни была, возникает из соприкосновения, а соприкосновение предполагает сопротивление. Можно запретить книгу, но нельзя запретить движение, которое обязательно предшествует ее появлению, нельзя запретить соприкосновение и сопротивление, нельзя запретить опыт. Внимательный читатель непременно поймет, что этому изданию предшествовали долгие годы печального опыта, проверенного многократными повторениями. Мне самому было бы гораздо приятнее, если бы не было нужды писать эту книгу. Между тем это сочинение появилось не случайно, и не случайно оно выходит именно сейчас, потому что издание специально приурочено к настоящему моменту. Вопрос о границах механики, о границах автоматизированной технической сферы невозможно более замалчивать. Он сам о себе напоминает, и никакой Техник не может помешать его обсуждению. Тут бесполезно вводить запреты, и там, где они уже введены, на деле ничего не меняется, поскольку запреты не могут скрыть того факта, что рабочие являются пленниками сложной технической аппаратуры и организации. Сейчас, после второй мировой войны, все государства находятся в одинаковом положении: они похожи на корабль, оснащенный хорошо отлаженным и превосходно функционирующим

двигателем, который неуклонно движется навстречу неведомому айсбергу.

О догматизме Техника можно сказать следующее: по своей жесткости и эффективности этот догматизм не уступает теологическому. В той части, которая касается знаний о ходе развития аппаратуры и организации, это не ощущается, поскольку здесь каждое новое изобретение неизменно уничтожает предшествующие достижения, отбрасывая их как ненужный хлам. Не знание как таковое, а вера в это знание делает технократов догматиками. Техник либо вообще не задумывается о нужности своего знания, либо не ставит ее под сомнение. И более того! Он еще и не терпит, чтобы другие задумывались о нужности его знания или ставили ее под сомнение! Критические высказывания техников по поводу «Совершенства» и «Машины и собственности» поразили меня в первую очередь своей неприкрытой догматичностью. Возражения без каких-либо доводов, голословные утверждения, непоколебимая вера в то, что с помощью машин будут разрешены все трудности, которые в будущем могут встать перед человечеством, — вот приблизительно все, к чему сводятся их возражения. Остается еще только упомянуть описания гигантских новых заводов и фабрик, которые будут использовать энергию солнца и моря и запускать цепную реакцию. Природные ресурсы уже настолько расхищены, что пришла пора задуматься о поиске новых источников. Теперь уже заговорили о том, что на луне, возможно, найдутся месторождения, пригодные для промышленной разработки. На луне, несомненно, много чего найдется. Однако при всем при том механик-энтузиаст — это нечто совершенно несносное! В своем энтузиазме он способен извратить до нелепости даже то, что вполне возможно и выполнимо. Нестерпимо видеть грубую односторонность таких расчетов, при ко-

торых не учитывается, что в центре всех механических действий и противодействий, включая также и ядерную реакцию, всегда окажется человек, что все это отзовется на нем. Впрочем, у меня нет никакого желания толковать о чем-то с приказчиками и агентами какого-нибудь четырехлетнего или пятилетнего плана, среди которых можно встретить и ученых, и техников, и даже лириков, планомерно слагающих очередные гимны во славу очередного металлургического комбината или шарикоподшипникового завода. С этими людьми невозможно вести разговор, потому что они хотят быть не собеседниками, а демонстрантами. Превращение из собеседника в демонстранта хорошо иллюстрирует процесс догматизации основных постулатов вероучения механического движения.

Тут нелегко достигнуть взаимопонимания. Однако не во всех вопросах оно невозможно. Так, хотя не все, но большинство людей, очевидно, согласится, что свежее масло лучше прогорклого. Большинство также, вероятно, будет согласно с тем, что свежее коровье масло лучше маргарина, даже если этот маргарин, как сейчас принято, содержит искусственные витаминные добавки. И пускай против этого возражают, сколько им угодно, владельцы фабрик по производству маргарина и химических заводов по производству искусственных витаминов. Даже в вопросах техники можно прийти к определенному согласию, но весьма трудно достигнуть согласия относительно такой постановки вопроса, которая имеет в виду ограничение технической сферы и учитывает воздействие автоматизированной механики на человека. Такие попытки затрагивают интересы могущественных сил и потому не находят сторонников. Они не могут не вызывать раздражения. Заклятые враги готовы объединиться, чтобы встретить их в штывы. Капиталисты и социалисты, индийцы и китайцы, политики, ученые и тех-

ники едины в том убеждении, что техническую сферу, и прежде всего сферу автоматизированной механики, надлежит, невзирая ни на что, всячески расширять, что от ее наискорейшего расширения зависит наше общее будущее. Вот только каково это будущее? Постепенно мы становимся все более зависимыми. Описать степень этой зависимости — одна из задач данной книги. Одновременно намечается и нечто другое. Расширение механической сферы уже не представляет для нас трудностей. Основные проблемы, связанные с этой задачей, уже решены, и процесс повсеместного всеобъемлющего применения техники встречает все меньше сопротивления. Это свидетельствует о приближении завершающей конечной фазы. Мы подходим к такому состоянию, которое можно назвать моментом насыщения. Понятие насыщения применимо не только в химии, в более широком смысле оно может быть отнесено и к явлениям другого порядка. Оно выражает осознание того факта, что наше мышление, направленное прежде на решение технических проблем, должно смениться другим, когда все внимание будет направлено на последствия победоносного развития техники. Законы рычага нам известны. Теперь предстоит разобраться в том, какие последствия имеет применение этих законов для человеческого общества. Выяснение этого вопроса уже выходит за рамки чисто технических проблем.

Отметим, что «Совершенство техники» уже издано в английском переводе, выполненном Генри Регнери (Хинсдейл, Иллинойс, 1949). В письменных откликах американские читатели особенно поразили меня непредвзятостью как одобрительных, так и критических суждений. Мне представляется, что эта особенность американцев связана с отсутствием зависти, хотя в этой черте, возможно, и нет их заслуги, поскольку у людей, располагающих ресурсами целого континента,

вместо зависти, скорее всего, должно быть больше наклонности к каким-то другим порокам. Возможно, немецкий читатель воспринимает прочитанное более основательно и не столь широкомасштабно. Мы живем в тесном пространстве, что вызывает ряд неприятных последствий, в частности слишком часто возникающее желание полемически прибегать к тому, что называется *argumentum ad hominem*,* а это вредит взаимопониманию между автором и читателем. В условиях демократической свободы публичных выступлений к автору предъявляются трудно выполнимые требования. Ему нужно обрести толстокожесть, не утрачивая способности к чуткой отзывчивости. Однако высокая требовательность — еще не признак лучшего читателя. Читатели, требующие от автора радикального решения их собственных сложностей и бед, обыкновенно бывают нетерпеливы и хотят, чтобы он явился и разрешил все проблемы, словно *Deus ex machina*** греческой трагедии. Им мало того, чтобы автор помог им по-новому увидеть внутреннюю связь каких-то явлений, они хотят привычных готовых решений. Предлагать патентованные решения — дело техников. Но в вопросах человеческих взаимоотношений, человеческого общежития не существует патентованных решений.

КНИГА ПЕРВАЯ

СОВЕРШЕНСТВО ТЕХНИКИ

Девиз: Всему есть место, но для каждой вещи свое.

Надпись на складе инструментов

1

Сочинения в жанре технической утопии, как показывает наблюдение, отнюдь не редкость в литературе и даже напротив: их так много и читательский спрос на них так велик, что невольно заставляет предполагать существующую в обществе потребность в такого рода книгах. Следовательно, сам собой напрашивается вопрос: почему именно техника дает такую обильную пищу для разума, упражняющегося в построении утопий? В прежние времена авторов такого рода сочинений прежде всего интересовало государство, и книга, давшая название всему этому направлению, трактат Томаса Мора «*De optimo rei publicae statu, de que nova insula Utopia*»,* была романом о государстве. Самый выбор темы, вытеснение старых тем новыми показывает, как меняется интерес к данному предмету. Интерес к себе вызывает не то, что уже доступно для наблюдения в готовом, законченном виде: прошлое и настоящее не привлекают внимания, любопытными представляются те возможности, которые таит в себе будущее, и объектом интереса становятся явления, в которых вырисовываются черты будущего. Для утопии требуется схема, несущая в себе возможности рационального развертывания, а в настоящее время самую удобную схему подобного рода

предлагает техника. Ни одна другая схема не может в этом отношении соперничать с техникой, и даже социальная утопия меркнет, если она не подкреплена темой технического прогресса. Без нее социальная утопия теряет правдоподобие. Век технического прогресса еще не пришел к своему завершению, он протекает на наших глазах, и его стремительное развитие неуклонно ускоряет свой бег. Технический прогресс не идентичен историческому движению, которое наряду с технической сферой охватывает многие другие стороны жизни, однако играет в нем служебную роль кузнечной мастерской.

Утопист не пророк и не провидец — даже в том случае, когда его предвидения сбываются и предсказания получают подтверждения. Никому не придет в голову говорить о пророческом даре Жюль Верна или Беллами, поскольку ни тот ни другой не были пророками: они не ставили перед собой такой задачи, потому что не питали к тому призвания, а следовательно, не обладали ни соответствующим знанием, ни даром вещего глагола. В лучшем случае, им удавалось угадать кое-что, чему суждено было осуществиться в грядущем. Они шутя рисовали картины будущего, но это будущее никогда не представлялось им с той непреложностью истины, с какой видят его живущие по вере и религиозно мыслящие люди. Эти писатели всего лишь проецируют в будущее уже улавливаемые в настоящем возможности, описывая их дальнейшее развертывание рационально-логическими средствами. Ничего большего от них и требовать нельзя. Если от пророчеств и прозрений мы требуем, чтобы они сбывались в точности, как предсказано, то от утопии мы ожидаем всего лишь намека на правдоподобие и известной вероятности в пределах разумного. Нечто совершенно неправдоподобное и невероятное производит на нас неприятное впечатление, кажется скучным

и недостойным внимания. Следовательно, для того чтобы фантастическое предположение привлекло наше внимание и пробудило интерес, оно должно взывать к нашему разуму. Надо, чтобы оно подкупало нас последовательностью рассуждения, внутренней логикой, холодными доводами ума. Тот, кто хочет невероятное представить вероятным, добьется этого трезвостью интонации, сухостью слога. Именно этими средствами, как правило, пользуются авторы утопий, чтобы увлечь за собой читателей в путешествие на луну, к центру земли или куда бы то ни было еще. Потчуж нас небылицами, они призывают на помощь науку, чтобы прикрыть их несбыточность.

Однако в чем же заключается собственно утопическая часть утопии? Она заключается в соединении несоединимого, в несоблюдении границ, в неоправданных выводах, делаемых из противоречивых предпосылок. Тут не действует правило: *a posse ad esse non valet consequentia*.* Обратившись к такой утопии, например к техническому роману, мы обнаружим, что его утопизм заключается не в технической схеме, которую развертывает перед нами писатель. Автор может описывать города с самодвижущимися тротуарами, где каждый дом представляет собой совершенную жилую машину, на каждой крыше имеется аэродром, а все заказы поступают к хозяйке по системе трубопроводов в готовом виде прямо на кухню, где обед варится сам или подается на стол роботами, он может рассказывать, что стены домов сделаны из особого вещества, которое светится в темноте, а шелка, в которые одеты обитатели города, произведены из мусора или из кислого молока, — все это еще не делает из писателя настоящего утописта. И дело здесь не в том, осуществится ли это в действительности, а в том, что все это не выходит за пределы возможного. Такие вещи мы спокойно принимаем к

сведению как нечто возможное, не вдаваясь в рассуждения о том, какой от них может быть реальный прок. В утопию такие сочинения превращаются тогда, когда автор, описывая подобную картину, начинает внушать нам, что в этих домах живут более совершенные люди, что они не знают зависти, что у них не бывает убийств и супружеских измен и что им не нужны законы и полиция. Ибо тем самым автор утопии уходит от технической схемы, в рамках которой развертывались его фантазии, и чисто утопически сопрягает с этой схемой уже нечто иное, не имеющее к ней отношения и из нее не выводимое. По этой причине Беллами был в большей степени утопистом, чем Жюль Верн, который гораздо последовательней придерживался заданной схемы. Фурье, как социальный утопист, вполне серьезно верил, что если бы люди приняли и провели в жизнь его утопии, то даже морская вода превратилась бы в сладкий лимонад, а китов можно было бы запрягать и они дружно повлекли бы по морю корабли. Он приписывал своим идеям силу, превосходящую чары Орфея, и продолжал в них верить даже после крушения своего фаланстера «La Reunion». Если бы Фурье хоть немножко задумался, то, наверное, и сам бы сообразил, что морские животные не могут жить в лимонаде: ведь хороший лимонад должен быть приготовлен не из суррогатов, а из лимонов. Надо было очень постараться, чтобы измыслить эту приторную картинку! Над такими вывертами рассудка можно было бы только посмеяться при условии, что ты не принадлежишь к числу тех, кто на своей шкуре испытал пагубные последствия этих бредней. Однако надо все же признать, что всякой системе кроме цельности требуется еще крупинка утопической соли, иначе она никого не увлечет. В качестве примера могут служить философские теории Конта. Сегодня, когда позитивизм пов-

сюду, включая даже частные научные области, вытесняется из своих исконных владений, это проявляется особенно отчетливо. Очевидно, мы уже прошли ту пресловутую третью и высшую позитивную стадию человеческого развития, к которой, по утверждению Конта, принадлежало его учение, а его девиз «*Voilà pour prévoir, prévoir pour parvenir*»,* подобно выдвинутой им естественной иерархии наук, совершенно утратил свое значение. В учении Конта есть оттенок какого-то сепаратизма; в его основе лежит та уверенность в надежности существующих условий, которая нами давно утрачена. Когда жизнь вступает в новую зону, чреватую опасностью, меняется все — и сам наблюдатель, и его наблюдения. Увлечение позитивизмом — удел спокойных времен.

2

Если мы обратимся теперь к утопиям нашего времени, например к романам Уэллса и Хаксли, попытаюсь выяснить, чем же они отличаются от утопий XIX века, то увидим, что фантазия здесь уже совершенно оторвалась от технического антуража. Будущее больше не представляется раем, прогнозы становятся мрачнее, пожалуй даже чересчур мрачными. Надежда на будущее угасла, сменившись мучительными сомнениями. Уэллс, воспользовавшийся для исследования будущего машиной времени, обнаруживает там не тщательно продуманную техническую организацию, а ничем не прикрытый свирепый каннибализм. Машина времени — это, конечно же, вздорная выдумка. Она предполагает наличие двойного времени — необратимого (собственного жизненного времени) и обратимого (машинного времени). При этом условии я могу путешествовать по жизненному времени. Но

если я вздумаю вернуться с помощью машины времени в предыдущий год, то застану там (что не учитывается Уэллсом) самого себя, так что буду расхаживать в нем уже с двойником. Если я прихвачу в машину времени своего младшего двойника и вернусь с ним еще на год назад, то нас станет уже трое. И так далее до бесконечности. Что касается каннибализма, то он, разумеется, неизбежен. Без него невозможна человеческая жизнь, ибо существует бесспорная истина, что человек питается человеком и что мы всегда будем пищей друг для друга. Другой вопрос, впадем мы в старинную полинезийскую форму каннибализма или в ту еще более мерзкую, которая описана Уэллсом. У Хаксли будущее, наступающее после взрыва атомной бомбы, выглядит не менее мрачно. Ослабевшее, впавшее в детство, поклоняющееся темным фетишам человечество подошло к концу своего существования. Не вдаваясь в споры по поводу этих картин, отметим только, что по ним видно нарастающие скептических настроений.

Однако отвлечемся на время от утопий. Возьмем в качестве исходного материала техническую сферу, то есть технику и связанные с ней представления в том виде, как они сложились в наше время в уме среднего человека. Здесь также нет недостатка в утопиях, поскольку с техническим прогрессом связаны как вековые, так и новейшие надежды. А коли уж человек возлагает свои надежды на технику — а эти надежды включают в себя предвосхищение будущего, — он должен также отдавать себе ясный отчет о спектре возможностей техники и не ожидать от нее ничего более. Он должен отделить от нее химерические наложения, никак не связанные с ее целями и задачами. Не сделав этого, он вместе с машинами попадет в царство мифологии, сконструированной разумом. Как это происходит, мы сейчас покажем.

В наши дни большинство людей верит не только в то, что техника берет на себя часть работы, облегчая жизнь человека, но и в то, что вследствие этого облегчения человек приобретает больше времени для досуга и любимых занятий по своему собственному выбору. Многие верят в это как в нерушимую истину, не требующую доказательств; зримые проявления этого подспудного убеждения вызывают ощущение, что эта вера составляет одну из глубинных опор технического прогресса, обеспечивающих его оправдание и розовый взгляд на будущее. Естественно, что такая механика, которая не приносит пользы человеку, ни у кого не встретит поддержки; нужно, чтобы она давала твердую надежду на будущее. Однако тут мы сталкиваемся с утверждениями, истинность которых недоказуема, а настойчивое повторение не делает их более убедительными. Досуг и занятия по собственному выбору суть состояния, доступные далеко не каждому, не всякому дана эта способность, да и к технике ни то ни другое не имеет ни малейшего отношения. Человек, частично освобожденный от лишней работы, не обретает тем самым способность с пользой употреблять свой досуг и посвящать свободное время занятиям по собственному выбору. Досуг не равнозначен ничегонеделанью. Состояние досуга не определяется негативным образом, оно предполагает, что человек удосуживается посвятить себя духовным, мусическим интересам, которые делают его жизнь содержательной и плодотворной, придают ей смысл и достоинство. *Otium sine dignitate** означает пустопорожнее ленивое безделье и может служить подтверждением нашей старинной немецкой поговорки, которая гласит, что безделье — всех пороков исток. Вопреки распространенному представлению, досуг не является также перерывом между рабочими часами, неким ограниченным промежутком времени,

досуг по определению не ограничен и неделим, и именно он является источником всякого осмысленного труда. Досуг является условием всякой свободной мысли, всякой свободной деятельности, и потому лишь немногие обладают способностью к досугу. Большинство же, получив прибавку свободного времени, ни на что другое не способны, как только убивать это время. Не каждый рожден для свободного занятия, в противном случае мир был бы устроен иначе и был бы совсем не похож на тот, что мы видим сейчас. Допустим, техника отчасти освобождает нас от какой-то работы, однако это еще не служит залогом того, что избыток времени будет использован для досужих, духовных, мусических занятий. Рабочий, оставшийся без работы и не обладающий этой способностью, отнюдь не похож на философа-киника, который на радостях заплясал бы перед своей бочкой, узнав, что может, ничего не делая, получать от государства пособие по безработице, которого хватит на покупку хлеба и лука. В отличие от философа, такой рабочий будет погибать от тоски, не зная, чем заполнить бездну бесполезного времени. Мало того, что ему нечем будет занять это время, вдобавок оно нанесет ему прямой вред. От праздности рабочий впадет в уныние, ощущая себя деклассированным элементом, оттого что перестал выполнять свое предназначение. У него не найдется ни сил, ни желания для свободной деятельности, а так как он ничего не приобрел, кроме пустого времени, то досуг и богатый выбор свободных занятий, открывающийся для мыслящего человека, для него недоступны. Таким образом, избавление от лишней работы и досуг для свободных занятий точно так же не связаны друг с другом, как ускоренное передвижение не связано с повышением нравственности, а введение телеграфа не способствует ясности мышления.

Но, в отличие от вышеизложенного, пожалуй, есть смысл рассмотреть вопрос о том, как влияют наши технические методы на количество производимой работы — уменьшаются или увеличиваются ее затраты. Следует сразу оговориться, что это заведомо неточная постановка вопроса, учитывающая лишь общую массу механического и ручного труда. Для начала нужно четко разграничить механический и ручной труд, поскольку сама постановка этого вопроса обычно подразумевает, что благодаря введению машин уменьшается количество ручного труда. Следует также отвлечься от того, что труд по определению есть явление, не имеющее четких границ и трудно поддающееся ограничениям, что работы всегда бывает больше, чем может выполнить человек, и что необходимая мера затрачиваемых усилий зависит от требований исторической ситуации. Кроме того здесь не будет рассматриваться важное различие между принудительным и свободным трудом (этому вопросу будет уделено внимание во второй части книги), отметим только, что доля свободного труда постоянно уменьшается и он сохраняется лишь в ограниченном объеме, в то время как сфера принудительного труда обладает такой способностью к расширению, что предел ему может положить только смерть или уничтожение человека. Нам предстоит установить степень реальных трудовых усилий, которые вынужден затрачивать человек в условиях машинного производства. А это нелегкая задача, при решении которой не обойдешься одним лишь точным учетом рабочего времени. И наконец, было бы ошибкой выводить поспешные заключения, основываясь на законодательных нормах и предписаниях, касающихся ограничения рабочего времени в области механического и ручного труда, поскольку предусмотренные законом ограничения ничего не говорят ни о реальных затратах труда, ни о том,

какой дополнительной нагрузке подвергается человек в условиях технической организации уже за рамками непосредственно рабочего времени. Так, совершенно справедливо выдвигаемое шахтерами требование о сокращенном рабочем дне, а все доводы противной стороны, которая ссылается на уменьшение доли ручного труда и рост социальных гарантий, не выдерживают никакой критики. Труд в шахтах, которые становятся все более глубокими и жаркими, не делается легче, а работа отбойным молотком ничуть не легче ручной работы с лопатой. Рабочий, который трудится под землей, имеет право на более короткий рабочий день, по сравнению с работающими на поверхности.

Согласно общепринятому мнению раньше людям приходилось работать больше, то есть труд их был тяжелее и продолжительнее, чем теперь, и если мы обратимся к официальным данным по этому вопросу, то должны будем согласиться, что такой взгляд во многом является обоснованным. Это относится к тем областям, в которых ручной труд вытеснен механическим. Однако на самом деле эти данные вводят нас в заблуждение. Чтобы понять это, следует, абстрагируясь от всех единичных моментов, рассматривать техническую организацию в целом, во всей совокупности ее составляющих. Тогда мы увидим, что ни о каком уменьшении количества затрачиваемого труда не может быть речи и что, напротив, технический прогресс ведет к постоянному увеличению этих затрат, потому-то в периоды кризисов, которым подвержен технический рабочий процесс, начинается массовая безработица. Почему же никто до сих пор не подсчитал это увеличение трудовых затрат? Находясь лицом к лицу с отдельно взятой машиной, человек оказывается в плену наивной иллюзии. Бесспорно, что машина по производству бутылок изготавливает несравненно больше бутылок, чем стеклодув, который

прежде подолгу трудился над каждой бутылкой. Механический ткацкий станок, несомненно, производит гораздо больше ткани, чем в старину производил ткач, работавший на ручном станке; да к тому же на ткацкой фабрике один рабочий обслуживает сразу несколько станков. Механическая молотилка работает лучше и быстрее, чем мужики в старину цепями. Но такие детские сравнения недостойны думающего человека. Машина по производству бутылок, механический ткацкий станок и молотилка являются лишь конечными продуктами в цепи огромного по своему охвату технического процесса, вобравшего в себя громадное количество затраченного труда. Нельзя сравнивать производительность специализированной машины с производительностью ручного труда, такое сравнение бессмысленно и ничего не дает. Любое техническое изделие неотделимо от технической организации в целом; техническая организация — та основа, без которой не было бы ни пивных бутылок, ни готовых костюмов. Поэтому ни один рабочий процесс нельзя рассматривать вне его связи с технической организацией в целом — он не может существовать изолированно, как Робинзон на необитаемом острове. Трудовые затраты, необходимые для производства готового технического изделия, рассеяны мелкими долями по обширной технической сфере. Сюда относятся не только те трудовые затраты, которые пошли непосредственно на изготовление того или иного продукта, но и доли других видов труда, затрачиваемых на то, чтобы обеспечить бесперебойное движение гигантского конвейера, которым техническая организация опоясала весь земной шар.

Никто не сомневается, что общее количество работы, производимой механическим способом, неимоверно возросло. Однако каким образом оно могло бы возрасти без соответствующего увеличения количества

ручного труда? Ведь человеческая рука — это инструмент инструментов, это орудие, которое создало весь технический инструментарий и поддерживает его в действии. Машинный труд, если взять его в целом, не ведет к уменьшению количества ручного труда, как бы велика не была численность рабочих, вовлеченных в сферу механического труда. Он исключает ручной труд лишь в тех областях, где работу можно выполнить механическими средствами. Однако нагрузка, которую он снимает с рабочего, не исчезает по мановению технического волшебника, а лишь перемещается в те области, где работу невозможно выполнить механическим способом. Количество такого труда возрастает пропорционально увеличению доли механического, превращаясь из самостоятельного ручного труда во вспомогательный труд по обслуживанию механизмов. Чтобы это понять, не требуется сложных расчетов; достаточно внимательно взглянуться в соотношение между отдельными трудовыми процессами и технической организацией в целом. Тогда мы увидим, что любой шаг в сторону большей механизации влечет за собой увеличение количества ручного труда по обслуживанию машинных механизмов. Тому, кто в этом еще сомневается, следует напомнить о том, что наши методы труда не распространяются на один какой-то народ или континент, а стремятся подчинить себе все народы земного шара и что основная доля тяжелой и грязной работы перекладывается на плечи тех, кто не изобретал техническую организацию.

3

Из всех представлений, связанных с техническим прогрессом, кажется, наиболее прочно укоренилось в умах представление о том, что технический прогресс

порождает богатство. Найдется ли кто-нибудь, кто бы еще сомневался, что промышленность способствует росту благосостояния, которое все увеличивается по мере ее развития благодаря техническому прогрессу? В этом не сомневается никто, разве что кроме тех, кто на свою беду очутился в условиях неблагоприятной конъюнктуры, которая под корень подрубила его оптимистические ожидания. Очевидно, такие представления поддерживаются при определенной исторической и экономической ситуации, которая способствует возникновению подобного взгляда на вещи; порой складывается такая благоприятная конъюнктура, которая как бы служит ему наглядным подтверждением. Именно такая конъюнктура, причем в ее самом выгодном варианте, сложилась для некоторых европейских народов вследствие того, что они опередили всех других в деле развития техники; эта выгодная конъюнктура, основанная на монопольном положении, не могла сохраняться вечно и постепенно сходила на нет, по мере того как техническая мысль все шире распространялась по всему миру. Для конъюнктуры такого рода всегда характерно эксплуатирование выгодной ситуации.

Понятие конъюнктуры, то есть сочетания широкого спектра экономических показателей и фактов, изменение которых влечет за собой изменение предложения и спроса, цен и условий труда, обратило на себя пристальное внимание лишь начиная с XIX века. Тогда повсеместно стали появляться люди, умеющие извлекать пользу из благоприятной или неблагоприятной конъюнктуры, этих ловкачей так и называли конъюнктурщиками. Колебания конъюнктуры, разумеется в неблагоприятную сторону, социалисты ставят в упрек капитализму, благоприятная же конъюнктура ни у кого не вызывает нареканий. Неблагоприятная конъюнктура подталкивает к идее плановой

экономики, не подверженной конъюнктурным колебаниям. Возможно, это относится и к благоприятной конъюнктуре, поскольку исторический риск, заложенный в экономической деятельности, подобен атмосферным явлениям, влияние которых сказывается и в южных странах. В технической сфере влияние конъюнктуры сходит на нет при минимальном количестве подлежащих распределению продуктов, фиксированных ценах и всеобщей трудовой повинности. Чем ярче выражена нищета плановой экономики, тем слабее в ней действует влияние конъюнктуры и тем сильнее оно проявляется в теневой экономике, бурное развитие которой неизменно сопровождает плановое хозяйство. Естественно, что там, где все имеется в достатке, не нужны никакие планы, но про нынешнее положение этого никак не скажешь. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

Так что же такое богатство? Без ответа на этот вопрос нельзя разобраться в сути дела. В представлениях о богатстве царит полная путаница, проистекающая из подмены и смешения разных понятий. Люди, отвергающие онтологию как нечто вздорное, не признают, что понятие богатства можно толковать двояко, понимая его либо как бытие, либо как обладание. Однако с этого-то и нужно начинать. Если я понимаю богатство как бытие, то следовательно я буду богат не потому, что я многим обладаю, напротив, всякое обладание зависит от моего богатого бытия. В этом случае богатство не есть нечто такое, что неведь откуда вдруг свалилось на человека и точно так же может вдруг улетучиться, богатство присуще ему как данность и, в общем, не зависит от его воли или усилий. Это богатство исконное, оно есть некий избыток свободы, искра которой заметна в отдельных людях. Богатство и свобода неразрывно связаны друг с другом, связаны так тесно, что я берусь определить ве-

личину любого рода богатства мерой присущей ему свободы. В этом смысле богатство может быть тождественно нищете, то есть богатое бытие может быть у человека неимущего, не обладающего никаким достоянием. Ничто иное не имеет в виду Гомер, именуя нищего — царем.* И только таким богатством, которое свойственно мне бытийственно, я могу распоряжаться по своей воле, только им я могу наслаждаться в полной мере. Ведь если понимать богатство как обладание, то способность наслаждаться им не составляет его неотъемлемого свойства и, следовательно, может отсутствовать, как это и бывает чаще всего в действительности. Богатство, которое представляет собой отличительную особенность избранных индивидов, обладает и свойством прочности, оно не зависит от игры случая и переменчивых обстоятельств. Оно прочно и стабильно, как клады, характерный признак которых заключается в том, что они хранятся в неприкосновенности и не оскудевают от времени. Если богатство основано на обладании, то оно в любой момент может быть у меня отнято. Большинство людей полагает, что богатство образуется путем обогащения. Заблуждение, разделяемое всей чернью на свете! Обогащаться может лишь бедность. Аналогично богатству, понятие бедности заключается либо в небытии, либо в необладании. В том случае, если бедность состоит в небытии, ее нельзя отождествлять с богатством которое заключается в бытии. Если же бедность означает необладание, она может быть тождественна богатству в том случае, когда необладание сочетается с богатым бытием.

В индогерманских языках богатство понимается в смысле сущности. В немецком языке прилагательное reich («богатый») и существительное Reich («империя, царство») — слова одного корня. Прилагательное reich, как это явствует из латинского regius, означает

не что иное, как «могущественный, благородный, царственный». Существительное же Reich соответствует латинскому rex, санскритскому rajan, которые означают «царь». Таким образом, богатство есть не что иное, как царственное могущество человека-властелина. Хотя это первоначальное значение скрыто последующими наслоениями и не проявляется в экономических текстах, где богатство понимается как обладание имуществом, тот, кто ощущает проблеск глубинного смысла, отражающего истинное содержание, никогда не примет этого расхожего вульгарного толкования. Денежное богатство, обладание деньгами, ничтожно, когда оно попадает в руки бедности, понимаемой как небытие. Верным признаком богатства является то, что оно, словно Нил, изливает вокруг себя изобилие. В человеке оно проявляется в царственной щедрости, которая золотыми жилами пронизывает все его существо. Прирожденные проедатели, то есть законченные потребители, не способны создавать богатства.

Однако оставим эти бесполезные разговоры, которые все равно не будут никем услышаны и не насытят ни одного голодного. Голодных и в наши дни предостаточно. Могу ли я стать богатым при помощи своего труда или каким-либо иным способом? Стать богатым благодаря труду сложно, однако если повезет, то такая возможность не исключена. Я могу стать богатым, если понимаю богатство как обладание. То, чем я сейчас не обладаю, я могу приобрести впоследствии, то, чем я сейчас не обладаю, я мог иметь в прошлом. Самое пронизательное определение богатства, понимаемого как обладание, принадлежит Аристотелю, который говорит, что богатство состоит в совокупности орудий. Примечательно, что он дает богатству не экономическое, а техническое определение.

Так как же, если вернуться к нашей теме, обстоит дело с техникой? Тождественна ли она совокупности

орудий? Она, действительно, не страдает от недостатка орудий, хотя и не в том смысле, в каком употребил это слово в своем определении Аристотель, поскольку он под орудиями не подразумевал машинную технику и аппаратуру. В своем определении он опирается на представление о ремеслах, и орудия у него — это орудия ремесленного труда. Однако это определение применимо и в наше время, поскольку даже самый замечательный автомат невозможно представить себе без работы человеческих рук. Да и что такое техника, как не особая рационализация трудовых процессов, которые раньше производились вручную при помощи орудий? Но где это видано, чтобы рационализация создавала богатство? Разве она представляет собой некий признак богатства? Разве рационализация порождается изобилием — тем изобилием, к которому она стремится как к своей конечной цели, и не является ли она, напротив, испытанным методом, который регулярно находит применение там, где возникает нехватка и нужда? Когда трудящийся человек начинает придумывать, как бы ему рационализировать трудовой процесс? Тогда, когда он хочет уменьшить трудовые затраты, когда он вынужден пойти на такую экономию, когда он видит, что может производить свою продукцию более легким, быстрым и дешевым способом. Но каким же образом из стремления удешевить продукцию может возникнуть богатство? Ответ гласит, что это происходит благодаря повышению производительности труда и увеличению количества производимых благ. Но почему возникает такая необходимость? Потому ли, что все нужное имеется в изобилии, или потому, что обнаружилась нехватка? Если бы этот метод действовал так безошибочно и давал такой надежный результат, разве не должны были бы мы, потомки многих и многих трудившихся до нас поколений, буквально купаться в богатстве?

Если бы мы могли разбогатеть благодаря рационализации трудовых процессов, увеличению производства, росту производительности, то давно бы уже стали богатыми, так как количество выполняемой нами механической и ручной работы неуклонно растет. В таком случае признаки богатства были бы повсеместно заметны. Однако ничего подобного не происходит. И совершенно ясно, что все разговоры о рационализации производства остаются пустой болтовней, если не учитывать растущее потребление, которое и является главной пружиной всего этого процесса. В экономике никто не начинает что бы то ни было производить, пока у него не возникает предположение, что в этом существует потребность. Однажды приняв решение, производитель сам несет ответственность за последствия своего начинания. Тот факт, что технический прогресс служит обогащению тонкого и не слишком симпатичного слоя промышленников, предпринимателей, изобретателей и функционеров, еще не позволяет сделать вывод, что он порождает богатство. Было бы глубоко ошибочно предположить, будто техника создана людьми особенного, царственного склада, или приписывать ученым, исследователям, изобретателям альтруистическую щедрость. Они этим не отличаются, их знания не имеют никакого отношения к богатству. Впрочем, и с наукой не все еще ясно; предстоит разобрататься, не является ли сложившаяся система дисциплин лишь отражением все возрастающего разделения труда, то есть установить, какую роль в этом играет процесс рационализации.

Увеличение производства и повышение производительности труда не может создавать богатства, так как они вызваны нуждой и появились как средство для удовлетворения повышенного спроса. Каждый акт рационализации совершается как ответ на какие-то нужды. Причина становления и развития сложной

структуры технической аппаратуры лежит не только в стремлении техники усовершенствовать свое господство, но также и в переживаемых трудностях. Поэтому в условиях нашей техники для человека характерно состояние пауперизма. Никакие усилия техники не могут его преодолеть; пауперизм — явление, изначально присущее технике, он всегда сопровождал ее развитие и будет сопровождать его до конца. Пауперизм обречен с веком технического прогресса и всюду следует за ним в лице пролетариата, человека без кола без двора, который не владеет ничем, кроме своей рабочей силы, будучи неразлучно связанным с техническим прогрессом. Поэтому не имеет значения, в чьих руках — капиталиста или пролетариата — находится технический аппарат или им непосредственно управляет государство. Пауперизм сохраняется при всех условиях, поскольку он соответствует самой сути вещей, поскольку он неизбежно порождается рационализмом технического мышления. Благоприятная конъюнктура может его ослабить, неблагоприятная доводит до крайней степени тяжести. Что касается бедности, то она всегда была и всегда будет существовать по той причине, что бедность, которая по определению представляет собой небытие, неизменна и неустранима в своем существовании. Но бедность, сопряженная с техническим прогрессом, имеет характерные особенности. И с этой бедностью нельзя справиться никакими средствами рационального мышления, даже при самой рациональной организации труда.

4

Верят в то, что техническая организация способна создать нечто лежащее за пределами технических задач и выходящее за их рамки, но это нуждается в

проверке. Мы повсеместно наблюдаем, что технические задачи воздействуют на человека, изменяя его таким образом, чтобы развить в нем навыки, требуемые для выполнения технических задач. Необходимо, однако, установить, какое место занимает при этом иллюзия. Вера в чудодейственные возможности технической организации сегодня распространилась как никогда, поэтому у нее нет недостатка в рьяных приверженцах, готовых петь ей дифирамбы, прославляя как *arcanum arcanoium*.* Между тем у всякого организационного процесса есть две стороны, и если мы хотим узнать, какой ценой он оплачен, нужно учитывать его обоюдоострый характер. Относительно выгоды, которую дает организация, и получаемого от нее небывалого могущества не приходится спорить; однако было бы полезно осознать границы ее эффективности. Понятие организации мы употребляем здесь в определенном узком значении, которое оно получило в лексиконе технического прогресса. Оно охватывает всю совокупность воздействий, которые испытывает человек в условиях развивающейся механики. Если мы возьмем для примера большое автоматическое устройство, например судно водоизмещением 30 000 тонн, оснащенное дизельным двигателем, то мы увидим, что организация обслуживающего персонала находится в прямой зависимости от функциональных требований судовой механики и определяется размерами, устройством и характером технического снаряжения. Такое соотношение между механической аппаратурой и организацией человеческого труда мы встречаем повсюду и скоро еще вернемся к этому явлению.

Для того чтобы установить границы этой организации, мы должны спросить себя, что же является ее объектом. Отвечая на этот вопрос, недостаточно сказать: человек со всеми имеющимися у него подсобными средствами. Сначала нужно четко отделить ор-

ганизованную часть от неорганизованной, то есть от того, что еще совсем не охвачено или в недостаточной степени охвачено технической организацией. Нетрудно догадаться, что объектом организации не может быть нечто организованное и что процесс организации старается подчинить себе то, что еще не организовано, поскольку лишь в неорганизованном она черпает средства для своего поддержания. Если я хочу заняться изготовлением гвоздей или винтов, то в качестве исходного материала я должен взять не готовые гвозди и винты, а железо, добытое из необработанной руды. Если я возьму для этого старые гвозди и винты, начну бережно собирать негодное старье, это будет признаком нехватки. Здесь властвует определенная закономерность: там, где неорганизованное имеется в избытке, степень организации невысока; там, где его нет или где его слишком мало, организация усиливается и ужесточается. Очевидный пример — невозможность запретить рыболовство в мировом океане, так как океан слишком велик, а рыбы в нем столько, что такая организация дела, которая предписывала бы определенные правила рыболовства, просто не имеет смысла. В то же время в тех отраслях, в которых существуют определенные правила, как это, например, имеет место в области китобойного промысла и охоты на тюленей, они приняты из-за оскудения ресурсов, поскольку возникли опасения, что интенсивная, ничем не ограниченная охота на этих животных может привести к уменьшению поголовья или к его полному истреблению. В наших речках, где водится форель, никто не имеет право ловить рыбу, кроме владельца или арендатора, который заботится о поддержании ее поголовья, запускает в речку мальков и следит за надлежащими условиями для сохранения популяции. Если бы всем было разрешено ловить рыбу, то в скором времени форели бы

не стало. Нетрудно понять, для чего нужны организационные методы. Но главный и самый заметный признак организации состоит в том, что она направлена не на приумножение богатства, а на распределение бедности. С распределением бедности неизбежно происходит ее распространение. Поэтому распределение должно производиться вновь и вновь, оно непрерывно повторяется, и таким образом бедность непрерывно, вновь и вновь, распространяется вширь. По мере того как это происходит, уменьшается неорганизованная сфера, пока не наступает момент, когда организация терпит крушение из-за того, что стало нечего распределять. Китобойный промысел прекратится, когда вследствие хищнических методов численность имеющихся китов уменьшится настолько, что он станет невыгоден. Нельзя наверняка утверждать, что истребление китов зайдет когда-нибудь так далеко. Но если этого не произойдет, то отнюдь не благодаря организации китобойного промысла, технические средства которого все более совершенствуются соответственно уменьшению поголовья китов. Такое соотношение характерно для всякой технической организации, цель которой достигается путем эксплуатации чего бы то ни было — это могут быть киты, добыча металлов, нефти, гуано и т.д. и т.п. Мы выбрали в качестве примера китобойный промысел только потому, что он представляет собой особенно отвратительный случай. Есть что-то гнусное в уничтожении этих гигантских морских млекопитающих — живого олицетворения изобильной и радостной морской стихии, — которых человек уничтожает лишь ради того, чтобы получить мыло и рыбий жир.

Никому не придет в голову вводить какие-то ограничения и распределять предметы, которые имеются в изобилии, зато недостаток и дефицит незамедлительно понуждают принимать соответствующие меры.

Отличительным признаком организаций, порожденных дефицитом, является то, что они ничего не производят и не приумножают. Они только изводят имеющееся богатство, справляясь с этой задачей тем лучше, чем рациональнее они задуманы. Поэтому самым верным и показательным признаком бедности является прогрессирующая рациональность организационных структур, всеобъемлющее, проникающее во все области хозяйственной жизни подчинение человека бюрократическому аппарату управления, состоящему из специально обученных для этой цели профессионалов. С технической точки зрения наилучшей организацией является наиболее рациональная, то есть такая, которая обеспечивает наибольшее потребление, ибо чем рациональнее устроена организация, тем безжалостней она подметает все имеющиеся ресурсы. При растратной экономике организация остается единственным исправно действующим звеном, которое не терпит урона; ее мощь только крепнет по мере все большего оскудения ресурсов. Обе стороны процесса находятся во взаимодействии, ибо по мере истощения неорганизованной сферы, организованная расширяет зону своего влияния. По мере того как возрастает бедность и, следовательно, речь идет уже о том, чтобы выжать из человека последние соки, давление организации ложится на него все более тяжким гнетом. Безжалостное принуждение со стороны организации представляет собой всеобщий признак крайне бедственного положения, в котором оказывается человек. Осаждаемые города, подвергаемые блокаде страны, остающиеся без продуктов питания и питьевой воды, война, ведущаяся современными методами, — все это яркие примеры подобных условий.

Технический прогресс, как мы увидим далее, по определению связан с развитием все новых организационных структур, с усилением бюрократического ап-

парата, который использует громадный штат служащих — служащих, которые ничего не создают, ничего не производят, хотя их численность неуклонно возрастает по мере того, как уменьшается количество созданного и произведенного продукта. В процессе развития организационных структур растет численность не крестьян, ремесленников и рабочих, а функционеров, чиновников и служащих.

5

L'industrie est fille de la pauvreté.*

Rivarol

Люблю машины; они словно бы создания высшего уровня. Разум избавил их от всех страданий и радостей, присущих человеческому телу в деятельном и в усталом состоянии! Машины на своих мраморных постаментах ведут себя, как будды, сидящие, скрестив ноги, на вечном лотосе и предающиеся созерцанию. Они исчезают, когда рождаются новые, более прекрасные и совершенные, чем они.

Апри ван де Вельде

Очевидно, слова ван де Вельде родились в минуту глубокого духовного замешательства. Чтобы любить машины, а не людей, нужно быть чудовищем. Любить можно только существо, которому ведомы страдание и радость, деятельное состояние и усталость. Машины хотя бы потому не похожи на будд, что они непрерывно исчезают и заменяются более совершенными. Водружать их на мраморные постаменты нецелесообразно: для них достаточно и цемента.

Почему же тогда созерцание машин доставляет автору такое наслаждение? Потому что в машине зримо

проявляется человеческий разум в своей первичной форме и потому что здесь на наших глазах этот конструктивный, сочленяющий разум обретает и накапливает все большую власть, неустанно одерживает все новые триумфальные победы над стихиями, мнет их и давит, прессуя и формуя по своей воле. Так вступим же в эту мастерскую и посмотрим, что в ней делается!

Наблюдение за тем или иным техническим процессом отнюдь не вызывает у нас ощущение изобилия. Сталкиваясь с полным достатком, изобилием, мы обыкновенно испытываем радостное чувство, ведь достаток и изобилие являются признаками плодородия. Появление всходов, их рост, набухание почек, цветение, развитие завязи и созревание плодов вливает в нас бодрость, это — живительное зрелище. Человеческий дух и тело обладают животворной энергией. Эта энергия свойственна мужчине и женщине. Техника же ничего не творит, она организует спрос. Виноградник, плодоносный сад, цветущий ландшафт радуют глаз не потому, что вызывают мысли о пользе, которую можно из них извлечь, а потому, что пробуждают в нас ощущение плодородности, изобилия, бескорыстного богатства. Индустриальный ландшафт утратил это качество плодоносности и стал вотчиной механического производства. В этом коренится его принципиальное отличие. При виде такого ландшафта в душу сразу закрадывается ощущение голода, и в первую очередь это относится к промышленным городам и промышленным районам, про которые на метафорическом языке технического прогресса принято говорить, что там «процветает» промышленное производство. Машина вообще вызывает впечатление чего-то голодного; ощущение мучительного, усиливающегося, невыносимого голода исходит от всего нашего технического арсенала. Достаточно заглянуть на любое производство — в механический ткацкий цех, ли-

тейный цех, на лесопилку, бумажную фабрику или на электростанцию, мы повсюду встретим одну и ту же картину. Хапающие, заглатывающие, пожирающие движения, которые непрестанно и ненасытно повторяются, демонстрируя неутоленный и ненасытный голод машин. Он так явственно виден, что его не может перебить даже то впечатление концентрированной мощи, которое мы ощущаем в центрах тяжелой промышленности. Именно здесь голод сказывается сильнее всего, ибо неутолимая прожорливость этой мощи достигает гигантских масштабов. Но голодна и рациональная мысль, стоящая за машиной и следящая за моторным, механическим движением. Голод — ее постоянный спутник. Она не может от него избавиться, не может от него освободиться, и как ни стремится насытиться, не в состоянии этого достигнуть. Да и как бы она могла это сделать! Эта мысль направлена на потребление, проедание. Богатство ей недоступно, она не может сотворить волшебное изобилие. Никакие старания изощренного ума, никакие проявления изобретательности не могут достичь этой цели. Ибо рационализация только усиливает этот голод и увеличивает потребление. Но растущее потребление — это признак не богатства, а бедности, оно сочетается с заботой, нуждой и изнурительным трудом. Как раз методические, дисциплинированные усилия, ведущие к достижению совершенства в сфере технического труда, губят все надежды, связываемые в определенных кругах с этим процессом. Ныне стремительно развертывающийся прогресс порождает оптические иллюзии, в результате чего наблюдателю видится то, чего нет на самом деле. От техники можно ожидать решения всех вопросов, которые допускают техническое решение и для которых существует технический ответ; но мы не можем ожидать от техники того, что находится за пределами технических воз-

можностей. Техника не может одарить нас неожиданным изобилием. При любом, даже самом мелком, техническом трудовом процессе энергии затрачивается больше, чем производится. Каким же образом сумма этих процессов может создать изобилие?¹

Техника не создает богатства, но посредством техники для нас добываются богатства и осуществляется их переработка, в результате которой они становятся доступными для потребления. При этом происходит непрерывный, неуклонно возрастающий и набирающий небывалую мощь процесс потребления. Еще никогда расхищение природных богатств не велось с таким размахом. Немилосердное, неуклонно увеличивающее свой размах хищничество — атрибут нашей техники. Только в условиях хищничества вообще стало возможно ее возникновение и нынешнее широкое развитие. Все теории, не учитывающие этого факта, страдают односторонностью, поскольку сознательно затемняют условия, лежащие в основе человеческого труда и хозяйственной деятельности.

Признаками всякой упорядоченной экономики служат сохранение той субстанции, которая является объектом хозяйственной деятельности, и бережливость, не позволяющая потреблению не переходить ту грань, за которой само существование субстанции оказывается под угрозой. До сих пор так и велось хозяйство. Исключением были лишь войны, грабеж и отдельные случаи хищнической добычи природных богатств. Но исключения оставались исключениями. Поскольку хищническая добыча является предпосылкой существования и основным условием развития

¹ Второй закон термодинамики, закон энтропии, гласит, что тепло всегда переходит в работу лишь в ограниченном количестве. Следовательно, конструктор машин никогда не может выйти за пределы КПД цикла Карно.

техники, ее невозможно отнести к какой-либо экономической системе, рассматривать с экономической точки зрения. Хищническую добычу нефти, угля и металлических руд нельзя назвать экономикой, несмотря на самые рациональные методы. Эта строгая рациональность технических методов разработки основывается на таком типе мышления, которое не заинтересовано в сохранении и сбережении субстанции. То, что сейчас называют производством, на самом деле представляет собой потребление. Гигантский технический аппарат, этот шедевр человеческого ума, невозможно было бы создать, если бы техническая мысль была втиснута в рамки экономической схемы и была бы приостановлена разрушительная энергия технического прогресса. Чем больше ресурсов она получает в свое разрушительное пользование, чем энергичнее она их сметает с лица земли, тем стремительнее делается ход технического прогресса. Об этом свидетельствует огромное скопление людей и машин на крупных месторождениях, где механизация труда и организация людей достигла наивысшей степени.

Там, где ведется хищническая эксплуатация ресурсов, идет опустошительное наступление на природу. Уже на начальном этапе развития нашей техники, когда она еще основывалась на паровых двигателях, мы видим картины страшного запустения. Эти картины поражают нас своей необычайной безобразностью и невероятной мощью. Опустошительное вторжение техники преобразует ландшафт, насаждая на своем пути появляющиеся, как грибы после дождя, фабрики и промышленные города удручающе уродливого облика, в которых выставлена напоказ ничем не прикрытая человеческая нищета. Такими городами, как Манчестер, в которых воплотилась серая беспросветность нищенского существования, отмечена целая эпоха технического развития. Однако даже эти города

предпочтительны по сравнению с расположенными в пустынях, окруженными колючей проволокой и фотоэлектрическими элементами атомоградами. В них царит чистота лабораторных помещений, но они так же мертвы, как лаборатории. Даже Манчестер производил более жизнерадостное впечатление, чем Лос-Аламос и другие подобные города. Ходить по Манчестеру было все-таки безопаснее, чем по Ричленду, расположенному возле Хэнфордского завода по производству плутония. Такие предприятия загрязнены не дымом и сажей, а альфа-частицами, бета-частицами, гамма-лучами и нейтронами. В те помещения, где из урановой руды вырабатывается плутоний, можно входить только в резиновых сапогах и резиновых перчатках, в масках, вооружившись дозиметрами, чувствительными фотопленками и счетчиками Гейгера, а на подступах к этим помещениям безопасность должна обеспечиваться с помощью микрофонов, громкоговорителей и сигнальных сирен. Радиационное заражение сохраняется не один или два дня, а на протяжении тысячелетий. В местах хранения радиоактивных отходов земля становится уже непригодной для обитания человека.²

С методами хищнической добычи природных ресурсов неразрывно связано уродство и новые опасности. Задымляется воздух, загрязняются воды, уничтожаются леса, животные и растения. Природа приходит к такому состоянию, когда возникает необходимость в ее «защите» от хищнической эксплуатации и технического вмешательства, значительные площади объявляются заповедниками, окружаются загородками, подпадая под действие музейных запретов. Значение музейного статуса становится очевидным лишь тогда,

² Ср. удачное описание в книге Роберта Юнка «Будущее уже наступило».

когда стремительное разрушение вызывает у людей мысль о необходимости охранительных мер. Поэтому расширение музейной сферы может служить признаком того, что разрушительные изменения зашли слишком далеко.

Средоточием организованного хищничества в первую очередь являются месторождения полезных ископаемых. Сокровища земных недр становятся объектом нещадной эксплуатации и потребления. Эксплуатация людей начинается с массовой пролетаризации, их вынуждают становиться фабричными рабочими и довольствоваться плохим питанием. Эксплуатация технического рабочего, вызывающая громкое негодование социалистов — до тех пор, пока они находятся в оппозиции, — представляет собой частное проявление всеобщей эксплуатации, которой Техник подвергает все, что есть на земле. Не только полезные ископаемые, но и сам человек принадлежит к числу природных ресурсов, которые становятся объектом технического потребления. Те средства, при помощи которых рабочий пытается избавиться от эксплуатации: создание объединений, профсоюзных организаций и политических партий, в действительности еще крепче привязывают его к техническому прогрессу, делая рабом механического труда и технической организации. Ибо возникновение рабочих организаций связано с распространением аппаратуры.

Все более жесточайший хищнический способ использования ресурсов представляет собой оборотную сторону техники, о которой не следует забывать, говоря о техническом прогрессе. Наши истощенные чрезмерным использованием пахотные земли и пастбища с помощью искусственных удобрений заставляют непрерывно приносить урожай. Это называется техническим прогрессом. Между тем этот прогресс представляет собой следствие нехватки, нужды, так

как без искусственных удобрений мы уже не в состоянии были бы прокормиться. Это хищнический метод. Технический прогресс отнял у нас возможность свободного пропитания, которая была у наших предков. Машина, по сравнению с прежней производящая втрое больше работы, представляет собой явление технического прогресса, так как появилась благодаря более рациональному конструкторскому решению. И поэтому энергия, которую она потребляет, ее поглощающая сила, ее голод тоже возрастают, она потребляет несравненно больше своей предшественницы. И так обстоит дело со всеми машинами: они исполнены беспокойной, прожорливой голодной силы, которую невозможно утолить.

С этим связан ограниченный срок службы, ускоренный износ, которому подвержены машины. Недолговечность всех этих конструкций является прямым следствием их цели и назначения. Их надежность и прочность становятся все более ограниченными и срок службы все более коротким по мере того, как развитие техники подходит к своему концу. Потребительская природа техники, свойственное ей ускоренное потребление ресурсов распространяются на ее же собственную аппаратуру. В непрестанно требующийся ремонт и чистку аппаратуры, в уход за нею вложено огромное количество человеческого труда. А машины, как всем известно, быстро превращаются в старые развалюхи. Развитие техники не только заполонило землю машинами и аппаратурой, но в придачу заваливает ее горами технического хлама и мусора. Все эти покрывающиеся ржавчиной жестянки и железные остовы, эти сломанные и искореженные детали машин и машинных изделий заставляют вдумчивого наблюдателя вспомнить о бренности и мимолетности разворачивающегося на его глазах процесса. Может быть, они предохранят его от завышенной оценки

этого процесса и помогут понять, что же на самом деле происходит. Износ есть одна из форм потребления. Это особенно отчетливо проявляется там, где ведется хищническая разработка природных ресурсов. Не случайно чаще всего мы сталкиваемся с ним там, где действует техника. Если, что маловероятно, через две тысячи лет еще будут существовать археологи и если они еще будут заниматься раскопками, например, на территории Манчестера или Эссена, то они найдут там не бог весть какие сокровища. Перед ними не откроются египетские гробницы или античные храмы. О материале, используемом в фабричном производстве, не скажешь: *Aere perennius*.* Возможно, будущие археологи удивятся скудости своих находок. И действительно, власть техники, подчинившей себе всю землю, отмечена печатью недолговечности, которая зачастую ускользает от взглядов современников. Над ней все время тяготеет угроза гибели, при использовании она то и дело портится. И эта порча и гибель тем упорнее преследуют ее и тем скорее наступают, чем более она тщится избежать этой участи.

Техника не создает нового богатства, она растрчивает то, что есть, причем осуществляет это теми хищническими методами, в которых совершенно отсутствует рациональное начало, хотя и применяет при этом рациональные способы производства. Шагая вперед в своем развитии, техника уничтожает необходимые ей ресурсы. Она постоянно порождает убытки, поэтому то и дело оказывается перед необходимостью упрощать свои производственные методы. Отрицать это и утверждать, что обилие новых изобретений вызывает устаревание старого аппарата, значит путать причины и следствия. Предпосылкой новых изобретений должна быть соответствующая потребность, без этого они бы не появлялись. Нельзя также, как это делают техники, перекладывать вину за возрастающую

убыточность технического метода производства, вызывающую все новые кризисы и сбои, на политическую организацию и противоборство мировых политических сил, которое якобы и служит причиной такого, не оправданного с технической точки зрения, удорожания производственного процесса. Этот факт действительно имеет место, поскольку все виды конкуренции затрагивают как политику, так и экономику. Однако техника даже в условиях единого планетарного государства не может не довести процесс рационализации до крайних пределов. В условиях свободной экономики этот процесс выразился бы так же ярко, как и в любом хозяйстве планового типа, связанного с техническим производством. Техник ликвидирует свободную экономику, то есть такую экономику, в которой решающий голос принадлежит хозяйственнику, навязывая ей план, выработанный техниками. А в отношении этого плана справедливо все сказанное об организации.

В условиях, когда экономические кризисы оказываются непреодолимыми с помощью экономических мер, люди начинают возлагать надежды на более жесткое планирование. И тогда возникает идея технократии. Между тем следовало бы сперва проверить, не является ли сама техника причиной возникновения кризисов, способна ли техника внести порядок в экономику и входит ли вообще такая задача в сферу ее возможностей. Что такое технократия? Единственный возможный смысл этой категории означает такое господство техников, когда они берут в свои руки управление государством. Но Техник — не государственный деятель и никогда не проявлял способностей к решению политических задач. Область его знаний включает в себя протекание механических, функциональных процессов; неотъемлемым качеством этого знания является обезличенность и «строгая объектив-

ность» выводов. Уже одного качества обезличенности достаточно для того, чтобы усомниться в способности Техника успешно справляться с задачами государственного управления.

6

Рациональный характер технического мышления не подлежит сомнению так же, как и тот факт, что в техническом трудовом процессе рациональные соображения приобретают решающее значение. Требованию рационализации неукоснительно подчиняется каждый его элемент. В неустанных усилиях, направленных на развитие технических приспособлений, проявляется стремление к совершенствованию рабочего процесса. Для того чтобы полностью отвечать своей цели, он должен избавляться от всех присущих ему недостатков. Несовершенство рабочего процесса состоит не в тех его свойствах, которые ведут к удорожанию и убыточности производства, — это недостатки экономического характера, — а в том, что он в техническом отношении не отвечает поставленным целям, не доведен до полной технизированности. А именно к ней рабочий процесс стремится. Несовершенство машины, превращающей тепловую энергию в работу, заключается не в том, что она обходится очень дорого, а в том, что ее мощность еще не достигает тех величин, которые, согласно закону Карно, соответствуют максимально возможному коэффициенту полезного действия.

До сих пор никем не уделялось должного внимания тому, что рациональное с технической точки зрения не всегда означает рациональное в экономическом отношении, поскольку экономика и техника имеют в виду различные цели. Целью всякой экономической деятельности как отдельного человека, так

и любой человеческой общности является получение прибыли. Экономиста интересует рентабельность рабочего процесса. Для Техника же экономическая деятельность, вообще любой труд представляют собой такую деятельность, которую следует подчинить техническому мышлению. Из различия этих властных устремлений проистекает тот спор, который ведут между собой сторонники технического и экономического подходов. Экономическое мышление, претендующее на автономность, не может оставлять равнодушным Техника. Он не может согласиться на подчинение технического прогресса экономическим требованиям, на его служебную роль по отношению к экономике. Эта борьба захватывает все области, и преимущество Техника проявляется в том, что он ведет ее не идеологическими средствами, а с помощью изобретений. Хозяин, покупающий патент на новое изобретение, с тем чтобы положить его в сейф, тем самым уже оказывается в положении обороняющегося; он приостанавливает натиск противника, демонстрируя тем самым свою слабость. Его вынуждают пополнять технический арсенал новыми средствами. Для Техника экономичность инженерного устройства не является основанием для отказа от стремления к его усовершенствованию. Он с готовностью разорит даже рентабельное предприятие, если оно не желает считаться с его представлениями и идти на поводу у его требований. Техник разоряет фабриканта непредсказуемыми изобретениями. По его воле на голом месте вдруг возникают новые отрасли промышленности и новые технические устройства. Техник заинтересован в процессе механизации как таковой, в то время как ее воздействие на человека ему совершенно безразлично. Он одинаково равнодушен к судьбе капиталиста и пролетария. Как для представителя технического мышления для него не имеют

никакого значения ни рента и проценты, ни обеспечиваемый ими жизненный уровень. Это, если можно так выразиться, «идеалистическое» равнодушие в отношении экономической пользы представляет собой характерный пример превосходства Техника над экономистом, чьи планы он безжалостно сметает на своем пути. Не кто иной, как Техник с его изобретениями повинен в том, что ремесленники, работавшие на ткацких станках, были согнаны со своих рабочих мест и, превратившись в пролетариев, были вынуждены идти на фабрику и становиться за механические ткацкие станки. И хотя Техник вовсе не стремился способствовать обогащению капиталистов за счет фабричных рабочих, он пошел на это без всяких угрызений совести. Главное для Техника было создание новой технической аппаратуры, а не вопрос о том, кто будет извлекать из нее пользу. Частенько он не получал за это от капиталиста должного вознаграждения. На свете всегда было много голодных изобретателей. Однако во все времена можно видеть примеры бескорыстного служения делу. Общеизвестно, что истый ученый Рентген, искренне преданный науке, сам отказался извлекать выгоду из своего открытия, что, впрочем, свидетельствует об инстинктивном понимании того, на чем основана независимость. Когда ученый или Техник в первую очередь думает о выгоде, он ставит себя в зависимое положение от экономического мышления.

Эта зависимость ослабевает по мере того, как наука все больше ставится на службу технической рационализации, подчиняясь требованиям техников. Тогда экономист уже не может игнорировать планы техников, которые отвечают соответствующим давлением на каждую попытку вырваться из-под их власти. Форма, в которой протекает рабочий процесс, задана техниками, тем самым они оказывают влияние на материальную сторону рабочего процесса в целом. Гла-

венствующая роль Техника, которую он отстаивает, имеет под собой реальное основание. Его преимущество заключается в высокой степени рациональности мышления, с которой экономист не может тягаться, поскольку мыслит функционально. Это мышление исключает все соображения религиозного, политического, социального и экономического порядка. Такой подход становится возможным по той причине, что эти аспекты не имеют необходимой логической связи с техническим мышлением. Здесь в борьбе за власть действует сила, чреватая роковыми последствиями и несокрушимая по причине своей бедности.

Не техника служит экономическим законам, напротив, экономика все больше оказывается во власти растущей технизации. Мы движемся в сторону таких условий, причем кое-где они уже стали реальностью, когда технизация рабочих процессов становится важнее получаемой от нее выгоды, то есть когда технизация осуществляется даже в том случае, когда это связано с ущербом. Этот признак бедственности экономического состояния является в то же время признаком возросшего технического совершенства. Техника в целом не обладает эффектом рентабельности и не может им обладать. Она развивается за счет экономики, она усиливает экономический упадок, ведет к растратному хозяйствованию, которое проявляется тем очевиднее, чем успешнее прогрессирует стремление к техническому совершенству.

7

Хозяйственная деятельность предполагает наличие хозяина. Экономика — о чем сегодня зачастую забывают — в известном смысле представляет собой закон домовитого хозяйствования, домоустройства и до-

моводства. Это — закон проживания человека в его земной обители. Эконом — глава домашней общины, который руководствуется номосом домашнего хозяйства. Поступая иначе, он разваливает хозяйство, а самой крайней формой хозяйственного развала является хищническое хозяйничанье. То, что делает с землей человек, живущий в условиях технической организации, есть не что иное, как хищничество. Поэтому что бы он ни производил, сколько бы товаров ни выбросил на рынок, создавая впечатление мнимого изобилия, в действительности он только потребляет и уничтожает используемую для хозяйствования субстанцию, в корне подрывая основы экономического устройства. Поэтому человек неизбежно должен сталкиваться с трудностями, которые в конечном счете окажутся ему не по плечу и перед которыми пасует его мышление. Его блистательные изобретения представляют собой потребительское проматывание и разбазаривание природных ресурсов в рамках технической организованной переработки. Изобретатель в своей деятельности занят тем, что изыскивает новые способы безоглядного потребительского освоения еще неиспользованных источников, за что он пользуется всеобщим уважением и почетом.

При этом упускаются из вида простые законы, о которых мы здесь хотим напомнить. Человек, который разводит растения или животных, лишь тогда добивается успеха в своем деле, когда заботится о здоровье и благополучии своих подопечных. Для того чтобы его труд увенчался успехом, ему надо быть заботливым и рачительным хозяином, радеющим об их умножении и процветании. Человек не может сводить свои леса и пускать стада под нож, думать только о собственной односторонней выгоде и прибегать для ее достижения к насильственным методам. Между человеком и природой существует глубинная обоюдная

зависимость, не исключая доли душевного тепла и привязанности. Земля не терпит человека, который использует ее до истощения, и скоро перестает ему помогать. Это одна из тайн (*mysterium*) Деметры, знакомая всякому доброму крестьянину. Совершенно очевидно, что человек не имеет одностороннего права извлекать пользу из своих подопечных, он сам обязан непрестанно чем-то жертвовать. Лишь принесенные жертвы служат залогом того, что труды и дела человека способны не только причинять повреждения земле, но и служить во благо. На всякое насилие земля отвечает точно так же, как на ее месте ответил бы человек. Если я сведу лес, чтобы увеличить свою пашню, земля уродит меньше, чем прежде. Если я вырублю лес на горных склонах, то вследствие эрозии в горных породах образуется карст. Осушая болота, я запираю источник, питающий реку, и река обмелеет. Подняв степную целину, создаю пустыню. Полное уничтожение дикой природы не только губит растительность и охотничью дичь, но одновременно ухудшает условия на отвоеванных полезных площадях. Каждый знает, что в природе все тесно взаимосвязано, но никто не хочет с этим считаться. Мы забываем, что нельзя легкомысленно нарушать природные связи. Человек эпохи технической организации сделал монокультурное земледелие, широко развернувшееся в XIX и XX веках, и связанное с монокультурным земледелием повсеместное использование трактора характерной формой землепользования. Такое землепользование нарушает природное равновесие, и природа отвечает на него нашествиями вредителей и истощением почв. Ното faber* глубоко заблуждается, полагая, будто природа относится к насильственно навязываемым ей методам только пассивно; она отвечает на причиняемые ей разрушения и наносит обидчику удар той же силы, с какой была нанесена рана.

Поскольку в наше время ясное и отчетливое понимание этих связей стало насущной необходимостью, то приведем еще один пример, показывающий, с чем мы имеем дело. Таким примером могут служить местности с преобладанием пастбищных угодий, где в качестве основного вида домашнего скота держат коров. В этих условиях все существование отчасти подчинено естественным законам, которые управляют жизнью коровы. Человек, использующий корову, не может избежать действия этих законов, они сказываются как на его работе и мышлении, так и на обыденном распорядке его жизни, круговоротом которого отмечено все его существование до самой смерти. Корова, которую подчинил себе человек, подчиняет себе своего хозяина; с неумолимой мягкостью она ставит его в зависимость от присущей ее природе кроткой и спокойной силы жвачного животного. Хозяин должен ее лелеять и холить, он ее чистит, доит, выгоняет на пастбище и пасет, он сделался неразлучным сторожем и спутником своей скотины. Корова не может от него освободиться, но и он не может освободиться от коровы. В этом заключено некое страдание, а из страдания, возможно, возникает понимание того, что жизнь бок о бок с этим животным прожита не напрасно. Ненаправленность состоит не в том, что человек использует корову, а в том, что заботливое и любящее общение с нею делает его жизнь радостнее и красивее, плодотворнее и насыщеннее, и корова охотнее одаривает человека теми щедротами, которые он вправе требовать от нее в оплату за уход и заботу. Пользоваться добром, не вложив труда и заботы, означает совершать грабеж. При этом условии общение с коровой не только приносит человеку материальную пользу, но становится также источником всего, что есть нравственность.

Технику такое почти неведомо. Возможно, он возразит, что так же заботливо ухаживает за своей ма-

шиной, так же холит ее и лелеет, как крестьянин свою скотину. Но это возражение справедливо лишь в той степени, в какой его можно отнести и к ежедневной чистке зубов или к их лечению и покупке зубного протеза. Если совершится наметившееся превращение крестьянского хозяйства в фабричное производство, это, по-видимому, приведет к тому, что отношения между человеком и животным примут механический характер. С животными будут тогда обращаться как с машинами, которые безжалостно используются до износа. Применяемые методы искусственного осеменения и пересадки эмбрионов наглядно демонстрируют, в каком направлении развивается мир.

8

По какому же признаку отчетливее всего заметно свойственное технике стремление к совершенству? Какое явление позволяет лучше всего оценить развитие технического прогресса, начало которого трудно проследить в его первых примитивных проявлениях? Без сомнения один этап этого прогресса ознаменован переходом от техники паровых машин к электротехнике и атомной технике, другой этап — наметившимся тесным взаимодействием техники и биологии, ведущим к созданию биотехники, в рамках которой применение законов механики распространяется на живую материю. Если присмотреться к техническому рабочему процессу, то в первую очередь замечаешь ведущую роль автоматизма. Технический прогресс означает увеличение числа всевозможных автоматов. Сама фабрика превращается в автомат, когда весь рабочий процесс, конечным продуктом которого является техническое изделие, выполняется самодействующими механизмами, бесконечно повторяющими его

с механическим однообразием. Рука человека уже не вмещивается в работу автоматов, рабочий становится механиком, который лишь контролирует функционирование автомата. Подобно тому как рабочий процесс, в результате которого производится технический продукт, осуществляется автоматом, продукт этой работы тоже превращается в автомат, повторяющий один и тот же механический рабочий процесс. В этой задаче заключается отличие автомата от всех иных орудий, требующих непрерывных манипуляций, производимых вручную: автомат предназначен для выполнения самостоятельной и непрерывно повторяемой механической функции. Со всех сторон нас окружает постоянно совершенствующийся автоматизм. Большая часть механических устройств на фабриках работает автоматически. В транспорте также всюду появляются автоматы в виде железных дорог, тепловозов, автомобилей и самолетов. Наши системы подачи воды, электричества и тепла работают автоматически. То же самое относится к пушкам и ружьям. Есть торговые автоматы для продажи вещей и продовольственных продуктов, автоматы радиовещания и кинематографа, общая задача которых состоит в том, чтобы повторять требуемый рабочий процесс с тем механическим однообразием, с которым граммофонная пластинка воспроизводит одну и ту же пьесу. Именно этот автоматизм придал нашей технике тот особенный характер, который отличает ее от техники всех других эпох. И только автоматизм позволил ей достичь того законченного совершенства, которое можно наблюдать в наши дни. Самостоятельное, однообразно повторяющееся функционирование представляет собой главную отличительную черту нашей техники.

Механические рабочие процессы переживают бурное развитие, их число и объемы неизмеримо увели-

чились в сравнении с прошлым. Может ли это развитие происходить без того, чтобы одновременно развивалось и другое — зависимость человека от автоматов? Разумеется, нет! Автоматика, управляемая и обслуживаемая человеком, сама оказывает на него свое влияние. Могущественная сила, которую человек приобрел, сама обретает над ним могущественную власть. Человек вынужден посвящать ей свое внимание, согласовывать с нею свои движения и мысли. Его труд, связанный с машиной, становится механической и повторяется с механической монотонностью. Автоматизм завладевает человеком и уже не отпускает из под своей власти. О вытекающих из этого последствиях мы еще не раз будем говорить.

Изобретение автомата относится, как это доказывают голубь Архита и андроид Птолемея Филадельфа, ко времени античности. Эти диковинные творения, а также автоматы Альберта Великого, Бэкона и Региомонтана так и остались всего лишь мудреными игрушками, не спровоцировав никаких последствий. У людей они вызывали не только восхищение, но и страх. Андроида Альберта Великого, который открывал дверь и приветствовал вошедшего (робота, на создание которого ушли десятилетия кропотливого труда), испугавшись, разбил своим посохом Фома Аквинский. Уже на заре своего развития машины вызывали интерес мыслящего человека, но этот интерес был смешан с безотчетным страхом, каким-то необъяснимым жутким предчувствием. Это ощущение заметно в высказывании Гете о развитии фабричных механизмов, в ужасе, который испытывал Гофман перед искусными автоматами, забавлявшими публику в XVIII веке, среди которых особенно выделялись флейтист, барабанщик и утка Вокансона. Люди издавна испытывали этот безотчетный страх перед часами, мельницами, колесами — то есть перед всеми

неживыми орудиями и устройствами, которые могут двигаться и вертеться. Человек не успокаивается, даже разобравшись в устройстве механизма: само механическое движение вызывает его тревогу. Движущийся механизм создает иллюзию живого, и разоблаченный обман вселяет в человека тревожное чувство. Здесь мертвое вторглось в пространство живого и заняло его место. Поэтому наблюдателя охватывает чувство, связанное с представлениями о старении, холоде, смерти, с представлением о мертвом механически повторяющемся времени, отмеряемом часовым механизмом. Не случайно первым автоматом, который успешно утвердился, получив всеобщее признание, оказались часы. Животные, трактуемые в картезианской системе как автоматы, оказываются, таким образом, часовыми механизмами, движение которых подчиняется законам механики.

Обращаясь к вопросу автоматического движения, мы сталкиваемся с проблемой времени, которую нельзя обойти молчанием. Поэтому здесь будет уместно рассмотреть гносеологические определения понятия времени, оказавшие влияние на технику, а затем разобраться в том, какую роль сыграли различные методы измерения времени.

9

Для начала следует отметить, что картезианский дуализм породил непреодолимую пропасть между духом и телом и устранил старую систему *influxus physici*,* которая как связующее звено восстанавливала их единство. Вопрос о взаимодействии между *res cogitans*** и *res extensa**** у человека Декарт решал с помощью положения о непосредственном божественном вмешательстве, которое вызывает телесное дви-

жение, соответствующее духовному. Бог дает также душе представление о телесных вещах. По Декарту, *commercium animi et corporis** невозможно без божественного вмешательства. Поскольку человеческое тело, наряду с животными, является искусственной машиной и часовым механизмом, у него гигантски увеличивается число и объем автоматических движений. Другому роду движений — духовным процессам — Декарт приписывает тот же механический характер, а в качестве посредника между духом и телом (способом, который не уточняется) выступает Бог. Такого Бога, действующего путем непосредственного вмешательства, нельзя назвать иначе как Великим Часовщиком. Ведь он искусственно регулирует свое творение, чтобы обеспечить правильный ход вещей. Ученик Декарта, основатель окказионализма Гейлинкс доказал, что это регулирование не может происходить без прямых окказиональных вмешательств. Согласно его учению, Бог неисповедимым путем достигает взаимного соответствия телесных и физических процессов, так что человек оказывается у него пассивным и беспомощным зрителем тех процессов, которые происходят с ним по воле Божией.

Самый факт увеличения числа автоматических движений содержит в себе нечто динамическое. И мощное воздействие, оказанное картезианством на последующее развитие человеческой мысли, состоит прежде всего в пробуждении к новой жизни спавшей доселе динамики, с которой Декарт снял путы, наложенные номиналистами. Динамика как наука о силах и вызванных ими движениях становится с тех пор энергично разрабатываемой частью механики, так как она сделалась доступной для такой разработки. Ответ на вопрос о том, какое отношение к этим процессам имеет Декарт, заключен в особенностях его учения, в котором огромное место отводится неживому. Ибо *res*

extensa означает неживую субстанцию; она поддается законченному описанию и определению, то есть механическому объяснению. И поскольку эта субстанция неживая, ею можно безбоязненно манипулировать, не обращая внимания на возможное сопротивление, которое исходит от безжизненного и неодоушевленного материала. Зато *res cogitans* должна претендовать на господствующую и ведущую роль во всем мировом процессе и выступать с этой претензией резко, безоговорочно, не считаясь ни с какими возражениями. Предпосылки для этого заложены в философии Декарта. Простирающаяся повсюду неживая природа — природа, превращенная в автомат, — сама напрашивается на такое вмешательство извне. В философии Декарта уже заложен план точных естественных наук — совершенно гигантский по своему охвату, продуктивности и практической полезности. Декарт сам наметил его в общих чертах. Если мы возьмем первое издание его «Discours de la Methode»,* вышедшее в 1637 году, то под названием книги увидим следующий подзаголовок: «Pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences».** Более ранняя авторская редакция названия этого труда была однако сформулирована как «Проект универсальной науки, способной поднять нашу природу на высшую ступень совершенства». В философии Декарта уже заложены основы искусственного разграничения духа и тела, органической и неорганической природы, естественных и гуманитарных наук, поскольку все они вытекают из разграничения мыслящей и протяженной субстанции. Таким образом, *res cogitans* может получать свое воплощение в мыслителе, исследователе, ученом и технике, для которого всегда открыт доступ в недра *natura naturata*,*** выступающей под именем *res extensa*. Здесь перед ним открывается царство открытий и хитроумных изобретений, создаваемых в

подражание природным моделям с целью подчинить себе эту природу. Здесь пронизательный ум может находить себе пищу, добычу, трофеи, которые на столетия вперед обеспечат его безбедное существование.

Примечательно, поскольку в этом проявляется непреодолимая энергия движения, как взаимодействуют друг с другом картезианский рационализм и чисто эмпирический подход Бэкона. Спор между томистами и сторонниками Дунса Скота о примате воли и разума начался в Англии и уже оттуда перекинулся на континент. В этом кроется причина того, что впоследствии Англия стала форпостом индустриализации. Этот спор был победоносно завершен учеником Дунса Скота Уильямом Оккамом, который в своих трактатах «*Summa totius logices*»* и «*Tractatus logices in tres partes divisus*»** разгромил реалистов и утвердил победу номинализма, заслужив титул *Princeps Nominalium****. Так Оккам стал одним из отцов эмпиризма, поскольку, в сущности, его труды в целом подготовили почву для номиналистского метода индукции. Без Оккама невозможно было бы выступление Бэкона, отказавшегося от силлогизма и обратившегося к той разновидности индукции, которая просеивает факты методом исключения и отрицания и от частных положений поднимается к *principiis generalissimis et evidentissimis*****. Ретроспективный взгляд на начало пройденного с тех пор пути позволяет увидеть, как благодаря работе двух незнакомых друг с другом мыслителей, чья деятельность протекала в разных странах, была подготовлена та общая рабочая установка, которую мы наблюдаем не только в любой научной деятельности, но и в любой машине. Как рационализм Декарта, так и эмпиризм Бэкона ведут в конечном счете к каузализму, который неизбежно усиливается по мере расширения сферы механики. Оба резко отвергают телеологию, объявляя ее ненаучной. Вместо телеоло-

гии они требуют объяснения, исходя из действующих причин. Однако когда речь заходит о взаимосвязях и взаимодействиях, то обнаруживается, что эта действующая причина так же не может обойтись без телеологических доводов, как машина без механической целесообразности.

С этой точки зрения учение Спинозы привносит момент замедления. Точнее говоря, оно не влияет на ту практику, которая является следствием картезианского мышления. Ведь в главном русле истории находится развитие механики и высвобождение динамических сил. Не удивительно, что мыслители этой эпохи одновременно были превосходными математиками и физиками. В качестве самого яркого примера можно назвать Паскаля. Никогда еще механика не становилась объектом такого упорного, интенсивного изучения. Забегая вперед, можно проиллюстрировать необыкновенную мощь этой тенденции состоянием денежного хозяйства, которое целиком развивается под знаком динамики, ставшей господствующим фактором в этой сфере. Самый капитализм вплоть до его последней фазы есть не что иное, как перенесение законов механики на финансовую систему. И все жалобы на то, что все это делается за счет человека, совершенно справедливы и оправданны.

Зато совершенно абсурдно, когда в эпоху доведенной до совершенства техники ее поборники заявляют о неприятии капитализма. Пока существует техника, ее всегда будет сопровождать капитализм в частной или государственной форме, так как созданный им финансовый механизм зависит от техники. Там, где царит техника, неприемлемы никакие иные формы денежного хозяйства и финансовой техники, кроме тех, которые действуют по механическим законам. Социалистическая, или коллективистская, финансовая система, ставящая своей целью регулирование

распределения, имеет такую же механическую природу, как и частнокапиталистическая. Причем в социалистической системе механическая природа выражена в еще более сильной степени, в чем, с точки зрения тех, кто занят широким внедрением техники, заключается ее единственное оправдание. Слово «капитал» пришло из латыни; латинским словом *capitale** обозначали основную сумму денег в отличие от процентов (*capitalis pars debiti*), то есть исходную сумму, которая давала процентный доход. Само значение слова уже показывает, что капиталистическая экономика и денежное хозяйство не полностью тождественны друг другу, так же как и в натуральном хозяйстве или при меновой торговле с ее незначительным денежным оборотом они не совпадают. Если же принять определение позднейшего времени, в котором капитал противопоставляется труду, то в нем легко обнаружить постулируемую Декартом противоположность между *res extensa* и *res cogitans*. Труд, понимаемый как текущий рабочий процесс, противопоставляется в этом определении всем остальным средствам экономики, которые используются в экономической деятельности для производства продукции и в которых, следовательно, рабочий процесс пришел к своему завершению. Та же особенность, которая придает денежному хозяйству капиталистический характер, одновременно обуславливает его подчиненность динамическим законам. Соотношение между неподвижным и находящимся в обращении капиталом изменяется в пользу последнего, доля основного капитала становится ничтожно мала по сравнению с оборотным капиталом, величина связанного капитала уменьшается по сравнению с находящимся в обороте. В связи с этим вспомним об истории векселя (*cambium***). Впервые вексель придумали и разработали в Италии как средство дистанционного расчета ради уп-

рошения платежей в определенной монете и во избежание опасностей, подстерегающих при перевозке денег. Но затем в период с XVI до середины XIX века система векселей получила, главным образом во Франции, дальнейшее развитие, в основном связанное с передаточной функцией индоссамента. Таким образом, пути денежного движения регулируются механической функцией транспортировки, стремление к рационализации этой транспортной функции привело к появлению клиринговых фирм и безналичного платежного оборота. Обращение, циркуляция становятся характерной чертой денежной экономики в эпоху автоматизированной техники, потому что она требует свободной наличности, мобильность которой достигается механическими средствами. В этой экономике все должно быть доступно для использования, так как все средства экономической власти поставлены на службу технического процесса в целом. От его динамики зависит характер финансовой системы, капиталистической экономики, а также ее кредитная система, которая тоже приобретает динамический характер.

Достаточно одного примера, чтобы продемонстрировать тем, кто считает философские абстракции, отвлеченное мышление чем-то безжизненным, насколько животрепещущим оказывается на поверку их содержание. В камерном мире этого мышления (местоположение которого они не могут определить, но который похож на называемый словом самета отдел рыболовной сети, куда сицилийские рыбаки загоняют пойманных тунцов) они, в сущности, находятся в положении пленников. Или, говоря иными словами, сами того не зная, обитают в царстве Сатурна. Такой пример вдобавок наглядно показывает, что учение Спинозы образует в общем потоке западной философии отдельный остров. Живя в эпоху, когда каждый сколько-нибудь значительный мыслитель уделял при-

стальное внимание математическим и физическим законам, Спиноза ими не занимался. В потоке исторического движения он избрал позицию покоя. Его учение не без основания называли квиетивом, успокоительным средством, так как оно и впрямь действует успокаивающе. Однако успокаиваться от Спинозы можно только по недоразумению; ведь стационарное, по-своему мертвое, начало вырастает у него уже из самого понятия субстанции, которую он определяет как *id, quod cogitari non potest nisi existens,** из безглазого Бога слепой необходимости, который, по Спинозе, есть *causa sui.*** У Спинозы декартовские *res cogitans* и *res extensa* представляют собой единство, а Бог представляется как единство бесконечного мышления и бесконечной протяженности. Но это единство субстанции, которое Спиноза противопоставляет декартовскому пониманию, исключает любые атрибуты, а также и дуализм. И *res extensa* оказывается у него такой же мертвой, как у Декарта, а мертвый мир Спинозы принимает еще более гигантские размеры, чем у Декарта. Декарт воистину фигура исторического масштаба, человек судьбы, тогда как Спиноза — человек фатума. К нему также можно отнести фразу, которой заканчиваются «*Principia philosophiae naturalis mathematicae*»:*** *Deus sine dominio, providentia et causis finalibus nihil aliud est quam Fatum et Natura.*****

10

Tempus absolutum, quod aequabiliter fluit.

*Newton******

Механика Галилея и Ньютона признает абсолютное время. Время, как его описывает Ньютон, является всеобщим, универсальным мировым временем. У

Канта время не обладает абсолютной реальностью ни в субсистентном,* ни в ингерентном** смысле. Сущностной реальностью время обладает только в мифе, где Кронос алмазной косой отсекает у своего отца Урана детородный член, или в головах людей, которые опредмечивают беспредметность. Время не при-суще также предметам в качестве ингерентной реальности, то есть не является скрытым свойством предметов. Априорность понятия времени разрывает связь между временем и предметом, отрезая доступ опыту. Именно пользуясь посылкой об априорности понятия времени, Кант отрицает его абсолютную реальность как в субсистентном, так и в ингерентном смысле.³

³ Для подкрепления своего тезиса о созерцательном характере понятий пространства и времени Кант ссылаясь на геометрические постулаты, утверждая, что их аподиктическая достоверность основывается на априорном знании. Согласно Канту, характерным признаком всех положений геометрии является необходимость и всеобщность. Эта аподиктическая достоверность геометрии зиждется на той предпосылке, что Евклидова геометрия является единственно возможной, — во времена Канта не допускалась возможность иной, неевклидовой, геометрии. Все здание теории познания Канта, как явствует уже из основополагающей части его учения — трансцендентальной эстетики, строится на Евклидовой геометрии и Галилеевой кинематике. Но после Больяй, Лобачевского и Римана мы узнали о существовании неевклидовых геометрий и о том, что они могут быть логически и непротиворечиво построены по модели Евклидовой. Риман, в частности, доказал, что в трехмерном пространстве, включающем в себя все возможные пространства, законы Евклидовой геометрии действительны лишь для бесконечно малых величин; она сохраняет функцию только дифференциального закона, допуская существование бесконечного множества трехмерных геометрий. Правда, эти геометрии противоречат опыту нашего восприятия. Таким образом, рушится утверждение об аподиктической достоверности Евклидовой геометрии, поскольку теперь приходится решать, какая геометрия действует в данных условиях. Ее постулаты перестают быть синтетической априорной данностью, а устанавливаются в зависимости от тех или иных исходных условий, которые соответствуют той или иной геометрии.

Это время, которое, если отвлечь его от предметов, само по себе ничего не представляет, но также не содержится и в предметах, существует, таким образом, лишь как представление, как форма, лишенная содержания, то есть схема. Эту упорядочивающую схему нельзя сравнить с пустым ящиком или пустой коробкой здания; ее можно сравнить с пустотой в ящике, при отсутствии ящика. Если время не ингерентно предметам, то оказывается, что все процессы роста, цветения, созревания, все процессы старения, увядания и отмирания в действительности никак не связаны со временем и что языки всех народов, которые с помощью разнообразных слов, словосочетаний, предложений и пословиц выражают идею ингерентности времени предметам, на самом деле вводят нас в заблуждение. По Канту, праздники располагаются во времени, но время не содержится в праздниках. Ритм заключен во времени, но не время в ритме. Если же во всяком становлении и угасании, во всяком движении не содержится время, если время существует лишь как представление, как схема, не имеющая отношения к самим вещам, то какое же тогда отношение может иметь это становление и угасание и вообще всякое движение ко времени? Отрицая утверждаемую Ньютоном абсолютную реальность времени, Кант, однако, соглашается с ним относительно других дефиниций времени. У Канта мы тоже находим представление о едином, всеобщем, бесконечном и бесконечно делимом, необратимом времени, которое не поддается непосредственному измерению, а может измеряться только через посредство пространственно-временного движения физических тел. Соотношение временных долей поддается количественному измерению, однако все эти доли качественно однородны и единообразны по форме. И эти доли времени, при условии их одновременности, текут в

неизменной последовательности, подобно молекулам воды в канале, хотя и не имеют молекулярной структуры. Или же они образуют берущую свое начало в бесконечности и уходящую в бесконечность ленту, которая движется с неизменной и равномерной скоростью. Движение физических тел не влияет на время. В кантовских определениях времени заметны отзвуки галилеевско-ньютоновской механики, под влиянием которой они сформировались и которой объясняется некоторая их механистичность. Совершенно очевидно, что время здесь представлено как нечто неподвижное и мертвое.

Ньютон признает за этим линейным, лентообразным движением, которое необратимо совершает время, абсолютную реальность; по Канту, этот образ сконструирован нашим представлением и кроме него ни на чем не основан. Такая линейность времени противоречит всем представлениям, предполагающим его циклическое движение. Время, как говорит Кант, определяет «отношение представлений в нашем внутреннем состоянии. Именно потому, что это внутреннее созерцание не имеет никакой внешней формы, мы стараемся устранить и этот недостаток с помощью аналогий и представляем временную последовательность с помощью бесконечно продолжающейся линии, в которой многообразное составляет ряд, имеющий лишь одно измерение, и заключаем от свойств этой линии ко всем свойствам времени, за исключением лишь того, что части линии существуют все одновременно, тогда как части времени существуют друг после друга».* Между тем такое линейное представление о времени имеет еще и другую причину. Оно связано с тем, что пространство и время мыслятся вне их взаимосвязи. Для такого представления не существует пространственно-временного единства. Линейное время протекает сквозь пространство, не со-

прикасясь с ним, и точно таким же образом простирается во времени пространство. При строгом разделении пространства и времени линейное представление о времени воспринимается как самое убедительное, поскольку его однообразное, ничем не затрагиваемое течение невозможно представить иначе, чем в виде линии. Это следует отметить в связи с новейшими физическими теориями, в которых вместо разделения пространства и времени утверждается их неразрывная связь, что влечет за собой другие представления о космических процессах.

То, что есть только одно бесконечное и бесконечно делимое время, большинству представляется убедительным, быть может потому, что они видят здесь аналогию с единым, бесконечным и бесконечно делимым пространством, а может быть и потому, что такое представление сводит все к простейшей формуле. Возможно ли существование двух, нескольких, бесконечно многих времен? Если время ингерентно предметам, причем таким образом, что предметы влияют на свойства времени, или время влияет на свойства предметов, или происходит их обоюдное влияние друг на друга, то разве это не должно означать, что существует бесконечное множество времен? Разве наряду с взаимодействием предметов не должно тогда существовать и взаимодействие времен, отличающихся друг от друга не только в количественном отношении, которое можно измерить, но и в качественном плане, выражающемся в различии свойств? Пока теория познания представляется мне составной частью физико-математических наук, я могу удовлетвориться механическим определением понятия времени. Но могу ли я довольствоваться механическим определением, сменив эту точку зрения? Покажутся ли мне тогда удовлетворительными такие положения, в которых утверждается, что время априорно можно

представить в виде линии или что скорость в одном и том же пространстве обратно пропорциональна времени?

Тут в первую очередь встает вопрос о том, какую роль играют методы измерения времени. Ведь если мы регулируем время при помощи часов, то и часы в свою очередь тоже регулируют наше время. Это два различных процесса измерения. Если рассмотреть, как они соотносятся друг с другом, убеждаешься в том, что измерение времени при помощи часов, показывающих механическое протекание времени и его долей, не существует ради себя самого, но тесно связано с другим измерительным процессом, в ходе которого часы отмеривают наше время. Однако в каждом из этих двух процессов измерения речь идет о различном времени.

Предпосылкой любых измерений времени при помощи часов служит гипотеза о существовании одинаковых времен. Вопрос в том, соответствует ли это действительности! Измерения времени не дают на него ответа. Ведь мы измеряем время при помощи часов, отрегулированных по вращению земли, предполагая, что это вращение представляет собой равномерное движение. Таким образом мы измеряем время, основываясь на движении, которое условились считать равномерным, а последнее опять-таки измеряем при помощи часов. Тот же порочный круг сохраняется, если исходить из предположения, что каждое повторение одного и того же естественного процесса всегда занимает одинаковое количество времени. Когда для отсчета времени используются повторения, как это делается в кварцевых часах, измерение времени осуществляется независимо от вращения земли, равномерность которого весьма сомнительна, однако это не снимает вопросов о том, существуют ли равномерные повторения и можно ли обнаружить в при-

роде два совершенно тождественных процесса, различающихся только по времени.

Не станем подробно останавливаться на этом вопросе. Мы поставили его только для того, чтобы показать, в чем кроется корень проблемы при измерении времени с помощью часов — в механическом повторении процесса, на котором основывается процесс измерения. В силе по-прежнему остается предпосылка, согласно которой время тождественно времени. Если принять этот постулат, то чтобы установить соотношение между отдельными долями времени, необходимо лишь усовершенствовать методы, позволяющие выполнять все более точные измерения. Вопрос о соотношении абсолютного и идеального времени не имеет для этих методов никакого значения. Из положения об абсолютном времени в рамках галилеевско-ньютоновской механики и, в особенности, из ньютоновского определения времени следует, что нечто движет временем, но само по себе оно не движется и не изменяется. Оно движется как машина и действует как автомат. Если бы время двигалось и менялось само по себе, то оно, как указывает Ньютон, не могло бы течь *aequabiliter*.* Все методы измерения времени основаны на предположении, что время течет *aequabiliter*. Без этого исходного положения у нас не было бы часов, основанных на одинаковом повторении.

Для практических методов измерения времени не имеет значения, как определяется сущность времени — как абсолютная реальность, как нечто трансцендентальное и идеальное или как эмпирическая реальность. Развитие методов измерения времени происходит независимо от этого спора.

Естественные науки невозможны без познания механических законов природы, и «принцип, лежащий в основе механизмов природы, без которого», как говорит Кант, «не могут существовать естественные науки», необходимо найти и определить, где начинается его действие. Почему же без этого механизма не могут существовать естественные науки? Потому что без него нет тех определенностей, которые обладают повторяемостью и могут быть рассчитаны, потому что без них невозможна та точность, которая сама есть не что иное, как механическая закономерная повторяемость одного и того же следствия при одной и той же причине. Таким образом, мы не ошибемся, если назовем самого ученого механиком, чьи научные данные — независимо от того, работает он в экспериментальной или теоретической области, — можно принимать всерьез только в том случае, если его мысль отражает механизм, действующий в природе. Все, что лежит за этими рамками, не относится к естественным наукам, и это верно в отношении всех дисциплин, которые не основываются целиком и полностью на таком механизме. По этой причине не может быть научной эстетики или физиогномистики, и любая попытка создать такую дисциплину справедливо вызывает недоверие и неприятие. Возражения, выдвинутые Лихтенбергом против физиогномистики Лафатера, неопровержимы. Можно встретить превосходных физиогномистов, но не существует метода, способного превратить физиогномистику в научную систему.

У естествоиспытателя мы всегда наблюдаем стремление как можно четче обозначить узкие границы своей науки, стремление так подчинить ее определенному методу, чтобы все выводы делались на его ос-

нове. Так, область естественных наук определяют степень применимости математических методов, или действием закона каузальности, или голым функционализмом. Эти как бы даже тревожные старания, подобно всякому усиленному укреплению своих рубежей, проистекают из потребности обезопасить свои владения.

Механическое понятие времени — это средство, благодаря которому только и стали возможны открытия и изобретения естественных наук, благодаря которому вообще стали возможны точные естественные науки. В естественных науках понятие точности находится в неразрывной связи с механическим пониманием времени и, следовательно, от него неотделимо. Без часов нет автоматов, но нет и науки. Ведь наука ничто без методов измерения времени — именно на них она основывается. Применяемые ею методики немислимы без постоянного контроля с помощью методов измерения времени. Лишь с того момента, когда они становятся надежными и точными, берет свое начало широкое применение машин, начинается индустриализация, появляется техника. Чтобы далеко не ходить за примером, возьмем железнодорожный транспорт; до возможности надежно измерять время он был бы просто невозможен, так как его исправная работа требует точности часового механизма: необходим точный расчет промежутков времени, повторяющихся с однообразием часового механизма. Да и разве сама железная дорога не такой же часовой механизм, который должен действовать с точностью до мельчайших долей времени?

Если мы рассмотрим аппаратуру и организацию человека, одновременно вызванные к жизни техникой, мы поймем, что без механического понятия времени они просто не могли бы существовать, что именно оно является первейшим залогом технического про-

гресса. Удивительно, насколько все тут упорядочено по образу и подобию часового механизма! Как неумолимо технический прогресс стремится к тому, чтобы подчинить этому механическому порядку решительно все: труд, сон, отдых и развлечения человека! Тиранической — к этой теме мы еще вернемся — каузальность становится лишь там, где протекание каких-нибудь процессов во времени делается доступно для подсчета и приобретает повторяемость, где она распадается на последовательный ряд функций. Там, где она достигает господства, она устанавливает точно такой же порядок часового механизма, в котором преобладающим типом мышления становится мышление часовщика. Где пролегают границы этого мышления? Если представить себя землю в виде больших часов, а каждое мыслимое движение на ней как подлежащее механическому измерению и расчету, то целью научно-технического мышления должно быть познание этого центрального механизма, а применение добытых знаний должно было бы выразиться не в чем ином, как во всеобъемлющей механизации человека.

12

Часовое время — это мертвое время, тот *tempus mortuum*,* когда секунда следует за секундой в однообразном повторении. Мертвое время, отмеряемое часами, равнодушно проходит рядом с человеческим жизненным временем, не принимая участия в его подъемах и спадах (а ведь в жизненном времени ни одна секунда не похожа на другую). У человека, склонного задумываться, часы часто вызывают мысли о смерти. От образа Карла V, который на склоне лет расхаживал среди своей коллекции часов, пытаясь отрегулировать их бой, веет холодом смерти.

Он присматривал и подслушивал за ходом истекающего времени, которое неуклонно приближало его к смерти. Постоянно видя вокруг часы, мы привычно относимся к ним как к простым измерителям времени, но в ту пору, когда выставленные на видном месте для всеобщего обозрения часы считались еще редкостными произведениями искусства, они откровенно воспринимались как некое *temento mori*.^{*} Если заняться подборкой художественных изображений, в которых часы используются как символ смерти, можно собрать богатый материал. Очевидность таких сопоставлений подтверждается тем, что личинки жуков-древоточцев, издающие тикающие звуки, в народе носят название *Totenuhren*, т.е. «часы смерти».

Наблюдающий за часами воспринимает время в качестве пустого времени, а любое время, осознаваемое подобным образом, является мертвым временем. Такое же ощущение мертвого, механически повторяющегося времени вызывают автоматы, так как автомат — это не что иное, как часовой механизм, монотонно обрабатывающий одни и те же действия в механическом мертвом времени. Без часов нет и автоматов. Поэтому действительно существует определенная связь между победой кальвинизма в Женеве и промышленным производством часов, которое появилось там в 1587 году. С беспощадной последовательностью Кальвин развил учение о предопределении до того логического завершения, которого не достигала ни католическая церковь в лице Августина, Готшалка, Виклифа, ни янсенисты. Догмат о божественном предопределении, о предызбрании благодатью, которое для суровых супралапсариев** свершилось еще до грехопадения, приобретает у сторонников Кальвина черты механической жестокости. При чтении теологов кальвинистского толка невольно возникает впечатле-

ние, что Бог для них — это великий часовщик и что кальвинизм порождает каузальное мышление в еще большей степени, чем лютеранство. У Лютера суровость предопределения отчасти снимается и смягчается в его «Формуле конкордии»,* так что у лютеранства нет той железной четкости часового механизма, которая свойственна кальвинизму. Здесь стоит вспомнить, что Руссо был кальвинистом и сыном часовщика. Он перешел в католичество, потом вновь вернулся к кальвинизму и посвятил свой второй конкурсный трактат «Discours sur l'inégalité»** Большому совету Женевы.

История изобретения часов, история их дальнейшего усовершенствования показывает, что измерительные методы, применяемые для отсчета времени, становятся все более тонкими и точными. Высокоточные приборы и методы измерения времени свидетельствуют о том, что им придается все большее значение. Вспомним тот факт, что маятниковые часы, основанные на выводах Галилея о свободном падении тел, почти одновременно были изобретены Гюйгенсом и Гевелием. Такое совпадение лучше всего может дать представление о том, как целеустремленно работала мысль в направлении этого изобретения. Но если теперь, как мы видим, люди с величайшей точностью измеряют мельчайшие доли времени, если существуют специальные технические центры, которые дают человеку столь важное оружие, как знание точного времени, если в жизнь и работу человека все сильнее вторгаются черты часового механизма, то само собой напрашивается вопрос: какой же цели служат подобные явления? Методы измерения времени не являются самоцелью, они служат средством организации времени, рационализации времени, в результате чего потребление времени подвергается все более точному измерению и учету.

Теоретика познания, ученого, техника интересуется только измеряемое, точно повторяющееся время. На это время рассчитаны и в нем функционируют часовые механизмы и автоматы. Этим мертвым временем можно распоряжаться по-всякому. При помощи измерительных методов его можно как угодно делить. Можно пристегивать к нему временные отрезки, как пристегивая друг к другу отдельные пряжки можно собрать пояс или как из отдельных звеньев составляют цепь, которую приводит в движение шестерня.⁴ Его можно также дробить и разрывать на части — операция, которую над жизненным временем так же невозможно произвести, как и над живыми организмами, живущими в этом времени, — над семенами, цветами, растениями, животными, людьми, органическими мыслями. Поэтому техника пользуется дробными частями времени, и подобно тому как в этой области есть конструкторы отдельных деталей, у нее имеются и специалисты по расчету дробных частей времени, чиновники по исследованию времени, ведущие наблюдение за рациональным использованием мертвого времени. Методы, которыми они пользуются в своей работе, по своей сути и смыслу ничем не отличаются от методов биологов, занимающихся расщеплением яиц морского ежа или кромсанием аксолотлей и саламандр, для того чтобы установить, какая часть может породить новое целое и какие виды возникают после такого кромсания из покалеченного живого существа. И тут и там мы имеем дело с такими методами, применение которых переводит растущий в жизненном времени организм в сферу, где

⁴ В качестве примера механического открывающегося и закрывающегося устройства можно привести застежку-молнию. Доход, который приходится на долю находчивого изобретателя от использования этого приспособления, можно рассчитать в сантиметрах.

царит механическое понимание времени, отдает его во власть мертвого времени.⁵

Повсюду мы можем наблюдать, как по мере распространения механических производств, появляющихся там, где их уже ждет мертвое время, это мертвое время вторгается в жизненное время человека. Техника так же изменила наше восприятие времени, как она изменила наше восприятие пространства, внушив нам, будто бы пространство сузилось, а земля стала меньше. Развитие техники привело к тому, что у человека не осталось времени, былые богатства времени иссякли, настала бедность, человек мечтает о лишнем времени, как голодный о корочке хлеба. Время есть у меня тогда, когда я не воспринимаю его качественно как пустое, когда оно не мучает меня своей мертвенностью. Обладая досугом, человек тем самым располагает неограниченным временем, живет в условиях его изобильной полноты, независимо от того, как он его проводит — в деятельных занятиях или предаваясь покою. Этим он отличается от человека, который просто ушел в отпуск или на каникулы, то есть располагает лишь каким-то ограниченным временем. Технический рабочий процесс не допускает досуга, уделяя изнуренному работнику лишь ту скудную меру отпуска и свободного времени, которая обязательно требуется для восстановления работоспособ-

⁵ Напомним, как выглядят цепочки химических формул, и то, как они отображают свой предмет. Возьмем для этого формулы половых гормонов: прогестерона, эстрогена, тестостерона. Краситель из корня *Azafranillo* воспринимается согласно формуле $C_{40}H_{27}O_{13}$ как фрагмент молекулы красителя, содержащего каротин (А. Дейч). «Фрагмент» из атомов C_{13} предположительно объявляется тождественным по строению пахучему веществу фиалки ионона. Краситель из семени *Vixia* биксин $C_{24}H_{32}O_4$, используемый для подкрашивания эдамского сыра, имеет одинаковое строение со «средней частью» ликопина (*Kuhn R. Wirkstoffe in der belebten Natur*).

ности. Благодаря тому, что мертвое время стало пригодным для механического использования, оно со всех сторон переходит в наступление на жизненное время человека, все больше сужая это кольцо. Это время может быть точнейшим образом измерено и разделено, его количество можно учитывать с помощью точнейших измерительных методов, вследствие чего жизненное время подвергается механическому регулированию и вводится в новые организационные рамки. Человек, овладевший механикой, в то же время превращается в ее слугу и вынужден подчиняться ее законам. Автомат принуждает человека к автоматической деятельности. Отчетливее всего это заметно на примере транспорта, где автоматизм достиг наибольшего развития. Уличное движение приобретает все более автоматический характер, и человек вынужден ему подчиняться. Это проявляется в том, что человек, утрачивая все свои качества, кроме одного, становится участником движения. Только это качество принимают во внимание окружающие: человека замечают лишь как пешехода, соблюдающего правила автоматизированного движения, либо как нарушителя, создающего препятствие на пути движения транспортных и пешеходных потоков. В последнем случае он привлекает к себе внимание, которое можно назвать даже человеческим по сравнению с тем холодным равнодушием, с которым вежливые пешеходы уступают друг другу дорогу.

13

Пояснить принцип механически монотонного автоматического повторения можно на примере колеса. Колесо появилось еще в древнейшие времена, и при всех различиях в его конструкции одно остается всегда неизменным: колесо — это неподвижный или вра-

щающийся диск, расположенной перпендикулярно своей оси.

Что касается его работы, то колесо может использоваться как трансмиссия для передачи энергии, как антифрикционное колесо, когда, помещенное между двухдвигающихся относительно друг друга под давлением тел, оно служит для преобразования движения скольжения в движение качения. Эти два вида действия колеса мы видим как на примере используемых в качестве трансмиссии канатных блоков, ременных передач, шестерен, так и на примере тележных колес, а также катков, превращающих трение скольжения в трение качения. Тележное колесо состоит из ступицы, обода и оси. Ступица вращается вокруг оси или закреплена на ней неподвижно, в этом случае ось вращается в своем гнезде. Во всех этих устройствах мы можем наблюдать действие законов рычага. У колесного вала, по принципу которого устроены все ворота, лебедки, кривошипные и зубчатые передачи, мы видим сидящий на оси вращающийся вал, на котором укреплено колесо большего диаметра. На колесо и вал надеты веревки таким образом, чтобы действие приложенных сил было направлено в противоположные стороны. Колесный вал, одна из так называемых простейших машин, представляет собой усложненный, непрерывно работающий рычаг. Мы встречаем его в виде ходового колеса, вал которого приводит в движение человек, шагающий внутри барабана, в виде ступенчатого колеса, когда вдоль его обода устроены ступеньки или перекладки. Принцип колесного вала положен в основу всех зубчатых передач и колесных приводов, где колеса и колесные валы соединены таким образом, чтобы передавать движение от одного вала к другому. Во всех колесных передачах имеются вал контрпривода, ведущие и ведомые шестерни, у которых передача движения производится

при помощи зубчатого или фрикционного механизма. Колеса могут быть сцеплены непосредственно друг с другом, соприкасаясь ободьями, или соединены между собой веревочным, ременным или ленточным приводом. У шестеренок, преобразующих работу колеса в прецизионно-правильное движение, мы видим опосредованную передачу силы, при которой звенья цепи цепляются за зубчики, выполняя работу передаточного механизма. Цепные колеса мы встречаем в часах и других прецизионных машинах, но они используются также в лебедках и кранах, где требуется силовая передача большой мощности.

Деревянные передаточные механизмы, которые впервые стали употребляться в мельницах, представляют собой систему взаимодействующих валов и зубчатых колес. Мелкие металлические системы передач мы видим в часах. Дифференциальные механизмы состоят из различных зубчатых колес, у которых в работе передаточного механизма все время участвует третье колесико или винт, в результате чего создается дифференциальное движение, используемое в силовых передающих устройствах и в счетных механизмах. Планетарную передачу с коническими шестернями мы встречаем в ровничных машинах, используемых на прядильных фабриках, в скоропечатных типографских станках, в воротах Барета и Эндрюза. Остается только спросить, где найдется такой механизм, в котором не встречается колесо! Его вращающееся, вертящееся, повторяющееся движение всюду сопровождает развитие технического прогресса. Это совершающееся во времени движение, на котором основаны все часовые механизмы (ведь часы — это не что иное, как механизм, состоящий из зубчатых колесиков), множится, ширится, обретает все новые связи и все больше и больше вторгается в жизнь человека, в его

трудовую деятельность. Кто способен, осознав эти причины и следствия, остаться невозмутимым при виде колеса и, распознав в нем символ мертвого времени и сообразив, что этот символ означает для человека, не ощутить холодное веяние? Первые образчики его применения, представленные колесом телеги, мельничным колесом, сложными блоками, часами, занимают довольно скромное место, ибо тут работа колеса еще не связана с точным отсчетом времени и не вызывает соответствующих структурных изменений, ее влияние на организацию человеческого труда сказывается лишь в незначительной степени. Человек еще может укрыться от всевластия этого вертящегося, кружащегося, постоянно повторяемого движения. Но тот филантроп, который в век технического прогресса оплакивает участь древних рабов, вынужденных вращать ступенчатое колесо, выказывает свою простоватость, если он не понимает, что весь ход технического прогресса направлен на создание гигантского ступенчатого колеса, основанного на том же принципе. Внимательное изучение технической аппаратуры показывает, что в каждом ее устройстве можно обнаружить колесо. Вся эта аппаратура состоит главным образом из сцепленных шестеренок. Это зубчатый механизм и потому содержит в себе колесо во всевозможных конструктивных вариантах, тысячи колес использованы в нем для выполнения самых различных функций. Автоматы немислимы без колеса и зубчатых механизмов, так как механически повторяющиеся однообразные движения достигаются посредством колеса, которое всегда остается колесом времени и часовым механизмом. Но то, что победоносно проложило себе дорогу в технической аппаратуре, повторяется затем в организации человеческого труда. Не случайно колесо часто используется как символ этого труда, потому что именно оно — не топор, не серп, не лопата,

не лемех плуга, не молоток и никакие другие орудия, а именно колесо — оказывается символом механической работы. Поэтому нет ничего удивительного, что железнодорожники, почталыоны и другие работники украшают себя этим изображением, снабжая его иногда еще и крылышками, которые должны символизировать передвижение в пространстве. Однако при этом они, очевидно, забывают одну вещь: дело в том, что колесо всегда было символом не жизни, а смерти, и именно в таком смысле использовалось его изображение. Техник, как человек не сведущий в символах, придал ему совершенно обратный смысл, хотя если бы он заглянул в историю уголовных наказаний, то узнал бы, что еще в античные времена преступников казнили с помощью поворота колеса, впоследствии их колесом раздавливали и, привязав к колесу, дробили кости. Не следует путать колесо с кругом, как это часто делают по незнанию. Колесо — это не только составной элемент отдельной машины, в качестве движущейся части рельсового или безрельсового транспорта оно представляет собой также движущее и связующее начало всей техники в целом, которую поэтому вообще ассоциируют с колесиками и шестеренками. Мобильность, мобилизирующая сила техники связана с колесом так же, как связан с нею человек, превратившийся в мелкое или крупное колесико производственного процесса, отношения которого с машинной техникой регулируются организацией.

14

Физика на уровне классической механики еще могла питать надежду, что когда-нибудь достигнет той точки познания, в которой берет свое начало и, сле-

довательно, получает исчерпывающее объяснение вся каузальность, то есть что ей удастся открыть основной универсальный закон, к которому она стремилась подойти, пользуясь своими методами. В наиболее чистом виде этот механический детерминизм выразился в Лапласовой фикции, которая описывает Вселенную в виде точечных масс, взаимодействие которых подчиняется определенным закономерностям. Зная эти законы, а также координаты и импульсы этих масс в определенный момент, можно путем интегрирования дифференциальных уравнений в ту или иную сторону рассчитать состояние Вселенной в определенный момент прошлого или будущего. В качестве иллюстрации этого положения может служить такой пример: имея те исходные данные, о которых идет речь в Лапласовой фикции, мы, согласно его утверждению, могли бы вернуть утраченные произведения Праксителя или «восстановить» картины греческих живописцев, точно так же мы могли бы заранее узнавать все о будущем и восстанавливать любые события прошлого. Следует иметь в виду, что для осуществления этих расчетов точечные массы должны находиться в состоянии полной неподвижности и неизменности. Кроме того, нетрудно понять, что эта фикция допускает лишь определенную степень приближения к начальной и конечной стадии, которые, однако, никогда не могут быть окончательно достигнуты, поскольку цепь причин и следствий бесконечно продолжается за пределами начала и конца. Вопрос о границах применения физических законов не ставится, так же как и вопрос о том, изменяются ли с течением времени законы природы.

Этот строгий детерминизм в настоящее время постепенно разрушается, так как современная теория признает за физическими законами лишь статистическую значимость. Квантовую теорию света и кванто-

вую механику Гейзенберга невозможно привести в соответствие с прежними представлениями. В частности, последняя показывает, что измерительные методы не позволяют получить абсолютно точные данные, когда речь идет об измерении очень малых величин. Каждый процесс измерения вызывает изменения в самом объекте измерения. В конечном счете, в физике, признающей за законами природы только статистическую значимость, остается лишь закон больших величин. От строгой каузальности остается только арифметическая вероятностность. Поскольку точность результатов, полученных посредством вероятностных вычислений, зависит от частоты повторений, то по мере приближения к границам области, за пределами которой число повторений уменьшается, соответственно уменьшается и точность. Если же физические законы наблюдаются лишь с той степенью точности, которая присуща им вследствие ничтожно малой величины квантов, то при вычислении того состояния, которое было присуще Вселенной в отдаленном времени, ответ становится тем более неопределенным, чем более оно отдалено во времени от точки отсчета. В этих положениях отражается самоограничение физики как науки и признание ею границ своих возможностей. Она отказывается преступать эти границы, и сфера действия физических законов оказывается более узкой. В мире истории, которому неведомы никакие повторения, ничто не поддается расчету; его область выше физических законов. В физике же на смену прежним представлениям о каузальности в виде цепи или сплошной линии причин и следствий приходит вероятностный ряд и представления о Вселенной становятся более гибкими. Все это не препятствует работе в области техники, поскольку повторения, совершающиеся со статистической вероятностью, представляют собой для нее вполне приемлемое условие.

Точность поддающихся расчету определений ограничена как в области очень малых величин, так и в противоположной области. Обнаружилось, что молекулярное строение материи при переходе от неорганических к органическим веществам становится все менее «стабильным», что для так называемых макромолекул вообще невозможно указать точное число входящих в их структуру отдельных молекул, что для них можно установить только порядок величин или степень полимеризации. Строение же белков неуклонно усложняется, причем пропорционально уменьшению тождественности, а следовательно и повторений. Основная тенденция здесь направлена в сторону единичных явлений, которые не поддаются расчету, так как исключают повторения. В области очень малых величин действует соотношение неопределенностей Гейзенберга. Но такое соотношение, в котором вместо точной причинно-следственной зависимости предполагается вероятностная, неприменимо в той пограничной области, для которой характерно убывание повторяемости одинаковых молекул. Грань, за которой невозможны точные расчеты, определяется здесь не микровеличиной участвующих в наблюдаемом процессе объектов, а неповторимым характером отдельной молекулы.

Физические методы исследования не применимы к таким процессам, которые не поддаются измерению, причем это относится и к тем отраслям биологии или химии, в которых для исследования жизненных процессов применяются физико-химические методы. Мы не много выиграем, объявив физику особым разделом биологической науки. Совершенно очевидно, что использование биологической терминологии и биологических методов не пошло бы на пользу физике, от этого она бы только утратила преимущества, свойственные ей как точной науке. Однако такие предло-

жения свидетельствуют о том, что частные научные дисциплины все более ощущают потребность в гносеологической легитимизации. Особенно это заметно в физике, которую проблемы, связанные с понятием времени, вновь заставили обратиться к философии. Но это еще не все: в последнее время в физике намечается все усиливающийся интерес к теологии, в чем, собственно говоря, нет ничего странного. Представители точных наук обманывают себя, полагая, что их предмет освобождает их от необходимости теологической постановки вопроса, потому что они занимаются изучением реальной действительности и истина, к которой они стремятся, не имеет отношения к догмам. Они могут это утверждать и делать вид, что их интересует только познание законов природы. Пусть так! Однако познание — не изолированный процесс, и такая позиция не обеспечивает независимой точки зрения, а только мешает разглядеть общую связь явлений. Учение об эволюции, проблема факторов, теория искусственного отбора неизбежно приводят к вопросу о сотворении мира; подход к этим проблемам зависит, в частности, от того, принимается за исходное положение единовременный акт творения или *creatio continua*.* Трактовка каузальности не может обходиться без учета проблемы свободы и не-свободы воли, а она в свой черед неразрывно связана с религиозными теориями предопределения. То же относится и к вопросу о детерминированности формы и ко всей генетике в целом. Такие связи можно проследить всюду, вплоть до основ механики, и тот, кто полагает, что физический закон сохранения энергии, волновая и квантовая механика или кинетическая тепловая теория «очищены» от этих примесей, не понимает, что они постоянно сопровождают и формируют процесс познания. Нейтральное отношение их не отменяет. Представители точных наук только за-

крывают на них глаза. Но этим дело не ограничивается. Они склонны считать, что точность свойственна только механике. Так и математики полагают, что точность есть только в математике, не замечая того, что понятие точности, как и понятие цели, имеет относительный характер и получает конкретное содержание в зависимости от определенных условий. Абсолютная точность измерений недостижима, однако мы можем добиться максимально возможной точности в рамках определенных условий. Как для совершенства не существует абсолютного всеобщего понятия, а есть только конкретное, отвечающее определенным условиям, точно так же существует лишь условное понятие точности, и именно такой смысл заключается в понятии математической и каузальной точности. Кант считал, что наука существует лишь постольку, поскольку в ней есть математика. То же самое заблуждение обнаруживается у многих математиков и физиков, которые считают, что точность лишь их привилегия. Однако они точны только в своей области. В движениях животных, человеческих чувствах и страстях тоже есть своя точность. Гекзаметр Гомера или ода Пиндара не уступают в точности какому бы то ни было каузальному отношению или математической формуле. Но только эта точность — ритмическая, метрическая точность — является точностью более высокого порядка. Если она не поддается математическому расчету, это еще не причина, чтобы считать ее менее надежной, чем результат какого-нибудь измерения из области квантовой механики.

15

Чем отличается учение о несвободе воли в теологических и философских теориях предопределения от механической каузальности, которой придерживаются

ученые и техники нашего времени? Здесь и там отрицается *liberum arbitrium*.* Ее действительно не существует, потому что, признавая свободу человеческой воли, приходится принимать утверждение о недетерминированности детерминированности, а это в свою очередь влечет за собой необходимость признать, что тот или иной выбор безразличен (*indifferentia aequilibrii***), то есть равновесие побуждений, вследствие чего становится необъяснимым, каким образом вообще могло состояться принятие решения. Полная *indifferentia aequilibrii* означала бы такую установку воли, при которой прекращается принятие решений, поскольку чаши весов, на которых оно должно взвешиваться, находятся в состоянии равновесия — того равновесия, в котором пребывает Буриданов осел, погибающий от голода между двумя лужайками. На самом деле Буриданов осел — всего лишь фантом. Лейбниц замечает, что две половины мира, которые мы получим, проведя разделительную вертикаль, рассекающую осла, так же непохожи одна на другую, как одна половина осла на другую; таким образом, он демонстрирует, что *indefferentia aequilibrii* невозможна, поскольку *aequilibrium**** не существует. Но если воля несвободна, то ее детерминированность не тождественна слепой необходимости, поскольку в царстве слепой необходимости ни свободная, ни несвободная воля вообще не требуется как таковая, в нем достаточно механического принуждения. Воля не свободна, но необходимость, которая заставляет ее вступать в действие, имеет обусловленный характер, она предполагает наличие воли, воля требуется для ее осуществления, без воли она не могла бы реализоваться. Теория несвободы воли не тождественна теории, которая сводит все сущее к механическим функциям, провозглашая каузальную функцию неким *Deus ex machina*. Если представить себе зримый образ этого

бога, то он оказался бы просто Функционером и Техником, Конструктором и Инспектором машин. Его мир имел бы вид фабрики, а ее автоматическая работа была бы направлена на то, чтобы превратить человека в один из своих автоматов. Ведь именно в этом заключается цель, которую преследует превращение теории о несвободе воли в учение о механических функциях, в число которых включается и человеческая воля. Принцип добровольного рабства (*servum arbitrium**) превратился бы тогда в безвольное функционирование.

*Quidquid fit necessario fit.*** Мы делаем все не по свободной воле, однако и не по принуждению, иначе воля человека не была бы для него, как говорится в народной пословице, дороже рая небесного. Поступать так или иначе нас ничто не понуждает вопреки нашей воле, словно арестантов, которые как невольники должны подчиняться насилию, даже когда их воля этому противится; их волю гнут и ломают, пока они все же не подчинятся, поработанные чужой волей. В волевом выборе всегда присутствует нравственное решение совести в прямом смысле этого слова: мы делаем что-то, потому что так позволяет наша совесть, а не по велению слепой необходимости. Хотя наша воля не свободна, мы вольны в своих делах и поступках, волевое решение принимается нами в сознании нашей свободы, по свободному выбору. И это сознание свободы — правомерное чувство, оно пробивается в нас потому, что выбор требует волевого усилия, без которого решение не может быть принято. Осознание свободы выбора у бездеятельного и слабовольного человека может быть слабее, чем у энергичного и волевого, однако, хотя и слабое, оно всегда присутствует. Оно так отчетливо выражено, что вводит в заблуждение наивный рассудок, который начинает верить в *liberum arbitrium*.

Поскольку наша воля детерминирована, то детерминирована и наша свобода. Поэтому говоря о свободе, мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что она собой представляет. Мы не можем выбирать ни время, ни место своего рождения, ни родителей или семью. Подобно тому как не мы создаем свое тело и органы, а их развитие предопределяется преформацией* и преординацией,** на которую мы не можем повлиять, так наше отношение ко всем явлениям и каждая наша мысль заранее предопределены. А так как все уже предрешено, то, очевидно, в самой предрешенности и кроется наша свобода. Задатки свободы изначально заложены в природе человека, хотя у различных людей они различны. Подобно тому как в природе существуют орлы и жаворонки, львы и зайцы, так человек может быть отмечен печатью величия или низости. Каждый отличается своим неотъемлемым характером (*character indelebilis****), которому соразмерна степень его свободы. На таких чертах, как благородство, отвага, подозрительность, нерешительность или трусливость мышления, на жизненном поведении, которое у одного отмечено высокими духовными стремлениями и сильным волевым началом, а у другого пассивным прозябанием и бездуховным существованием, — на всем этом лежит печать доступной ему свободы.

Если бы всем правила механическая необходимость, не требовалась бы воля, а вопрос о свободе даже не вставал бы в таких условиях. Там действовали бы только силы толчка, давления и удара. Но поскольку существует такая *necessitas consequentiae***** — необходимость, предполагающая наличие воли и требующая ее проявлений, то наша, хотя и несвободная, воля активно участвует во всех процессах, и ее деятельное участие связано с отведенной нам свободой. Этой свободой человек отличается от автомата, сво-

бодное и разумное существо — от машины, которая не обладает ни свободной, ни несвободной волей, не имея ее вообще. Таким образом, глубоко ошибается тот, кто утверждает, что преформация и преординация мира и всех происходящих в нем событий подобны действию механизма, в котором все происходит механически, т. е. по законам механической необходимости: утверждать это значит исказить истинную картину. Ведь механика, в которой один и тот же рабочий процесс монотонно повторяется в неизменном, застывшем виде, ни в чем не похожа на космос, где невозможно отыскать двух одинаковых вещей, а потому и двух одинаковых причин, способных вызвать одинаковые следствия. Поскольку не существует двух совершенно одинаковых вещей (а если бы они существовали, то, как заметил Николай Кузанский в своей «Игре в шар», обе были бы одним и тем же), то не существует и причины, совершенно одинаковой с другой причиной. Потому и мир не мельница и не населен одними лишь мельниками, чье единственное предназначение — молот на мельнице муку. Однако в мире все же есть и мельницы, и с незапамятных времен в нем вертятся мельничные колеса и среди них худшая разновидность — колеса ступенчатые, которые безостановочно должен вертеть шагающий человек. Тот факт, что техника постоянно умножает число последних, поработающих человека, не подлежит никакому сомнению, причем главной причиной этого процесса является стремление техники ко все большему разделению труда, которое благодаря усовершенствованию механики способствует повышению функциональности рабочих процессов. Но развитие механики служит толчком к насильственному ущемлению свободы человека, так как вместе с нею все больше места завоевывает себе учение о механических функциях, и в результате все больше распространяет-

ся убеждение, что все в мире, включая человека, подчиняется закону механической необходимости.

Маркс сравнил индийского ткача с пауком, и в этом сравнении выразилось его глубокое презрение к ручному труду, по этой же причине он считал, что деревенской жизни, в которой в то время преобладал ручной труд, до некоторой степени свойствен отупляющий идиотизм. Но разве фабричный рабочий меньше похож на паука? Марксизм, если рассматривать его основы, представляет собой обновленный вариант учения Спинозы и содержит в себе заблуждения, свойственные его системе. Представление о монотонности ручной работы, которой развитие механики будто бы кладет конец, ошибочно. На самом деле все обстоит как раз наоборот. Не уменьшается от этого и количество тяжелой, черной работы, которую приходится выполнять человеку хотя бы потому, что в мире не уменьшается количество промышленных отходов и отбросов человеческой жизнедеятельности. Количество ручного труда вообще не сокращается с появлением механики, но поскольку он теперь играет вспомогательную роль при механике, то изменяется его характер.⁶

⁶ Следует различать работу, производимую с помощью механизма, и работу, которая автоматически выполняется механизмами. В первом случае так же, как при работе, выполняемой при помощи орудий, предполагается отчасти постоянное, отчасти вспомогательное манипулирование машиной со стороны человека, во втором случае остается только контроль за работой автомата, производимый ручным способом. Иллюстрацией этого различия может служить сравнение действий велосипедиста и автомобилиста. Велосипед представляет собой до предела усовершенствованную машину с такой системой механизмов, в которую вряд ли возможно внести еще какие-либо улучшения; постоянное участие со стороны человека, необходимое при его эксплуатации, носит характер лишь вспомогательных механических действий. Поэтому мы видим, что в велосипеде все хорошо пригнано для взаимодействия с человеческим телом: руль приспособлен к рукам, педали к ногам, равновесие легко регулируется естественным чувством

Все началось с руки, и все к ней возвращается. Вся механика создавалась человеческой рукой и человеческой рукой контролируется. Даже самый искусный и продуманный автомат не позволит человеку сидеть сложа руки и уж тем более не может их заменить, потому что это не изолированный, самодостаточный в работе автомат, а лишь составная часть гигантского аппарата техники, неуклонное совершенствование которого связано с увеличением трудовых затрат. Выступая за то, чтобы механизировать всю, какую только можно, работу, нельзя при этом ссылаться на то, что это снимет часть нагрузки с рабочего. Механизация увеличивает не только количество механического движения и связанное с этим движением потребление, но и количество труда.

Техник всегда стремится расширить сферу механики, и эту же цель преследует его призыв механизировать все, что поддается механизации. Однако, если уж взять для убедительности сильный пример, скажите: значит ли, что нужно отменить пешехода⁷ по той

равновесия, присущим человеческому телу. Мотоцикл, представляющий собой автомат, только позаимствовал форму велосипеда, но его новые модели все больше отходят от своего образца, потому что он приводится в движение не при помощи непрерывного непосредственного участия, а при помощи механизма, автоматическая работа которого требует со стороны человека уже только контроля. История автомобиля начинается с установки мотора в привычной карете, рассчитанной на конную тягу, а подходящий кузов к этому мотору придумали позже. В автомобиле работа механизма уже не связана с человеческим телом, так что приспособленность автомобиля к человеческому телу не касается этой работы.

⁷ Почему, собственно говоря, не такая уж неожиданная мысль о необходимости создания организации пешеходов, производит несколько комическое впечатление? Оно объясняется несовместимостью понятий: ведь такой род человеческой деятельности, как ходьба, противоречит всяким попыткам внести в него организованность. Автомобиль как механическое средство передвижения легко поддается организации, как и его владелец. Велосипедистов тоже можно организовывать, но уже не с той легкостью, как автомобилистов, потому что велоси-

причине, что существуют механические средства передвижения, которые освобождают нас от необходимости ходить ногами?

16

На начальном этапе развития техники, когда количество механически выполняемых работ еще невелико, люди не замечают, что механизация влечет за собой новую организацию труда, что новый порядок работы неизбежно подчинит себе человека. Но с развитием техники все отчетливее проступают перемены, связанные с увеличением количества механической работы. В выполнение механического труда не только втягивается все большее количество людей, но наряду с этим их труд все более специализируется. Одновременно со специализацией научных дисциплин этот процесс охватывает и технику. Автономизация отдельных отраслей знания, получающая материальное выражение и сопровождающаяся их искусственной изоляцией и разграничением, находит свою параллель в области техники, где человеческий труд разделяется и дробится на части.

Одна из особенностей технического устройства заключается в том, что все его составные части в случае необходимости можно заменить. Его можно разобрать на отдельные детали и снова собрать. Изношенные или испорченные части можно отремонтировать, вынуть старые детали и вставить вместо них новые. Введение рациональной технологии, включающей всеобщую стандартизацию, типизацию, установление единых нормативных параметров для изготовления таких

пед — это не автомат. Человек становится объектом организации в той степени, в какой его занятия представляют собой автоматизированные действия.

заменяемых элементов означало большой шаг вперед в деле организации технического труда. Преимущества единой нормы столь очевидны, что здесь нет необходимости подробно вдаваться в обсуждение этого вопроса. Этот технологический принцип упрощает аппаратуру, делает ее более гибкой в использовании и служит делу совершенствования техники. Но как можно собрать и разобрать на детали машину, так же можно разложить на составные части и разделить выполняемую при помощи нее работу. Работа подразделяется на отдельные последовательные функции, механически производимые в определенный промежуток времени, а это влечет за собой функциональное распределение обязанностей рабочего. Работа утрачивает сохраняющуюся в условиях ручного труда связь с физическим существом человека. Изучая орудия ручного труда, мы замечаем, что они всегда отвечали этому требованию. Ведь заступ или лопата это, в сущности, не что иное, как копающая рука и ее кисть, молоток — это сжатый кулак, грабли снабжены пальцами. Кроме того, связь с человеческим телом выражена у орудий труда в соответствующих размерах и форме, в устройстве ручки; например, хорошая коса так послушна косцу, как будто они составляют единое целое. Со стороны иногда странно смотреть, как тщательно бильярдист выбирает себе кий для игры: чтобы понять в чем тут дело, нужно иметь в виду, что из ста возможных он должен выбрать тот кий, который по весу, длине, форме и прочим свойствам наиболее соответствует его собственным физическим данным. Только с учетом этого соответствия можно понять и другое: отчего всякие игры и работа, основанная на соответствующих потребностям человеческого тела физических упражнениях, оказывает на человека такое благотворное действие. Это соответствие исчезает по мере развития машин и техники в направле-

нии самостоятельно работающей механики. Работа механически дробится на части и расчленяется на мельчайшие временные отрезки рабочего процесса. Список профессий с номенклатурой узких специальностей, востребованных технической организацией труда, может дать представление о степени специализации производственного процесса. Он включает в себя специалистов по предварительной калькуляции, мастеров-контролеров, технологов, главных конструкторов и руководителей отделов и подотделов, хронометражистов, контролеров-метрологов⁸ и специалистов-конструкторов по отдельным деталям. Что же делает весь этот штат сотрудников проектного цикла? Они кроят работу для рабочего, дробят ее на мелкие и мельчайшие доли. Иногда ему достается одно-единственное движение, одна и та же простейшая манипуляция, которую этому человеку приходится год за годом повторять изо дня в день. Такой работник уже не ремесленник, который так называется, потому что может изготовить целую вещь благодаря тому, что знает свое ремесло. Теперь у него осталась только одна функция, одна функциональная задача, выполнение которой представляет собой механический процесс. Чем больше распространяется техника, чем больше она развивается и специализируется, тем больше увеличивается доля механической работы. В ходе этого развития труд все больше отделяется от рабочего, отмежевывается от его личности, обретая

⁸ Вот что говорится, например, в объявлении о вакантном месте контролера-метролога: «Требуется контролер-метролог с опытом работы по проверке чертежей и спецификаций на предмет соответствия конструктивных и функциональных параметров производственно-технологическим, нормативным требованиям. Необходимо знание технологии производства. Инженер-метролог должен обладать опытом хронометрирования по системе Государственного комитета рационализации труда (Refa)».

самостоятельный статус. Пропадает та личностная связь рабочего с его трудом, которой он обладал как представитель определенной профессии. Связь между рабочим и его трудом начинает носить чисто функциональный характер. Работа, как и отдельные части, из которых состоит машина, становится сменной деталью целого. Рабочий может сменить выполнение одной функции на другую. Эта смена происходит тем легче, чем сильнее выступает на первый план функциональный характер работы и чем больше соответственно упрощаются отдельные функции. Подобно тому как стандартизация машинных деталей расширяет возможности их применения, стандартный рабочий тоже может использоваться для выполнения любых функций. Однако было бы ошибочно полагать, будто расширение возможности его использования увеличивает свободу. В действительности происходит как раз обратное. Функциональный характер труда, равносильный его механической автономизации, приводит к зависимости рабочего от аппаратуры и организации труда; рабочий лишается возможности и права на самоопределение по отношению к выполняемой работе. Рабочий стал более подвижным, но зато его и легче стало включить в рамки организации. Такого работника, чей труд уже не связан с его личностью, легче подчинить организации; его можно использовать в любом пункте рабочего плана. Теперь ему приходится считаться с тем, что его могут поставить на любую работу, отправить, куда угодно, не спрашивая согласия, и ему придется отбывать принудительную трудовую повинность. По мере развития механики человек все чаще оказывается объектом жесткого принуждения. Избежать его уже невозможно. Человек не в состоянии даже смягчить его или ослабить, и все его попытки в этом направлении терпят крушение. Они терпят крушение так же, как

тщетные усилия арестанта, прикованного к механическому ступенчатому колесу. Однако между рабочим и арестантом есть все же одно различие. Рабочий положительно относится к развитию аппаратуры и организации; его усилия направлены на то, чтобы забрать в свои руки право ими распоряжаться, так как он питает ошибочное убеждение, будто бы таким образом сможет улучшить свое положение. Иными словами, он мыслит социально, то есть более социально, чем все прочие. Но его социализм, развивающийся в ногу с техническим прогрессом, представляет собой такой образ мыслей и поведения, который соответствует технической организации труда.

Как правило, для рабочих организаций, повсеместно возникающих там, где рабочий пришел к осознанию и пониманию того факта, что он попал в зависимое положение и, чтобы сопротивляться, должен создавать объединения, характерна ненависть к неорганизованному рабочему, то есть к рабочему, который еще не осознал подневольный характер механического труда и необходимость отказаться от своей независимости в пользу организации. Но, объединяясь в организации, рабочий выполняет одно из требований технического прогресса, который всюду стремится насаждать организованный порядок. Рабочий думает, что поступает так по своей доброй воле, и делает это с энтузиазмом, но на самом деле организация рабочих профсоюзов происходит под давлением механического гнета, который подчиняет трудящегося своей власти. Эти выделившиеся в особые организации профсоюзы в дальнейшем ждет упадок, который наступит, когда благодаря совершенству техники повсеместно возобладает столь эффективный автоматизм, что организация труда сделается всеобъемлющей и уже все будут рабочими.

Историческая ретроспектива поможет нам яснее увидеть этот процесс. Рабочий вопрос в том виде, в каком мы его здесь рассматриваем, впервые возникает в начале XIX века в Англии. Предпосылкой этого стало появление промышленных предприятий фабричного типа, который впервые сложился в Англии. Старинное цеховое право, препятствовавшее укрупнению промышленного производства, разрушилось, столкнувшись с внедрением механических методов производства. Одновременно происходило разрушение семейного домашнего уклада, служившего его опорой. Разрушилась система собственности и хозяйственной деятельности, которая была связана с ручным трудом. Цеховые ограничения, несвобода, налагаемая ремесленными цехами, составляет один из элементов стабильного, замкнутого в себе строя, в основе которого, как и в основе цехового устройства, лежит ручной труд. Цеховой уклад был укладом мастеров. Этот уклад включал в себя борьбу между мастерами и подмастерьями, он основывался на принципе социального равенства всех членов цеха и стоял преградой на пути образования противоречия между трудом и капиталом и появления ремесленного пролетариата. Несправедливые решения и установления устранялись вмешательством государственной власти или городского магистрата. Борьба физиократов с цеховым устройством, развернувшаяся в период, когда оно было уже подорвано допущением надомного производства, велась под лозунгом прав человека во имя свободного развития промышленных методов в ремесленном производстве и создания крупной промышленности. Свобода ремесел не только разрушила прежние отношения господства и подчинения между хозяином и работником, существовавшие при цеховом

устройстве, заменив их судебно-правовыми договорными отношениями, на основе долгового обязательства, но, кроме того, широко распахнула двери для введения промышленных методов работы, положила начало разделению труда и отняла у работника возможность самостоятельного труда, создав тем самым пролетариат. Разделение труда и возникновение пролетариата тесно взаимосвязаны. В результате технического расчленения хозяйственной деятельности на отдельные элементы и разделения промышленного производственного процесса в целом на специализированные функции из рук рабочего уходит средства производства, дававшие ему возможность самостоятельно распоряжаться своим трудом и рабочим процессом. Свойственное механическому производственному процессу разделение труда ставит рабочего в зависимость от механического оборудования. Поэтому провозглашаемая манчестерской школой неограниченная экономическая свобода, санкционирование свободы трудового соглашения приводит к рабской зависимости рабочего от предпринимателя, а следовательно, практически неосуществима, поскольку связанные с нею недостатки и злоупотребления неизбежно требуют вмешательства государства. Картина манчестерской стадии развития техники представляет мрачное и в то же время исполненное лицемерия зрелище. Манчестерская доктрина, возражавшая против введения какого бы то ни было фабричного законодательства и боровшаяся с чартизмом, представляет собой попытку целиком переложить все тяготы технического прогресса на плечи рабочего, который в этот период недостаточной организованности оказывался совершенно беззащитным.

Рабочий изначально нуждается в защите, в первую очередь в защите от промышленного предпринимателя и капиталиста, который держит в своих руках сред-

ства производства. Поэтому создаваемое сейчас трудовое законодательство прежде всего направлено на защиту рабочего от предпринимателя, для чего вводятся гарантированное право на создание объединений, устанавливаются правила, регулирующие женский и детский труд, и общие правила, регламентирующие организацию труда, а также создается система социального страхования трудящихся и страховые фонды. Полный смысл этого трудового законодательства открывается только если рассматривать его в рамках технической организации, служебным звеном которой оно является. Его цель — такая защита рабочего от посягательств капиталистического предпринимателя, которая обеспечила бы беспрепятственное развитие механических методов производственного процесса. Внимательное изучение отдельных пунктов трудового законодательства позволяет сделать вывод, что определенный уровень развития технической аппаратуры требует установления тех или иных организационных форм. Уже этот факт свидетельствует о том, что формы капитализма, складывающиеся в период становления новой техники, представляют собой относительно технических методов производства явление случайное и преходящее. Зато всегда сохраняется необходимость в защите интересов рабочего. Такая необходимость объясняется тем, что его беззащитность непосредственно связана с механическим характером рабочего процесса. И она сохраняется, потому что рабочий стал человеком зависимым, потому что отнятые у него средства производства не возвращаются к нему после того, как уходит со сцены частный предприниматель.

Зависимость рабочего трактовалась раньше как чисто экономическая. Такой взгляд основан на недоразумении. Экономическую сторону этого процесса Маркс обрисовал четко и с исчерпывающей полно-

той, но он недостаточно хорошо представлял себе технические условия. В действительности зависимость рабочего изначально коренится в условиях работы, рабочий зависит от фабричной механики. Если его труд плохо оплачивался и его заработок бывал порой просто скудным, то эту судьбу он разделял с другими людьми, между тем как зависимость от фабричной механики определяла весь образ жизни рабочего, играла в нем решающую роль, накладывая на него неизгладимую печать. Рабочий осознал свою классовую принадлежность, противопоставил себя всем остальным классам, как бы сам создал свой отдельный класс в тот самый момент, когда он осознал свое положение, ту зависимость, в которую он попал из-за того, что стал заниматься машинным трудом. Границы его классового сознания определяются этой зависимостью. Подъем рабочего движения неразрывно связан с распространением фабричной механики. Пока механический производственный процесс развит мало, это движение бывает слабым, затем оно растет вместе с развитием и распространением механического производства; сильнее всего оно выражено в тех городах, где механические рабочие процессы становятся преобладающей формой производства. Эти города становятся центрами, в которых берет начало рабочее движение, там развивается его теория и практика. Не случайно Маркс, например, жил в Англии. Рабочим в том новом смысле, какое приобрело теперь это слово, нельзя назвать человека, чей труд никак не связан с механическим производственным процессом. Пока крестьянин, ремесленник, торговец не оказываются вовлеченными в него, они еще не являются рабочими в новом значении этого понятия, которое обязательно подразумевает связь с механическим трудом. Вместе с тем всякий, кто так или иначе зависит от механического производственного процесса, явля-

ется рабочим в новом смысле этого слова. Поэтому и фермеры, и колхозники, работающие с машинами, — рабочие. Доля рабочих в составе населения увеличивается по мере того, как механические производственные процессы получают все большее распространение.

С самого момента своего появления рабочий характеризуется зависимостью от фабричной механики. Не он запустил этот процесс, в который был насильственно втянут. Он даже пытался протестовать, прежде чем примирился со своим новым положением. Рабочего вообще не было как такового, когда начинался этот процесс, — он впервые появился как порождение этого процесса. Он не хочет становиться рабочим, он разбивает машины. Он тщетно пытается спастись от неминуемой судьбы. Не он был зачинщиком этого движения, а научная мысль, которая породила такие методы производства, применение которых разрушило прежний порядок трудовой деятельности. Где бы ни находился рабочий, он всегда изначально поставлен в зависимое положение; зависимость накладывает отпечаток на все его мысли и действия, и ему некуда от этого деваться, пока он остается рабочим. Рабочее движение — это движение протеста. Ощущение динамического беспокойства, тревожной напряженности и волевого движения, которое мы чувствуем в индустриальных районах, сильнее всего выражено в среде рабочих, но порождается оно не рабочими, а большими заводами с их скоплением аппаратуры, которая подчиняет человека своим законам, предписывая ему свой порядок работы. Рабочий не управляет происходящими процессами, его мысли и желания не имеют тут никакого значения; он только следует за этими процессами, и каждый шаг его продиктован обстоятельствами. Рабочий не творит тот мир, который его окружает, он сам творение этого

мира. Хочет он того или не хочет, этот мир лепит его на свой лад. Когда рабочий пробуждается ото сна и начинает осознавать свою зависимость, то в первую очередь замечает, что его угнетают и эксплуатируют. И это чувство, как ни крути, совершенно точно отражает истинное положение вещей. Тогда он начинает понимать, какая угроза нависла над ним и его семьей, начинает понимать свою незащищенность и действует так, как подсказывает ему это чувство незащищенности. У него развивается классовое сознание, он начинает организовываться. Однако после пробуждения рабочий не сразу осознает всю глубину своей зависимости. Поняв ее экономическую и политическую сторону, он не понимает другого: не понимает, что никакая, даже самая совершенная, организация не может вызволить его из зависимости от фабричной механики, что организация, напротив, только усиливает эту зависимость как средство его окончательного закабаления. В этом нет ничего загадочного или таинственного. Потому что как бы рабочий ни строил свою организацию, все его старания носят вынужденный характер — к ним принудительно толкает аппаратура; так что и в этом случае он лишь следует имманентному закону развития новой техники. Чего бы рабочий ни достиг на этом пути, но, даже получив аппаратуру в свои руки, он вновь окажется перед фактом, что и в этих условиях ничего не меняется. Он по-прежнему остается зависимым.

18

Машинной технике, которая окружает рабочего, не свойственно защищать человека. Напротив, с каждым шагом ее развития обнаруживаются все новые закономерности, несущие в себе угрозу для человека и

причиняющие ему вред. Машина — не друг рабочего; рабочий не может установить с ней дружеские отношения. Невозможно представить себе машину, которая не была бы основана на принудительном использовании механических природных сил. Применяемое к ним принуждение направлено на достижение определенного эффекта, и этот эффект достигается насильственными и хитроумными методами. От машины требуются движения, получаемые в результате взаимодействия парных элементов в виде шестеренок, винтов, цилиндров и призм, которые ограничивают движение машины соответственно требованиям целесообразности. Тут все построено на искусственно создаваемом антагонизме. Работа, основанная на преодолении сопротивления, — неотъемлемый признак машины; это главный принцип ее устройства и функционирования. Действию природных сил в машине предшествует насильственное преодоление. Естественные силы сопротивления, которые противодействуют требуемому рабочему эффекту, — сила сцепления, трения, сопротивления воздуха и т. д., — а также и побочные силы сопротивления, являются, как и вся конструкция машины, выражением насильственного характера применяемого метода; заключенные в сборном механизме силы природы лишь нехотя уступают принуждению. Эти сопротивляющиеся силы невозможно ни выключить, ни устранить; они всегда сохраняются как непрекращающийся протест, постоянно сопровождающий процесс работы, затрудняя и удорожая его стоимость. Кроме того, к полезной работе всегда присоединяется еще и добавочная. Добавочная работа возникает как дополнительная нагрузка к полезной; машина никогда не обеспечивает экономии труда, а только приводит к увеличению его затрат. Любая машина независимо от того, служит она для перемещения или формирования предметов, всег-

да затрачивает часть своей работы вхолостую. Холостые затраты работы возрастают пропорционально общему объему механизмов. На вопросе о том, почему техническая аппаратура обременительна для природы, мы подробно остановимся в другом месте. Загнанные в узилища железных конструкций силы природы усиливают свое сопротивление, так что требуется постоянный надзор и контроль, чтобы не дать им вырваться из рабства. Одно то, что приходится быть ежеминутно начеку, усиливает тревогу человека и подрывает его уверенность. Почва у него под ногами то и дело дрожит и трясется. Сперва по ней проходит едва ощутимая легкая дрожь, затем она усиливается, чтобы разразиться наконец страшными катаклизмами, превосходящими своей мощью все известные землетрясения. Каждую машину в отдельности можно рассматривать как изолятор. Этим понятием в электротехнике обозначаются тела, не проводящие ток, которые уменьшают потери электричества в электрической цепи. В каждой отдельной машине изолируются силы, и этот насильственный метод на первый взгляд кажется удовлетворительным для достижения поставленных задач и целей. Однако это лишь мнимое впечатление, так как вся техническая организация связана с задачей подавлением этого сопротивления, которую приходится решать постоянно. Если там, где работают изоляторы, то есть в тех местах, где аппаратура соприкасается с землей, все обстоит благополучно, то в области организации труда сполна проявляется тот урон, который аппаратура наносит человеку с тыла, откуда он не ждет нападения. Технические изоляторы не в состоянии предотвратить полной перестройки всей организации труда и даже сами вынуждают к этой перестройке. В числе понятий, которые управляют организацией труда, мы снова встречаемся с аппаратурой. Можно ли представить себе

что-то более тревожное и необъяснимое, чем этот процесс? Здесь мы видим постоянно идущую упорную борьбу, сопровождаемую тяжелыми потерями. Мнимый прогресс, который в глазах Техника приносит с собой механический производственный процесс, подобен стремительно распространяющемуся пожару, который оставляет после себя выжженную и бесплодную землю. Закон энтропии справедлив для всего феномена техники в целом. Растрата тепла в технике особенно велика, так как технические методы производства по существу являются принудительными, так как в борьбе с разного рода сопротивлением потери увеличиваются по мере распространения техники. У нас нет причины экстраполировать этот процесс на весь космос в целом, как это делает Томсон в своей гипотезе о наступлении теплового равновесия и тепловой смерти Вселенной. Мы не знаем Вселенную, а следовательно, не можем, как делается в данной гипотезе, рассматривать ее в качестве механизма, который изнашивается, выработав свой ресурс.

Рабочий, труд которого связан с аппаратами, не может не организовываться; хочет он того или не хочет, ему не остается другого выбора. В условиях расширения технической аппаратуры государство не может не оказывать законодательного давления в поддержку организующей тенденции. Процесс организации — это всегда организация труда, он представляет собой механический метод упорядочивания производственных отношений, в которых участвует рабочий, связанный с функционированием технической аппаратуры. Организация не является общественным институтом. Век технического развития обладает повышенной способностью к созданию организаций. Он неспособен создавать институты, зато хорошо владеет искусством организационного преобразования существующих институтов, то есть увязывания их с тех-

нической аппаратурой. Технический прогресс не терпит рядом с собой других организаций, кроме тех, которым свойственны черты мобильности, то есть таких, которые бы вполне соответствовали мобилизационной тенденции века техники. Но общественный институт включает в себя — по крайней мере по первоначальному замыслу — качество неизменного существования; он создается как недвижимое учреждение, которому свойственна такая черта, как нерушимая устойчивость, способная выдержать натиск времени. Организации же поставляют технике средства для осуществления ее рабочих планов; и с течением времени все отчетливее можно видеть, что это предназначение является определяющим для их внутренней сущности.

Поскольку таково положение вещей, начало технического века ознаменовано громким протестом рабочего, который обвиняет общество в своей эксплуатации. Рабочий стоит в центре происходящего, так как непосредственно связан с механикой и первым испытывает на себе порождаемую ею зависимость. Он чувствует, что стал жертвой несправедливости. И все обиды рабочего выливаются в одно обвинение: его сделали жертвой эксплуатации; питательной почвой, на которой возрастает организация, создаваемая рабочими, является факт эксплуатации, хищнического использования рабочей силы. Это обвинение в первую очередь направлено против предпринимателя и хозяина частного капитала, который распоряжается техническими и экономическими средствами производства. На исторической арене появился новый класс илотов — связанный с машинной работой пролетариат, не получающий за свой труд достаточного вознаграждения, обделенный в одежде и питании. Хотя эта новая, все увеличивающаяся армия илотов и существует *sui juris*,* не подчиняется никакому господину,

который обладал бы по отношению к ним правами *Dominium*,* имея юридическую власть *potestas dominica*** и хотя за ними даже признается тройной статус *libertatis, civitatis* и *familiae**** которого по римскому праву не могли иметь рабы, однако они находятся под гнетом не менее тяжелой зависимости — зависимости от технической аппаратуры — и, что еще важнее, зависимости от соответствующего мышления, порождающего эту аппаратуру и управляющего ее развитием.

Мышление рабочего представляется как бы расколотым. Оно раскалывается, сталкиваясь с аппаратурой. Одним из выражений расколотости мышления является его восприимчивость к идеологии. Трудно сказать, чем социализм отличается от *fata morgana*. Для человека, владеющего китайской грамотой, идеограмма китайской письменности обладает определенным смыслом даже тогда, когда он не знает китайского языка. Понять, что же такое социализм, гораздо труднее, потому что в самом этом слове заключена таинственная завлекательная сила, пробуждающая желанные мечты. Поэтому нужно заставлять каждого, кто им пользуется, дать определение этого понятия, причем если он будет говорить об обеспечиваемых каждому человеку гарантиях, об арифметическом равенстве или просто нарисует картину непогрешимой бюрократии, на этом не следует останавливаться. Нужно, чтобы он рассказал о своем понимании того, какое место занимает аппаратура, какова в его представлении организация человеческого труда и какие изменения он намерен в нее вносить. Потому что следует помнить о том, что весь генезис социальной проблематики в том виде, в каком она нам знакома с XIX века, связан с прогрессирующим развитием техники. Вне условий технического прогресса не бывает социализма. Теории общества развиваются на пути, который намечен технической практикой, и все

реже выбиваются из этой колеи. В конечной точке они сливаются в тождество. Поскольку объектом устремлений техники является рабочий, то рано или поздно социализм и техника соединяются в единое целое. Тогда оказывается, что социализм означает не что иное, как определенное коллективное поведение, которое требуется от рабочего в мире механического производства. Социализм в этом случае означает такой тип мышления, который добровольно и безоговорочно, со всей убежденностью подхватывает выдвигаемые техникой идеи, направленные на эксплуатацию и хищнические методы хозяйствования, который всемерно их поддерживает и помогает развивать. Опираясь в своем требовании социальной справедливости на технический прогресс, вступая с ним в союз и пытаясь с его помощью добиться их осуществления, этот тип мышления находит в нем могущественного союзника. Однако этот союз представляет собой то, что называется *societas leonina*,* здесь всем заправляет техника и ото всего берет себе львиную долю. Социальная справедливость сводится тогда к приспособлению к механическим закономерностям, которым по воле техники подчиняется человек. Техника создала столь мощные системы оборудования, проработанные и согласованные между собой до мельчайших деталей, что в руках человека сконцентрировалось невиданное доселе материальное могущество. Обладая им, человек уже мечтает так подчинить себе природу, чтобы достичь над нею универсальной власти. Но такая победа, как показывает строение и форма машин, может быть завоевана только на путях вражды и насилия. Только ценою опустошительных сражений, которые ведутся со все большим размахом. Обоюдоострый характер этих методов состоит в том, что объектом из воздействия оказывается человек. Пользуясь ими, человек подрывает основы собственного существования,

так как он сам — часть той природы, богатства которой он растрачивает для достижения своих целей. Противник, который не только способен потягаться с этим мышлением, но и в силах его одолеть, уже вступил в поединок. Ибо *natura naturans* отвечает на стерильное мышление, точный образ которого представляет собой безжизненная пустыня, убивая в человеке все человеческое и унижая его достоинство, нестираемой печатью пошлости. Мышление, озабоченное исключительно планами корыстного потребления, накладывает неизгладимую печать на физиономию своего носителя.

19

Рассматривая начальную стадию технического века, невольно получаешь впечатление, что внезапное прерывание старинной ремесленной традиции и переход к механической работе таит в себе нечто загадочное. Легко можно заметить, что научные предпосылки появления новой техники возникли благодаря разработке динамического раздела механики. Античность работала в механике только статику, динамикой же почти не занималась, не позаботившись даже о том, чтобы выделить ее как особый раздел. Основы динамики развили Галилей, Гюйгенс, Ньютон. Теологические мотивы, побудившие их к этой работе, следует искать в первую очередь в теории воли, которая связана с динамикой. Однако нужно отметить, что в ту эпоху, когда теология была дружна с механикой, а классические основоположники динамики одновременно занимались теологическими вопросами, с развитием динамики никто не связывал, да и не мог связывать, каких-либо утопических надежд. Ведь эти ученые совершенно не представляли себе возможностей ее универсального практического использования, ее

технического применения. Ни Ньютон, ни Гюйгенс, ни Стевин не были пророками. Да и французские энциклопедисты, так рьяно стремившиеся объяснить всю природу с точки зрения физики и математики, были еще далеки от того, чтобы составить ясное представление об автоматизированной механике и тех последствиях, которые ее развитие будет иметь для человека. Для того чтобы с механикой начали связывать какие-то ожидания, выходящие за рамки чисто научных, технических, механических представлений, она должна была достичь известной степени развития. Когда это произошло, утопическая мысль ухватилась за машину и выплеснулась мощным, широким и вульгарным потоком. Все утопические ожидания отныне связывались с техникой и становились тем необузданнее и безбрежнее в своем оптимизме, чем эффективнее осуществлялась эксплуатация природных ресурсов, порождая мечты о гарантированном ею всеобщем комфорте.

Рабочий не остался в стороне от всеобщего увлечения. Он проникся верой в эти утопические мечты; он уверовал в них настолько, что взял на вооружение. О зловещих возможностях, таившихся в глубинах начавшегося процесса, в чьи тиски рабочий попался одним из первых, он не знал да и не в силах был узнать. Неприятие рабочим настоящего проистекало из его уверенности в будущем. Как дитя технического прогресса, рабочий относился к нему с сыновним почтением. Направление его мысли определялось идеей прогресса, к которой он относился положительно. Рабочий отвергал не саму эксплуатацию, которую порождала техника, а эксплуататора, который держал в своих руках средства производства, распоряжался ими, а его, рабочего, использовал в качестве осла на мельнице, которая мелет зерно. Он верил, что все обязательно переменится, когда аппа-

ратура перейдет в его распоряжение. Рабочего вдохновляла мысль о времени, когда он сам станет хозяином машин, ведь машины созданы для него, он знает их вдоль и поперек, связан с ними экзистенциально — можно сказать, машины просят перейти в его умелые руки. Оставалось только дожидаться, когда машины получат еще более широкое распространение, когда возрастет их количество, чтобы приблизиться к этой цели. Ведь чем больше будет машин, тем больше будет рабочих. Машина не потерпит рядом с собой никого, кроме рабочего человека. Да и человек формируется в рабочего только подле машины.

Рабочий не понимал одного: методы не изменятся. Эти методы по своей сути не являются неотъемлемой частью определенного слоя капиталистов, изобретателей, инженеров, а без труда могут быть обособлены от своих нынешних носителей — они свойственны техническому мышлению вообще. От этих методов зависит технический прогресс: без них техническому прогрессу грозит остановка. Методы остаются неизменными. Тот, кто ратует за эти методы или молча с ними соглашается, исповедует принцип хищнического использования природных ресурсов, эксплуатации и угнетения. Тот, кто борется с этими принципами, не ведая, какое мышление их породило, воюет с ветряными мельницами. Рабочему, ставшему господином машинного арсенала техники, поставят в упрек то же, что он ставил в вину капиталисту. Это самое больное и уязвимое место его позиции. Даже став хозяином машины, рабочий останется при своем раздвоенном мышлении. Он намертво прикован к могучим железным протезам рабочих инструментов. Если мы начнем искать причину раздвоенности сознания рабочего, то увидим, что в конечном счете оно, так же как его экзистенциальная бедность, отсутствие собствен-

ности, незащищенность и ненадежность материального положения, обусловлено привязанностью рабочего к машине. Человек, соединенный с машиной в один механизм, именно из нее черпает свой опыт. Он превращается в продукт того мышления, которое создает технические конструкции, и начинает жить по законам механического времени. Сама машина — это часовой механизм. Хотя время не имеет каузального характера, так как последовательность его частей так же не связана с причинно-следственными отношениями, как не связан с ними натуральный ряд чисел или ноты музыкальной пьесы, но при помощи понятия времени можно с механической точностью измерить каузальные процессы. Механическое понимание времени контролирует рабочего, а не наоборот. Время же как таковое существует независимо от всех механизмов. Время и пространство понимаются теперь как принадлежность механики. В каждом учебнике механики им посвящен раздел, из которого можно узнать, каким образом они переосмыслены для решения задач механики. Время и пространство переосмыслены применительно к потребностям точных наук. Это переосмысление впервые осуществил еще Ньютон.

Человек постоянно испытывает давление времени и сужающегося пространства. Подчиняясь диктату механического времени, человек неизбежно стремится выиграть время, то есть какую-то меру механически отсчитанного времени, запас которого у него не безграничен и которое он поэтому вынужден экономить. Это и заставляет его конструировать новые механизмы, которые будут работать быстрее, чем уже существующие. Такой способ экономии времени, как следствие, неизбежно влечет за собой сокращение пространства, преодоление которого происходит со все большей скоростью. Механическое понятие времени изменяет представление о пространстве. Имеющий

глаза пусть оглядятся вокруг в городах, чтобы увидеть пехус* каузальных отношений, который представляет собой не что иное, как хождение человека от аппарата к аппарату. Тогда он обнаружит закон, управляющий в наше время движением. Этому закону подчиняется не только рабочий, обслуживающий машину, но и все другие люди, включая тех, кто зашел в кафе выпить лимонаду, отдыхающих в парках и скверах, отпускников и отпущенных на каникулы студентов, потому что все мыслимые виды свободного времяпрепровождения попали в среду влияния технической аппаратуры. Мучительная тоска по свободному времени — чувство, характерное для каждого человека впряженного в колесницу этой аппаратуры; однако для него так же характерна неспособность распорядиться этим свободным временем каким-либо иным способом, не связанным с его механическим отсчетом.

В связи с этим внимательный наблюдатель не может не отметить еще одно явление. Возможно, он удивится сначала, когда мы скажем, что ощущение неуверенности в завтрашнем дне и все возрастающее чувство незащищенности, которые так мучают современного человека, тесно связаны с развитием точных наук и возникших под их влиянием методов производства; на первый взгляд такой вывод может показаться странным. Между тем точность в области математики, механики, в области причинно-следственных связей может только умножить мои познания в области тех или иных соотношений, однако ничего не даст в смысле надежности. Да и само понятие точности зависит от относительных механических понятий. Оно не дает человеку ни чувства безопасности (*securitas*), ни чувства уверенности (*certitudo*), которые распространялись бы за пределы той области, где действуют механические закономерности. Накопление точных данных о механических соотношениях прино-

сит большую пользу в деле дальнейшего развития техники и организации человеческого труда, однако эти взаимосвязанные процессы отнюдь не прибавляют человеку уверенности в надежности его существования. Ведь именно эти два фактора являются источником испытываемых человеком негативных воздействий. Да и как может рабочий, попавший в зависимость от аппаратуры, обрести чувство уверенности при такой работе? В действительности работа на аппаратуре вызывает прямо противоположный эффект. Именно выверенная точность рабочего процесса и делает рабочего беззащитным.

Каким образом человек, ставший звеном этого процесса, может из него вырваться? Сложность задачи заключается в том, что залогом удачного исхода может быть только кардинальный пересмотр всей иерархии сложившихся представлений. Сначала нужно преодолеть господствующие ныне механические понятия времени и пространства. Нужно осознать, что техника — это гигантское беличье колесо, которое вынужден вращать человек, растрачивая свои силы на бесплодный труд по поддержанию рабочего процесса, делающегося тем бессмысленнее, чем более рациональной, всеобъемлющей и всеобщей становится его форма. Низведение технических средств с господствующего положения до подчиненного требует для своего осуществления нового мышления, свободного от иллюзий, на которые опирается технический прогресс, такого мышления, которое положит конец жестокой эксплуатации.

20

«Во всяком исследовании разум по праву, — говорит Кант в своем небольшом трактате «О применении телеологических принципов в философии», — призывает

сначала к теории и лишь позднее к определению цели. Но отсутствие теории не может возместить никакая телеология или практическая целесообразность».* Между тем Кант признает, что не все поддается теоретическому решению, и тогда на помощь приходит телеологический метод. Это показано в его «Критике способности суждения». Цель, в понимании Канта, есть то, что возникает не из причинно-следственных отношений и механизмов природы; появление цели вызывается такой причиной, «эффективность которой зависит от понятий». Соответственно Кант противопоставляет друг другу *nexus effectivus*** и *nexus finalis****. Исходя из сходства действующей в природе и технике целесообразности, Кант пользуется термином «техника» для обозначения каузальности природных явлений и проводит разграничение между предумышленной техникой (*technica intentionalis*) и техникой непредумышленной (*technica naturalis*****). Первую он рассматривает лишь как особый вид каузальности, вторая же полностью тождественна естественному механизму природы. Исследовав эти понятия, Кант приходит к выводу, что они непригодны для догматических определений. Согласно Канту механическое и телеологическое объяснения взаимно исключают друг друга; точка их совпадения должна, очевидно, лежать не в эмпирической, а в сверхчувственной сфере. Механическое толкование не дает исчерпывающего объяснения возможностей живых существ, имеющих в природе. Однако при помощи одного лишь телеологического объяснения, не учитывающего естественных механизмов природы, невозможно судить даже о том, является ли данный предмет продуктом природы. Поэтому Кант допускает гипотезы, сочетающие в себе механическое и телеологическое объяснение. Нужно следовать механическому принципу настолько это возможно, но на за-

ключительном этапе механическим принципам отводится подчиненное по отношению к телеологической каузальности положение. В этом смысле Кант говорит о телеологическом принципе творения, который играет либо случайную, либо предопределяющую роль, о конечной цели природы, рассматриваемой как телеологическая система, и о конечной цели творения.

Если мы исходим из того, что всякая техника является подражанием природе, — такого взгляда придерживался еще Аристотель, — то отсюда легко сделать следующий шаг, допуская, что природа также использует своего рода технику, то есть определенный повторяющийся процесс, в результате которого возникают живые существа. Назвать этот процесс техникой природы можно не опасаясь недоразумений, при условии, что это понятие будет заранее ограничено, то есть что в вопросе возникновения органических существ мы будем принимать во внимание факт ограниченности нашего знания об этом процессе областью повторяющегося механического процесса. Необходимость проводить различие между техникой предумышленной и непредумышленной (*technica intentionalis* и *technica naturalis*), зрячей и слепой, заставила Канта прибегнуть к чрезвычайно искусственной системе понятий. Ведь если эти два вида техники считать взаимоисключающими и несочетаемыми друг с другом, то несочетаемыми оказываются и обе выводимые из них системы. Шеллинг («Описание природного процесса») справедливо указывает на то, что *technica intentionalis* и *technica naturalis* выступают одновременно, что они отнюдь не исключают одна другую. Еще у Канта встречается замечание, что органическое существо, в отличие от механизма, может рассматриваться только как случайное. Потому что в нем присутствует глубинное скрытое несоответствие между естественной

целесообразностью органического порождения живой природы и необходимостью его существования; тогда как в технических конструкциях, созданных человеком, оно оказывается снято и не дает о себе знать. Приведем выдвинутый по этому поводу аргумент Шеллинга, так как в нем затронута самое существо этой проблемы. Шеллинг пишет: «О тех объектах, в которых мы наблюдаем проявление действующего в природе закона необходимости, мы с полным правом можем сказать, что постигаем их бытие, поскольку знаем их причины и законы, по которым они действуют; поэтому в предположении что мы сами сможем производить такие вещи, как, например, алмаз, нет ничего недопустимого. Если же в отношении органических существ необходимость их существования не оказывается для нас так же ясна, то причина этого заключается не в том, в чем ее усматривал Кант, поскольку рассудок, из которого выводится их существование, сам не может быть предметом опыта, а в том, что эти существа не являются необходимыми в том же смысле, как иные сущности, и поэтому хотя их и следует тоже относить к созданиям природы, однако природы свободной и творящей по свободной воле». И действительно, ни один ум в мире не может найти объяснение, какой целесообразности отвечает природа соловья или лилии. И ни один ум в мире не докопается до истины в вопросе о том, насколько они действительно необходимы. А попытки телеологических объяснений, вроде тех, что мы находим у Канта, производят порой весьма странное впечатление. Хотя бы вот это: «Например, можно сказать: вредные насекомые, которые донимают человека, поселяясь в его платье, волосах и постели, созданы как полное мудрого смысла орудие, побуждающее к чистоплотности, которая как таковая есть важное средство для поддержания здоровья». Такая чистоплотность, пожалуй, не

многого стоит. А кроме того, невольно хочется себя спросить, не слишком ли искусственным и хитроумным методом воспользовалась природа, создавая для своей цели блох, вшей, клопов и тому подобных тварей. Характер высказывания заставляет воспринимать эту мысль юмористически. Однако встречая такие спекулятивные рассуждения, узнаешь в них ту почву, на которой могли потом пышным цветом расцвести ламаркизм и теория отбора.

21

Механицисты не хотят признавать каузальный и телеологический подход равноправными. И когда они вынужденно пользуются понятием целесообразности, то делают это с той оговоркой, что всякая целесообразность принимается в качестве временного допущения и в дальнейшем подлежит причинно-следственному истолкованию. Как номиналисты, для которых универсалии существуют *post rem*,* они не признают таких целей, которые нельзя пощупать руками; они отказывают им в какой бы то ни было возможности реального существования *in re*** или *ante rem*,*** Они боятся, что с отказом от индуктивного метода утратят точность, свойственную (или приписываемую) классической механике, точность математических расчетов.

Виталисты тоже не правы, когда в споре со своими противниками, хотят вытеснить их последовательно со всех позиций, зато они не раз уже были наказаны за свою неосторожность. Физико-химические процессы обнаруживаются не только в структуре молекул и клеток, они имеются и в представлении «Волшебной флейты», и на придворном празднестве в садах Монтесумы. Иное дело, кому они в этом случае интерес-

ны! Точнее говоря: сущность спора заключается в том, сводятся ли представление оперы и придворный праздник к физико-химическим процессам, которые тут безусловно присутствуют, и оказывают ли происходящие при этом механические процессы решающее воздействие на целесообразный ход музыкального исполнения и праздничного действия. При такой постановке вопроса сразу видно, что речь здесь идет о продолжении старинного спора между реалистами и номиналистами. Так что мы не станем в него вступать, чтобы не застрять на вопросе, что было раньше — яйцо или курица.

Для техники этот спор не имеет большого значения. В разработке технических производственных процессов равноправно участвует каузальное и телеологическое мышление. Здесь нечего и пытаться разделить и противопоставить одно другому. На примере любой аппаратуры видно, что в ее функционировании принципы каузальности и целесообразности выступают в неразрывном единстве. Они представляют собой две стороны одного и того же процесса; это явление так характерно для техники, что не может не обратить на себя внимания наблюдателя. Поэтому будет полезно поподробнее остановиться на успешном сотрудничестве этих принципов.

Говоря о цели и употребляя слово «Zweck», мы сами того не сознавая пользуемся метафорой; в первоначальном смысле это слово означает колышек в центре мишени, то есть точку, в которую целится и старается попасть стрелок. Впечатление целесообразности возникает, когда выбранные средства соответствуют поставленной цели, то есть в основе такого впечатления лежит их соотносимость. Высказываясь о целесообразности чего-либо, мы выносим рассудочное суждение, и такое суждение предполагает знание как соответствующих средств, так и поставленной

цели. Таким образом, к людям, животным, растениям, то есть ко всему тварному, что создано не нами, понятие целесообразности применимо лишь с известными ограничениями, поскольку нам неизвестно, ради какой конечной цели существуют люди, животные, растения, и мы не можем установить это средствами нашего разума. Все, что нам представляется в них целесообразным с точки зрения приспособленности их организации к определенным отправлениям, не позволяет еще сделать вывод относительно их изначальной и конечной цели. Когда мы, исходя из наблюдаемых следствий, делаем вывод относительно цели, это чревато возможными ошибками, в особенности если мы не знаем, какие отношения входят в понятие цели.

Понятие технической целесообразности имеет положительный смысл постольку, поскольку в механике поддается учету совокупность средств, используемых для достижения определенной цели. Их целесообразность можно изучить и проверить. Однако следует понимать, что эта целесообразность всегда и везде относится только к средствам, а не к достигаемой цели. Лишь в том случае, когда достигнутая цель в свою очередь становится средством для достижения новой цели, она в своем новом качестве средства становится целесообразной. Иными словами, это отношение можно выразить так: в сфере техники существует только техническая целесообразность.

Мы делаем важный шаг вперед, уяснив себе, что все возрастающая целесообразность технических средств связана прямой зависимостью с развитием каузального мышления. Механика не могла бы совершенствоваться без непрерывной работы этого мышления, потому что именно в области техники это мышление находит свое применение и практическую проверку. Соотношение между средствами и целями

отвечает соотношению причин и следствий. Хотя эти отношения отнюдь не тождественны друг другу, они взаимодействуют между собой как цепь и колесо. Всякое расширения закона каузальности неизбежно влияет на соотношение средств и целей. Поэтому на понятие технической целесообразности каузальность оказывает непосредственное влияние. Именно этим обстоятельством обусловлена взаимозависимость механики и организации социальной сферы, и та и другая не существуют друг без друга. Они функционируют как лезвия ножниц или как щеки щипцов. Эти сравнения взяты не произвольно, они соответствуют описываемому процессу, указывая одновременно на страдание, которое он причиняет человеку.

Может показаться странным, что из отдельных попыток, когда что-то нащупывалось вслепую, из разрозненных, никак не связанных изобретений, из незначительных мелочей выросла та большая механика и организация, которая ныне готова распространиться на все и власть которой все ощущают на каждом шагу. Но конвергенция этих изобретений соответствует конвергенции мышления, которое всюду проявляется с одинаковым единообразием. И даже в самых незначительных актах этого мышления воспроизводятся законы мировой механики.

22

Само собой разумеется, Техник отвергает все, что противоречит его понятиям о конструктивности и целесообразности. Стремясь к технической целесообразности, Техник и не думает сомневаться в желательности ее достижения. Нецелесообразная по своей конструкции машина вызовет у него искреннее недовольство и возмущение. Дело тут не только в ме-

ханических правилах, а в том, что на карту поставлена его профессиональная честь и самоуважение. Ведь небрежная конструкция не просто нецелесообразна, она бросает тень на самого конструктора, разоблачая его непрофессионализм.

Однако понятие технической целесообразности требует уточнения. Нужно определить границы, за пределами которых оно теряет смысл. Поясним это на примере. Хорошо сконструированный автомобиль целесообразен, так как выполняет ту задачу, для которой он был задуман. Предположим, что это удачное конструкторское решение находит применение в производстве пяти миллионов машин данного типа и все эти машины используются по назначению. Тип конструкции от этого несколько не утрачивает своей целесообразности, и даже напротив, можно сказать, что такой хороший сбыт служит ей лишним подтверждением. Мы можем пойти дальше, представив себе, что эта машина, выпускаемая крупным заводом, завоевала такой успех, что на ней уже ездит каждый взрослый житель большой страны. Этот факт еще больше упрочивает славу о ее целесообразности. Но нельзя забывать о том, что целесообразность эта чисто техническая и конструктивная, а следовательно, носит частный характер. Потому что если мы зададимся вопросом, целесообразно ли то, что каждый взрослый человек этой страны является владельцем автомобиля и ездит на машине, то тем самым затронем уже совершенно иную сферу. Этот вопрос, несомненно, носит более общий характер, и если разобраться, то окажется, что он выходит за рамки техники. Поэтому Техник никогда и не задавался этим вопросом. Он получает непосредственную выгоду от того, чтобы как можно больше автомобилей использовалось по прямому назначению, так как технизация транспорта отвечает его задачам и требованиям. Поэтому Техник

доводит автомобиль до технического совершенства, не беспокоясь о том, какие нетехнические последствия должно вызвать непрерывное количественное увеличение автомобильного парка. Он даже требует, чтобы у каждого человека была по крайней мере одна машина. Мы сами были свидетелями того ликования, каким было встречено это требование.

Но тот, кто соглашается с этим требованием, признает тем самым за каждым человеком право потреблять больше металла, больше нефти и бензина, больше угля, резины и т.п., то есть соглашается на такое потребление, которое при распространении в мировом масштабе должно до предела увеличить хищническую добычу природных ресурсов. К этому непосредственному потреблению запасов, вызванному механизацией труда, прибавляется другое, связанное с его организацией. Сюда относятся постройки и оборудование, которые необходимы для индустриальной добычи сырья: фабрики, шахты, плантации и т.д. Сюда же относится вся работа по организации транспорта, расширение транспортной сети тотчас же вызывает увеличение числа механизмов. Моторизацию можно рассматривать как частный случай технической организации труда; можно и наоборот рассматривать ее как следствие механизации. Оба эти явления связаны друг с другом как две половинки клещей, которые действуют с одинаковой силой. Все технические средства организации труда увеличивают число механизмов, любая механизация способствует распространению технической организации. До тех пор, пока продолжается развитие организации, неизбежно развивается аппаратура, и это соотношение остается справедливым, если поменять местами его члены. Если взять в целом всю техническую организацию вместе с соответствующей аппаратурой, то мы увидим работу этих клещей в полном объеме, увидим гигантскую силу их воздействия.

Однако мы совершили бы тяжкую ошибку, предположив, что столкнулись с процессом упорядочения, который помимо непосредственного регулирования своего распространения приносит еще какую-то ощутимую пользу. Иногда и впрямь может так показаться, однако видимость зачастую бывает обманчива. Защитники этого мнения должны его сперва доказать. При чем нельзя делать такой вывод на том основании, что аппаратура определенного вида способствует организации труда, или наоборот, организация способствует развитию аппаратуры, — это тавтологическое утверждение. Рациональность технических методов также не может служить достаточным доводом, так как эти рациональные методы результативны и в другом плане: они ускоряют расхищение ресурсов.

Различие между наукой и техникой заключается, по мнению Платона, в том, что техника не познает того, чем она пользуется, она не понимает природы этих вещей, не понимает сути дела и потому не есть наука. Техника не способна описать сущность всего, чем она пользуется. Эта особенность техники, а именно тот факт, что она хромает по части познания, связана с целями, какие она себе ставит. А следовательно, у нее нет выдающихся мыслителей, которые способны охватить умственным взором все процессы, порождаемые механизацией и организацией человеческого труда. Для этого нужно обладать той духовной независимостью, какой нельзя ожидать от узкого специалиста, который, где бы он ни работал, всегда состоит на службе технической организации. Недаром специализация рабочего процесса есть один из основополагающих принципов, на которых в наше время покоится вся организация труда — тот пресловутый хваленый метод, которому, как нас уверяют, якобы свойственна чрезвычайная целесообразность и результативность. К тому же этот метод вполне соответ-

вует мышлению, которое все внимание заостряет только на функциях, хотя для человека как такового подобное мышление часовщика может оказаться отнюдь не полезным. Поэтому у нас нет недостатка в таких головах, которые демонстрируют нам и расхваливают целесообразность имеющейся в наличии аппаратуры и организации. Их самих вполне удовлетворяет простая констатация этого факта, потому что они не задумываются о моменте относительности, который всегда присутствует в понятии цели. Но в таком случае это доказательство ни к чему не ведет. Какой бы — пускай даже наивысшей степени — целесообразности не достигали механизация и организация, используя все возможности автоматизации, это все равно ни в коей мере не приблизит нас к решению вопроса и даже к его постановке. На самом деле надо еще выяснить, к чему ведет эта целесообразность и в какое положение она ставит человека. Но с этой задачей не может справиться функциональное мышление, которое всегда стремится привести в явления волевое начало, уловить и проанализировать их последовательность в мертвом времени. Для того чтобы решить эту задачу, нужно описать присущие технике принципы порядка с точки зрения их воздействия на человека, подвергнув критическому рассмотрению универсальный рабочий план в целом.

23

Стоит человеку вступить на путь технического прогресса, как тотчас же на него начинает оказывать активное воздействие организация. Техника не только удовлетворяет, но и организует спрос, а вместе с тем ставит человека себе на службу. Каким же образом она это делает? Все протекает с неотвратимостью ес-

тественного процесса. Если выбрать для его обозначения подходящий технический термин, то можно описать происходящее так: «техника включает человека». Это делается с той легкостью, с какой мы нажимаем на кнопку или переключаем маленький рычажок, когда зажигаем электрическую лампочку. Этот процесс носит всеохватывающий характер; в него вовлекается не только рабочий, непосредственно связанный с машиной, но и каждый, кто живет в условиях технической организации. Если меня снабжает газом, водой, теплом, электричеством механическое предприятие, то я тем самым становлюсь частью существующей организации, которая, подобно паутине, распространяется, наращивая новые кольца, и управляется администрацией технического центра. Если я устанавливаю в своем доме телефон или радиоприемник, я не просто приобретаю ту или иную вещь, а одновременно подключаюсь к телефонной или к радиовещательной сети, я вступаю в ряды организации с централизованным управлением. Эта централизация свойственна всему, что имеет отношение к технике. В ней совершенно отсутствует иерархический принцип и выражается лишь закон каузальности и целесообразности, действие которых можно наблюдать на примере любого аппарата. Слова «Leitung» и «Führung»* не используются здесь в значении, связанном с представлением о главенстве и подчинении. В технике они выражают всего лишь технические понятия и используются так же, как понятие субстанции в физике, которое в этой специальной области подразумевает только физические свойства субстанции.

Если мы представим себе дом, благодаря высокой степени технического совершенства представляющий собой жилую машину, в которой все механические обслуживающие устройства работают автоматически, мы не только встретим в нем многочисленные точки

подключения к различным сетям и множество розеток и выключателей, но также увидим, что жизнь его обитателей полностью зависит от технической организации, подчинена техническим функциям и что люди терпят неудобства из-за любых неполадок, связанных с функциональностью общего устройства дома. Но это еще не все. Возможно, обитатель такого дома уверен, что обеспечен всеми удобствами современного комфорта. Он убаюкивает себя иллюзиями относительно якобы комфортного характера техники, думая, что главная задача техники — обеспечивать его комфорт. Поворачивая ручку настройки радиоприемника, человек ожидает, что из эфира польется музыка, которая будет развлекать его в свободное время, прогоняя *acedia*,* коей, по словам Кассиана,** особенно подвержен монах-пустынный в шестом часу дня. Скорее всего, человек получит такую музыку. Однако из того же аппарата могут зазвучать совсем другие, куда более грубые голоса — голоса, которые прикажут ему встать и приниматься за работу и вообще заняться гораздо менее приятными делами, которые будут ему вовсе не по душе. Предоставим же фантазии читателя вообразить себе возможные варианты!

Организирующая сила техники возрастает по мере ее развития, так как механизация труда и организация человека неразрывно связаны друг с другом самым тесным образом. Бесперебойное функционирование автоматического производства, создающего технический продукт, возможно только тогда, когда рабочий тоже включен в организацию и подчиняется такому же автоматизму, который состоит в единообразном повторении одних и тех же движений. Рабочий, конечно, не робот, как та машина, которую он обслуживает; однако он соединен с машиной, как с жестким протезом, который регулирует его движения. От рабочего требуют, чтобы он работал с трезвой голо-

вой, соблюдал расписание, выполнял работу точно, с надежностью механизма, чтобы в своей работе он беспрекословно подчинялся диктату мертвого времени. Существуют умные устройства, которые понуждают его к работе и одновременно контролируют ее выполнение. К таким устройствам относится не только ленточный конвейер, впервые введенный на чикагских бойнях, не только всевозможные контролирующие приборы. Врач, который берет у рабочего кровь для анализа, чтобы определить содержание алкоголя, действует в качестве чиновника, наблюдающего за организацией рабочего процесса и за бесперебойностью технического автоматизма, подобно полицейскому регулировщику или судье, выносящему приговор по делам о транспортных авариях. Проверки на профпригодность и служебное соответствие, производимые в рамках организации производственного процесса, направлены на выявление не способности самостоятельно мыслить, а способности к механическому реагированию на механические раздражители. Подобные технические процедуры получили в наше время повсеместное распространение, но там, где они появляются, они влекут за собой последовательность механического ряда, ту причинно-следственную цепочку, которая приводит к зависимости. В наши задачи не входит давать перечень этих методов, достаточно указать на их отличительный модус. Если метод, применяемый в настоящем исследовании, хоть скольконибудь плодотворен, то благодаря ему читатель получает средства, при помощи которых он сам может обнаружить искомое.

Однако мы все же укажем здесь на одно явление, тесно связанное с техническим прогрессом. Это явление — возрастающее влияние статистического мышления и все более дотошный учет наличных фондов, при помощи которого статистика снабжает техниче-

кую организацию необходимыми сведениями. Точность статистических методов, главную роль в которых играют такие понятия, как объем, индекс, репрезентативность, субституция, инклюзия и генерализация, повышается по мере того, как под влиянием техники все большее распространение получает каузальная механика. Регулярно повторяемый, беспокойный пересчет имеющихся фондов, при котором учитываются мельчайшие единицы, и огромное значение, придаваемое статистическим исследованиям, сами по себе достаточно красноречивы. В том недоверии, с каким в прежнее время относился к статистике Бисмарк, выражается недоверие государственного деятеля к механическим определениям, на которых целиком и полностью основана статистика; это было недоверие к показателям, добываемым статистиками, которые оперируют числовыми величинами. Это недоверие не было таким уж неоправданным — статистической науке в какой-то мере всегда были свойственны рационалистические благоглупости. Поэтому имеет смысл относиться к ее данным с осторожностью, никогда не забывая про знаменитое: «*Cui bono?*»* Важно, кем задан вопрос и в чьих интересах дается статистический ответ.

Повсеместно можно наблюдать, что организация труда происходит под давлением механизации. Техническое мышление, которому присущи беспредельные властные устремления, проявляет в этом отношении беспощадную требовательность. Исполненное несокрушимой веры в принцип организации, оно всюду торопит ее развитие, распространяется на все сферы и на каждом шагу поглощает неорганизованную жизнь. Все более разбухающий бюрократический аппарат становится поэтому постоянным спутником технического прогресса, ведь расширение организованной сферы неизбежно сопровождается появлением все новых контор и численным ростом касты писцов.

Представитель точной науки пунктуально точен только в неукоснительном следовании правилам каузального мышления. Именно с этой точки зрения имеет смысл говорить о точности его науки. Во всем остальном он неспособен быть точным. Вся его деятельность носит в первую очередь описательный и измерительный характер, причем эти описания и измерения выполняются при помощи чисел. Отсюда и утверждение Канта, «что любая естественная наука есть наука лишь в той мере, в какой в ней применяется математика». С учетом той роли, которая тут приписывается числу, это должно означать не что иное, как подражательный характер всех научных стремлений. Таким образом, задачей науки оказывается точная имитация, и только путем имитации она может подсмотреть у Бога или у природы определенные приемы. Так, в эксперименте следует добиваться таких условий, при которых возможна полная имитация. Говоря о научной интуиции ученого, следует подражать интуицию подражательно-исследовательского толка, а говоря о технике, где ставится задача применения и использования законов в тех или иных конструкциях, — интуицию подражательно-изобретательскую. Машина и есть подражательное изобретение. Совершенно ясно, что те свойства природы, которые имеют механические проявления, наименее трудны для подражания и что прежде всего здесь перед каузальным мышлением открывается благодатное поле для успешной деятельности. Потребовалось такое мышление, которое трактует весь мир как большую машину, чтобы затем создать маленькие машины, в которых подражательно воспроизводятся процессы, протекающие под действием механических сил. И лишь накопив опыт в этой области и завоевав

власть, можно перейти к тому, чтобы использовать приобретенные знания в применении к другим областям и, как это делает, например, биолог, перенести законы механики на живую природу.

Категория каузальности в том виде, как она представлена в классической физике, оказывается уже недостаточной для решения подобной задачи. Причина и следствие обладают здесь еще какой-то самостоятельностью, завершенностью, сохраняют как бы некоторый отпечаток личностного начала. Однако этот оттенок исчезает по мере превращения закона каузальности в теорию функций, завершающуюся законченным функционализмом, который можно применить к любому рабочему процессу и в любом из них можно наблюдать.⁹ Там, где все превращается в функцию, все может быть сведено к функциям. Хотя остаются неясными вопросы о том, что же такое функция, откуда она берется и каков должен быть конечный результат такого *regressus in infinitum*,* тем не менее можно выяснить, что сопутствует такому мышлению. Мы уже немного обрисовали, какую роль функционализм играет в мире труда и какие из него проистекают перемены, затрагивающие рабочего. Мы отметили, что функциональное отношение рабочего к своему труду означает отделение труда от работника как личности. Такое изобретение, как, например, движущийся конвейер, отмечено высокой функциональностью мышления, так как на конвейере все рабочие

⁹ Образчиком функционалистского мышления может служить сведение содержательной стороны каузального суждения к обозначению функции или подмена причинно-следственных связей физических явлений понятием математической функции, которая применяется учеными невзирая на то, что математической функции свойственна обратимость, тогда как в причинно-следственных отношениях поступательный ход времени выражает последовательность или сосуществование явлений.

функции выстраиваются в соответствии с последовательными отрезками мертвого времени, а рабочие, выстроенные в ряд вдоль движущейся ленты, выступают как исполнители производственного процесса, разделенного на отдельные части. Каковы же последствия? Рабочий теряет свое лицо, он неразличим как личность и воспринимается лишь как носитель определенной функции. Фигура рабочего словно бы исчезает из виду, а с точки зрения технического прогресса представляется даже желательным, чтобы он действительно исчез, чтобы конвейер двигался автоматически без участия человеческих рук, как движется приводной ремень, гусеничная цепь, эскалатор или пулеметная лента. Ничто так точно не характеризует функциональное мышление, как полная безликость. От физиогномики его отделяет предельно большое расстояние, оно представляет собой характерное явление мира, развивающегося в сторону безликости и безобразности мира, в котором отношения стремятся к автономному существованию, поскольку функции — это не что иное, как соотношение между процессами движения, протекающими в мертвом времени. Поэтому в функциональном мышлении ученого и техника заключена та сила, которая успешнее всего способствует продвижению и распространению автоматизма.

Так что же означает такое положение, когда каждый толчок и давление, когда вся причинно-следственная цепочка истолковывается как функция? И что означает понятие функции, с помощью которого нельзя описать ничего, кроме отношений между процессами движения? За ним кроется агрессивная хватка, беспощадность которой мало кто осознает в полной мере. Это одно из самых холодных измышлений рационального ума, которое, заправляя техническим прогрессом, стремится подчинить ему теорию познания. Весь функционализм насквозь инструментален, это мыш-

ление — инструмент, применяемый для воздействия на человека. Ведь мыслить функционально означает не что иное, как стремиться подчинить человека системе функций, превратить его самого в систему функций. Такое мышление соответствует техническому прогрессу и даже полностью с ним совпадает. А если техника стремится организовать людские массы и механизировать труд, если ее цель — доведенный до совершенства автоматизм, то это значит, что она идет одним путем с функциональным мышлением и что ее цели совпадают с целями функционального мышления. Чем выше совершенство технической организации, в которую включен человек, тем в большей степени она должна сводиться к чисто функциональным процессам. Чем больше механизация труда приближается к автоматизму, тем отчетливее проступает в нем роль функций, ибо что такое автомат, как не самодействующая машина, выполняющая определенные функции? Истинная сущность такого мышления в конечном счете сводится к безвольному функционированию. К нему не прибегнет теолог, размышляющий о предопределении, или философ, занимающийся проблемой детерминизма; так мыслит Техник, обдумывая конструкцию сложной механической системы, над завершением которой он работает. А как Техника его совершенно не интересует учение о воле, его интерес ограничен вопросами механики.

Если вообразить себе эту машинную систему в ее предполагаемом дальнейшем развитии, когда она распространится по всей земле, а в рабочий процесс этой гигантской, мощной аппаратуры будет включено все человечество, занятое механическим трудом, охваченное пронизывающей все клетки общества организацией, и идеально обученное выполнению своих функций по обслуживанию производственного конвейера, то эта воображаемая картина, пожалуй, всякому

может внушить опасения, о которых давно говорят люди, предсказывающие подобное развитие. Однако такая картина, напоминающая возведение Вавилонской башни, маловероятна. Столь же маловероятно предположение, что в будущем организация общества приведет к созданию чего-то вроде государства-муравейника или государства-термитника. Хотя эта опасность вряд ли грозит нам как результат наших усилий, однако совершенно очевидно, отчего напрашиваются такие сравнения. Наблюдая технику, невольно замечаешь в ней отдельные черты — например, слепой рабочий инстинкт, — которые могут служить основанием для аналогичных суждений. Можно стремиться к созданию коллектива, в котором люди вели бы себя как муравьи или термиты, однако в действительности это неосуществимо. В нем изначально заложен зародыш собственной гибели, так что он неизбежно должен рухнуть, не достигнув окончательного развития, под действием собственной тяжести. В мышлении Техника находит свое зеркальное отражение безжалостная эксплуатация природных ресурсов, практикуемая техникой. Переход его мышления к функциональной стадии свидетельствует о далеко зашедших разрушительных тенденциях, так же опустошительных, как результаты промышленной деятельности, которые мы наблюдаем в индустриальном ландшафте. Это такое мышление, в котором отсутствует всякая наглядность представлений, которое от исконной образности, составляющей неотъемлемую принадлежность живого языка, низведено до уровня механического движения. Что же представляет собой этот порожденный каузальным мышлением функционализм с точки зрения его средств и целей? Волю к власти, к такому овладению законами природы, при котором они ставятся на службу технике. Что это, как не средство для усиленного разграбления истощившихся природных бо-

гательств при помощи нового производственного метода, в основу которого кладутся более рациональные принципы. В чем проявляется функционализм, как не в усиленном потреблении? А каков его положительный эффект? Что он дает взамен? Ровным счетом ничего, если не считать новых принципов, при помощи которых расширяется потребление. Такое мышление не может долго удерживать свои позиции, оно должно прийти до последней крайности и согнуться, когда окажется бесполезным.

25

Между тем мы должны научиться отличать эту техническую организацию от других видов организации. Ее главным признаком является господство каузальных определений и дедукций, строгому механизму которых вынужден подчиняться человек. Ее рациональность носит тот же механистический характер. Этим она отличается от других видов организации, в частности от государства. Отношение технической организации к государству, в котором идея организации представлена *par excellence** и которое воплощает в себе некий статус, определяющий значение и иерархическое положение всех остальных организаций, отношение технической организации к государству как целому, которое определяет, какие задачи приходится на долю всех частей, оказывается в наше время непонятым в особенности в силу того, что отсутствует ясное представление о целях техники. Властные устремления Техника направлены на то, чтобы подчинить себе, в числе прочего, также и государство, заменив государственную организацию технической. Этот факт не вызывает сомнений, и совершенно очевидно, что поборники и ведущие представители технократии добиваются именно этой цели.

Мы сможем исследовать средства, которые использует в этой борьбе техника, после того как познакомимся с ее отношением к другим организациям. Мы видим, как она подчиняет себе всю экономическую логику. Точно так же она поступает и с правовой организацией. Техника изменяет ее цель и сущность. Техник неизбежно отстаивает естественное право и выступает как противник исторической школы, так как техническое мышление может сочетаться только с естественноправовыми представлениями. Но и тут Техник старается подчинить логику естественного права технической логике, для этого он подменяет правовую норму технической нормой и, отвергая в ней качество специфически юридическое, изменяет как дальнейшее развитие права (*lex ferenda**), так и действующее право (*lex lata***), приводя их в соответствие с тем пониманием нормы, которое свойственно технике. Он механически уничтожает жизненную силу права, отменяя судебское убеждение (*opinio necessitatis****), дерогирующую силу обычного права, уходящую своими корнями в почву народной жизни. Технику непонятно положение, выраженное в словах: «*ut leges non solum suffragio legislatoris, sed etiam tacito consensu omnium per desuetudinem abrogentur*»,**** ибо этот молчаливый *consensus omnium****** лежит за пределами его знания. Однако формальное законодательное право, действующее в силу государственного установления, Техника тоже не устраивает, он всюду выдвигает на передний план материальную сторону закона и подменяет право, выраженное в виде законов, техническими предписаниями. С этим связано безграничное разрастание правовой материи: кажется, что это работает какая-то машина, производящая законы и предписания, причем все они носят характер технических нормативов. Техник борется против присущей юриспруденции способности толковать вещи,

которая благодаря логическому методу ставит предел безграничному разрастанию материи; поэтому основная часть критических выпадов против юриспруденции понятия исходит в основном от техников. Успеху этих выпадов способствует тот факт, что техники получают поддержку со стороны сил, которые настаивают на непримиримом противоречии между формальным правом, выраженным в законах, и *opinio necessitatis*, хотя в действительности эта идея носит искусственный характер. Фактически это означает попытку отменить закон, а тем самым и право как таковое, поставив над ним некую динамическую волю народа, относительно которой утверждается, будто бы она ведет неустанную борьбу с формальным правом, выраженным в законах. В результате мы наблюдаем картину, когда так называемые генеральные клаузулы, определения, основанные на доверии, и принцип свободного усмотрения и справедливости начинают свою разрушительную работу, выхолащивая и подменяя собой формальное право, выраженное в законах.

Право отдельной личности, частного лица превращается здесь в право технически организованного частного лица. Так, собственность, которая по юридическому определению представляет собой исключительное правовое господство лица над вещью, отчуждается и перестает соответствовать этому определению, в том случае когда она принадлежит технической организации. Тогда она перестает быть самостоятельной и владелец уже не располагает исключительным правом владения, так как собственность стала технически организованной, и ее организацией могут распоряжаться посторонние силы, в сфере которых не действует право собственника. Закон для Техника то, что служит техническим целям. Проникнув в правовые структуры — законодательство, правосудие и управление, — Техник подменяет закон техническими пред-

писаниями и постановлениями, или приспособливает его для своих целей путем истолкования.¹⁰ Выступая противником *jus strictum** и поборником *jus aequum*,** он делает это не потому, что, в отличие от юристов, придает гораздо больше значения справедливости в правовых отношениях, а потому, что *jus aequum* открывает ему доступ к организации права. Техник повсюду сражается с юридическим формализмом, борется против *jus cogens*,*** которое *privatorum pactis mutari non potest*,**** и поддерживает *ius dispositivum*,***** так как техническое предписание является одновременно диспозитивным и каузальным. Своим вмешательством он стремится изменить и переделать все право, касающееся человека и вещей. Право на отчуждение собственности, которое государство усилиями своих правоведов обставило жесткими оговорками, ограничившими его применение, под давлением Техника расширило свои рамки настолько, что каждая коллизия между интересами технической организации и частного лица образует новый прецедент в пользу отчуждения. Техник не борется с собственностью во имя теоретических принципов, как это делает агитатор в социальной сфере, а на практике изменяет характер собственности, подчиняя ее своей

¹⁰ Учение Монтескье о разделении властей («Separation des pouvoirs»), которое требует наличия отдельных управленческих аппаратов для *puissance législative*, *puissance exécutive* и *puissance de juger*,***** провозглашая главенство закона в деле управления и юстиции («*De l'esprit des lois*», ***** 1748), получило признание в конституциях XIX века. Закон о судеустройстве Германской империи от 27 января 1877 года признает этот принцип в постановлении 1: «Исполнение судебной власти принадлежит судам, подчиняющимся только закону». Подобные постановления, как и бесчисленные другие, утрачивают свой смысл прежде, чем перестает существовать само определение. Смысл такого определения у Монтескье заключается в необходимости ограничения государственной власти, власти абсолютных монархов и их кабинетной юстиции. Но это был XIX век; мы живем в другое время, и сегодня речь идет об иных вещах.

всесильной организации, которая свободно распоряжается ею, исходя из соображений рациональности. В первую очередь он вступает в схватку с существующими правами на недвижимость, испытывая к нему ту неприязнь, которую должен питать динамический рассудок в отношении всего неподвижного. В общем и целом можно сказать, что эти самовластные вторжения технического прогресса как в правовую, так и в другие области означают борьбу со всем, что пребывает в состоянии покоя, со всеми явлениями, которым свойственно постоянство и стабильность, со всем, что от него обособляется, не желая участвовать в его движении. Технический прогресс борется со всем, что отказывается отдать ему свои резервы, которые он желает использовать себе на потребу, будь то человеческие или материальные ресурсы. И не только нетронутые резервы, к которым мы должны относиться уважительно и бережно как к будущему достоянию наших детей и внуков, чтобы добросовестно завещать им это наследство в целостности и сохранности, раздражают его словно бельмо на глазу. Точно так же технический прогресс вмешивается в движение независимых, не связанных с техникой организаций, с тем чтобы насильственно подчинить их себе и включить в собственный механизм.

26

Отношения между наукой и техникой меняются в ходе технического прогресса. Наука ставится на службу технике. Одним из выражений перемен во властной иерархии является тот факт, что ученые становятся служащими в институтах и лабораториях, принадлежащих промышленным фирмам, где их знания используются для решения технических задач. Научные дисциплины делаются вспомогательными дисциплинами техники, и их процветание зависит от

послушания и исполнительности. «Чистая» наука отступает на задний план, поскольку теперь от нее требуется не познание закономерностей в природе, а главным образом изучение возможностей применения и использования этих знаний, то есть их эксплуатации. Открытия и изобретения поставлены в наше время на службу этой эксплуатации. Так что если талантливые достижения изобретателей получают поощрение, если их авторов призывают ускорить свою работу и быстрее делать новые изобретения, то это происходит лишь с той целью, чтобы путем рационализации методов увеличить эксплуатацию природных ресурсов.

В настоящее время биология выделяется как наука, развивающаяся особенно быстро. И это происходит по причине ее полной самоидентификации с техническим прогрессом. Без него методы биологии потеряли бы всякий смысл, а достигнутые ею результаты не имели бы ни ценности, ни полезного содержания. Характерным признаком такого положения может служить возможность непосредственного технического и промышленного применения ее результатов, которая осуществляется либо концернами, производящими лекарственные препараты, либо другими техническими организациями.

Совершенно очевидно, что открытие новых ферментов, гормонов и витаминов знаменует собой не только научный, но и технический прогресс. Все представления о действии этих веществ носят механический и функциональный характер.¹¹ То же самое

¹¹ Эти «действующие вещества» характеризуются тем, что сугубо специализированные ферменты обладают непосредственным катализирующим эффектом и что их можно выделить в пробирке в отличие от растительных гормонов роста, обладающих более простой структурой и встречающихся только в живых растениях. Витамины, растворимые в жирах или в воде, являются действующими веществами

животного происхождения. Между тем одно и то же химическое вещество может выступать в различных биологических объектах и в качестве витамина, и в качестве гормона, биофактора и кофермента. Биологическая функция связана с химическим строением действующего вещества, это явление называют «специфичностью» (*Kuhn R. Wirkstoffe in der belebten Natur // Naturwissenschaften, 25. Jahrgang, S. 225 ff.*).

Кюгль (Утрехт) даже называет действующие вещества «руководящими деятелями клеточного государства». «Причину специфичности белковой молекулы следует искать не во всей молекуле в целом, — отмечает Кюгль, — а в некоей области, которая, по-видимому, не намного превышает объем самой молекулы действующего вещества» (доклад в Венском университете от 24 мая 1937 года). «Ключевая теория» химика-цитолога Эмиля Фишера предлагает модель ферментного ключа, в которой витамины образуют как бы «состоящую из отдельных выступов бородку ключа», они присоединяются к молекуле-основе в качестве групп активных атомов. Ферменты находятся в каузальной зависимости от витаминов; при отсутствии витаминов ферменты не могут активизироваться, пища не перерабатывается должным образом и возникают заболевания обмена веществ и другие явления. В этой и других подобных теориях мы встречаем уже знакомую нам терминологию технического прогресса — такие понятия, как «единица работы», «специализация», «рабочий обмен веществ» и т.п. Человеческий организм рассматривается здесь как фабрика с высоко специализированными рабочими участками, в которой всевозможные отдельные рабочие функции повторяются с механическим однообразием.

Макс Хартман («Wesen und Wege der biologischen Erkenntnis» — доклад, прочитанный на 94-м заседании Общества немецких естествоиспытателей и врачей в Дрездене в сентябре 1936 года) отметил, что в слове «функция» отчетливо проявляется каузально-функциональный характер анализируемых частей. Он считает, что «все морфологические понятия в конечном счете сводятся к физиологически-каузальной постановке вопроса». Хартман безапелляционно объявляет, что прогресс в области биологических наук, как и прогресс всего человеческого познания в целом, может быть обеспечен лишь путем общения и строгой индукции, которые вообще являются единственно возможными методами человеческого познания. «Притом логической основой этих двух методов является категория каузальности или закономерности в самом широком смысле, поскольку эта категория устанавливает функциональную связь явлений и выявляет их причинную обусловленность».

Такие высказывания трудно представить себе в устах математика и даже физика. В связи с этим стоит вспомнить о том, что со стороны теоретической физики уже сделаны критические замечания в отношении закона каузальности.

можно сказать об их применении: с одной стороны, они, как и все медицинские средства, изготавливаемые техническим способом, вводятся в организм в виде препаратов, вызывающих механическое действие, с другой стороны, людей призывают употреблять в пищу богатые витаминами продукты. Это методы технических специалистов, которые мыслят детерминациями. Однако именно таковы методы нашего времени. Нетрудно увидеть их недостатки, трудно не поддаваться их влиянию. Конечно, ничто не помешает мне предположить, что в яблоке содержится неизвестное число различных веществ, которые еще не обнаружены химиками и биологами. И конечно же, все эти вещества, если их откроют и синтезируют, не заменят мне яблока, которое воплощает в себе более высокий принцип, чем сумма извлеченных из него составных частей, и отличается от таких мертвых препаратов, какими являются все уже извлеченные из него или еще ждущие своего открытия элементы, потому что яблоко представляет собой форму живого, оно растет, наливается соком, зреет и благоухает. Я, конечно же, буду прав, если выберу себе в пищу не действующие вещества яблока, а само яблоко. И я буду прав, если съем яблоко не потому, что оно содержит действующие вещества, а потому что оно — яблоко. В этом заключается фундаментальная разница, так как в первом случае я поступаю как больной человек, а во втором случае — как здоровый. В вопросе питания я поступаю мудро, стараясь, где только возможно, держаться подальше от Техника. Но если мне неоткуда взять яблоко, тут уж не поможет никакой здравый смысл. А отсутствие яблока — это лишь знак, указывающий на массовые трудности с питанием, которые испытывает в условиях технической организации человечество. Не подлежит сомнению, что биологические теории питания и формы, в которых они реали-

зуются на практике возникают там, где есть трудности с питанием, в первую очередь это проблемы больших городов, которые стали центрами технического прогресса. Специфический признак этого явления выражается в том, что авторы такого рода теорий, провозглашающие своей целью исправление нарушений и повреждений, не предлагают исправлять положение с помощью свежей, здоровой пищи, которую им неоткуда взять, а предлагают тем, кто стал инвалидом по вине организации труда, употреблять в качестве лечебного средства суррогатные продукты.

Добросовестному и гуманному врачу в наше время приходится нелегко. Если он откажется выполнять свои лекарские обязанности, он перестанет быть врачом. Но как же проблематичны эти обязанности для врача, состоящего на службе организации, интересы которой диаметрально противоположны интересам больного! Какие представления о лечении неизбежно должны господствовать в такой технической организации, где самое понятие о здоровье определяется требованиями, связанными с организацией рабочего процесса? А между тем эта техническая организация все больше прибирает к рукам врачебную деятельность, подчиняя себе как врача, так и больного; и она же оказывает решающее влияние на выбор методов лечения. Все медицинские теории, за исключением тех, которые создаются аутсайдерами, способствуют этому процессу и работают на него.

Знание этиологии болезней находится ныне в плачевном состоянии, и нет никакого сомнения в том, что такие выдающиеся врачи, как Вирхов, Кох и Эрлих, то есть цитопатологи и бактериологи, в значительной степени способствовали внесению неясности в этот вопрос. Специфические недуги того или иного времени нельзя объяснить с чисто физиологических позиций. Кроме того, подходя к болезням с

готовой классификацией, врач утрачивает способность лечить их. Век великих эпидемий, которые косили целые народы, миновал, XX век — это век рака, диабета и неврозов, то есть таких болезней, при которых отдельные сферы организма материально обособляются от целого и, бурно развиваясь, разрушают телесную форму. В связи с этим следует задаться вопросом об истинной роли институтов рака, существующих в наше время во всех странах: не служат ли они скорее распространению рака, нежели исцелению от этой болезни? Ведь, как мы видим, тип мышления, который преобладает в этих институтах, аналогичен тем физическим явлениям, которые можно наблюдать при раковых заболеваниях. Тому, кто не согласен с этим утверждением, можно напомнить, что это мышление искусственно вызывает появление рака например при помощи ароматических углеводов, выделяемых из каменноугольной смолы.

27

Рассматривая финансы и денежное хозяйство нашего времени, мы вступаем в область, где царит чудовищная путаница. Нет никакого сомнения, что в нашу эпоху нарастает процесс упадка всего денежного хозяйства. Об этом свидетельствует изъятие из денежного обращения драгоценных металлов, перемещение золота, которое непрерывно утекает из зон риска в зоны большей валютной безопасности. Ценность денег постоянно колеблется в зависимости от инфляционных и дефляционных процессов, на нее влияют предпринимаемые в различных странах меры, направленные на девальвацию или изъятие денег из обращения, ее приходится искусственно поддерживать при помощи сложной системы валютного законодательства.

ва. Соккрытие сбережений, которые хранят в виде драгоценных металлов и валюты, перевод активов непосредственно их владельцами или через подставных лиц за границу, ввоз на территорию государства его же собственной валюты — все это ставится под жесткий контроль, подкрепляемый соответствующими санкциями. И наконец, мы видим, как вследствие валютных трудностей государство вынужденно возвращается к примитивному обмену товарами, который влечет за собой специфические последствия для экономики и денежного хозяйства.

Все эти загадочные и зачастую противоречивые явления получают свое объяснение, если принять во внимание, что развивающаяся техника не может быть «заинтересована» в стабильном финансовом положении, она активно вмешивается в область финансов, с тем чтобы подорвать их стабильность. Было бы чистым ребячеством думать, что такие процессы, в результате которых целые слои населения лишаются своих сбережений, превращаясь в пролетариев, могли быть вызваны какой-то шайкой хитрых спекулянтов. И даже самые преувеличенные представления об огромной власти того круга лиц, которых называют представителями финансовой верхушки, ничего не проясняют в происходящих процессах.

Фикции, на которых основано денежное обращение, носят искусственный характер и в данной работе не будут исследоваться. Удовлетворительной теории денег не существует. Однако вот что можно сказать по этому поводу. Для техники характерен технический подход к финансам. В этой сфере ее интересует обращение как одна из важнейших технических функций денег. Поэтому прогресс техники тождествен ускорению денежного обращения, в его условиях деньги начинают работать быстрее. Если сокровища и клады по своей сущности стабильны, неизменны и избыты

из обращения — этим свойством обусловлено то раздражение и неприязнь, которую они вызывают у Техника, считающего, что они бесплодны, мертвы и бесполезны,¹² — то находящиеся в обращении драгоценные металлы знаменуют собой момент стабильности в денежном обращении. Это видно хотя бы из того, что бумажные деньги подлежат обмену на золото, а когда государство отказывается от своего обязательства выкупать бумажные деньги или когда тает золотой запас, который служил обеспечением бумажных денег, тогда государство всеми силами стремится пополнить казну золотом или обеспеченной золотом валютой. Чисто бумажные деньги отличаются стремительной скоростью обращения, и чем она стремительнее, тем лучше деньги выполняют свою техническую функцию, которая в первую очередь заключается в том, чтобы служить средством обращения. Рекомендую вкладчикам держать сбережения в форме кредитных счетов, в качестве главного аргумента указывают на то, что на банковских счетах деньги наиболее эффективно выполняют свою функцию оборотного средства.

Чем хуже деньги, тем быстрее они обращаются. Когда есть золото, тогда деньги текут к нему. Когда золота нет, тогда они утекут к товарам. А про плохие деньги можно сказать, что они стремительно убегают сами от себя. Но именно так они превосходно вы-

¹² Как раз когда писались эти строки, мне попала в руки статья о Филиппинах, в которой о них и о других Тихоокеанских странах сказано следующее: «Почти все эти государства и владения относятся к тем благословенным уголкам земли, где почти невообразимое богатство природных ископаемых открывает для современного человека возможность райского существования при условии, что он научится умело их эксплуатировать». Мысль об эксплуатации природных запасов — это первое, что приходит в голову автору статьи при виде открывающегося перед ним рая. Наш homo faber не догадывается, что эксплуатируемый рай перестает быть раем.

полняют свою техническую задачу, приобретая характер вечного двигателя, который работает с бешеной скоростью и создает обращение, рождая у наивного наблюдателя иллюзию, будто бы в обращении участвует большое количество хороших денег, а то и уверенность, что все стали богаче.

Финансовый упадок — это не локальное и не временное явление. Он возникает на определенной стадии технического прогресса, а именно тогда, когда средства, необходимые технике для финансирования ее организации, начинают превосходить все разумные пределы, в рамках которых возможна упорядоченная финансовая политика. К этому мы еще вернемся в связи с вопросом об отношении между машиной и собственностью.

28

Рассмотрим теперь на новом примере отношение техники к совершенно другой области — организации школы и университета. Воздействуя на эти институты соответственно своим интересам, Техник полностью изменяет их характер в сторону технических знаний, которые, как он утверждает, представляют собой единственно полезную и практически нужную область науки, отвечающую требованиям времени. По этим меркам введение в Германии реальных училищ означает не что иное, как победу техники, находящейся в манчестерской стадии, над более духовным гуманистическим знанием, которое давалось в гуманитарных гимназиях. Нельзя недооценивать значение подобных реформ, так как они представляют собой прямое наступление на ἐν κύκλῳ παιδεία,* на ту encyclos disciplina,** которая существовала на всем протяжении античной и средневековой эпохи. Очевидно, что главное следствие такой реформы заключается не в том, что

грамматика стала занимать в преподавании скромное место, что из него постепенно вытесняются астрономия и музыка, что диалектика и риторика вообще оказались вычеркнуты из учебной программы и что, следовательно, из так называемых семи свободных искусств сохранились лишь арифметика и геометрия. Вытеснившие их технические знания носят одновременно эмпирический и каузальный характер. Таким образом, победа технического знания над гуманитарным означает, что в области знания материя одержала победу над формой. Преподавание древних языков отходит на задний план, и тем самым пропадает возможность органически цельного образования, в котором присутствует внутренняя связь. От этого страдает логическое мышление ученика, его способность овладеть формой знания. Материя знания, материал наук, эмпиричны и по своему понятию безграничны, как каузальные ряды, которыми они описываются. Мы часто сталкиваемся с гордыми высказываниями по поводу необозримой громадности массива накопленных знаний, но это та гордость, с которой пускаются в путь в безбрежном море знаний, не замечая, что плывут по воле волн. Это море знаний есть своего рода *mare tenebrosum*,* а необозримое громадное знание становится бесформенным. Мышление, для которого всякое знание одинаково важно, теряет представление об иерархии знаний. И следовательно, можно сделать вывод, что такое знание в конце концов само себя уничтожает, погребенное под массой фактов, с которой мы не в силах справиться, как с бесчисленными песчинками, поднятыми песчаной бурей. Можно предположить, что когда-нибудь нам надоест таскать на своих плечах тяжкое бремя мертвых знаний.

Там, где основной упор делается на материал, ученик получает набор разрозненных сведений, который

можно сравнить со справочником, состоящим из специальных статей, оформленных в виде различных «основ» и «очерков». Этот род знания и обучения заведомо не сочетается с достижением истинного *παίδευσιν*,* потому что их грубый эмпиризм способствует только механическому накоплению материала познания, потому что они не подготавливают фундамента, не содержат формообразующего принципа, при помощи которого можно было бы совладать с этим материалом. Сомнительная пословица, гласящая, что знание — это сила, сегодня, как никогда, потеряла свое значение, потому что такое знание отнюдь не представляет собой духовной силы, в духовном отношении оно как раз совершенно бессильно. По мере того как это знание вместе с техническими прогрессом из школ проникает в университеты, начинается их упадок, так как университеты превращаются в технические учебные заведения и начинают служить техническому прогрессу, который со своей стороны охотно снабжает их дотациями, создает при них специальные институты и не жалеет трудов на то, чтобы превратить былую *universitas*** в бестолковое скопище узкоспециальных исследовательских лабораторий.

Здесь следует обратить внимание на то, что старинная *encyclois disciplina*, представлявшая собой законченный круг наук и знания, противоположна идее энциклопедии наук, то есть идее энциклопедической системы знаний, отдельные статьи которой расположены по лексическому принципу в алфавитном порядке. Идея такой энциклопедии наук родилась в XVIII веке. Ее осуществление стало первой ласточкой технического знания. Это было знание энциклопедистов Дидро, Даламбера и Ламетри, объявившего философию пустым и бессодержательным занятием и провозгласившего в своих сочинениях («*Histoire naturelle*

de l'âme»* и «L'homme machine»**) такую разновидность эмпиризма, которая пытается вывести все явления из взаимодействия каузальных рефлексов между мозгом и телом. Мышление Юма, английского современника Ламетри, отличается большей строгостью и тонкостью, однако его учение об ассоциации идей, как показывают выдвинутые им принципы всевозможных ассоциаций (подобие, смежность во времени и пространстве, причина и действие), в конечном счете приводит к тому же результату («Philosophical essays concerning human understanding»*** и «An inquiry concerning human understanding»****). По мнению Юма, восприятия не нуждаются в субстанции как своем носителе, так как любая субстанция представляет собой лишь совокупность простых представлений и мыслей. Теории ассоциативного мышления всегда устремлены к тому, чтобы утвердить идею материальной самостоятельности ассоциаций. Однако ассоциирование — это еще не мышление; а в некоторых головах необычайная способность к ассоциированию, по-видимому, и впрямь подменяет собой самостоятельное мышление. Юма можно считать духовным отцом джойсовского «Улисса» — книги, в которой ассоциации обрели самостоятельность и где автор так радикально расправился с малейшими признаками какой бы то ни было рациональной схемы, что не осталось ничего, кроме сваленных в одну кучу ассоциаций.

29

Куда бы мы ни взглянули и какую бы область ни рассматривали, мы видим, как технический прогресс всюду стремится наложить особую печать своей необычайной организующей силы. Возьмем в качестве последнего примера организацию питания и убедим-

ся, что и здесь технический прогресс оказал свое воздействие. Подобно тому как в области медицины он стремится превратить все лечебные средства в технические препараты и утвердить механические теории о человеческом теле и лечении болезней, так в сфере питания он желает превратить все продукты животного, растительного и минерального происхождения, которые человек использует в пищу, в продукты технического производства, а в тех случаях, когда это невозможно, придать им при помощи соответствующей упаковки и этикеток единообразный внешний вид фирменных технических изделий. Такое превращение продуктов питания в единообразные фирменные, а следовательно технические, продукты, приводит к тому, что они становятся объектом технической организации. Продукты питания теряют присущее им качество, из субстанциального оно превращается в акцидентальное, а это значит, что это качество должно приписываться продукту при помощи пропагандистских заверений. Неслыханный размах, который в технический век приобрели реклама и пропаганда, проистекает из определенных условий, о которых мало кто имеет ясное понятие.

Вспомним, что в 1939 году мы отмечаем семидесятилетний юбилей изобретения маргарина. История его началась с того, что в 1869 году Наполеон III дал задание химику Меж-Мурье создать заменитель масла, который был бы дешевле натурального продукта. С тех пор технический прогресс подсунил нам в качестве продуктов питания великое множество суррогатов, всевозможных синтетических соединений и искусственных продуктов; пользуясь законными и незаконными средствами, он все это время занимался широкомасштабной подделкой продовольственных продуктов. Технический прогресс не ограничивается техническими методами, изменяющими продукты пи-

тания: использованием искусственных удобрений¹³ и кормов, созданием целой консервной промышленности и технологии охлаждения, — он также распространяет и пропагандирует различные теории питания, именуемые «научными» и «биологическими», которые под этой маркой завоевывают популярность. Между тем биология, как это хорошо видно уже из используемой ею терминологии и методик, представляет собой придаток технического прогресса, это одна из его дисциплин, общей характерной чертой которых является то, что они выступают как служанки механически действующей каузальности и телеологического мышления. Человек, утративший инстинкт здорового питания, да и самую возможность соблюдать простое правило старика Цельса: «*Sanis omnia sana*»,* потому что даже не отличает суррогаты, которыми его потчуют, от настоящих продуктов, неизбежно становится адептом «научного», или «биологического», питания; даже чувство аппетита, которое никогда не обманывает, ничего ему не говорит. Техник, будучи самым завзятым рационалистом, преследует в этом случае еще и другую цель. Там, где ему удастся превратить продукты питания в технические продукты, он тотчас же вырабатывает для них соответствующие стандарты и нормы, иначе говоря, он применяет к ним тот же метод, который использовал для деталей машин, и разрабатывает норму питания. При этом Техник везде стремится вычислить ту минимальную порцию, которая необходима для поддержания человеческого существования; наглядным подтверждением такого подхода могут служить всевозможные таблицы питания, выработанное им учение о калори-

¹³ Знаменитая работа Либиха «Химия в приложении к земледелию и физиологии» вышла в 1840 году. Спустя всего несколько лет ее перевели почти на все языки. В ней содержится мысль о необходимости возвращать в почву недостающие минеральные вещества, которые были затрачены на питание растений.

ях. Все это получает простое объяснение, если вспомнить, что технический прогресс тождествен ограниченности пищевых средств, то есть что трудности с питанием проявляются тем отчетливее, чем большего совершенства достигает техника. Метафизическое чувство голода, которое охватывает нас при виде работающей машины, находит свое соответствие в голоде физическом, пищи становится меньше.

30

Ошибочно полагать, что техника в своем развитии довольствуется лишь тем, чтобы ограничить сферу индивидуальной свободы, которая иным ригористам кажется слишком уж обширной. Такая формулировка была бы упрощенной и поспешной, она не отражает в полной мере происходящего процесса. Техника одновременно снимает и накладывает оковы. Она освобождает мышление от всех определений, которые не поддаются рациональному истолкованию, но в то же время обязывает принять другие, которые носят механический и целесообразный характер. Очевидно, что техническое мышление является коллективистским. Однако это коллективистское мышление предполагает наличие индивида, который, освободившись и очистившись от всех противоречивых определений, целиком и полностью растворяется в коллективе. Техника не имеет ничего против отдельной личности лишь тогда, когда та согласна безусловно подчиниться технической организации. К отдельной личности как таковой техника относится с тем же равнодушием, с каким почтальон относится к религиозным, политическими и моральным качествам адресата. От почтальона требуется именно такое отношение, так как в противном случае рухнула бы вся техническая сто-

рона почтовой службы. Вместе с тем техника вмешивается не только в сферу индивидуальной свободы, не подчиняющейся ее организующей власти. Поэтому в области права она борется не только против прав личности, независимой от ее организации, но и против свободы союзов, против права создавать общественные объединения, которое противоречит ее интересам. И не останавливаясь на этом, техника вмешивается даже в область публичного права, государственного права, не исключая и самого государства. Именно в этой сфере мы наблюдаем, как ее гигантские метастазы проникают в жизнь государства и в государственное право. Распространение метастаз техники происходит с такой неотвратимостью, что производит впечатление необходимой закономерности; дело доходит до того, что зачастую трудно бывает отличить, где проходит граница между государственной и технической организацией. Государство оказывается перед обоюдоострой проблемой: ради своего существования оно вынуждено поддерживать технику и способствовать ее дальнейшему прогрессу, оказывать ей свое покровительство. Но государственное покровительство создает условия для вмешательства техники в правительственную и административную деятельность государства, техника перекраивает организацию армии и чиновничьего корпуса. На первый взгляд, технизация усиливает мощь государства, и это впечатление соответствует действительности; мощь государства возрастает до такой степени, что все недостатки этого процесса кажутся незначительными. Однако столь огромное возрастание государственной мощи заставляет задуматься о том, что такие значительные услуги должны быть оплачены соответствующими уступками. Так это и происходит на самом деле. Производя технизацию, техника внедряет в государство свой каузальный механизм, прирост техники означает увеличение степени меха-

нической причинно-следственной обусловленности, которое приводит к коренным изменениям самой сущности государства и способствует распространению на государственную сферу автоматизма, к которому в конечном счете устремлено все развитие машин, а вместе с автоматизмом в государственной сфере насаждается мертвящая косность — это неотъемлемое свойство непрерывно множасьегося и набирающего скорость механического движения. Человек не просто попадает в зависимость от этой организации, но одновременно приводится в движение и мобилизуется. Он становится объектом административного и экономического управления, объектом использования и эксплуатации, человек становится объектом всестороннего механического принуждения. Государство, не выдержавшее этого натиска, оказывается в подчинении у техники, а в этих условиях государственная организация подменяется технической.

На чем же основаны небывалые успехи технического мышления? Не в последнюю очередь на отсутствии в нем иерархических представлений. Техническое мышление не идет далее познания механических закономерностей, общезначимых и внекачественных. Технический продукт также не обладает качеством, ибо приписываемая ему качественность всегда остается случайной, она не относится к числу определяющих свойств этого продукта. Признаком технического фирменного изделия является не его качество, а механическое единообразие.

31

Голым интеллектом можно назвать самодостаточный рассудок, который не признает никаких определений, кроме собственных, а все остальное вос-

принимает как невразумительное и отвергает. Знание контролирует себя соответственно именно такому критерию и отбрасывает все нерациональное и не поддающееся рациональному объяснению. Именно такая процедура, проводимая со всей методичностью, делает знание научным. Познание человеком природы становится «чистым» и «точным», когда природа соотносится исключительно с человеческим рассудком. Такой работой создается великая наука — ведь ее методы способны преобразовывать мир и дают человеку ключи к овладению природой. Но эта же самая работа и убивает науку — ведь поскольку рассудок включает в себя способность отмечать различия, то прямолинейное развитие науки ведет к постоянному разделению. Наука вынуждена дробиться на отдельные дисциплины, и ее притязание на всеобщее господство аннулируется фактом все усиливающегося обособления отдельных отраслей знаний, измельчением сферы их применения. Великие концепции, с которых начинался этот путь в то время, когда интуиция направляла рассудок, сменились механическим кропотливым усердием, техникой лабораторных исследований и ловкими приемами наблюдения, позволяющими выслеживать тайны природы. Имея в своем распоряжении громадный инструментарий, ученый начинает пытаться природу, вымучивая у нее ответы, насильственными методами стараясь проникнуть в ее законы.

«Чистой математикой и чистым естествознанием» Кант называет науку, опирающуюся на синтетическое априорное познание, на положения, которые аподиктически признаются всеми отчасти на основании чистого разума, отчасти благодаря общему согласию, опирающемуся на опыт, но тем не менее как бы независимо от опыта. На вопросе об априорной чистоте науки, не нуждающейся в опыте, мы можем не

останавливаться, так как есть еще и эмпирическая чистота. О «чистой» науке можно говорить и в том случае, когда ее отношения с природой строятся исключительно на основе рассудка. Но ее называют «чистой» не потому, что она служит исключительно одному только познанию, которое представляется ей самоцелью. Чистой науки в таком смысле не существует и не может существовать. Стремление к познанию не может быть настолько обособлено, чтобы существовать самостоятельно, в отрыве от всего остального, тем более этого нельзя ожидать от рассудка, который мыслит в категориях каузальности и целесообразности. Такой рассудок не замыкается в сфере чистого познания, а, напротив, стремится к экспансии. Он желает изменить мир и действительно меняет его. Поэтому никакая наука никогда не ограничивается познанием закономерностей природы и не довольствуется их созерцанием. Вся ее познавательная деятельность изначально направлена на то, чтобы научиться воспроизводить эти закономерности и находить им применение, она нацелена на использование и эксплуатацию, а чем больше ей это удастся, тем больше наука переходит в технику. Появление техники в собственном смысле слова, базирующейся на результатах научных исследований, служит доказательством того, что не бывает «чистой» науки, которая неизменно оставалась бы верна одному лишь стремлению к познанию.

«Позитивной» можно назвать науку тогда, когда она нацелена на такие вещи, которые можно представить со всей определенностью и обозначить четкими границами. Для научного позитивизма нужны также известные оптические условия, в число которых входит особое зрение, настроенное на то, чтобы видеть мир в свете искусственной объективности, и создающее резерваты, которые, будучи отчетливо раз-

граничены, стремятся жить каждый своей отдельной самостоятельной жизнью. Кроме того, «позитивным» является лишь то, что может быть обосновано и объяснено только исходя из рационального опыта, а не то, что воспринимается разумом как очевидность, ибо последнее все-таки находится за пределами позитивного знания, опирающегося исключительно на рационально устанавливаемые различия. Доказательство предполагает повторяемость, поскольку все неповторимое не может быть подтверждено доказательством. Поэтому повторяемость является одним из обязательных условий эксперимента. Опыт же служит для установления различий. Понятие опыта обладает двойным смыслом, так как, с одной стороны, относится к выявляемым фактам, но, с другой стороны, подразумевает повторяемость и воспроизводимость наблюдаемого явления. Решение вопроса о возможностях опыта зависит от того, что может быть предметом опытного знания, и от того, как осуществляется опыт, то есть это вопрос об источнике опыта и о его инструментах. Что касается повторяемости, следует учитывать, что однажды полученный опыт может репродуцироваться и передаваться дальше в виде более или менее готового материала. Не всякий опыт годится для науки. Так, воспоминания — это тоже опыт, но его происхождение не является чисто рациональным. А науке нужен именно такой опыт, и только с таким опытом она может работать. Для науки опыт — это готовый материал, это то, что обладает повторяемостью и достаточно жесткой устойчивостью, чтобы его можно было сколько угодно воспроизводить.

Не случайно говорят о проницательном уме, об остром уме, так как в этих эпитетах отразилась способность ума к различению. Рассудок разделяет и размежевывает, и чем лучше он это делает, тем явственней проступает характер его инструментов. Острым как

брита он делается в результате все более развитой способности к различению, острым как жало оказывается тогда, когда впивается в ту самую точку, где лучше всего проявляются различия. Проницательность рассудка означает способность анализировать и обобщать множество разнообразных явлений. Его пригодность для научного исследования основана на методичности. Методичен в его понимании абстрактный разум, методика же означает знание закономерных связей в сфере рационального. Вооружившись схемой и овладев способностью к обобщению, методически работающий рассудок переходит от практической стадии, в ходе которой он решает случайные задачи, к теоретической. Практический рассудок, например такой, какой требуется для ведения торговых и денежных дел, обладает лишь ограниченным представлением о методологии, а так как он занимается только решением случайных вопросов, ему также не хватает широты взгляда и духовности. Методически работающий теоретический рассудок можно назвать интеллектом. Интеллект обладает более высокой способностью различения, поэтому он обнаруживает и признаки духовности, им усвоена определенная система различения.

Замкнутому в пределах своих возможностей, методически вырабатывающему суждения рассудку, никогда не отклоняющемуся от выбранного пути исследования, свойственна холодность. Его движение от аргумента к аргументу нигде не нарушает последовательности. Наконец, нищим его можно назвать за то, что все его способности основаны на различении, то есть лишь на том, что он может все разделить, разложить и разять на части при помощи понятий. К неразложимому, неделимому рассудок не знает как подступиться, и каждая такая попытка кончается для него поражением. Понятия, связанные друг с другом

нерасторжимой связью, он не может охватить в целом, не произведя предварительно операции их разделения по отличительным признакам. Рассудок умеет только разделять связанное и связывать раздельное — так можно кратко сформулировать, в чем заключается его деятельность. Но для того чтобы начать действовать, ему требуется объект приложения своих способностей. Рассудок не существует ради себя самого и не служит сам для себя пробным камнем даже в таких областях, как логика и теория познания, в которых он сам устанавливает себе правила и исследует собственные границы. Ему требуется субстрат, в котором он может проявить себя и свои возможности. Без субстрата рассудок бессилён, словно в свободном пространстве, где нет точки опоры. Для точных наук этим субстратом является природа, по этой причине точные науки и носят собирательное название естественных. Полем деятельности рассудка, опирающегося на методiku, служит природа, и его задача состоит в том, чтобы внести в природу рациональное начало, сделать ее доступной для понимания. Сама природа не обладает рациональностью, ее приходится привносить туда извне, причем постольку, поскольку природные процессы протекают закономерно. Иными словами, поскольку в природе что-либо повторяется, она может служить объектом повторяющихся рациональных наблюдений и опыта. То, что не повторяется, не может стать предметом научного изучения. Естественные науки представляют собой познание повторяющихся процессов природы, все прочее не имеет к ним отношения и лежит за пределами этих наук. Таким образом в ходе научного исследования природы изучается ее механическая сторона — то, что в ней механически повторяется. Такой ход развития может продолжаться только при условии, когда законы природы принимаются как нечто постоянное и неруши-

мое, застывшее и неизменное. Лишь там, где законы природы повторяются с железным однообразием, рассудок может беспрепятственно продвигаться по пути их познания. Поэтому его охватывает тревога, как только он сталкивается с проявлением противоречия или нерегулярности. Последние становятся досадной помехой на его пути.

Следует особенно подчеркнуть, что залогом успеха научной деятельности является пассивное спокойствие природы, отсутствие в ней каких-либо скачков. Какой из этого следует вывод? Прежде всего, что все успехи рассудка происходят в сфере самого рассудка, что природа, которая не приходит к пониманию самой себя, к ним не причастна. Между тем сама идея непрерывного развития и неограниченного движения, осуществляющегося при помощи неподвижного субстрата, содержит в себе известное противоречие. Это противоречие разрешается только в том случае, если вспомнить, что работа рассудка отмечена оттенком агрессивности, что ей свойственна активность, природа же, а именно *natura naturata*, с которой как с естественно возникшим явлением имеет дело наука, ведет себя по отношению к ней пассивно как страдательный объект. Однако хотя вся работа рассудка, направленная на природу, совершается в сфере рассудка, а не в сфере непонимающей, не приходящей к постижению себя природы, полем его деятельности служит природа. Следовательно, если природа и впрямь — как это нам представляется — хранит молчание, то и страдательная роль должна как-то на ней отражаться. Действительно, отведенная природе роль вечно неподвижного субстрата, благодаря которому может происходить прогресс рассудка и науки, становится понятней, если задаться вопросом: не изменяется ли определенным образом субстрат под влиянием этого прогресса? Ведь если природа, как нечто пол-

ностью определяемое рассудком и обязанное подчиняться его определениям, претерпевает насилие со стороны определяющего ее рассудка, то мы должны задуматься над тем, обкрадывает ли рассудок природу. Мы должны задуматься над тем, какие же цели преследует рассудок, занимаясь природой. И мы должны не только выяснить, что он в нее привносит от себя, но и проверить, не является ли он орудием, которое что-то у нее отбирает. Поскольку рассудок существует не ради себя самого, поскольку он не самоцель, а, напротив, преследует какие-то цели, мы должны обратить внимание на конкретную сообразительность, которую рассудок высылает впереди себя в качестве своего эмиссара для разведки, расследования, а может быть, и для грабительских диверсий и разрушения. Ответ на этот вопрос мы постараемся отыскать в технике.

32

Нельзя упускать из вида, что та точность, которой обладают и к которой стремятся естественные науки, сколь бы высокой степени она ни достигала, относится только к механической точности процесса познания и предмета познания. Эта точность не дает нам надежности, выходящей за пределы надежности знаний, повторяемого опыта. В этом смысле точность тождественна достоверности, но не истине, потому что там, где всего лишь констатируется наличие чего-то, что поддается механическому повторению, просто не имеет смысла говорить об истине. Истина не тождественна повторяемости, более того — она как раз неповторима, и потому ей не отводится места в какой бы то ни было механике. Поэтому понятие «научная истина» насквозь двусмысленно. Оно опирается на эксперимент и применяется для обозначения чего-

либо механически точного, когда появилась возможность подтвердить это с помощью доказательства, проверить и воспроизвести. Однако доказуемость, проверяемость, повторяемость не суть признаки истины. Если ученый объявляет, что точность совпадает с истиной как таковой, истиной в высшем смысле, это говорит лишь о неточности его терминологии. Есть ли смысл объявлять истиной известный даже первокласснику простой факт, что дважды два равно четырем? Истинному не обучаются, поэтому мы не становимся глашатаями истины, если мы много знаем и многое изучили. Обладателями истины не делает нас и точное мышление. Математическое суждение не становится истинным оттого, что оно точным образом отображает некий факт действительности, и, разумеется, не становится истинным от миллионкратного повторения. Аподиктическая надежность математических суждений целиком относится к области точного и достоверного, но они содержат чистый нуль истины, как и все арифметические примеры. Научные истины — не истины в высшем смысле, и если они претендуют на звание истины, то это означает лишь неправомерные притязания со стороны механической точности. Лучше всего было бы вообще вывести из обращения понятие научной истины, поскольку оно имеет чисто описательный характер.

Свойственное естественным наукам стремление к точности следует определить иначе, и не с помощью придуманного для этих целей инструментария, а с такой позиции, которая находится за пределами всего, что относится к науке и научности. Никто не станет оспаривать необходимость и правомочность такой точки зрения и право ее отстаивать, разве что кроме тех, кто готов превратить науку в церковь, окружив ее стеной непререкаемых догм или священных методов, которые уничтожили бы самую возможность

исследования и проверки. Мы исходим из наблюдения, которое никто из обративших внимание на этот факт не вправе игнорировать. Вопрос стоит так: не связано ли увеличение наших знаний о механически точных процессах с тем, что человек очутился вдруг в положении, когда он не ощущает ни границ, ни почвы под ногами, зато чувствует угрозу надвигающейся опасности, когда что-то расшатывает в нем внутреннее ощущение надежности? Дело тут, правда, в иной надежности, чем та, что присуща методам и в конечном счете основана на измеримости, поскольку она затрагивает место человека в мире и говорит о мере его свободы. Никакая научная методика — в том числе и достигшая совершенства, возведенная в систему точность — не может дать человеку ощущения надежности. Движение нашей науки не имеет ничего общего с путем Парменида. Своим аналитическим, индуктивным, изолирующим характером оно диаметрально противоположно тому познанию, к которому стремился Парменид. Поэтому сейчас так сильно выступают на первый план каузальность и порожденный ею функционализм, а всякая тождественность исчезла из поля зрения. Поэтому на первый план выходит механическое начало, а вместе с ним грубый оптимизм и высокомерная уверенность в превосходстве нашей цивилизации, которая так характерна для всего технического века до того момента, пока человек, сломленный и поверженный собственными бездумными властными устремлениями, не приходит к мысли, что пора опять хорошенько подумать.

Нильс Бор однажды заметил: «Если в нашем языке принято называть машину мертвой, это, по-видимому, означает, что для ее адекватного описания можно обойтись понятиями классической механики». Действительно, в тех случаях, когда для удовлетворительного описания функций достаточно этих понятий,

тогда мы имеем дело с мертвым предметом. Если бы нам удалось, обходясь понятиями классической механики, с достаточной полнотой описать функции человека, то подразумевалось бы, что этот человек мертв. Он был бы мертв, даже если бы сохранялись все его функции и, следовательно, от него можно было бы ожидать, что он в состоянии выполнять определенные движения. Звучит, казалось бы, странно, хотя на самом деле никакой странности в этом нет. Ведь понятие «мертвый» употребляется в данном случае в особенном смысле. Машина тоже мертва, хотя она обладает движением. И как раз потому, что она, подобно живому существу, обладает движением, нам хочется назвать ее мертвой, употребив слово, которое мы относим к трупу человека или животного. Если быть точными, машина не движется сама, а приводится в движение. В этом заключено фундаментальное различие. Всякая функция представляет собой такой процесс движения, при котором что-то приводится в движение; пассивное движение, способность быть приводимым в движение — необходимое условие любого функционирования. Ко всему, что самопроизвольно движется, обладает способностью управлять своим движением без участия посторонней силы, имеющей механическое объяснение (а эта способность свойственна и растениям), нельзя применить понятия классической механики, чтобы удовлетворительно описать его движение, так как оно не укладывается в рамки протекания и последовательности отдельных функций. Там, где мы видим живые проявления жизненных взаимоотношений, одного лишь свойства подвижности оказывается недостаточно, так как все функциональное можно изучать только на пассивном, то есть зависимом, движении. Функционализм применим для описания только каузальных отношений, но не отношений тождественности, он

может описывать только причинно-следственную обусловленность, но не описывает преэксистенцию, коэксистенцию, одновременность и совместность существования, соответствия, как и вообще все некаузальные отношения. Поэтому описание функций человека, животного, растения, сколько бы их не было перечислено, ничего не говорит об этом живом существе, так как функции описывают только то, что относится к пассивному движению, то есть некую механическую зависимость, нечто мертвое.

Таким образом, можно говорить «мертвый человек» в том же смысле, в каком говорят «мертвая машина». Понятие «мертвый» носит здесь метафорический характер, так как оно описывает как мертвое то, что никогда не было живым и, следовательно, не составляет полярной противоположности к понятию живого. Там, где понятия мертвого и живого составляют пару противоположностей, одно не мыслится без другого и не обладает той самостоятельностью, при которой другое может быть отброшено. Машина мертва, хотя она никогда и не жила; она мертва, потому что ее движения целиком подчиняются функциональности. Точно так же и в живом человеке есть что-то мертвое, никогда не обладавшее жизнью, поэтому оно не может умереть, а может только подвергнуться распаду, исчезнуть, изветшать. В нем есть мертвые точки, мертвые пятна, мертвые участки. В человеке можно обнаружить мертвенность, которая присутствует в нем при жизни. Его юность лишена свежести, старость искусственна, и он не знает зрелости. Глаз физиогномиста без труда различит эти признаки. Как существуют механические движения, так встречаются и механические лица. Человек бывает мертв постольку, поскольку в выражении его лица, в его движениях отражается тот голый функционализм, который мы можем наблюдать у машины. Вид маски, мертвой ли-

чины, который приобретают лица таких людей, говорит о том, что жизнь в них имитируется, что их движения представляют собой лишь симуляцию живости. Это явление можно изучать, наблюдая лица актеров, но не только у них — и в обыденной жизни частенько встречаются ходячие мертвецы с масками вместо лиц; этих призрачных существ, которые только притворяются живыми, а на самом деле, скорее, представляют собой механические создания, немало на свете. Их влияние возрастает по мере того, как распространяется власть функционализма. Эти люди производят такое впечатление, словно они не старятся и не могут никогда умереть. В отличие от них в живом человеке сразу же заметна полярность, и чем сильнее она выражена, тем больше в нем жизни.

33

Теперь мы рассмотрим технику с той стороны, с которой она соприкасается с природными стихиями, развиваясь за их счет. Эта связь нерасторжима и неотъемлема от бытования техники — любая техническая работа требует субстрата, благодаря которому она осуществляется. Все силы для своего развития техника берет из природы как из хранилища, она черпает их как воду из резервуара, какими бы совершенными ни были средства для этого акта вычерпывания.

Техник утратил древнее чувство священного страха, которое останавливало человека, не давая ему нанести земле раны, разрушающие ее поверхность. На заре человечества этот страх имел исключительное влияние, мы находим его след во всей истории земледелия, и его отголоски еще долго ощущались в историческую эпоху. Возведение больших архитектур-

ных сооружений, предназначенных для мирских целей, невольно наводит на мысль о кощунственности — не случайно некоторые сохранившиеся до нашего времени обычаи, связанные со строительством домов, носят характер искупительных и очистительных ритуалов, а следовательно, указывают на совершенный акт осквернения. Методы, которыми пользуется в своей работе Техник, обличают в нем отсутствие чувства благоговения. Для него земля — это объект рационального и искусственного планирования, мертвый шар, подчиняющийся законам механического движения. Человек, который изучил эти законы и разбирается в них как машинист, может поставить землю себе на службу. Он безжалостно использует землю как орудие для осуществления своих властных устремлений, заставляет стихийные силы покорно трудиться в машинах, производя механическую работу. Так происходит столкновение природной стихии и механизма, управляемого умом и волей человека, которое завершается актом порабощения стихийных сил природы. Насильственное вмешательство кладет конец их свободной игре.

Для того чтобы яснее представить себе этот процесс, можно изобразить его как крантование.* Человек пристраивает к природе отсос и выкачивает из нее энергию. Буровые скважины, которыми истыкана вся земля, чтобы добывать богатства из ее недр, и те агрегаты, с помощью которых из воздуха добывается азот, из урановой руды — радий, из глины кирпич, — все они действуют как отсосы. Мы встречаем их всюду, где производятся технические продукты, а также всюду, где происходит передача технического продукта в сферу потребления. Так, с развитием автотранспорта появилась соответствующая сеть нефтедобывающих предприятий и заправочных станций, которая все ширится, покрывая собой все новые

части земной поверхности. С развитием механизации все многочисленнее и мощнее становятся промышленные предприятия, через которые идет выкачивание природных богатств.

Развитие техники сопровождается постоянным увеличением объема насильственной дани. Стихия природы, покоренная механическими устройствами, оказывается в могучих тисках и, побежденная в этой борьбе, искусственно используется в утилитарных целях. Между тем, решив, что на этом все и кончается, мы получили бы только половинчатое, одностороннее представление о происходящем процессе. Это давление и насилие, это вымогательство, исходящее от машины, вызывает ответную реакцию. Стихийное начало наполняет тут собой механическое, оно распространяется внутри победившего его механизма. А это означает, что механизация и усиление стихийности суть две стороны одного и того же производственного процесса, что они взаимообусловлены. Одно немыслимо без другого. Это взаимодействие все отчетливее проявляется по мере того как возрастает совершенство техники. Из него проистекает свойственное техническому прогрессу стремительное динамическое движение, его ускоренное круговращение, его вибрация и тряска, его взрывная мощь. Как ни удивительно, но рациональное мышление, столь бедное стихийной энергией, привело в движение гигантские стихийные силы. Однако нельзя забывать, что это достигается принуждением, действием враждебных, насильственных средств. Если посмотреть вокруг, то может показаться, что мы находимся в огромной кузнице, где яростно кипит непрекращающаяся работа, в которой есть нечто лихорадочное, какая-то нездоровая напряженность. Пламя все выше, все шире, оно перекидывается, загораясь все новыми кострами, захватывая все новое пространство, потоки лютого жара

пышут со всех сторон. Это кузница циклопов. В облике промышленного пейзажа есть что-то вулканическое. Не случайно мы встречаем в нем все явления, связанные с извержениями вулкана: лаву, пепел, фумаролы, дым, газы, зарево огня на ночных тучах и опустошение, охватывающее обширную территорию вокруг. Хитроумные машины, автоматически выполняющие однообразные действия рабочего процесса, до отказа переполнены мощными стихийными силами. Эти силы гуляют по трубам, котлам, колесам, проводам, печам, они носятся в темницах аппаратуры, которые, как все тюрьмы, почти сплошь состоят из железа и забраны решетками, чтобы не дать своим пленникам вырваться на волю. И разве можно не слышать доносящиеся оттуда вздохи и жалобы этих пленников, не заметить яростного грохота, с которым они в бешеной злобе сотрясают стены, когда прислушаешься к множеству непривычных звуков, производимых техникой? Характерная особенность этих шумов состоит в сочетании звуков механического и стихийного происхождения, рождающихся при утечке стихийных сил, заключенных в железные удилища механизмов. Когда звуки сочетаются ритмично, замечаешь автоматизм их периодичности, регулятором которой выступает мертвое время. Все эти звуки зловещи: тут и пронзительный визг и скрип, шипение, свист и вой, причем совершенно очевидно, что они становятся все более зловещими в ходе поступательного движения техники к совершенству; эти звуки так же зловещи, как оптические впечатления, которыми нас одаривает техника, как болезненный, холодный свет ртутных, натриевых и неоновых ламп, которыми освещаются теперь наши города. С этим связано получение все большее распространение использование световых и звуковых сигналов для оповещения о грозящей опасности, как-то: ракет, прожекторов, сирен —

в особенности сирен, чьи могучие механические голоса оповещают о налете бомбардировщиков.

Автомат всегда предполагает рядом человека, иначе он был бы не безжизненным аппаратом, а демоном, наделенным собственной волей. Однако представление о том, что аппаратура одушевлена какой-то демонической жизнью, что она обладает собственной, причем мятежной и разрушительной, волей, не так уж нелепо, как это могло бы показаться на первый взгляд.¹⁴ Хотя в той форме, в какой оно выражается,

¹⁴ Представление о том, что в технике заключается живое демоническое начало, и способы его изображения заслуживают отдельного исследования. Демонические черты проявляются во всей работе технических устройств со все возрастающей силой. Нетрудно понять, почему так происходит. Сама техническая мысль, которая, как нам представляется, сочетает в себе каузальное и телеологическое мышление, широко открывает двери для демонического начала. Оно разворачивается в полную силу в условиях той принудительной организации, задача которой — подчинить стихийные силы аппаратуре, причем главным условием оказывается регресс, возникающий как следствие этого насилия и направленный непосредственно против человека. Описания демонических проявлений весьма разнообразны, тут все зависит от того, какой стороной техника поворачивается к наблюдателю. В целом этот процесс описывается как опустошающий или иссушающий, с христианских позиций — как убивающий душу. Титанический характер техники вызывает в воображении образы гигантских зверей непривычного и пугающего вида. Вид аппаратуры пробуждает воспоминания о существах третичного периода, о мире, населенном динозаврами, что вызывает совершенно непривычные ощущения. В технической организации есть что-то от допотопного чудовища, то есть она носит тот же титанический характер. Другие тревожные ощущения вызывают у человека ее вулканические свойства. Вместе с тем в организации рабочего процесса есть что-то сходное с миром насекомых, навевающее мысли о государстве-муравейнике или термитнике. Как единичную черту, составляющую исключение из общего правила, можно отметить сходство самолета с кузнечиком или стрекозой. Автоматизму свойственны черты подводного царства; он вызывает ощущение обморочного безволия, которое бывает в дурном сне. На Э. Т. А. Гофмана особенно пугающее впечатление произвел автоматизм игрушечных автоматов XVIII века. Отношения человека с реальной средой современной аппаратуры получают свое отражение в изображениях кентавроподобных существ. Мне запомнились ри-

это представление производит странное впечатление, в основе своей оно все-таки правильно. Потому что *vis inertiae** — пассивное сопротивление, которое оказывает материя механическому насилию, — усиливается под воздействием испытываемого давления, а борьба материи, стремящейся освободиться от этого гнета, приводит к коллизиям, которые сопровождаются разрушительными последствиями.

На определенной стадии технического прогресса человек начинает осознавать, что очутился в зоне опасности. Это ощущение примешивается к чувству удовлетворения, которое испытывает человек, наблюдая за умными машинами; в предчувствии опасности в него закрадывается страх. Когда ткачи-ремесленники в слепой, бессмысленной ярости уничтожали механические ткацкие станки, которые отбивали у них хлеб, они еще не сознавали опасности — они хотели остановить технический прогресс посредством грубого насилия, но эта попытка не могла спасти от уготованной им участи будущих пролетариев. Начальному этапу техники чужда мысль о том, что за лишнюю энергию, которую дает человеку механика, ему придется расплачиваться и чем-то поступаться. На этом этапе царит безграничная вера в экономические успехи, люди смотрят в будущее с несокрушимым оптимизмом. Не случайно развитие техники сопровождается появлением систем, предназначенных для самопрославления прогресса, возникновением теорий как эволюционного, так и революционного толка. Век техники ознаменован революциями не только в области техники. По мере того как совершенствуется

сунки, на которых у людей приделаны к телу стальные протезы, на лицах вместо глаз изображены часовые механизмы или на месте носа торчит стальной клюв. Напомним также о сновидениях современного человека, в которых его мучительно преследуют подобные образы.

техника, голоса, хором славящие светлое будущее, звучат все тише — только опыт показывает, какие преимущества и недостатки связаны с таким новшеством, как аппаратура. Только опыт приводит к пониманию того, что машинам присущи свои внутренние законы и что человеку следует остерегаться вступать с ними в конфликт. Этому учит хотя бы такая вещь, как производственные аварии. Они все чаще случаются по мере развития техники, пока наконец цифры пострадавших не достигают уровня, сравнимого со сводками военных потерь. Никакими хитроумными изобретениями невозможно полностью исключить аварии, а значит, причина кроется в каком-то несоответствии между механиком и подконтрольным ему механизмом. Производственные аварии случаются тогда, когда человек в чем-то отклоняется от предписанной ему роли *homme machine*,* когда его действия не согласуются с каузальным механизмом, которым он управляет, когда он позволяет себе отделить себя от него, будь то по причине рассеянности, усталости, сонливости или потому, что его внимание отвлеклось на какую-то другую из его механических обязанностей. И в этот момент подавляемые стихийные силы вырываются на свободу и мстят за свое угнетение, нанося удар по техническому работнику и его машине. Юстиция, состоящая на службе технической организации, штрафует рабочего за небрежность, она наказывает его за то, что при обслуживании своего автомата он не проявил надежности автомата.

Гибель «Титаника» — событие, символичность которого подчеркивается самим названием этого корабля, — была одной из таких производственных аварий. Потрясение, вызванное этим известием, становится понятным, если принять во внимание, что эта катастрофа на какой-то миг пошатнула веру в каузальный механизм техники и разрушила тот оптимизм, на ко-

тором основывалось это доверие. Тот факт, что лиссабонское землетрясение оставило более глубокий и сильный след в восприятии его современников, оказавший влияние на образ мыслей в целом, объясняется другой причиной и связан с изменением религиозных представлений: это событие настолько сильно подорвало веру в божественное провидение, что способствовало окончательному формированию каузального мышления, полностью отказавшегося от провиденциализма.

Производственная авария представляет собой частный и локальный акт разрушения, причем непреднамеренного и неизбежного, хотя каждая отдельная авария истолковывается как случай, который можно было предотвратить.¹⁵ Поэтому авария дает лишь слабое представление о том, каких разрушений можно достичь, используя в военных целях эту близкую к совершенству технику и планомерно применяя ее как средство разрушения. Техника не препятствует такому использованию, она готова стать послушным орудием разрушения, так как преисполнена разрушительных сил. Все более тесная связь между техникой и орга-

¹⁵ Для экономической мысли, претендующей на автономность, характерно превращение всех теологических и философских учений о несвободе воли и всех теорий о предопределении и предначертанности в экономические теории среды, причем она так поверхностно подходит к рассматриваемому явлению, что изображает эту среду, от которой, согласно ее положениям, зависит человек, как нечто от него не зависящее, за что он не несет никакой ответственности. Техник придерживается гораздо более строгой каузальности, для него существует чистая механика, законам которой в его понимании подчиняется претендующая на независимость экономическая теория. Вместо пестрого разнообразия теорий, которые по-разному трактуют среду, для него характерна позиция «строгой объективности», согласно которой все процессы можно представить в виде ряда бесконечных причинно-следственных цепочек. Для Техника производственная авария представляет собой предотвратимое явление, так как он усматривает в ней лишь функциональный сбой.

низуемой государством войной становится понятной, если уяснить себе взаимосвязь механических и стихийных явлений. Продолжая развивать механику, техника не только умножает громадные запасы сил, послушных рациональному мышлению и работающих на него как верные слуги, с их помощью она не только создает новую организацию труда, которая регулирует производство и потребление, но одновременно она аккумулирует и силы разрушения, которые со страшной мощью обрушиваются на человека, причем это происходит с тем большим размахом, чем ближе технический прогресс подходит к своей завершающей стадии. Если мы хотим изучить взаимодействие механического и стихийного, то нигде не узнаем об этом так много, как в зоне битвы материалов. Признаться, во время первого сражения во Фландрии (июль 1917 года) самое большое впечатление на меня произвело не столько зрелище смерти и разрушения, сколько то, как преобразилась вся местность под действием механических средств. Без сомнения, в былых сражениях, например в битве при Каннах, на меньшем пространстве громоздились более впечатляющие кучи человеческих и конских трупов. Во Фландрии сражение шло на большом пространстве; войска на нем рассредоточились и так хорошо укрылись, что местность казалась безлюдной. Обстрел, не прекращавшийся несколько недель, превратил ее в лунный ландшафт, усеянный кратерами, — их вулканическое происхождение ни у кого не вызвало бы сомнений. Трудно было бы отыскать там предмет, не искореженный самым невероятным образом. Повсюду валялась развороченная и разбитая на части техника, фантастически скрученная и разодранная; самолеты, автомобили, повозки, кухни превратились в груды металлического лома, из которого торчали железные штанги и искромсанные куски листовой стали. Эта деформация

технической аппаратуры — и деформация человеческого тела, которая была с ней связана, — соответствовала такой технической организации, при которой в аппаратах заключено много подавленных стихийных сил. Найдется немало людей, которые считают такие разрушения бессмысленными и необъяснимыми, потому что не улавливают соответствующих взаимосвязей. А между тем они могли бы наблюдать такие же деформации при любой производственной аварии. Они не замечают, как с развитием техники возрастает мощность деформирующих сил, как все чаще дают о себе знать такие процессы, когда что-то лопается и взрывается.

Теперь мы понимаем, что существуют зоны опасности, которые можно разграничить по степени потенциальных разрушений. Там, где взаимодействие механических и стихийных сил наиболее заметно, где технический прогресс достиг наивысшей степени, то есть в районах крупных городов, заводов, промышленных предприятий, сосредоточенных на небольшой территории, располагается зона, в которой разрушения должны привести к наиболее значительным последствиям. Эта зона располагается там, где организация труда привела к наибольшей плотности населения, где искусственное скопление людских масс достигает самых значительных величин. Разрушения же в первую очередь представляют собой угрозу для масс. Это видно хотя бы из того, какие средства стали использоваться для военных действий — средства, которые представляют собой столь высокие достижения технического прогресса, что становятся оружием массового поражения. Эти новые средства, такие как, например, ядовитые газы, отличаются фатальным сходством со средствами для уничтожения клопов. Характерный признак этих средств заключается в стремлении придать им как можно более широкое

пространственное действие, их эффективность проявляется тогда, когда они применяются в местах большого скопления человеческих масс.

34

Что подразумевают, когда говорят, что техника достигла совершенства? Каков смысл этого выражения? Оно означает лишь то, что мышление, создавшее и распространившее технику, подошло к своей завершающей стадии, достигло предела, который ему ставит сам метод. Как это видно на примере существующих производственных методов и аппаратуры, мышление достигло высокого уровня механической законченности. Если мы сравним, например, ряд дизельных двигателей, начиная с первого образца, созданного на основе расчетов изобретателя, и кончая наиновейшей моделью, только что выпущенной заводом, то увидим, как потрудились техническое мышление над этой машиной, как много оно осуществило переделок, улучшений, преодолело различных сил противодействия. Техник воспринимает эти силы противодействия как трудности, которые могут быть решены и действительно решаются на основе механических законов. На самом деле за ними стоит и нечто иное. Такое противодействие появляется там, где применяется насильственный метод, и возрастает по мере того, как этих методов становится все больше. Ошибочно полагать, что противодействие устраняется с помощью механических решений; оно остается, существуя подспудно и выжидая своего часа в постоянной готовности проявить свою разрушительную энергию. В странах с высокоорганизованной техникой царит та же атмосфера напряженной бдительности, какая бывает в рабовладельческих странах с массой недоволь-

ных рабов, при видимой покорности втайне лелеющих мечты о бунте, мятежах и разрушениях. Однако в отличие от рабовладельческих стран, таких как, например, южные Штаты, мы не находим здесь тех патриархальных отношений, когда добрый хозяин покровительствует преданному рабу. Все это начисто снято, как кора с ошкуренного дерева, и вместо описанных отношений устанавливаются отношения механические, в рамках которых отношения власти и подчинения выступают столь же обнаженно, сколь отношения противоположных физических сил, действующих при давлении или ударе, приобретая от этого мнимую непреложность, ибо выражают будто бы самую сущность закона. Но для человека характерно, что он никогда не желает и не может мириться с такими отношениями, не только потому, что они его принижают, но и потому, что он, в силу своего предназначения стремится к большему, поскольку суть человека не вмещается в эти рамки. Конечно, противодействие часто приводит к ошибкам, переходя в бунт, но с бунтом нетрудно справиться и на него всегда находится усмиритель. Бунтарство для нас неприемлемо, так как оно напрямую связано с той волей к эксплуатации, которой пронизана вся техника. В таком же смысле, в каком воля к эксплуатации соответствует опустошительному воздействию на землю, которая покрывается провалами и трещинами, тяжкими и трудно излечимыми, глубоко зияющими ранами.

Здесь больше нет равновесия: ни между трудом и досугом, ни между человеком и природой. Поэтому любовь к природе в наше время свелась в основном к той сентиментальности, которую мы выказываем по отношению к слабым, раненым, беззащитным. Такая любовь пытается как-то врачевать раны, которые сама же нанесла. *Natura naturata* приобретает облик идиллии за колючей проволокой, куда запрещено входить

человеку, потому что человек свирепствует там, словно разбойник и душегуб, умерщвляя на своем пути все живое. В этом зрелище есть что-то оскорбительное, но в то же время и комическое, если взглянуть на него с другой стороны и понаблюдать, как на каждый шаг человека *natura naturans* предпринимает ответные действия, полной мерой воздавая за каждый акт разрушения.

Каузальному и телеологическому мышлению свойственно не замечать соответствий. Этому невозможно научиться, как нельзя научиться чувству ритма и периодичности, из которой рождается всякая ритмичность. Соответствия могут замечать только те из людей, которые оставляют землю целой и невредимой, то есть не позволяют себе расхищать и эксплуатировать ее богатства. Можно ли найти параллель, соответствующую тем ранам, которые своим вторжением в природу наносит аппаратура, той деформации, которую она производит? Мы замечаем ее в зияющих дырах лопающейся, взрывающейся аппаратуры, утрачивающей механическую форму, в столь же растерзанном, прочно связанном с ней человеке — разрывная сила не щадит его естественную природную форму, строение тела и его частей, то есть действует механически. Человек даже не разрубается на аккуратные части, как туша животного в мясной лавке, не разрезается поперек суставов, как порционная курятина, — его рвут в клочки, перемалывают в мешанину.

Такая картина, которую мы не имеем права не замечать, доказывает, что техника способна достичь совершенства, но никогда не достигнет зрелости. Приписывать ей такое качество значит пользоваться метафорой, неуместной в отношении машины, так как все, что относится к машине, может обладать свойством именно законченности, но отнюдь не зрелости. Зрелость никогда не бывает насильственной и не

может быть вымученной. Если вообразить себе мир, целиком зависящий от воли и волевых усилий, это будет мир, неведающий зрелости, мир незрелых вещей, которые, однако, могут иметь вполне завершенный вид. Вот к такому миру нас приближает технический прогресс, и потому-то, оглядываясь вокруг, мы постоянно сталкиваемся с волевыми актами, ступенями развития, очередными достижениями прогресса, но не видим ничего созревшего, потому что это качество лежит за пределами механики. Поэтому наше понятие совершенства обозначает лишь состояние предельной законченности, мера которого определяется средствами, использованными для достижения этой цели. Понятие совершенства может быть применено, потому что в нем заключено абсолютно рациональное содержание, а, следовательно, его употребление уместно для описываемого здесь состояния.

35

Откуда берется пьянящий восторг, охватывающий человека при движении с максимально высокой скоростью или при подъеме на недостижимую прежде высоту? Что значит это упоение автомобилиста или летчика, которое пришло на смену былому упоению странствием и восхождением на горные вершины? И в чем кроется секрет громкого ликования, которым люди в век техники встречают всевозможные рекорды? Его не объяснишь, пока не поймешь, что дело тут в неутоленных желаниях людей, отлично сознающих свои средства и цели в стремлении к власти и самореализации. Мудрый китаец, преисполненный конфуцианских представлений о гармонии — предположим, что есть еще такие китайцы, — наверное, усмехнулся бы, услышав это варварское ликование и

нашел бы чувства собравшейся толпы, которая переживает очередной рекорд как некую мистерию, нелепыми и грубыми. Совершенно понятно и не вызывает ни малейших сомнений, что именно люди так дружно приветствуют. Победу динамики! Они празднуют ее как свою собственную. Моторика механического движения и преодоление стихийного сопротивления повышают их жизненный тонус и вызывают восторг. Громкое одобрение, сопровождающее каждый новый рекорд, выражает радость по поводу сломленного сопротивления, радость по поводу новой победы, одержанной технической аппаратурой над стихийными силами природы.

Для того чтобы понять восхищение, которое техника вызывает в массах, следует учесть, что масса как социальный феномен развивается рука об руку с техническим прогрессом и что они взаимно обуславливают друг друга. Технический прогресс мощнее всего представлен там, где дальше зашел процесс образования такой массы. Эта формула сохраняет свое значение при перестановке членов. Однако споры о том, что чему предшествовало и было ли появление массы следствием технического прогресса, то есть результатом какого-то планирования и направленного воздействия на человека и его работу, или, напротив, технический прогресс возник вследствие появления масс, бесполезны как переливание из пустого в порожнее. Следует остерегаться привычки везде выискивать причины и следствия, ограничивая усилия разума установлением механической каузальной связи. Такого рода рациональное объяснение представляет собой грубо упрощенный способ мышления, и в первую очередь этим грешит наука. Однако для понимания тех связей между явлениями, которые нас сейчас интересуют, этого подхода недостаточно. Здесь требуется иной подход и не те методы, которыми пользу-

ется наука и техника. Мы не должны забывать, что отношения между явлениями могут носить другой характер — характер соответствия или соотнесенности и что одновременность как таковая также представляет собой явление, достойное внимания, хотя она не может быть объяснена каузальным способом. Технический прогресс и появление масс — явления одновременные, которые теснейшим образом соотносятся друг с другом. Одно невозможно отделить от другого. Масса не оказывает сопротивления техническому совершенствованию, а, напротив, идет ему навстречу, она послушно внедряется в автоматизированный рабочий процесс. Для Техника она представляет собой самый удобный, самый пластичный материал, без которого его рабочие планы были бы вообще неосуществимы. Массой она является, поскольку пассивна, механически подвижна и легко поддается организующему воздействию. Масса всегда существовала только в крупных городах, как бы широко не распространялось по всей стране массовое мышление, но только в крупных городах создавались условия, в которых образуется масса. Для массы характерны такие признаки, как искусственность существования, зависящего от пополнения извне: и возникновение, и упадок массы зависят от внешних условий, искусственной стимуляции; у массы отсутствует способность восполнять потери из собственной жизненной субстанции, ее отличает рост потребления, которое становится все более ненасытным по мере ее дальнейшего развития.

С понятием массы мы связываем представления о тяжести, давящем гнете и зависимости. Такое представление оправданно, однако не следует упускать из вида, что на высоком уровне развития массе свойственна быстрая, переменчивая подвижность, а главное, механический автоматизм, который особенно нагляд-

но наблюдается в крупных городах. Все возрастающая зависимость массы от рациональной организации, которая административно и экономически управляет всеми ее функциями, также находит свое отражение в движении массы. Так механическое движение транспорта, которое контролируется Техником, вынуждает человека приспособляться к автоматизму механических правил дорожного движения. Эти правила движения предоставляют одинаково мало свободы и произвольного выбора как транспорту, так и простому пешеходу. Если вместо неподвижной дорожной полосы вообразить механически движущуюся ленту, на которой передвигаются люди, то мы получим более ясное представление об этом процессе. Однако эскалатор, электрический лифт и вообще любое автоматическое транспортное средство, с помощью которого передвигаются люди, тоже позволяет составить ясное понятие о сути дела. Понаблюдав за прохожими на более или менее оживленной улице, мы тотчас же заметим проявление механического начала, которое управляет их движениями, — оно чувствуется в походке, осанке людей и позволяет разглядеть, насколько машинальной стала их жизнь.

Из многообразия средств передвижения можно также сделать вывод о том, что человек приобрел свойство перемещаться, причем с совершенно неожиданной скоростью. Самым наглядным подтверждением этого факта служит развитие дорожного движения и транспортных средств. Значительность же этого процесса проявляется во всех областях. Говоря, что человек стал перемещаемым, мы подчеркиваем тем самым пассивность этого свойства, его зависимость, в противоположность тому движению, для которого характерна активность и инициатива. Этот процесс можно сформулировать так: скорость перемещения человека возрастает в той же степени, в какой техни-

ка приближается к своему совершенству. Без этого свойства был бы невозможен технический прогресс.

Человек стал мобилен, более мобилен, чем когда бы то ни было. Эта мобильность — признак дальнейшего развития массовости, составляющей единое целое с техническим прогрессом. Ведь один из признаков техники — освобождение человека от всех связей, не имеющих рационального характера, и подчинение его рациональным отношениям. Возрастающая мобильность человека связана с развитием организации и аппаратуры, поскольку в этих условиях повышается его пассивная подвижность. В равной степени возрастает и духовная податливость, то есть подверженность идеологическим воздействиям.

Восприимчивость целых слоев населения к идеологическим влияниям и вытекающая из этого свойства власть идеологов являются особенностями массы. Идеология представляет собой обобщенную, вульгаризированную форму веры и знания, и как таковой ей в меру ее действительности присуще свойство перемещаемости. Для достижения своих целей Техник вообще не нуждается в идеологии, поскольку он владеет инструментами власти, позволяющими ему обходиться без нее. Но именно по той причине, что Техник не занимается ничем, что выходило бы за пределы его сферы, претендуя в то же время на универсальную власть, идеология охотно заключает союз с техникой, как бы заполняя собой пустующие ниши. В союзе с техникой идеология заимствует у нее громадные силы и направляет весь запас энергии, накопленный благодаря организации и аппаратуре, на достижение одной определенной цели. Ее союз с техникой не случаен. Ведь знания Техника так же перемещаемы, как машины, установленные на медных рудниках Катанги или на золотых копях Бразилии. Это знание так же не привязано к личности, как не привязан к ней функциональный труд рабоче-

го. Оно может быть не только приобретено своим трудом, но также похищено, украдено, выведено шпионами, его можно переправить в любую точку земного шара, причем в отличие от вина или чая оно нисколько не пострадает от перевозки, ибо оно внекачественно, это знание не обладает градациями достоинства.¹⁶

Монопольное положение техники, наблюдающееся на раннем этапе ее развития, существует теперь лишь благодаря опережающему развитию, достигнутому там, где ее раньше начали применять. Но это опережающее развитие невозможно сохранить никакими стараниями (а их в свое время было приложено немало), потому что знание, на котором основана эта монополия, неспособно себя защитить. В ответ на упреки в том, что это знание, мол, напрасно выпустили из рук, позволив овладеть им, например, азиатским народам, следует напомнить, что такое знание нельзя уберечь, потому что оно внекачественно. Для охраны технических достижений, используемых в вооруженных силах, государствам приходится применять особые, нетехнические меры безопасности.¹⁷ Наконец, сам Техник как таковой не заинтересован в засекре-

¹⁶ Примечательно, с какой легкостью никак не причастный к технике человек, например представитель какого-нибудь центральноафриканского племени, едва покинув родную деревню, включается в процесс обслуживания высокоорганизованной техники; почему это происходит, становится понятным, если учесть, что технике свойственны черты внеисторичности и аполитичности. Если бы человеку каменного века вдруг понадобилось обучиться вождению автомобиля, он наверняка быстро справился бы с этой задачей: она не выходит за пределы его возможностей. Ведь для вождения вовсе не нужно понимать устройство механизма. Как показывает опыт, даже шимпанзе можно обучить езде на мотоцикле.

¹⁷ Интересен использовавшийся в XVI—XVII веках способ засекречивания научных открытий при помощи анаграмм. Такие анаграммы гарантируют главным образом приоритет открытия, причем на первых порах этот метод делает открытие доступным только для того, кто сумеет расшифровать анаграмму. Известным примером является ана-

чивании изобретений и их монополизации — зачем он станет мешать техническому прогрессу, то есть сам себе ставить палки в колеса?

Поскольку техническое знание само себя не оберегает, оно нуждается в правовой защите, которую ему гарантирует патент, охраняющий тот или иной технический метод и его использование в течение определенного срока или пока это право не будет востребовано. Показательно, что первые *Literae patentes*, то есть документы о присвоении привилегий, появились в Англии и что именно в Англии впервые было признано патентное право, которого не знали ни античность, ни средневековье. Между авторским и изобретательским правом имеется заметное различие, установленное юристами. Условием охраны авторского права является наличие определенным образом оформленного правого блага,* в то время как изобретательское право защищает идею как таковую, без определенного оформления, при условии ее технической применимости. Признаком же всякого знания, обладающего качественным достоинством, является его самозащищенность, которая проявляется не только потенциально, но и актуально при каждом акте его возникновения.

грамма Галилея, в которой зашифровано описание предполагаемой формы Сатурна; в расшифрованном виде она дает фразу: «*Altissimam planetam tergeminat observavi*».** Понятно, что такие анаграммы тем труднее поддаются расшифровке, чем больше букв содержат. Гюйгенс изложил свои наблюдения о форме Сатурна в виде анаграммы из 62 букв, и ее быстро расшифровал математик Уоллис. Анаграмма дает фразу: «*Annulo cingitur, tenui plano, nusquam cohaerente, ad eclipticam inclinato*»***

Споры ученых о приоритете носят такой яростный и ожесточенный характер, потому что от признания приоритета зависит слава и авторитет ученого. Начало расцвета наших наук относится к эпохе Колумба, тогда было важно, кто первым увидел Америку или кольца Сатурна. Возможность или невозможность споров о приоритете может даже служить мерилем научности того или иного положения.

Техник, как уже было сказано, не нуждается в идеологии, потому что располагает инструментами власти, которые отменяют ее необходимость. Его мышление не идеологично, потому что аппаратура, с которой он работает, тоже не имеет отношения к идеологии. Но эта аппаратура в любой момент может стать и становится на службу идеологии, потому что аппаратуру и идеологию одинаково отличает законченность — они неизбежно объединяются на полпути, когда дело идет о подчинении человека механической организации. Такое объединение совершается, потому что все, что имеет отношение к идеологии, предполагает механистичность, такую же законченность мышления, какая свойственна аппаратуре. Выразить в четком определении, в чем состоит различие между народом и массой, не всегда просто. Поэтому мы укажем лишь на один безошибочный признак. Там, где мы имеем дело с народом, мы никогда не встретим ни следа идеологии, зато она обязательно присутствует там, где есть масса. Масса нуждается в идеологии, и ее потребность в ней тем сильнее, чем больше техника приближается к совершенству. Идеология необходима хотя бы потому, что и аппаратура и организация обнаруживают свою недостаточность, потому что они не придают человеку сил и не могут дать ему необходимого утешения. Не вызывает сомнения, что усилия Техника увеличивают пустое пространство, причем увеличивают его в той же степени, в какой они сужают пространство жизненное. Поэтому одним из неотъемлемых свойств мира Техника становится *hoggor vasu*,* всевозможными способами — в виде депрессии, скуки, ощущения бессмысленности и бессодержательности, чувства тревоги и загнанности — проникающий в сознание человека.

Обратившись к вопросу идеологии, мы одновременно касаемся другой связанной с этим проблемы — проблемы актерства. Мы не можем подробно вдаваться здесь в вопрос о том, чем объясняется все возрастающая роль, которая признается за актером, поскольку это выходит за рамки нашего исследования. Актер тесно связан с аппаратурой, с аппаратурным восприятием действительности, поэтому прогресс техники всегда означает расширение актерского влияния. Это становится ясно со всей очевидностью, если мы поймем, что растущее влияние рекламы и пропаганды соответствует влиянию актерской профессии. Это же соответствие выражается в массовом производстве фотографий, и не случайно актер оказывается наиболее часто фотографируемым человеком. Его фотографии можно встретить повсюду, так что невольно складывается впечатление, что фотографироваться — главное дело его жизни, ради которого он должен непрестанно отдавать себя на потребу фотографов. Именно отдавать на потребу, так как то, что он делает, представляет собой акт проституции.

Во все времена, когда актер был еще представителем особой касты, сословия, общественной ступени, которые, кроме актерской, предполагали существование ряда других каст, сословий, общественных ступеней, к нему относились с подозрительностью. И нигде эта подозрительность не была развита так, как в народной среде. Здесь она выражена так сильно, что можно сказать: там, где есть народ, отношение к актеру всегда пронизано непреодолимой недоверчивостью. Масса ведет себя в этом случае иначе. В наши дни, когда отношение к актеру не зависит от представлений о сословном или хотя бы профессиональном делении общества, когда актера можно встретить где угодно, эта подозрительность сменилась всеобщим признанием, сделав актера предметом культа. Сурро-

гаты вторгаются не только в область питания, но также в сферу мышления и чувства. В мире, где надо всем царят аппаратура и организация, не осталось места для счастья, счастье не может проскользнуть в него незамеченным, как не может вписаться в цепь причинно-следственных связей или втиснуться между целью и средством. Но такое состояние невыносимо для человека, запертого в своем убожестве, словно в неприступной башне. Когда у него не остается совсем никаких шансов — при четкой организации с этим навсегда покончено, — тогда взамен ему приходится давать какую-то иллюзию, например утопию. По этой же причине утопичны все разновидности социализма, создающие обманчивые миражи неосуществимого счастья. Распределяя шансы соответственно своим понятиям о справедливости, социализм их уравнивает, а следовательно, превращает в чистый нуль. По бедности воображения никто не может сравниться с утопистом, который тщится прикрыть отсутствие фантазии. Если бы Господь Бог, создавая землю, задумал ее в соответствии с законами справедливости, на земле не осталось бы счастья и не было бы ни счастливых, ни удачливых людей. Мир был бы жестким и унылым в своем однообразии, как весы, которые взвешивают заслуги. Точно так же в условиях внутренне непротиворечивой социальной организации не было бы счастья, а была бы система поощрений в виде повышения по службе и заслуженной пенсии по достижении положенного возраста. Любовь, милость, счастье исключаются в условиях такой организации, где все основано на обязанности. Они могут проявляться только вне этой сферы. Для человека же это невыносимо, даже для человека, живущего в условиях технической организации. Пусть он несчастлив, но он не хочет отказываться от шанса на счастье, хотя бы в виде лотерейного билета. Чем

меньше надежда на удачу, тем дороже она человеку. Так почему бы не предоставить ему такую возможность? Что может быть легче и дешевле, чем оделять людей шансами на удачу, которая изредка выпадает среди пустых билетиков! Счастливым человека, правда, не сделаешь, но можно включить его в число ожидающих счастливого случая. В условиях развивающейся техники можно поставить производство иллюзий на промышленную основу. Так, кинематограф даст усталому рабочему иллюзию счастливой любви, богатства и представит ему мир сказочного благополучия. Так кто же тогда актер, как не человек, владеющий шансом? Разве не он выступает как раздатчик шансов на удачу, предлагающий надежду? И разве зритель не должен быть благодарен актеру за то, что тот взял на себя эту роль? Более того! Зритель идентифицирует себя с актером, с его ролями и шансами. Человеку нужен образец, идеальный герой, и актер — не являющийся ни тем, ни другим — в то же время остается единственным, кто в состоянии сыграть эти роли. В понятие роли, учитывая то, что она постоянно меняется, входит как одно из свойств та особенность, что актер не может быть великим человеком. Точно так же не может быть велик человек, сделавший ставку на счастливый случай. Но зритель рад и тому, что кто-то играет роль — играет за него.

Мы уже упоминали о том, что мало кто по-настоящему понимает значение рекламы и пропаганды. Обыкновенно замечают только ее значение для торговли. При ее объяснении упор делают на правила конкуренции, экономической борьбы, понимая последнюю как часть борьбы за существование. В чем же тогда причина того, что реклама и пропаганда являются спутниками технического прогресса, что именно в этих условиях начинается их нездоровый рост, который в конце концов приводит к завоеванию ими

всего мира? Почему это специалисты рекламы и пропагандисты пускаются в изучение психологии, чтобы с ее помощью усилить и углубить действенность своих заверений, придать им силу заклинаний? Что мешает успеху этой деятельности? Не что иное, как недостаток правдоподобия в их заверениях, невозможность скрыть их обманчивость. Отсюда и аляповатая плакатность этих заверений, которые всегда украшают собой пустое место, пустое пространство. По ним прямо-таки можно подсчитать, сколько на самом деле существует таких пустот, какое количество пустоты скрывается за фасадом, который только и остается покрывать этими вывесками.

Какое место вообще занимает реклама и пропаганда? Как далеко простираются их границы? Как мы уже упоминали, реклама может охватывать только технические продукты фабричного, машинного производства, артикулы, которые могут быть размножены механическим способом. Таким образом, возможность поточного производства является одним из условий технически эффективной рекламы и пропаганды. Все, что не отвечает этому условию, лежит вне их сферы. В рекламе представлено только изображение предмета, сопровождаемое заверениями и заклинаниями, которые призваны оказать магическое действие. Рекламирование и пропагандирование людей — например актеров — не противоречит этому условию. Актер может становиться объектом рекламы постольку, поскольку он играет роль, и только как исполнитель роли он пригоден в качестве объекта изображения, размножаемого механическим способом. Это не значит, что вне роли он ничего собой не представляет, хотя роль и может занимать в его жизни настолько большое место, что вытесняет из нее почти все остальное. Однако нас здесь не занимает вопрос о том, что представляет собой актер вне его роли, потому

что такой актер — как и вообще любой человек, о котором полусочувственно и полупрезрительно принято говорить, что он «не играет никакой роли», — не получает отражения в рекламе и пропаганде. Роль — это не просто притворство, ее особенность состоит в том, что ей присуща повторяемость. А поскольку она повторяема, то приобретает благодаря этому ту законченность, которая свойственна актерскому лицу, одновременно подвижному и застывшему, пластичному и напряженному, но никогда не забывающему на публике об исполняемой роли. Если мы посмотрим на это лицо, когда актер предоставлен самому себе, оно покажется безвольным, измученным, расслабленным и пустым. Есть ли на свете более жалкое существо, чем актер, не играющий роли?

37

В мире одного лишь сущего не могло бы быть рекламы, так же как в нем не может быть противоположности между сущим и кажущимся, между правдой и ложью. В такой мир не мог бы проникнуть обман, потому что в нем нет дыр и разрывов, через которые он мог бы туда проскользнуть. В этом мире не могло бы быть даже тех теней, какие есть, например, в философии Платона, потому что в ней между вещами и идеями существует разрыв — явление, вселяющее беспокойство и потому вызвавшее критику со стороны Аристотеля. Там, где устанавливается влияние идеализма, всегда происходит процесс отвлечения, в ходе которого улечиваются первообразы и множится число их вторичных копий. Без отвлечения не возникла бы наука, ибо только с его началом мысль начинает требовать объяснений. Без отвлечения нет и объяснения. В мифе мы тоже не находим объяснений,

так как он возникает из созерцания и в нем никогда не ощущается потребность дать объяснение самого себя. Лишь в мире отвлечений начинаются попытки дать мифу объяснение, как у киренаика Евгемера, объявившего миф апофеозом замечательных людей, или у тех, кто истолковывает его в символическом, аллегорическом смысле как историю или описание явлений природы.

Рассмотрим теперь нечто совершенно иное — фотографию, и на этом примере, взятом из другой области, попытаемся разъяснить понятие отвлечения. Когда спрашивают объяснения, что такое фотография, то есть процесс фотографирования, то получают всегда один и тот же ответ: объяснение химического процесса, на котором основан принцип фотографии. В данном случае такое объяснение не представляет никакого интереса. Интересно другое — как появляется фотография, что она собой представляет. Почему метод Веджвуда и Дэви, который заключается в том, что пропитанную ляписом бумагу подвергают воздействию света и таким образом получают изображения, был изобретен только в 1802 году? Что значит использование камеры-обскуры, гелиография, дагерротипия, основанная на применении серебряных пластин, проявляемых при помощи ртути? Несомненно, что в области фотографирования, которое продолжает совершенствоваться и в наши дни, происходит постоянный прогресс. Но вот что в нем примечательно: на первых порах никак не удавалось закрепить изображение, фиксировать копию. Полученный белый силуэт под воздействием света бурел, пока не исчезал окончательно. Затем появились трудности на пути механического размножения снимков. Дагерру для изготовления копии требовался долгий и трудоемкий процесс съемки, и лишь с появлением коллодиевой эмульсии в качестве светочувствительного слоя была

разрешена проблема многократного копирования снимков. Глядя на старые дагерротипы, невозможно избавиться от чувства, будто прежде отвлечение изображения от оригинала шло труднее. Отсюда старинные фотографии кажутся нам более значительными, более верными оригиналу и убедительными. Складывается впечатление, будто тогда человека было труднее сфотографировать, причем не только по той причине, что процесс фотографии был еще недостаточно хорошо разработан. И это впечатление нас не обманывает. Метод фотографирования мог быть изобретен только тогда, когда человека стал фотографируемым, и фотография развивалась в той мере, в какой она занималась фотографированием человека. Сложность, связанная с закреплением снимков, с их механическим размножением, носит не только технический характер. Для того чтобы метод копирования достиг сегодняшней автоматической надежности и простоты, необходимо было преодолеть не только техническое сопротивление, но и сопротивление, заключенное в самом человеке. И возможно, что именно это сопротивление сделало развитие фотографического метода стоящим делом. Ведь сегодня часто ловишь себя на ощущении, что фотография как таковая начинает понемногу надоедать. Поневоле закрадывается догадка, что за постоянным разглядыванием копий скрывается акт самообольщения, недолго сохраняющего свою прелесть, копии являют нам все более тонкие и смутные отвлечения образа. Сам метод по-прежнему подтверждает свою техническую надежность, но зато меняется человек, и вполне возможно, что со временем ему наскучат вторичные копии, которые способна дать фотография.

Если в настоящем сочинении усилия техники и рассматриваются с критической точки зрения, то, как явствует хотя бы из средств, используемых в нем, это отнюдь не означает враждебного отношения к человеческому разуму в целом. В замысел этого сочинения не входило ничего похожего на романтическое отрицание техники, которое, если серьезно посмотреть на сложившееся положение, представляет собой не более чем мечты, навеянные путешествием в почтовой карете. Да и живем мы не на островах и не в девственном лесу; там, где мы живем, мы все время находимся в пределах досягаемости технической аппаратуры и организации. С этой дороги уже не свернешь, и остается только пройти ее до конца. Не только уличному пешеходу приходится постоянно быть бдительным, чтобы его не разорвали в клочья машины. Такую, и даже более всеобъемлющую и всепроникающую, бдительность должен проявлять сегодня каждый мыслящий человек, способный ощущать себя не просто колесиком или винтиком гигантской машины.

Настоящее сочинение отнюдь не задумано и как прославление иррационального; заниматься этим могут только те люди, которые не осознали всей опасности нашего положения. Вскоре мы как раз перейдем к тому, чтобы показать, насколько попытки обратить средства сознания против сознания связаны с техническим прогрессом. С такими устремлениями наше исследование не имеет и не желает иметь ничего общего. Однако пришло время, когда перед нами встает вопрос о том, куда ведет человека технический разум — Ratio, — включающий в себя, как уже было показано, пренебрежение всякой рациональностью. Все рациональное подчиняется обязательным ограни-

чениям, оно никогда не может становиться самоцелью. Если бы существовала рационализация ради рационализации, то ничто не препятствовало бы умерщвлению беспомощных людей, больных и стариков, и даже напротив, такие действия диктовались бы при этих условиях как полезные. Тогда считалось бы, что для пользы дела надлежит избавляться от пенсионеров и отставных чиновников и применять на практике безжалостный принцип — «кто не работает, тот не ест». Эти примеры показывают заодно, к чему приводит философия, проповедующая голую пользу. Когда Раскольников убивает старуху-процентщицу, решив, что она совершенно бесполезна в общем плане мироздания, как какой-нибудь вонючий клоп или таракан, он совершает кровавое преступление в припадке крайней гордыни. Будь тогда Раскольников в здравом уме и рассудке, он должен был бы сказать себе, что ничего не знает об общем плане мироздания и что его способности суждения не хватит, чтобы понять, какую задачу в нем выполняет обыкновенная старушонка.

Или возьмем чиновника, выполняющего техническую работу по ведению одной из бесчисленных картотек некоей специальной регистратуры, которая — хотя это может быть и неизвестно самому чиновнику — предназначена для рационализации потребления: этот чиновник легко может вообразить, что в мире царит идеальный порядок на том основании, что он аккуратно ведет свой архив. Это широко распространенное писарское убеждение основано на смешении понятий: проводя жизнь в мире архива, он охотно готов считать таким же архивом весь остальной мир. Мысль по-своему превосходная если бы нам от природы было предназначено питаться бумагой!

Технический разум вызывает своеобразные явления. Техник не способен охватить их в целом, он их

не понимает. Он утверждает, что является реалистом, то есть признает «суровую реальность». Но его реализм ограничен одной частной областью — его специальностью в области знания. Создаваемая им видимость «строгой объективности» не может скрыть безграничности его властных устремлений, хотя она и скрывает эксцентричность его планов и конструкций, которые составляют конечную цель его властных устремлений. Выстроенный им аппарат тщательно продуман вплоть до последнего винтика, но на винтике и кончается эта продуманность, так как мысль Техника ни на шаг не выходит за эти пределы. Это всего лишь аппаратура, но такая, которая благодаря своей высочайшей централизации позволяет своему хозяину обращаться и с живыми людьми как с аппаратами. Она дает ему поистине гигантскую власть. Высокому уровню развития техники соответствуют механистические теории человека. Подобно тому как в обиход входят выражения «государственный аппарат», «юридический аппарат», «экономический аппарат», так и все остальное постепенно принимает вид аппаратуры, вся действительность воспринимается как аппарат. Для такого мышления характерна утрата уважения ко всем видам свободы.

Именно это стремление целиком подчинить человека требованиям технической рациональности, утилитарному функционализму, который ничего не оставляет вне сферы своего влияния, постепенно подавляет духовное противостояние человека, его волю к сопротивлению, опирающуюся на более глубокий порядок. Все инстинктивное, темное в человеке, его смутные волевые порывы и путаница мыслей не побеждаются, а только усиливаются. Система организации, которая стремится подмять под себя все, не имеет никаких средств для обуздания этого темного царства. Никакой технической разум не способен ос-

тановить нарастание слепой стихийности, напротив, технический разум открывает перед ней дорогу для проникновения и распространения в жизни. При этом на поверхность выходят темные и опасные силы. Автоматизм, который воспитывается в человеке ежедневной муштрой, не просто приучает его к безвольному функционированию и выполнению механических функций, но еще и ломает его внутреннее сопротивление, под маской упорядочивания отнимает всякую самостоятельность, благодаря которой человек может сопротивляться всякого рода хаотическим процессам. Автоматизм дает мощный импульс процессу образования массы. Вся совокупная организованная мощь техники только поддерживает этот процесс. Мы привыкли смотреть на толкового организатора как на человека высшего типа и прославлять изобретателя или врача, создавшего вакцину, как благодетеля человечества. Такая оценка представляется до смешного односторонней, так как в ней отсутствует критика и она способствует пополнению галереи темных личностей, предлагаемых в качестве образца для подражания. Такая оценка упускает из вида, что «заслуга» подобных организаторов зачастую заключается только в уничтожении неорганизованного богатства. Подобно тому как под влиянием механического принуждения присущая материи *vis inertiae* пробуждается к усиленному сопротивлению, в человеке под влиянием технической организации начинают происходить такие изменения, какие не снились ни одному возвысившемуся до ранга психотехника психологу. То соответствие между механическим и стихийным началом, которое наблюдается в технических устройствах, мы встречаем также у человеческой массы. Масса является объектом механического воздействия техники. Но в той же степени, в какой на нее производится это воздействие, в той степени, в какой она стано-

вится рационально организованной, в ней крепнут слепые иррациональные силы, которым она не в состоянии сопротивляться, так как духовно ей нечего им противопоставить. Она то беснуется от безудержного, яростного восторга, то мечется, одолеваемая приступом панического страха, который охватывает ее с такой силой, что она, словно испуганное стадо, готова без оглядки ринуться в пропасть. В стремительное движение, вызванное техникой, вовлекается захваченный им человек, который принимает технический прогресс за прогресс человечества. Все неподвижное техника приводит в движение. Человек тоже становится мобилен. Не сопротивляясь, он участвует в автоматическом движении и желает даже, чтобы оно ускорилося.

39

Вопрос о том, какими источниками располагает человек, живущий в современных крупных городах, какие ресурсы имеются в его распоряжении, относится к числу самых важных. Мы привыкли считать Древний Рим своего рода моделью, которая путем сравнения позволяет нам делать определенные наблюдения и выводы, дающие возможность лучше понять собственные обстоятельства. Не случайно историки XIX века уделяли Риму такое пристальное внимание. Моммзен, заклятый враг всяческих пережитков феодализма, с зоркостью выдающегося историка заметил, что римская история помогает нам установить связь настоящего с прошлым, которое никогда невозможно понять как некое отдельное измерение, а только как одно из измерений времени, свойства которого зависят также от конкретной действительности. Последующие пути римской историографии ясно показывают, насколько она сохраняет свою актуальность. Для нас

актуальна теперь не древнейшая или ранняя эпоха, охватывающая историю полиса, — о ней Моммзен по понятным причинам высказывается скупой и лаконично, — а более поздний период, когда Рим стал столицей империи. Живой интерес вызывает у нас не время катилинариев, а Рим времен Цезаря и Помпея, Рим времен империи. Если рассмотреть массы, населявшие город в это время, мы увидим, что их положение значительно отличается от положения современных масс. Велики религиозные, политические, социальные различия, мы видим перед собой совершенно другой мир. Техническая организация несравнима с нашей. Однако наблюдая эту массу, состоящую из свободных, вольноотпущенников и рабов, эту толпу (*turba*) — пеструю, буйную, все тревожнее шумящую на площадях и улицах, с одинаковой страстью выступающую в поддержку властителей или аплодисментами приветствующую в цирке травлю людей и зверей, — мы отмечаем в ней не столько грубый паразитизм, в который впадает ее значительная часть, сколько приобретаемую ею все большую подвижность. Система эксплуатации провинций, приводившая к разорению цветущих стран, колоссальные денежные махинации чиновников и откупщиков, безумное расточительство богачей — все это предполагает в качестве условия своего существования наличие массы, огромного количества городского населения, которое нужно кормить и развлекать. Но в то же время не следует упрощенно представлять себе эту массу как некую породу трутней или шайку бездельников. Рим не только был городом масштабного, конструктивного планирования, но, как и все крупные города, он был населен трудолюбивыми ремесленниками и работниками. Он не только был ареной прожигания жизни, но во все времена был также ареной труда. Там жили не только люди, внесенные в списки

для бесплатной раздачи хлеба и получавшие пронумерованные талоны на посещение цирка, но и множество деятельных профессиональных тружеников всех ремесленных отраслей. Весь этот мир прилежного труда вполне способен существовать и при таком положении вещей, когда город высасывает все жизненные соки из подвластной ему территории. Но посмотримся теперь к той зависимости, в которой оказывается масса. Характерным признаком массы является то, что она создается искусственно, пополняясь за счет притока извне. Следствием этого становится утрата способности, а вместе с нею и права, политического самоопределения. Одновременно с этим — напомним, что времена земледельческого Рима остались далеко позади, — масса утратила способность самостоятельно себя пропитать; ее прокормление и обеспечение становится тяжелым бременем, которому не видно конца. Город превращается в гигантского потребителя. Империя становится для Рима мала, и он вынужден предпринимать военные походы, чтобы расширить ее пределы. По-видимому, ликвидация сословия свободных крестьян является необходимой предпосылкой для образования мировых монархий. Только с исчезновением связанного с землей, неподвижного и не склонного к переменам крестьянства политические идеи обретают ту поглощающую пространство энергию, которую можно назвать имперской. Империализм идет рука об руку с образованием массы, потому что именно она придает ему пространствопоглотительную энергию, обостряет его голод и помогает переварить обретенную власть. Рим как один из городов Лация и Рим как первый город Италии — это два разных города. А Рим времен Пунических войн совсем непохож на Рим — столицу империи. На его примере мы наблюдаем, как шаг за шагом происходит постепенное самоуничтожение ан-

тичного полиса с последующим его превращением в столичный город и резиденцию императоров. Для этого превращения потребовались колоссальные жертвы, и жертвовать пришлось тем, что составляло римскую сущность; против этих жертв страстно, но безуспешно постоянно протестуют суровые блюстители римских нравов и обычаев. Однако лишь в этих жертвах заключены оправдание власти и одновременно залог ее прочности. Именно эти жертвы составляют отличие римского государства от команды пиратского корабля, вся цель которого сводится к грабежу и добыче. Представление о власти всегда будет односторонним без понимания того, что власть подчиняет своему господству и победителя, что властвующий одновременно сам подвластен. В силу этого обстоятельства Азия, Африка и другие страны империи входят во владения победившего Рима сначала как военные трофеи, а после, в следующих поколениях, присылают туда своих детей в качестве преторов, консулов и цезарей. Искусственный процесс образования массы идет в ногу с этим развитием, достигая своего апогея при императорах. Структура этих масс показывает, что исконные римляне составляют среди них все убывающее меньшинство. Следы старинного римского начала стираются в гуще латинизированного и эллинизированного населения до полной неразличимости. Столица мира в процессе потребления поглощает и человека. Она не пополняла свое население из собственных ресурсов, а впитывала его из других частей империи, забирая все умные головы и все новые массы рабов. И так продолжалось, пока не наступили события, в результате которых иссяк источник, искусственно пополнявший римскую массу, и тогда городское население резко сократилось и Рим пришел в упадок.

Каким образом техника влияет на человека, мы видим наблюдая его не только в работе, но и в развлечениях; так, влияние техники проявляется и в спортивных пристрастиях. Развитие спорта происходит в условиях технически организованного крупного города, без них оно немыслимо. Технические термины спорта пришли в основном из английского языка. Это объясняется опережающим развитием промышленности, которое наблюдается в Англии особенно в первой половине XIX века. Инженеры и техники ездили в то время в Англию, чтобы пополнить свои технические знания. Позднее, когда технизация проникла в Америку, произошла американизация спорта, в то время как технически отсталые страны — например Россия или Испания — не внесли значительного вклада в развитие спорта, а остальные обширные регионы, оставшиеся в стороне от технического развития, вообще ничего не сделали в этой области. Таким образом, возникновение спорта представляет собой реакцию на те условия, в которые поставлен человек в большом городе. И эта реакция зависит от все возрастающей механизации движения. «Дикарь» не занимается спортом. Он упражняет свои физические способности в играх, танцах, пении, но в этих занятиях нет ничего спортивного, даже если овладеешь ими виртуозно. Наши лучшие спортсмены — выходцы из рабочих областей, в которых механизация достигла наибольших успехов; в основном это горожане. Крестьяне, лесники, охотники, рыбаки, то есть люди, свободные в своем движении от механического принуждения, мало занимаются спортом. Проникновение спорта в деревню может служить показателем уровня механизации, в частности степени использования машинной техники в области земледелия. Дело в том,

что работа с машинами изменяет мускулатуру человека, сложившуюся в условиях ручной работы, и тем самым изменяет его движения. В наше время постепенно исчезает мужицкая тяжеловесность и закоснелость, развившаяся у крестьянина под влиянием ручной работы, которой он занимался всю жизнь, исчезает неуклюжесть, отличающая его от связанного с техникой рабочего. Крестьянин становится более легким и подвижным, так как непосредственную работу с землей теперь берут на себя машины. У водителя трактора или косилки тело уже другое, чем было у пахаря или косца.

Провести точную границу между игрой и спортом непросто, так как трудно найти игру, которую нельзя было бы сделать спортивной. Совершенно очевидно, что Олимпийские игры греков были не спортивным мероприятием, а празднеством сакральной общности, сопровождавшимся состязаниями. Их нельзя отнести к спорту хотя бы потому, что там отсутствует неотъемлемый от занятий спортом индустриальный ландшафт. Напротив, то, что мы в память о древних греках называем Олимпийскими играми, представляет собой спортивное мероприятие, на которое съезжаются специалисты из разных стран. Следует отличать охотника, пловца, рыбака с удочкой, гребца от человека, который занимается охотой, плаванием, рыбной ловлей или греблей как спортом. Совершенно очевидно, что последний является Техником, доводящим до совершенства механическую сторону своего занятия. На это указывает даже его снаряжение. Обратим также внимание на предметы, которые употребляются в спорте, — все эти секундомеры, контрольные часы, измерительные аппараты, стартовые механизмы (приспособления) и т.п. Достаточно этого перечня, чтобы получить представление о все возрастающей механизации спорта. В этих точных измерениях мельчайших

долей времени мы снова сталкиваемся с характерным для техники контролем над потребляемым временем, свойственной ей организацией времени.

А разве тот язык, тот жаргон, на котором изъясняются люди, имеющие отношение к спорту, не отличается механической жесткостью? И, наконец, остановимся на самой спортивной жизни, ее организации, всех этих тренировках, таблицах, реестрах, на рекорде как основном принципе спорта. Не вызывает сомнения тот факт, что развитие спорта связано со все большей механизацией и что самый спорт становится все более механическим. Мы наблюдаем это не только на автогонках, на летных праздниках, на шестидневных гонках, в которых участвуют машины, но и во всех других видах спорта, в которых машины не используются: в боксе, борьбе, плавании, беге, прыжках, метании копья или диска, в метании молота. Сам человек при этом превращается в машину, его движения, контролируемые аппаратами, становятся машинальными. С этим связано и то, что спортсмен становится профессионалом в своем виде спорта и применяет свои специальные навыки в качестве профессии, которая позволяет ему зарабатывать деньги.

Без сомнения, занятие спортом приобретает по мере развития техники все большее значение для человека, превращаясь в жизненную необходимость. Мы видим также что, дисциплинируя тело, занятия спортом позволяют достигать больших результатов. Между тем для всех видов спорта характерна какая-то стерильность, вызванная механическим характером спортивных занятий, их все возрастающей технической организацией, которая тем явственней проступает наружу, чем дальше мы за ними наблюдаем. В спортивных занятиях совершенно отсутствует спонтанность движения, им не хватает свободы импровиза-

ции. Между человеком, который бегает и прыгает, потому что ему так хочется, и перестает это делать, когда охота к этим занятиям у него пропадает, и таким бегуном или прыгуном, который готовится участвовать в спортивном мероприятии, где он с соблюдением всевозможных технических правил пытается поставить рекорд, для установления которого используются точные часовые механизмы и измерительная аппаратура, есть огромная разница. Огромное наслаждение, которое доставляет нам плавание и ныряние, проистекает из соприкосновения с водной стихией, с ее кристальной свежестью, прохладой и чистотой; в спортивных состязаниях, в которых выступают пловцы, это наслаждение не играет никакой роли, так как цель состязаний заключается в том, чтобы показать, кто из пловцов умеет технически точно двигаться в воде и кто скорее всех приплывет к финишу. Тренировки, которые служат для достижения этой цели, направлены на выработку волевых усилий, которым тело должно механически подчиняться. Такое напряжение может быть весьма полезным и плодотворным. Однако тренировки спортсмена и его спортивная деятельность становятся тем стерильней, чем больше превращаются в самоцель. Тело спортсмена выдает односторонность его тренировок. Физическая форма, которую вырабатывают занятия спортом, отнюдь не отличается красотой, поскольку эти занятия не способствуют пропорциональному и гармоничному физическому развитию. Отменной физической формы невозможно достичь при помощи специальных тренировок точно так же, как невозможно добиться духовной гармонии, ограничив сферу умственных занятий только одной специализированной областью. Стремление усматривать красоту в тренированном теле спортсмена свидетельствует не только о неразвитости художественного видения и недостаточном знании об-

наженной натуры, но также о том, что оценивание физического совершенства основывается на механических критериях, в частности на степени выраженности волевого усилия. Однако тело спортсмена не обладает всей полнотой спокойной и убедительной красоты, ему недостает естественности осанки, изящества и грации. Его отличает как духовная, так и чувственная ущербность. Отчетливее всего это проявляется у женщин-спортсменок и выражается в печати жесткой стерильности, которой отмечена их наружность и выражение лица. Спорт совершенно не сочетается с мусическим образом жизни и мусическими занятиями, по своему характеру он враждебен всему мусическому и духовному.

Спортсмена невольно хочется сравнить с аскетом; последний ведь тоже своего рода профессионал, хотя и в другом смысле, чем спортсмен. Тренировка спортсмена требует известного аскетизма; как нам кажется, спорт проникнут своего рода пуританством, спортсмен должен соблюдать строгую гигиену в своих жизненных привычках: его сон, питание, половая жизнь подчиняются правилам, основанным на соображениях целесообразности. Общество спортсменов — это не компания людей, которые балуются силовыми упражнениями от переизбытка жизненной энергии, а, скорее, профессиональный клан, среди членов которого принято беречь свои силы и расходовать их как можно экономнее.

41

Все развлечения, в которых так или иначе участвуют механические приспособления, отличаются некоторой пустотой и отсутствием веселья. В них всегда чувствуется принужденность, которая мешает свобод-

ному человеческому движению. Человек, подчиненный технической организации, не весел; веселым он не может быть хотя бы по причине переутомления, по недостатку досуга. Труд тоже стал невеселым. Подтверждением этому служит, в частности, восхваление и прославление труда, в которое вкладывается все больше этического фанатизма. Облик индустриального города с механически передвигающимися потоками людских масс мрачен и безрадостен. Божественные покровители празднеств — Аполлон и Дионис — навсегда покинули его пределы.

Ритм механизмов отличается автоматической безжизненностью и жесткостью. С его вторжением из жизни исчезает вытесненный им метрический характер человеческого движения и его цикличность. Периодичность, лежащая в основе всякого ритма, всякого метрического движения, становится механической, ее упорядоченность подчиняется законами мертвого времени. Праздничный годовой цикл, основанный на циклическом порядке движения, тем больше приходит в упадок, чем больше продвигается техника на пути к своему совершенству. Изменяется характер народных праздников. Признаком народного праздника служит то, что на него отовсюду съезжаются местные крестьяне, — именно крестьяне, которые больше всех хранят приверженность циклической смене времен года, и соблюдают эти праздники. Если мы понаблюдаем, например, за октябрьским праздником в Мюнхене* и совершим экскурсию по его площадкам, то сразу же отметим, насколько сильно в устройство праздника проникла техническая организация. Повсюду мы встретим качели, каталки, колеса, вагонетки и аппараты, приводимые в действие механическими двигателями, и механическую музыку, которая сопровождает эту забаву; со всех сторон нас зазывают принять участие в развлечениях, которые

носят механический характер. В развлечениях, как и в спорте, прослеживается одна и та же закономерность: чем больше в них механизированности, тем меньше свободной импровизации, спонтанной энергии. Развлечения приобретают все более и более организованный характер, который придает им техническая организация. Создается впечатление, что человек теряет способность самостоятельно веселиться и развлекаться; и это вынуждает выдумывать специальные средства, чтобы помочь ему даже свое свободное время поскорее превратить в автоматически регулируемое. Смысл отдыха сводится теперь к тому, чтобы развеяться и снять напряжение, связанное с механической работой. Поэтому даже в движениях замечаешь какую-то судорожность, спазм, который стараются снять различные школы гимнастики. Если понаблюдать за искусством танца, для которого так важна свобода, и приглядеться к парным танцам, в которых участвуют представители разных полов, то невольно замечаешь, как много в них механического. Танцевальная музыка иногда исполняется автоматами, иногда живыми музыкантами, усвоившими механические ритмы. Радиовещание и кинематограф входят в число гигантских автоматов, которым отводится все более значительная роль в качестве массового развлекательного средства.

Если мы обратимся к кинематографу, то увидим, что человек на экране действует в условиях механического театра, он попадает здесь в ловушку оптического механизма и не может вырваться из плена, поскольку на нем основана самая возможность этого зрелища. Можно сколько угодно совершенствовать кино в смысле усиления иллюзии, можно сделать его объемным или цветным, но все эти усовершенствования носят механический характер и ограничены теми пределами, в которых действует механика. В кино

все — движения, голос, музыка, сопровождающая действие, — воспроизводится механическими средствами. В общем впечатлении чрезвычайно важную роль играет иллюзия зрителей. Ведь зритель соглашается принимать мелькающие перед ним на экране тени за настоящих живых людей и верить, что они в самом деле произносят слова, которые он слышит. Зрительскую иллюзию не разрушает ни то, что он видит перед собой не настоящих людей из плоти и крови, ни то, что он вместо живых голосов слышит механические звуки. Иными словами, зрителя раздражает не механический характер зрелища, а только его техническое несовершенство.

Всякий по себе знает, что фильм невозможно смотреть по многу раз, как театральный спектакль, что эффект фильма гораздо быстрее оказывается исчерпанным, время действует на него особенно губительно. Одну и ту же пьесу можно играть сколько угодно, и каждое представление будет чем-то отличаться от других; фильм же при каждом показе остается механически одинаковым. Театральная пьеса постоянно меняется в зависимости от работы актера, фильм раз и навсегда застывает в одной и той же неизменной форме. Из-за этой застылой формы он был бы просто невыносим без музыки. Но чем чаще ты его смотришь, тем слабее становится зрительская иллюзия, зато тем больше начинаешь замечать в нем механические мертвые черты и обнаруживать его неожиданную комичность, тот невольный комизм, который был присущ мелодрамам и актерам раннего кинематографа и который делал их смешными. И это присуще не только им, потому что всякий фильм со временем становится смешным.

Но в таком случае, могут нам возразить, нужно всеми средствами усиливать зрительскую иллюзию, нужно постараться еще лучше скрыть механику,

чтобы создать впечатление реальной жизни и правдоподобия, как бы не зависящих от аппаратуры. Однако такие попытки не могут идти дальше некоторого предела, так как от механизмов тут никуда не денешься. Этот способ тут совсем не годится: для кинематографа выгоднее совершенствовать свой технический механизм, не пытаясь это завуалировать. Например, можно играющего в фильме человека превратить в машину, заменив его фигурками, специально созданными художником для данного фильма, чтобы в нем действовали уже не люди, а маленькие автоматы. Многим эта идея покажется парадоксальной. Между тем американцы, у которых нам в этой области еще многому предстоит научиться, давно уже ввели в обиход такие фильмы, и они пользуются у публики большим успехом. В этих фильмах, правда, ощущается некоторая бессвязность и развитию действия порой недостает логичности, потому что еще не хватает умных рисовальщиков, которые понимали бы, как нужно работать в этом новом жанре. Но и то, что есть, уже показывает, чего можно ожидать в этом направлении.

42

Каждая остановка механического движения вызывает у технически организованного человека ощущение невыносимой пустоты. Чувствуя себя не в силах жить с этим ощущением, человек стремится избавиться от него при помощи усиленного движения. Хотя он и вздыхает, жалуясь на неумолимую организацию времени, которой подчинен его день, и прокликает рабочий механизм, в который включен, но в то же время не может без него обходиться и вновь возвращается к нему в своих развлечениях. Движение обладает завораживающей притягательностью. Буквально

наркотическое действие оказывают на человека быстрое движение, рекордные скорости. У человека вырабатывается потребность в таком движении как в постоянном стимуляторе, дающем ощущение бодрости. Ему все время требуется ощущать, что вокруг что-то происходит, ощущать свою причастность к какому-то активному мероприятию. Отсюда проистекает ненасытная потребность человека в новостях, которую не способна утолить ни одна ротационная машина. Его представление о жизни носит динамический характер. Человек оценивает ее по степени витальности, но эта высокая оценка витальности на самом деле представляет собой выражение голодной неудовлетворенности жизнью, которая мучительно и остро ощущается массами. Жизнь теперь правит голод, его сжигающая энергия. Человек, все время алчущий впечатлений и приключений, алчущий новых переживаний, не может без постороннего вмешательства поддерживать жизненный тонус. Ощущение слабости, бессилия, усталости охватывает его, когда ослабевает импульс, сообщаемый механическим движением, — жизнь теряет смысл, когда человек чувствует, что уменьшился приток моторной энергии, которая приводит его в движение. Депрессивное состояние овладевает человеком тогда, когда мертвое время проникает в его сознание. Движение связано с потреблением, и там, где потребление становится ограниченным, усиливается чувство голода. Тотчас же человека охватывает скука и появляется потребность в новых ощущениях, желание встряхнуться. Человека мучает страх, что мертвое время, которое он должен переварить, само его поглотит и переварит, и, стремясь избавиться от этой сжигающей тревоги, человек ускоряет темп движения. Ускоренный темп пробуждает в нем обманчивое ощущение наполненной жизни и опьяняет его, порождая чудесные иллюзии. Он преклоняется

перед беззаботной, мощной, пульсирующей жизнью, но остается в своем преклонении безвольным человеком, наслаждающимся иллюзией. Мертвое время смеется над ним. Ведь он не понимает, что механическое движение, которым он наслаждается, само по себе пусто, тем более пусто, чем оно стремительней. Человек сам наделяет механическое движение самоценностью за то, что оно дает ему приятные ощущения. Возможно, механическое движение кажется человеку благодетельным, потому что спасает его от необходимости задуматься о себе, ведь мыслить, согласно Аристотелю, означает страдать, и процесс мышления не может состояться без страдающего разума, так что мышление — дело болезненное, и этой неприятности можно избежать, бездумно отдаваясь на волю механического движения. И действительно, мы постоянно наблюдаем наркотическое действие механического движения. Им пронизана вся атмосфера больших городов, которая дышит сновидениями. Эта атмосфера сочетает в себе напряженность сознания и погруженность в фантастические мечты. Сознание гонщика, летчика, водителя трамвая бодрствует, но эта бодрствующая часть составляет лишь узенький сектор, со всех сторон окруженный ночным мраком и фантастическими видениями. Это своего рода функциональное бодрствование, когда внимание направлено на функционирование аппаратуры. Но чем сильнее односторонняя концентрация сознания, тем уже его зона. Поразительно, как мало замечает прохожий, в особенности когда попадает на оживленные улицы большого города, где все его внимание сосредоточено на соблюдении правил движения. Он ведет себя бдительно, так как от автоматически движущихся машин исходит постоянная угроза его жизни. Но в то же время движение действует на него усыпляюще, и он нередко вздрагивает, точно проснувшись, когда его функциональный ритм чем-то нарушается.

С этим связано ощущение ирреальности, невозможности и неестественности окружающей действительности, которое иногда, словно молния, пронзает человека в большом городе. Впечатление какой-то подводной жизни все чаще отмечают наблюдательные люди. Жизнь в больших городах протекает точно под куполом водолазного колокола, а широкие окна какого-нибудь кафе или конторы кажутся аквариумами. Это странное, весьма неприятное впечатление связано с автоматизмом движения, являющегося как бы продолжением наблюдаемых нами плавно скользящих механических рефлексов, которые придают движению сходство с миром амфибий. Современные большие города так же странны и удивительны, как большие города древности, о которых сохранилось предание. Если бы здесь оказался человек другой эпохи, не имеющий представления о современной технике, то, спросив себя, какие здесь властвуют силы, он, наверное, ответил бы так: самые могущественные и самые зловредные демоны.

43

Одна из аксиом естественнонаучного мышления гласит, что законы природы стабильны, неизменны и подчиняются вечной механической закономерности. Вера в научный прогресс предполагает существование таких законов, которые не претерпевают никакого развития, — застывших и надежных субстратов, которым свойственна всеобщая механическая значимость — таких как, например, закон каузальности. Одни и те же причины должны всегда вызывать одинаковые следствия. Ученый, осмеливающийся высказать сомнение во всеобщности причинно-следственной определенности, очевидно, подрывает основание, на котором возведена вавилонская башня наших наук.

Таким же потрясением основ становится всякая попытка задать вопрос о том, всякое ли знание нужно человеку, потому что этот вопрос выходит за рамки научного. Кто не согласен довольствоваться очевидными и удивительными результатами, достигнутыми наукой, кто задается вопросом, какова познавательная ценность этих научных открытий, какая нам польза от того, что наука добилась желаемого результата, тот выходит за рамки научного знания. Тут мы сталкиваемся с последней иллюзией, связанной с техническим прогрессом. Совершенно очевидно, что стремление к рационализации когда-то должно исчерпать себя, что однажды оно достигнет поставленной цели, и случится это тогда, когда будет наконец достигнуто то состояние совершенства, ради которого все так долго неустанно трудились. Ведь идея бесконечного прогресса абсурдна и пуста, потому что условие бесконечного движения, на котором она основана, бесконечно снимается. Сама стремительность технической рационализации указывает на то, что мы уже приближаемся к ее завершению, к конечной стадии развития техники, когда все в ней достигнет совершенства, такого же совершенства, какое достигнуто в области орудий, используемых для манипулирования. Возможно, что этот момент наступит не в таком уж отдаленном будущем, однако не стоит предаваться досужим спекуляциям на эту тему. Этот момент особенно занимал мысли всех утопистов, на него они возлагают свои главные надежды. Нам часто приходится сталкиваться с представлением о том, что за неизбежные страдания и жертвы, связанные с техническим прогрессом, люди в конце концов получают заслуженное воздаяние. Однако теории воздаяния, уместные для homo religiosus,* к технике не имеют ни малейшего отношения. Самое тяжелое здесь не начало, а конец. Гораздо правдоподобнее будет утверждение, что эти

страдания и жертвы представляют собой цену, которую платит человек за свое стремление к власти.

Связывать с состоянием механического совершенства какие-то представления о гармонии, предполагать возможность политической и социальной идиллии там, где ей никогда не бывать, — все это чистой воды фантазерство. Представление о том, что где-то в будущем нас ждет мир, благоденствие и счастье, — это такая же утопия, как надежды на то, что технический прогресс одарит нас досугом, свободой и богатством. Представлять себе дело так значит примирять непримиримое. Машина — не благое божество, одаривающее людей счастьем, а век техники не завершится очаровательной и мирной идиллией. Власть, которую нам дает техника, во все времена оплачивается дорогой ценой человеческой крови и нервов, в жертву ей приносятся гекатомбы человеческих жизней, так или иначе угодивших в кручение колесиков и винтиков работающей машины. Расплатой за нее стали отупляющие условия трудовой деятельности (в этом отношении они достигли в наше время крайних пределов), механическая работа ради заработка, автоматизм рабочего процесса и зависимость рабочего от этого автоматизма. Расплатой стала и повсеместная духовная опустошенность, которая распространяется всюду, куда приходит механика. Лучше всего отбросить все иллюзии относительно благоденствий, которые готовит нам техника, и, в первую очередь, иллюзорные мечты о спокойной и счастливой жизни, которые связывают с ее развитием. Техника не владеет рогом изобилия.

На самом деле намечается нечто совершенно иное. Поскольку техника предполагает хищническую добычу природных богатств, поскольку ее прогресс сопровождается все усиливающимся их расхищением, представляется совершенно очевидным, что достигнув со-

стояния совершенства, она будет производить расширение самым интенсивным образом и на самую широкую ногу, организовав его в планетарном масштабе и реализуя самым рациональным способом. Растратное хозяйствование должно принять тогда такой размах, который, очевидно, мы недолго сможем выдержать. Как ни велики опустошения, вызываемые хищнической добычей полезных ископаемых и безжалостной эксплуатацией почвы, которая, как это можно наблюдать на примере Америки, приводит к образованию пустынь, однако истощение месторождений и иссякание вычерпанных источников все же не главная причина приближающегося конца. Растратное хозяйствование носит тотальный характер, распространяясь также и на техническую организацию живых людей. Становится все очевиднее, что расточительная трата ресурсов, которая происходит во всех областях техники, принимает такие размеры, что человек не выдерживает этих нагрузок; техника требует от него такого перенапряжения всех сил, которое превосходит человеческие возможности. Признаком этого перенапряжения является конвульсивность движения в духовной и в физической области, уродливые судороги которого свидетельствуют о тяжести испытываемого давления. Повсеместно мы наблюдаем напряженное форсирование усилий. А за этим должна последовать та реакция, которая всегда наступает вслед за волевыми и нервными эксцессами. Изнеможение, апатия и тупая подавленность.

Наступление такой реакции дает ключ к пониманию идей, связанных с тотальной мобилизацией и тотальной войной. Эти идеи, какие бы возражения не выдвигали против них их противники, имеют под собой разумные основания, поскольку точно отражают то положение, в котором мы находимся. Они заслуживают пристального внимания и серьезного от-

ношения, на которое вправе рассчитывать всякая серьезная мысль, какой бы горькой она ни была и какие бы тяжкие выводы из нее ни следовали. Для возражений, выдвигаемых против идей, связанных с тотальной мобилизацией и тотальной войной, характерно, что все они подходят к вопросу не с того конца.

Что означает выдвижение лозунга тотальной мобилизации и раздавшиеся вдруг призывы к тотальной войне? Чем отличается тотальная война от других войн? В XIX веке у классика военной теории Клаузевица даже не упоминается о такого рода войне. В своем определении войны Клаузевиц, правда, говорит, что ей присуща тенденция к крайнему насилию, что насилие не имеет пределов, и называет три разновидности взаимодействий, каждое из которых приводит к крайним последствиям, но вслед за этим он говорит также о модификациях, которым под воздействием реальных условий подвергается тенденция к применению крайнего насилия, о тех реальных возможностях, которые осуществляются в реальных жизненных обстоятельствах вместо крайностей, присущих абсолютному характеру понятий. Для военных теорий Клаузевица характерно то, что они принадлежат эпохе, когда еще не могло быть отчетливого представления о невероятных возможностях развития технической организации. Такого представления не могли дать наполеоновские войны. Уже этим объясняется, почему Клаузевиц, говоря о ведении войны, рассматривает ограниченные средства и цели. Тотальная война — это такая война, которая предполагает наличие тотальной технической организации. Этот тип войны, как явствует из его определения, не признает никаких ограничений в выборе средств и целей военных действий. Очевидно, это такая война, с которой коррелирует не что иное, как тотальное уничтожение, и именно это качество все отчетливее проступает в

ее описаниях, которые мы находим у современных военных теоретиков. Эта война тотальна не только с точки зрения подготовительных мер, стратегических и тактических средств и целей, она тотальна также в смысле идеи беспощадного уничтожения, не желающей знать никаких ограничений. Этой идее вполне соответствуют и средства уничтожения, которые, как мы уже отмечали выше, приобретают благодаря достижениям технического прогресса неограниченную разрушительную способность и в пространственном, и в количественном отношении.

Однако и у этой войны есть свои модификации, умеряющие и ограничивающие даже ее тенденцию к неограниченному применению силы. Одно из ограничивающих обстоятельств состоит в том, что такая война, которая ставит себе на службу все существующие ресурсы, не может не привести к окончательному их исчерпанию, если ее будут вести противники, между которыми имеется приблизительное равновесие сил. Однако само понятие мобилизации и тотальной войны предполагает, что она не оставляет никаких нетронутых и неиспользуемых резервов, которые сохранялись бы как неприкосновенный запас. Ни один фонд не остается больше в неприкосновенности, все подлежит мобилизации, все приводится в движение, никакая «мертвая рука» уже не служит защитой от потребительского использования. Для того чтобы дать представление об этом процессе, нужно отчетливо понимать положение человека в современных условиях. Чем же характеризуется положение промышленного рабочего или солдата, участвующего в битве материалов, как и всякий человек, живущего в условиях технического прогресса, при котором трудовые отношения приобретают особенно важное значение? Для положения рабочего характерна его зависимость от аппаратуры и организации. Она выражается в том,

что у рабочего нет никаких резервов на черный день. Существование рабочего целиком и полностью зависит от его рабочей силы, которую он должен энергично пускать в ход, для того чтобы обеспечить свой прожиток. У него нет состояния, которое позволяло бы ему пользоваться покоем, досугом или хотя бы достаточно продолжительным отпуском. И вот, исходя из этого, мы можем определить меру труда, который рабочему придется вложить, когда речь пойдет о тотальной мобилизации и тотальной войне, когда в ход пускаются все имеющиеся ресурсы, все приводится в движение. Нетрудно догадаться, что у тотальной мобилизации есть оборотная сторона, что тотальной войне соответствует вызванное ею тотальное потребление. Эта война отнюдь не похожа на войну *levée en masse*,* когда примитивность средств восполняется всеобщим энтузиазмом, тотальная война ведется высокоразвитыми техническими организациями, она отмечена автоматическим, механическим характером, свойственным современной технике. Поэтому одна из ее главнейших задач состоит в том, чтобы разрушить техническую аппаратуру противника.

Технический прогресс и военное дело вступают между собой во все более тесную связь. Мы достигли того уровня развития, когда от технического потенциала государства зависит эффективность его военных действий. Военные действия государства с более низким техническим потенциалом оказываются менее эффективными, чем действия государства, вооруженного более высокой техникой. Государство с самым высоким техническим потенциалом реализует его в военных действиях с наибольшей эффективностью. В этом кроется причина, которая все настоятельнее, словно под влиянием механической необходимости, понуждает государство поддерживать технику в ее стремлении к совершенству, ускорять и двигать впе-

ред этот процесс. Государство из соображений самосохранения вынуждено оказывать техническому автоматизму свою поддержку и по возможности внедрять его в качестве ведущего принципа в каждый рабочий процесс. Поскольку технический потенциал имеет решающее значение для эффективных действий в случае войны, то его сущность сводится к вооружению. И тут технический прогресс сбрасывает ту экономическую маску, которую он носил на начальном этапе технической организации. Технический процесс превращается в процесс вооружения, все более недвусмысленно ориентируясь на войну. Этого нельзя предотвратить никакими средствами. Можно представить себе, что в каком-то отдельном случае война будет предотвращена, но невозможно представить себе, чтобы в случае войны государство отказалось от использования своего технического потенциала в качестве оружия. В мирное время постоянные напоминания об этом потенциале и старания, прилагаемые к тому, чтобы представить его как можно более ужасным и устрашающим, становятся привычным приемом политической тактики. Понятно также, почему государства все больше и больше начинают игнорировать издавна практикуемое в международных отношениях правило официального *de jure** объявление войны. Это делается не из боязни, что их объявят агрессором, а потому что они хотят сохранить за собой преимущество внезапной и неожиданной актуализации технического потенциала, осуществленной в состоянии высокой мобилизационной готовности.

По мере того как организованная экономика все больше превращается в милитаризованную экономику, техника также все больше превращается в военную технику, все откровеннее обнаруживает свой милитаристский характер. В настоящее время, находясь в состоянии энергичного развития, она все более уси-

ливаает хищническую эксплуатацию ресурсов; повышая потребление, она одновременно ограничивает насущные потребности человека, окончательно освобождается от необходимости считаться с экономическими законами и финансирует свою организацию за счет средств, выкачиваемых путем усиленной эксплуатации рабочего.

Вопрос о том, какой выигрыш может дать тотальная война, волнует не только специалистов. Дело в том, что тотальное потребление, вызываемое тотальной войной, может свести на нет всю пользу от победоносной войны, что может наступить такое положение, когда уже не окажется ни победителей, ни побежденных, а наступит состояние всеобщего истощения. Позволяет ли еще нынешнее состояние надеяться на выгоду от победы? Или призывы к тотальной войне означают уже начало борьбы за существование? Иными словами: достиг ли прогресс техники той точки, за которой его поглощающая потребительская энергия становится настолько высока, что неизбежно начинает коренным образом изменять территориальную и политическую организацию государств?

44

В начале книги мы уже упоминали о том, что всякий организующий процесс имеет обоюдоострый характер и что, желая определить цену, которую придется за него заплатить, мы должны понять, в чем заключается этот обоюдоострый характер. Проиллюстрируем это замечание на одном примере. По мере развития техники все более обнаруживается беззащитность связанного с ней рабочего. Сама аппаратура не может служить ему защитой, так как именно с ее распространением нерасторжимо связано ощущение

незащищенности и потребность в надежной защите, которая так мучает и тревожит рабочего, а если сказать точнее, ощущение незащищенности связано с рациональным мышлением, которое, управляя работой аппаратуры, оказывается перед необходимостью найти какие-то средства для устранения этого недостатка. Это делается путем расширения технической организации, которая подчиняет себе человека, то есть на плечи рабочего перекладывается еще одно бремя. Сначала это происходит на более или менее добровольных началах, но затем несение технической ноши вменяется рабочему в обязанность, к выполнению которой он принуждается.

Если мы хотим понять это явление, то должны уяснить себе, что есть большая разница между ощущением надежности и желанием надежности. Мы вправе утверждать, что там, где человек обладает сознанием своей свободы, он обладает и ощущением уверенности и надежности, без которого вообще невозможно представить человека с чувством собственного достоинства и благородным сознанием своей силы. Упрекая, как это часто делается сегодня, весь XIX век в том, что он породил ложное чувство надежности, ему бросают малоубедительное обвинение. Ложное ощущение надежности можно встретить где угодно — оно всегда было самым обычным прибежищем человека. Дело тут не в нем. Без сомнения, если уж говорить о XIX веке, то тогда можно было найти множество идиллических по виду ландшафтов и совершенно тепличных с точки зрения современного человека условия. Достаточно вспомнить о растущем благосостоянии, основанном на эксплуатировании технической конъюнктуры, и о немалом пространстве индивидуальной свободы, чтобы понять ностальгию, которую испытывают многие люди, заглядывая в прошлое из наших дней, то чувство утра-

ты, которое охватывает их при созерцании минувших времен.

Между тем весь XIX век проникнут острым ощущением утраченной веры в надежность существования, мы можем проследить это по произведениям выдающихся представителей культуры того времени, где оно зафиксировано с точностью сейсмографа. Поэтому мы наблюдаем, как неуклонное возрастание потребности в уверенности происходит в точном соответствии с уменьшением действительно существующей уверенности, и это дает нам в руки безошибочно точный показатель происходящего процесса. Невозможно понять тот усиленный интерес, который проявляют мыслители к социальным вопросам, без учета того, что чувство уверенности все больше сменяется болезненным стремлением ее обрести, что человека все сильнее мучает чувство собственной незащитности, бесприютности, потери почвы под ногами, когда он ощущает себя как бы подвешенным в пустоте. Социальный вопрос неизбежно должен волновать человека там, где эта незащитность ощущается особенно остро; поэтому выяснением социального вопроса первым занялся фабричный рабочий, и вызванные этим фактом политические движения впервые зарождаются в индустриальных странах. Обвинение в эксплуатации, которое рабочий бросает капиталисту, в чьем распоряжении находится механика, совершенно справедливо, поскольку технический метод основан на эксплуатации и хищническом использовании ресурсов. Однако рабочий не замечает, что, выступая как рядовой работник и защитник технического прогресса, он также несет на себе часть вины и что в этом заключается причина его поражений, когда, несмотря на все усилия, его начинания терпят крушение, вследствие чего даже там, где у власти находится правительство, которому он доверяет и с которым отождеств-

ляет себя, его положение не улучшается. Если же рабочий и находит в себе силы свергнуть частный капитализм, то справиться с рациональностью техники ему оказывается не под силу, и поэтому посредством аппаратуры и организации его неизменно удерживают в прежнем положении. Он остается объектом эксплуатации до тех пор, пока сам продолжает оправдывать и приветствовать эксплуатацию.

Не уверенность в безопасности, а потребность в ней вызывает появление мощной, растущей у нас на глазах организации, развитие систем частного страхования и государственного социального обеспечения. Но тот, кто требует, чтобы ему обеспечили надежность существования, кто просит защиты, тот и сам не может отказываться от выполнения соответствующих обязательств. Чем больше оказываемое покровительство, тем больше покровительствуемый зависит от организации, которая его оказывает. В этой потребности, которая столь сильна, что человек готов на любые условия подчинения и сам жадно стремится к зависимости, проявляется вся слабость человека, живущего в условиях организации, вся его внутренняя несостоятельность, беспомощность и изолированность. Но поскольку потребность в надежности возрастает по мере убывания надежности в реальных условиях существования, то технический прогресс, усиление потребности в безопасности, разбухание организации и убывание реальной надежности существования образуют порочный круг, из которого невозможно вырваться. И тут встает вопрос: до какого уровня может развиваться эта организация, где находится ее предел? В теории, которая включает в себя статистические и вероятностные расчеты, решающая роль в этой области принадлежит организации, от которой зависят учет резервов и способы их распределения. Это предопределяет выбор пути, который сво-

дится к поголовному и принудительному подчинению организации.

Но век приближающейся к своему совершенству механики проходит под знаком Сатурна, и, подобно Сатурну, пожирающему своих детей, он съедает все, что обеспечивало условия надежности. Как тотальная война вследствие своего гигантского размаха съедает и уничтожает собственные средства и цели, так и организация, созданная для удовлетворения потребности в безопасности, подвергается воздействию разрушительных процессов, которые вторгаются извне, из зон, не подвластных рациональному мышлению. Почему происходит так, что по мере продвижения к совершенной технике постоянно растет потребность в гарантиях безопасности? Это происходит потому, что грозящая опасность все ошутимее дает о себе знать, потому, что человек эпохи технического прогресса все острее ощущает вызываемый его же усилиями регресс, поскольку восстание угнетенных аппаратурой стихийных сил наносит человеку все более мощные и разрушительные удары.

Мыслить социально означает в наше время поддерживать веру в аппаратуру и организацию. Таким образом, человек, самоуничижаясь, выражает подобострастное почтение к идеологии технического прогресса. Потребность в надежности может вызвать к жизни мощные организации, но эти организации не в силах дать человеку настоящую уверенность в своей безопасности. Не только потому, что он сам должен ею обладать или сам ее обеспечить, и не только потому, что он не может дожидаться, пока кто-то сделает это за него. Не только потому, что эти организации лишь распределяют крохи бедности, то есть распространяют бедность. Сами по себе они уже есть признак бедности, бедственности и нищеты, и подобно всем организациям, вызванным нехваткой, разрастаются все более пышным цветом по мере того, как убывает богатство.

Если мы обратимся теперь к прошлому и сопоставим мышление XVII и XIX веков, то сразу же должны будем отметить, насколько различной оказывается в том и в другом позиция философского созерцателя и отправная точка его размышлений. Во всех философских системах XVII века мы сталкиваемся с представлением о равновесии и сбалансированности. Повсюду мы встречаемся с понятиями гармонии и способности к совершенству: в метафизике, в теории познания, этике и педагогике. Ими целиком проникнута философия Лейбница и Вольфа. Поэтому мы можем назвать всю эту философию в целом связующей и опосредующей, причем такого образа мышления придерживались в то время даже абсолютные монархи, такова была тогда философия государственной власти. В учении Лейбница о монадах закон механически действующей причинности еще не выходил из-под контроля, так как над ним существовали высшие инстанции, не детерминируемые каузальностью. Эти идеи доказали свою живучесть. Даже в философии Канта с ее открытой враждебностью по отношению к лейбницевско-вольфианскому учению еще присутствует в качестве основополагающей идеи понятие гармонического взаимодействия всех возможностей человека, представление о предустановленной гармонии разума. От этого представления исходит свет, отблеск которого лежит на его философии, несмотря на ее скуповатую холодность и ученое спокойствие. Разум, рассудок, способность суждения — вот из чего исходит Кант, делая объектом своих гносеологических исследований область и границы их применения. Философия же XIX века все больше склоняется к волюнтаризму.

Та жесткая насильственность, не дающая чувства удовлетворения из-за своей нетерпимости, с которой

мы сталкиваемся в философии Фихте, и то же самое отсутствие платонической мягкости и враждебный подход к природе проявятся затем у Гегеля. Система Гегеля еще жестче, в ней еще больше принуждения и насильственности. Когда Шеллинг, возражая против системы Гегеля, говорит, что она исходит из чистого бытия, из чистого становления, а это бытие, это становление представляет собой «совершенно пустую идею, то есть идею, в которой нет движения мысли», то в этом возражении содержится упрек в произвольном выборе отправной точки. «Принцип движения он вынужден был сохранить, так как без него не сдвинешься с места, но он изменил его субъект. Субъектом этим, как уже сказано, стало логическое понятие. Поскольку движение приписывалось логическому понятию, он назвал это движение диалектическим, а поскольку в прежней системе движение не было диалектическим в этом смысле, то он объявил, что в этой системе, которой он целиком и полностью был обязан принципом своего метода, то есть возможностью построить систему на свой собственный лад, метод вообще отсутствует; наипростейший способ приписать себе заслугу изобретения оного! Между тем логическое самодвижение (каково понятие!) служило, как и можно было предвидеть, верой и правдой, куда система не выходила за рамки чистой логики; едва она, решившись на этот тяжкий подвиг, делает шаг в область действительности, как нить диалектического движения тотчас же окончательно обрывается, тут поневоле требуется вторая гипотеза, а именно будто бы идея — неведомо по какой причине, разве что ради удовольствия развеять скуку своего чисто логического существования, — взбрела вдруг такая прихоть распасться на свои моменты, и с этого, дескать, берет свое начало природа» (*Шеллинг. Предисловие к философскому сочинению г-на Виктора Кузена,*

1834). В этом и в других высказываниях мы видим столкновение учения Шеллинга о потенциях с гегелевской диалектикой. Критика Шеллингом гегелевской системы, которую можно проследить и в его мюнхенских лекциях «К истории новейшей философии», показывает, что он ощущал новизну гегелевской диалектики, однако не объясняет причины того огромного влияния, которое приобрела гегелевская система, — влияния, которое проистекало из того самого гегелевского понятия движения, отвергаемого Шеллингом как незаконно введенное. В этом понятии движения и кроется источник силы гегелевской системы, в нем заложены рычаги, которыми все приводится в движение, как это доказывает тот факт, что из ее арсенала взято оружие диаметрально противоположных и даже враждующих друг с другом философских направлений. Метод самодвижущегося понятия, обладая универсальной применимостью, остается, правда, невыясненным, пока мы не учтем его историчность и не увидим, как он может быть применен к истории, но поняв это однажды, мы обнаружим его радикально действенный характер, и тут же выяснится, что сам метод как таковой уже обусловлен определенным, совершающимся на наших глазах историческим процессом. «Тайна гегелевской диалектики» носит исторический характер; возможность ее применения в религиозной, политической, социальной, экономической сфере проясняет присущий ей историзм. Если наука представляет собой по Гегелю «понятую историю, память и кладбище мирового духа, пьющего напиток бессмертия из черепа — этой чаши потустороннего царства», то этот варварский образ, странно схожий с обликом индийского божества, украшенного ожерельями из черепов и пьющего из чаши, сделанной из человеческого черепа, показывает нам, каким путем движется человеческое созна-

ние. В нем выражается идея, что «внутренним ядром природы является мысль, обретающая бытие только в человеческом сознании».

Но как возникает эта мысль и это движение, оставляющее после себя одни только кости? Возникает ли она потому, что из «инвентаря чистого разума», составленного Кантом, была изъята вещь в себе? Но это уже было сделано стараниями Фихте, выведение же всяческого познания из способности к познанию, превратившейся теперь в чистый разум, и учение о необходимых этапах его поступательного развития через идею, природу, дух является заслугой Гегеля. Разум как единственная субстанция, панлогизм, превратившийся в субстанцию, возводится теперь в ранг субъекта, становится духом, причем абсолютным духом. Логике приходится неимоверно расширить свои границы, потому что когда разум включает в себя все сущее, а вне разума ничего не существует, то все, чем раньше занималась метафизика и онтология, неизбежно должно было перейти в ведение логики. Каменные скрижали категорий и форм суждения рассыпались в прах, так как категории и формы суждения оказываются всего лишь методом того же необходимого движения, в ходе которого идея совершает свое развитие. Диалектический метод с его переходами в противоположность, цепочками антитез, начинающимися с пустого бытия, которое равнозначно понятию «ничто», возвращение метода после завершения своей работы к исходной точке превращают весь процесс в целом в круговращение. Тот, кто привык мысленно следить за общей картиной, без труда заметит, что здесь мы имеем дело с ранним прообразом вечного возвращения, представляющего собой кульминацию философии Ницше, для которого, кстати, характерен состоявшийся в поздней период поворот от Шопенгауэра к Гегелю. Между тем для Гегеля этот процесс имеет

однократный (уникальный) характер, он ведет к «снятию» «только внешнего поверхностного слоя, а не подлинной сущности мира». Подлинной же сущностью мира «является бытие понятия как такового, и, таким образом, сам мир есть идея». Но это всевластие идеи достигается за счет крайнего разжижения содержания понятия субстанции. Произвольность в выборе отправной точки, которую Шеллинг ставит в упрек гегелевской системе, повторяется в произвольном завершении, ибо весь процесс начавшийся в голове понявшего его и продумавшего философа, там же и заканчивается, в ней он достигает точки абсолютного знания, и за эти пределы не выходит в своем развитии. Описание этого процесса является задачей феноменологии.

Радикально действующий принцип этой системы состоит в том, что она переносит динамику, которая возникла как раздел механики, на исторический процесс. Аналог этой механической динамики есть не что иное, как гегелевская диалектика. Инструментарий такого мышления — под которым следует понимать то, что поддается отвлечению и может использоваться в другой области, для другой цели, — и составляет его метод. Можно понять ученых XIX века, которые приняли философию Гегеля холодно и отнеслись к ней отрицательно, продолжая, в отличие от него, придерживаться эмпирического, индуктивного метода. Их замечания по поводу этой системы в общем и целом носят неумный, поверхностный характер. В задачу Гегеля вовсе не входило поддерживать точные науки, он вовсе не стремился к научному подходу, его устремления выходили за рамки того, что относится к науке. Если наука представляет собой «понятую историю», то заниматься ею вообще не имеет смысла, потому что для того, кто ее осмыслил, она уже отошла в прошлое, стала «кладбищем черепов».

Гегель уже не оказывает непосредственного влияния на точные науки, его мощное влияние направлено на другие фундаментальные области: он оказывает воздействие на исторический процесс, носителями которого являются государство и общество. Его диалектика не только объясняет этот процесс, но вмешивается в него в определенной исторической ситуации и становится средством, ускоряющим его движение.

Не всякому дано подружиться с диалектическим методом. Разрабатывавшие его софисты превратили его в искусство мнимой логики, в игру, состоящую из уловок, ведущих к ошибочным умозаключениям, и обманчивых логических построений, которыми можно запутать собеседника. Однако ни у Платона, ни у Аристотеля диалектика не выступала в качестве движущей силы необходимого исторического развития, так как оба ценили ее как искусство, которое позволяет всесторонне и глубоко осветить предмет, составить о нем законченное понятие. Для Гегеля же диалектика — это метод, имманентно присущий предмету познания, для него она — принцип движения. Историческое влияние диалектики зависит от сил сопровождающего ее механического процесса и потому проявляется в развитии техники в сторону все большего совершенства. Поэтому на ней отражаются все неудачи в области аппаратуры и организации труда. Такого великого мыслителя, как Гегель, нельзя оценивать по его школе и ученикам. Они в значительной мере способствовали распространению и развитию диалектики, но одновременно многое в ней изменили. Неужели никто до сих пор еще не заметил, что в том виде, в каком диалектика практикуется сегодня, она стала фатально напоминать процесс пережевывания? Она лишь подражает механическому жевательному процессу, происходящему при пережевывании пищи, когда, талдыча о снятии и преодолении противоречий

путем их перехода на более высокий уровень, диалектически разжевывает каждый логически препарированный кусок. Эта вульгаризированная форма диалектики стала достоянием потребителей и довольствуется лишь потреблением достигнутого.

46

В философии Канта вопросу о воле уделено весьма скромное место, более скромное, чем он занимает у Лютера, чей трактат «*De servo arbitrio*»* принадлежит к числу основополагающих трудов протестантизма. У Шопенгауэра же воля объявляется вещью в себе, то есть ей дается такое определение, которое делает ее, с точки зрения Канта, недоступной для понимания, так как он утверждал, что вещь в себе невозможно определить и познать. Апогея своего развития волюнтаристская философия достигает в концепции Ницше. Ницше утверждает волю к власти с такой же страстностью, с какой Шопенгауэр ее отрицал. Его полемика в защиту воли по манере напоминает речи Калликла в диалоге Платона «Горгий».

Философии волюнтаризма свойственны особые предпосылки и следствия. Во-первых, сразу же понятно, что с нею несовместимы прежние представления о возможности совершенства, гармонии и равновесия. Ведь там, где за основу берется воля, все приходит в движение. Мышление приобретает динамичный характер, его тоже захватывает поток стремительного движения. Но куда оно движется, к какой устремляется цели? Нужно заметить, что чистому волеию поставлены известные пределы. *A posse ad esse non valet consequentia.*** Так, успех начинания зависит не только от моей воли, как бы я ее ни напрягал. Напротив, признаком законченного и совершенного

движения является незаметность волевого начала, отступающего здесь на задний план, как это происходит в превосходном произведении искусства, в статуе, в которой техническая сторона, ремесленный труд, вложенный в ее создание мастером, словно бы исчезает. Воля и успешность осуществления не идентичны, поэтому одной лишь волей к власти ничего не достигается. Воля может потерпеть крушение, погибнуть втуне, в особенности когда она противоречит существующей действительности, которая ее породила. Волевое усилие может вылиться в карикатуру власти, в ее искаженное подобие, которое свидетельствует, что все напряженные усилия дали незначительный или ничтожный результат. Такая воля подобна статуе, созданной художником, который, желая произвести впечатление необычайной силы, укрупнил все мускулы и пропорции, за исключением самых важных для выполнения этой задачи. Философия, рассуждающая о всепроницающей воле к власти, остается односторонней, если не затрагивает вопроса о правомочности ее притязаний, от которой зависят достоверность, ответственность и успешность этой воли. В самом факте завышенной оценки значения воли уже есть что-то разрушительное. Такая переоценка не только включает в себя переоценку движения, слепой активности, инстинктивных, слепых действий человека и голой витальности, присущей всему живому, но это движение приобретает к тому же механический и насильственный характер, так как оно силится добиться своего, не считаясь с обстоятельствами даже там, где заведомо невозможен успех. Однако эта энергическая философия отнюдь не является признаком избытка физической, телесной силы, как не является она и признаком покоя и изобилия — атрибутов богатой жизни. Не случайно в нашем представлении величайшая сила связывается с полным покоем, а понятие

высшего величия связано не с движением, а с величественным покоем. Воля же к власти направлена на то, чтобы завладеть властью; она желает власти, потому что бедна ею и потому что хочет утолить свою властную жажду.

Появление волюнтаристской философии всегда связано с определенным состоянием человеческого духа, с такими актами разрушения, какие описываются в «*De servo arbitrio*» Лютера и в «Переоценке ценностей» Ницше. Ее существование оправдано тем, что оно приводит к осознанию факта совершающихся разрушений. Этот факт ставит перед нами ряд решающих вопросов. Вопросы заключаются в том, кто разрушает и что разрушается. Каков масштаб разрушения ценностей? И какова шкала их значимости? Где можно увидеть элементы нового порядка, который обрекает на разрушение то, что было прежде? И наконец — это уже касается нашей темы, — как все это соотносится с техникой?

Мы постоянно убеждаемся, что техника в наше время сохраняет свою целостность. Она создала новую, рациональную организацию труда. В основе работы этой организации лежит механический автоматизм, характерный для совершенной техники. Техника представляет собой изменяющую, преобразующую, разрушающую силу. Она сохраняет свою целостность не потому, что содержит элементы нового порядка, а потому, что представляет собой самый мощный элемент разрушения старого порядка, сглаживания существующих различий, кардинального нивелирования. Таков характер ее воздействия, определяющийся — говоря словами Платона — стремлением к арифметическому, то есть механическому уравниванию.

Так как все механическое подчиняет себе стихийные силы, то можно с полной уверенностью сделать

вывод, что достигшая совершенства техника предоставит в распоряжение человека громадные стихийные силы. И здесь мы подходим к вопросу о границах технического прогресса, о пределах, которые ему поставлены. Ведь можно с полной уверенностью сказать, что в конце концов человек в своей борьбе за власть воспользуется этими насильственно укрощенными силами для решительного действия. И тогда огромные силы, которые он приобрел в результате хищнической эксплуатации природы, обратят против него самую свою разрушительную энергию. Человек пробудил духов стихий и навлек на себя их месть. Против него с неприкрытой враждебностью ополчилось гигантское скопление стихийных сил, управляемое механикой; в этом состоит тот регресс, объем которого прямо пропорционален объему продолжающегося технического прогресса. По мере того как нам все очевиднее открываются находящиеся под угрозой уничтожения зоны — зоны массовых поселений и развитой технизации, — мы начинаем также понимать, в каком направлении действуют разрушительные процессы, видеть причины, которыми они вызываются. Только теперь со всей отчетливостью мы можем понять демонический характер происходящего. Мертвое время, которое человек поставил себе на службу, возомнив, что может распоряжаться им по своему усмотрению, душит его, связав по рукам и ногам. Оно посмеялось над рабочим, заперев его в клетку, которую рабочий сам построил, чтобы упрятать в нее время. В теории это время казалось бесконечным и безмерным, но когда оно вошло в конфликт с жизненным временем, в результате чего жизненное время оказалось в подчинении механического времени, наступил конец досугу и оказалось, что времени вообще не стало. Тут же съезжилось и пространство, земля, прежде необозримая, стала мала и тесна для человека. Механиче-

ское мышление вообще не щадит мертвых, подвергая беспощадному насилию все, что считает мертвым. Если бы вселенной и впрямь была свойственна та безжизненная покорность, которая ей приписывается, то совершенное развитие техники было бы безопасной затеей. Но поскольку рядом с неживым всегда существует живое, поскольку смерть никогда не встречается отдельно от жизни, так как одно без другого лишено смысла и по отдельности немислимо, то все механическое режет глубоко по живому. Куда бы оно ни внедрило свою аппаратуру и организацию, везде оно невольно организует и сопротивление, поднимающееся против его насилия, и это сопротивление бьет по человеку, срабатывая с силой и точностью юридического предписания, с четкостью часового механизма, отмеривающего мертвое время. Как гласит поверье, обычное состояние демонов — сон, для того чтобы они начали действовать, их нужно сперва разбудить, проникнуть в их сферу. Сегодня уже не приходится сомневаться в том, что они вполне пробудились.

Из-за этого страх перед разрушением затемняет разум человека. Он чувствует это разрушение нервами, которые приобрели повышенную чувствительность (обстоятельство, также связанное с совершенством, достигнутым в определенных областях техники). Человек вздрагивает от малейшего шума, он живет в предчувствии катастрофы. Ведь когда мысль становится беспомощна, она начинает кружить на одном месте, концентрироваться на катастрофе. Катастрофа — это событие, которое начинает занимать человеческий ум, когда тот перестает видеть выход, и тогда человек, вместо того чтобы пользоваться своими способностями, погружается в свои страхи. Потому-то сейчас повсюду то и дело появляются новые сторонники различных теорий катастроф. Они ссылаются на учения о мировых эрах и периодах, они строят теории

катаклизмов и пугают нас, что луна свалится на землю, они провозглашают скорую гибель культуры и твердят, что следующая война всему положит конец. В действительности же никакой конец не наступает, просто их мысль зашла в тупик, и они, очертя голову, ринулись в бездну страха. Катастрофа — это воображаемое событие, которое беспомощный ум проецирует в будущее. Никто не спорит, что все мы смертны, и не надо быть пророком, чтобы предвидеть в будущем крупные аварии и большие изменения. Между тем смерть может проявить свою власть только над жизнью! И в любые времена существовало точное количественное соответствие между разрушениями и числом объектов, созревших для гибели. А таковые еще никакими человеческими усилиями никогда не удавалось спасти.

Мы уже упоминали о том, что для представителя точных наук прогресс научного познания возможен только при наличии нерушимых закономерностей, из которых он исходит. Он утратил бы всякое доверие к эксперименту, если бы его нельзя было повторить бесконечное число раз, если бы на один и тот же вопрос не следовал неизменно один и тот же ответ. Познание движется вперед благодаря мертвому и неподвижному посреднику, и оно сопровождается старением науки; это познание развивается в сторону застывшей механики, которая однообразно повторяет все движения. Мир — машина, а человек — автомат. Машина, конструируемая техником, сделана по образу и подобию механического универсума, который, выступая в качестве *machina machinatum*,* приводит в движение все эти поршни, колеса, цепи, ремни и поворотные круги, которыми обладает техническое устройство. Сопутствующее технике знание носит каузальный характер, его источником служат добытые человеком познания о каузально работающем механизме природных процессов. По мере распростране-

ния этого знания, опираясь на которое человек создает свои творения, все отчетливее проявляется лежащая в его основе механическая необходимость, так как технический прогресс по определению заканчивается, по его представлениям, совершенством механики, которая подчиняет человека этой необходимости. Мертвое время все расширяет свои владения. Жизнь ставится на службу повсеместно действующему автоматизму, который регулирует ее течение.

Науку можно сравнить с большим монастырем, в бесчисленных рабочих кельях которого обитают ученые мужчины. В основе науки лежат, разумеется, не религиозные правила общежития, приуготовляющие монахов к небесам. И ученые не связаны обетом безбрачия. И все же нельзя не заметить, что страсть истинного ученого несет в себе какие-то монашеские черты, что ей присуще что-то аскетическое, бесплодное. Мир, в котором живет ученый, — это мир сугубо мужской, где царит духовный патернализм. Всякое рациональное мышление, если рассмотреть его истоки, патерналистично, и это относится не только к науке, но и к технике. К тому же мы и сами желаем сохранения и укрепления духовного патернализма в том мире, в котором живем. В то же время научный рационализм во всех областях знания носит каузальный характер. Тот, кто не способен мыслить рационально и каузально, не может быть настоящим ученым. Поэтому женщины не участвуют в научной деятельности, это не их дело. В рабочих кельях науки может встретиться разве что «синий чулок» или бесполоя пчела-работница, а если там и попадается женщина, то лишь как помощница мужчины. Однако в отличие от пчелиного улья рабочие пчелки представлены здесь не в большинстве, а только в виде исключения. Здесь также действует правило «*mulier taceat in ecclesia*».* Никакая матриархальность не допускает-

ся в науку, и не случайно, так как если бы она туда проникла, то разрушила бы всю научность, сломив засилье рационального мышления. У истоков новых наук никогда не стояла женщина, нет женщин-изобретателей и не женщинами создана техника. Женщины не относятся к виду *homo faber*,* к которому принадлежат техники. Из женщин не получается и механиков — для обслуживающего персонала техники нужен другой материал. Технический прогресс, способствующий женской эмансипации, чтобы сделать из них работниц, включенных в организацию труда, не только лишает их власти, но ущемляет в том, что составляет их предназначение. При виде женщин, выполняющих какую-то работу, связанную с техникой, всегда поражаяешься. Недаром Лоренс говорит, что отправляясь к машинам, ты покидаешь женщин. Да и что делать женщинам рядом с машинами? Их сила совсем в другом. Одного взгляда на машины достаточно, чтобы увидеть, что тут перед нами мертвая сторона существования, принадлежащая стерильной, бесплодной механике, безжизненный мир автоматов. Машина — не глиняный голем, которого можно оживить магическими заклинаниями, не гомункул, наделенный умственной жизнью. Она — мертвый автомат, неустанно осуществляющий один и тот же однообразный рабочий процесс. Она так рациональна, как только может быть рационален механизм, и механическая точность ее работы требует такого механически точного в своей работе рассудка, какой описывается в следующих исполненных горечи строках Бодлера, которые можно отнести к техникам:

*Cette crapule invulnérable
Comme les machines de fer
Jamais, ni l'été ni l'hiver
N'a connu l'amour véritable.***

Заканчивая это исследование, хочется напомнить о том, что миф неблагоприятно относится к фигуре *homo faber*, который ныне, проявив свойства велосцифера* превращается в *homo crepitans*.** Восстание Прометей, самого одухотворенного из титанов, взявшего на себя роль покровителя такого человека, кончилось поражением. Мотив похищения огня, которым Прометей навлек гнев богов на себя и весь человеческий род, и наказание, которое он понес именно за это преступление, отличаются удивительной глубиной. Что же это за огонь, который можно было спрятать и сохранить в труте из стебля подсолнечника? Миф не уточняет, откуда именно был похищен огонь, но средство, которым воспользовался Прометей, указывает на то, что огонь не был взят из кузницы Гефеста, а имел солярное происхождение, то есть Прометей похитил частицу великого солнечного огня. Но что все-таки кроется за этим похищением? Без солнечного огня невозможна жизнь, значит, гнев богов вызван не тем, что животворящий огонь стал приносить пользу людям, — пользу он приносил им всегда. Боги разгневались на Прометей за то, что он укротил огонь, поставил его на службу, — вот о чем повествует миф. В этом мифе выразилась тревожившая человеческое сознание мысль о грозящем опасностью акте осквернения, что подтверждается и древними представлениями об освящающей, очистительной и искупительной силе огня.

Техника не использует непосредственно солнечное тепло. И тот факт, что ей не удается применить его на службе своей организации, возможно, заключает в себе особый, скрытый смысл. Она расхищает те кладовые, в которых дремлют преобразенные формы солярного огня, пропитанные им теллурические субстанции. Кузнечный огонь непосредственно добывается из теллурических источников, это тот огонь, та

стихия, олицетворением которой впоследствии стала саламандра. Техника ведет свое происхождение от теллурического огня. Она начала с того, что поставила себе на службу этот огонь, создав аппаратуру, которая тем или иным способом приводилась в движение огнем. Весь наш технический персонал вышел из кузниц. Из кузнецов выделились слесари, затем, в век технической специализации, все остальные технические работники, имя которым легион.

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя...

*Гесиод**

К числу патронов хомо фабера принадлежит и Гефест. Гефест всегда в поту и покрыт сажей, и лицо у него бледное, как у всех кузнецов, чья кожа выцветает под действием огня. Почему хром Гефест, почему хром Виланд? И почему кузнечному искусству обучают гномы, горбуны и калеки? Все они имеют отношение к сокровищам, шахтам и горным пещерам, в которых таятся металлы, но в основе этого отношения лежит беззаконие. Почему знания, связанные с обработкой руд, издревле вызывает мистический страх и почему это ремесло со времен Дедала сопряжено с бедами и несчастьями? Совершенно очевидно, что боги не любят хомо фабера и либо борются с ним, либо терпят возле себя, как Гефеста, но относятся к нему как к полубурлескному персонажу. Боги враждуют с непокорными и мятежными титанами. Но ведь вся техника ведет свое начало от титанов, а хомо фабер принадлежит к титанидам. Поэтому мы впервые встречаемся с ним среди вулканического ландшафта. Отсюда же проистекает его любовь ко всему огромному, мощному, колоссальному, к устройствам, которые поражают своей массивностью, неудержимым

разрастанием материи. Сюда же относятся такие черты хомо фабера, как отсутствие чувства меры, непонимание законов прекрасного и неприятие искусства, которые для него столь характерны. Титаномания, миф о Прометее доносят до нас повесть о том, как самый художественно одаренный народ, обладавший необычайным чувством прекрасного и пониманием меры, поборол искушение пойти по пути титанов. И не может быть никакого сомнения в том, что это раз и навсегда определило и ту скромную, по сравнению с нашим временем, роль, которую суждено было занимать технике в античном мире. Своим рьяным усердием, своей кипучей деятельностью, своей деловитостью, непомерностью своих властных устремлений хомо фабер ненавистен богам. Величие Зевса — это преисполненное покоя бытие, сила Прометея — в его бунтарстве, в мятеже, в стремлении свергнуть Зевса с его золотого престола, изгнать из мира богов и самому стать его господином.

Технический человек хром и в области духовного знания. Он одноглаз, как все циклопы. Об этом говорит уже его эмпиризм. Человек не ломает голову над вопросом, к чему должны привести его усилия. Его деловитость проявляется как раз в том, что он уклоняется от этого вопроса, ведь тот лежит за гранью, которой очерчена его работа. От человека можно ожидать только таких открытий, на которые способен технический специалист, но нельзя ожидать чего-то такого, что выходит за пределы технических знаний. Деловитая объективность не только мешает человеку задуматься о себе, но вообще преграждает ему путь к тому духовному знанию, которое невозможно подвести под механические законы.

Однако властным устремлениям технического человека положен предел, и мы уже можем его разглядеть — перед нашим взором открывается общая па-

норама той области, которую представляет собой поле деятельности техники, приблизившейся к своему совершенству. Хищническая эксплуатация природных ресурсов, без которых она немислима, безжалостное и жестокое потребительское использование людей и средств не может продолжаться до бесконечности; этому придет конец, когда истощатся запасы, потребление которых обеспечивает возможность технического прогресса. Мы часто сталкиваемся с попытками представить эти ресурсы как неистошимые, однако даже все возрастающая рационализация методов их эксплуатации противоречит таким заверениям, ибо степень рационализации служит верным показателем того, как далеко зашло истощение этих богатств.¹⁸ Во всех расчетах запасов, имеющихсЯ в тех или иных месторождениях, есть что-то сомнительное; сомнительными они остаются даже в том случае, когда цифровые показатели абсолютно надежны. Потому что во всех этих расчетах не учитывается то, что к ресурсам, которые потребляет технический прогресс, принадлежит и сам человек. В них не учитывается то, что развитие механики имеет свои пределы — ведь вместе с ним умножается количество враждебных человеку стихийных сил, разрушительная энергия которых обрушивается на человека и его механические творения. И, наконец, в них не учитывается то, что организа-

¹⁸ «Во все времена задача чистых естественных наук состояла в том, чтобы подготавливать почву для произрастания будущей техники; а так как используемая почва быстро истощается, то нужно непрерывно осваивать новые пространства» (Гейзенберг). Значение этого высказывания состоит в том, что оно содержит признание потребительского характера техники. Можно исходить из предположения, что terra incognita не имеет границ, что ее богатства неисчерпаемы. Но эти богатства не всякому доступны, так как у каждой пещеры с сокровищами есть свой Али Баба, владеющий волшебным словом. Для рационального мышления terra incognita недоступна, оно всегда трудится на кем-то уже обработанном поле.

ция, создаваемая человеком, зависит от неорганизованного богатства, которое она вычерпывает, и что там, где она становится самоцелью и уничтожает неорганизованную природу, она превращается в злокачественную опухоль, паразитирующую на живом организме.

Нет такого изобретения, которое отменяло бы взаимосвязь между механическим прогрессом и соответствующим ему регрессом. Если мы будем принимать во внимание это соответствие, то тем самым получим возможность составить себе представление о том, в какой мере оправданы надежды, возлагаемые на новые и неслыханные технические изобретения. К ним относятся все заверения в том, что такие достижения технического прогресса, как, например, расщепление атомного ядра, даст в руки человека невообразимо огромные запасы энергии, то есть что перед ним откроются новые возможности эксплуатации стихийных сил, превосходящие все прежние достижения в этой области. Подобные ожидания, хотя их и нельзя назвать утопическими, представляются маловероятными. Зато утопическим является наивный оптимизм, который лежит в основе такого рода спекуляций, и то простодушие, с которым делаются такие заявления. Ведь если подобные открытия и изобретения действительно состоятся, то что может быть для человека страшнее, что может быть ужаснее их последствий? Какие возможности разрушительных воздействий открываются благодаря таким открытиям! В утопических романах, посвященных этой теме, любят изображать их использование на благо человечества, осуществляемое благородным человеком. Но разве не вызывает тревогу мысль о том, что применение такого открытия зависит от воли отдельного человека, перед которым мы, несмотря на все его благородство, должны были бы испытывать больший страх, чем перед самым

отъявленным злодеем и бездушным преступником? Самая мысль о том, чтобы в руках одного человека оказались такие средства, кажется бесчеловечнее всякого преступления.

Властные устремления техники по-прежнему живы. Мы видим, как она предпринимает все новые попытки в этом направлении и все снова и снова добивается расширения своей организации. В ходе этого процесса изменяется ее отношение к государству. Она рассматривает его как организацию, которую надлежит довести до совершенства, чтобы она функционировала с полным автоматизмом. Как уверяет нас Техник, государство только тогда начинает справляться со своими задачами, когда оно целиком технизировано, когда понятие государства и его цели определяются централизованным функционализмом, который охватывает все сферы жизни, таким уровнем организации, которая все берет под свое начало. Однако именно такое определение цели государства отменяет самое понятие государства, так как понятие государства предполагает наличие чего-то, что стоит вне государства, чего-то, что никогда не может стать государством и что служит предпосылкой существования государства: это что-то — народ, который может быть народом данного государства, но не может быть самим государством. Государство соответственно своему понятию перестает существовать, если отменяется то, что служит его предпосылкой, если оно подменяется технической организацией, лишенной какой бы то ни было неорганизованной основы.

Приложение

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Самыми значительными событиями, наложившими отпечаток на вторую половину XX века, стали две мировые войны. В них были втянуты все государства; не признавая никаких границ, разделяющих народы, страны и континенты, они впервые в истории человечества охватили весь земной шар с его материками, островами, морями и даже воздушным пространством. Хотя приполярные области, великие пустыни, вообще безлюдные, трудно доступные и потому отдаленные районы они почти не затронули, тем не менее театром военных действий на этот раз оказалась вся планета. По своему размаху это войны планетарного масштаба, а их последствия, прямо или косвенно, сказались на всем населении земного шара. Свое название мировых эти войны, в отличие от прежних, получили в первую очередь именно за размах — прежние войны затрагивали только часть земной поверхности, причем, как правило, столь незначительную, что в других местах о них могли и не знать. Ведь то, что происходит «где-то там в Турции», не интересно никому, кроме ближайших соседей; а все, кроме непосредственных участников, не ощущают или вовсе не замечают этих событий. Мировая война ни для кого не может пройти незамеченной. Самый факт возникновения таких войн предполагает, что земля перестала быть «чистым листом», что на ней больше нет белых пятен, между которыми отсутствует какое бы то ни было сообщение. Эпоха географических открытий закончилась, земля разведана, разделена, измерена и доступна для использования человеком на всем своем пространстве, каждая точка на ней включена в сеть транспортных сообщений или, по крайней мере, до-

стижима для желающих. Век великих географических открытий завершился вместе с символическим покорением полюсов. Тем самым завершилось дело, начатое Колумбом. С тех пор среди путешественников не стало открывателей новых земель, и люди стали путешествовать только из научного интереса, из любознательности, по делам и ради развлечений. Terra incognita перестала существовать как в географическом, так и в политическом смысле, теперь больше нет неизвестных земель, куда мог бы устремиться путешественник, а все рубежи, которые он пересекает, представляют собой политические границы.

Мировые войны возможны в условиях, когда земля уже настолько освоена и присвоена людьми, что на ней не осталось свободных территорий, на которые бы еще никто не заявил свои права. Уже в этом видно отличие мировой войны от предшествующих войн. Однако изменился не только пространственный масштаб, но и формы ведения войны. Наполеоновские войны, разворачивавшиеся в рамках одного континента, отличаются не только более узкой локализацией, но и тем, что они происходили до начала индустриальной эпохи, до того, как стали широко использоваться достижения естественных наук, и до того, как возникла наша автоматизированная техника. Армия императора была, как поется в песне, разбита наголову, со всеми ее «людьми, конями и повозками»;* у нее не было машин, которые служили бы средством передвижения. В те времена война тоже питалась войною,** однако весьма скромно в сравнении с нашим временем; средства для своего поддержания она черпала из крестьянского и ремесленного хозяйства. На сегодняшний взгляд наполеоновские войны представляют чуть ли не идиллическую картину, так как они не имели характера тяжелой работы, который присущ мировым войнам. Поэтому они еще

могли приносить лавры победителю. Из наполеоновских войн вышла новая аристократия меча, которая оказалась, однако, довольно недолговечной по сравнению со старой. В тех войнах еще заметно изобилие. Конечно, это уже не богатства Азии, не сокровища новооткрытого континента, которыми осыпал своих воинов Александр Македонский, но все-таки Наполеону досталась неплохая пожива. Та война еще дышала пламенным духом и обладала некоторой пластической силой. В особенности это относится к периоду итальянских походов, которые в истории Наполеона и его армии можно назвать блестящим пассажем, исполненным *con brio*.* В дальнейшем фигура растолстевшего Наполеона стала символизировать угасание юношеского пыла всей нации, когда другие нации все ощутимее тяготились ее гнетом. Победа, слава, военная добыча — вот три стадии, через которые прошла в своем развитии первая французская империя. Ее войны и условия, в которых они велись, принадлежат прошлому. Ход мировых войн показал, как далеко мы ушли от времен наполеоновской империи и от войн того времени.

Главное изменение, которое произошло за истекшие сто лет, заключается в переходе к техническому оружию. В соответствии с этим перевооружением изменился и человек. Техническая аппаратура и организация наложили особый отпечаток на характер первой великой войны XX столетия. Войну стали вести посредством машин. Огромное количество механической работы, затрачиваемой на войну, всесторонне отразилось на человеке. Наметившийся переход к новым условиям совершается в виде резкого перелома. Поэтому 1914 год знаменует собой прощание с прошлым, а тяжесть и глубина происшедшего разрыва будет ощущаться еще долгое время. Военные траншеи поставили горькую цезуру, отметившую смену эпох.

Испытанная от этого боль подсказывала человеку, что он потерпел субстанциальный ущерб. Субстанциальных же приобретений он еще не успел почувствовать.

Отличительная особенность этой войны, делающая ее непохожей на все предшествующие, состоит в том, что она имеет характер рабочего процесса. Мало того что в нее вложено огромное количество тяжелого, черного, самоотверженного труда, но сама война становится работой, и этот военный труд составляет ее определяющее качество. Солдаты превращаются в рабочих; это превращение было неизбежно, когда войну начали вести механическими средствами. Поля сражений становятся похожи на индустриальные ландшафты после мощного взрыва, они похожи на фабричные цеха, заваленные беспорядочными грудями разбитой техники. Исчезла со сцены блестящая красота роскошных мундиров, как исчезли сверкающие металлическими украшениями кавалерийские полки вместе с барабанами, литаврами и трубами, под аккомпанемент которых велись сражения. Знамя перестало быть символом сражающихся частей, и была отменена шпага как символическое оружие офицера. Хотя поначалу ее еще полагалось иметь, но как неудобный предмет она все чаще оставалась в багаже. Военное дело вообще избавляется от символики, а вместе с символикой и от украшений, которые придавали войне и военным видимость переизбытка жизненных сил. Военное обмундирование и оружие, изготавливаемые на конвейере, уже не могут служить украшением. Нынешний солдат носит неказистую форму, похожую на рабочую робу, и амуницию, напоминающую рабочее снаряжение. Этот серый солдатик теперь так же тщательно старается спрятаться и замаскироваться, чтобы стать незаметным, как в былые времена он старался быть на виду, чтобы про-

тивник мог как можно лучше его разглядеть. Эта сестрость, эта скупая бережливость и монотонность, отличающая ход нынешних военных действий и военного человека, связаны с новым качеством войны, ведь война носит характер производства, которому всегда свойственны черты унылой рациональности. Невзирая на все страдания, все безропотное самопожертвование, все перенесенные по долгу службы трудности, эта война совершенно бесславна, что делает ее испытания непомерно жестокими. Из этой войны нельзя извлечь славы, и бесславность всего происходящего становится ее характерным признаком. Храбрость, которая требуется в этой войне, не имеет прежнего блеска; главным образом, эта храбрость выражается в самообладании, в стойкости, с которыми человек молча выдерживает направленный против себя натиск машин, эта храбрость выражается в способности терпеливо ждать и переносить страдания. Бедность имеет к этому мужеству самое прямое отношение. Солдатская бедность велика и неустранима — солдату отказано в праве каким бы то ни было образом зарабатывать себе на жизнь, у него отняты все возможности соответствующей деятельности. Даже одежда, которую солдат носит, не принадлежит ему, и в карманах у него трудно обнаружить что-либо такое, что выделяло бы его из всей солдатской массы. Солдат настолько безымянное, безвестное существо, что на случай гибели или потери памяти ему даже вешают жестяной жетон на шею, по которому потом можно будет установить его имя. Самая смерть лишается всякой торжественности, она приходит в облике механика, заполняющего телами братские могилы. Смерть разрывает человека в клочья, на мелкие куски, стирает его в пыль, она насыплет на него облака ядовитого газа, заживо погребает под обвалами. Солдат оказывается в одиночестве среди безжизненного ландшафта; на

разоренной, голой земле, на которой нет ничего, что могло бы порадовать глаз, он остается в полной изоляции от всего, без защиты, без утешения. Все вокруг, что имело форму, оказывается разгромленным, разбитым, все жестоко деформировано. Тут уж не остается надежды на целительные силы окружающей среды. Бедственное положение человека, бесчеловечность условий, в которых он живет, проступают со всей очевидностью неприкрытой правды. Человек поставлен перед необходимостью приспособливаться к таким условиям, где возможно только выживание. Его заставляют самостоятельно свыкаться с незащищенностью и бездомностью. Производственный характер войны приносит с собой свои законы, окрашивая все происходящее в тона холодного и жесткого рационализма. Все выходящее за его рамки само собой отбрасывается или превращается в пустопорожнее разглагольствование. Все различия становятся невидимыми, и любой энтузиазм умирает, задушенный в клещах аппаратуры и организации. Все происходящее получает черты фабричного производства, во всем появляется оттенок анонимности, ведущим становится коллективное начало, проявляющееся в характере принимаемых решений. Эта война всегда буднична — будничны ее победы и поражения. Если в самом начале, когда на эту войну по привычке смотрели сквозь призму прежних представлений, еще можно было заметить проблески *amog fati*,* то вскоре они угасли, словно ракета во мраке зимней ночи. Солдату, участвующему в материальной битве, стоящему на боевом посту под ураганным огнем, человеку, перед которым сражение разворачивается во всей своей безжалостной реальности, чужды мысли о славе и чести, восторженные порывы. Даже более холодное понятие долга не объясняет, каким образом солдат может выдержать ураганный огонь. Ураганный огонь продолжается изо

дня в день, неделями, целый месяц, а солдат сидит под этим колоколом в ожидании, занятый собою и своими мыслями, сидит рядом со смертью, в одном окопе с нею. Разве может удержать его там одно только чувство долга? Удерживает не что иное, как то самое бедственное положение, в котором солдат оказался, непреодолимое и механическое переплетение происходящего с его собственной жизнью, из которого для него нет выхода. Ведь ни дезертирство, ни даже самоубийство не дают спасения. Всю глубину бедствия, заключающуюся в роковом сплетении обстоятельств, лучше всех сознает бесстрашный человек. Боязливого скорее пугает безысходность происходящего. Человек чувствует, что сам он ничего не может изменить, даже если сбежит, спасая свою жизнь. Бедственность его положения связана со всеобщим бедствием, и эта всеобщность уравнивает друзей и врагов и поддерживает продолжающееся противоборство. Одно из свойств этого бедственного состояния состоит в том, что солдат уже не ощущает себя героем. Он может быть храбрым, терпеливым, самоотверженным, и все равно чувствует при этом, что он никак не герой в обычном смысле слова, так как героизм предполагает цельную личность в целостной среде. А здесь в душе человека уже не осталось ни следа той целевой силы, которая присуща героизму. Он утратил даже скромную способность вносить порядок в окружающую среду. Собственно говоря, у человека не осталось уже и окружающей среды, так как все, что его окружает, обречено на разрушение, и сам он, несмотря на все свое мужество и выдержку, уже сломлен как личность. Состояние сломленности возникает вследствие того, что у человека отнята самая возможность цельности. Ведь он сам представляет собой главную и первоочередную мишень происходящего процесса, на поражение которой нацелены все силы

разрушения. И острее всего эти силы поражают именно самых храбрых и стойких бойцов. В своей безыдейности и спланированности битва материалов является нам человека, запутавшегося в сетях своего каузального мышления и уничтожаемого машинной техникой, которую он сам же создал. Человеку еще не открылась бесплодность этих его усилий, которые ведут к бедности. Он еще не способен соотнести открывшуюся перед его взором картину изуродованного в ходе битвы материалов ландшафта с собственными волевыми усилиями, которые обнаружили здесь свою оборотную сторону. Не случайно многое кажется человеку странным и необъяснимым. Сама война кажется ему бессмысленной, хотя на самом деле она есть не что иное, как результат его волевых усилий, затраченных на развитие механики и технический прогресс. В битве материалов ясно проявляется то, на что способна аппаратура в сочетании с организацией. Эта война съедает несравненно больше, чем предполагалось по всем расчетам, она хватается за глотку не только побежденного, но и победителя, к ней лучше всего подходит испанская поговорка: *El vencido vencido, y el vencidor perdido.**

Однако не следует винить войну в том, что родилось в уме человека. То, что измыслил и спланировал этот разум, война вывела наружу в виде разрушений, которые огненным кольцом стиснули человека. Человеку приходится воочию сталкиваться с тем, чего раньше не было в мире и что он сам привнес туда своими мыслями, желаниями и мечтами. Вымечтанное предстает перед ним не в виде зеркальных отражений, а преобразенным, но и в преобразенной форме верно и правдиво выражает суть его помыслов. Прежде чем вырваться на свободу, эти ужасные маски и призраки жили в уме человека. Чтобы обрести собственное лицо, демон пользуется лицом человека, за-

имствуя и его уродливую гримасу. Человек жестоко заблуждается, думая, что может наслаждаться свободной, мирной, благополучной жизнью на земле, которую он сам безжалостно разоряет и разрушает. Подобное наслаждение жизнью было бы хуже самой ужасной войны. Но этого не может и не должно быть, и война в ее новейших формах служит тому неоспоримым подтверждением. 1914 год стал поворотным моментом в жизни целых народов и отдельного человека. Война является пробным камнем развивающихся и пришедших в упадок сил, война показывает, что созрело для разрушения. Никто из участников не подозревал тогда, насколько глубоко может зайти процесс разрушения, хотя многие смутно догадывались о том, каким страшным будет итог. Масштабы грянувшего несчастья проявлялись постепенно. В первое время образ начавшейся войны и понятие о ней складывались под впечатлением прошлого опыта; это видно из тех представлений, которые имели современники войны на различных этапах ее развертывания. Они рассуждали об ограниченном характере войны, приписывая ей несуществующие планы, средства и цели, которые, успокаивая воображение, позволяли надеяться на скорое окончание войны. Для начального этапа войны характерны подобные иллюзии, которыми люди себя добровольно обманывали. Но как только события вырвались за предполагаемые границы, война начала изменять мышление людей. Очевидно, что именно битва материалов вызвала эти изменения. Вернувшийся с войны солдат знал уже на собственном опыте, как выглядит новая мастерская, в которой приходится работать человеку. Вынесенное из войны знание запечатлелось в чертах его лица; это было лицо внимательного, деловитого, трезво думающего рабочего, в нем появилась известная жестковатость, а вместе с тем печать страдания и пережитых

тягот. Битва материалов была мастерской в точном смысле этого слова, поскольку она предполагала существование промышленной мастерской, использовала свойственные ей механические методы производства и потребляла ее продукцию. Понятие битвы материалов означает такое сражение, которое ведется с помощью механических средств, так как под материалами в этом случае понимаются механические орудия, автоматы, которые используются для ведения военных действий. Сама война похожа на барабан, из которого звук извлекается механическим способом. Первоначальный порыв быстро иссяк, увязнув в разветвленной сети глубоко вырытых в земле укрепленных окопов. Увяз он прочно, долго гнил и разлагался в этой системе окопов, пока вокруг не образовался лунный пейзаж, испещренный кратерами воронок, которые были заполнены трупами людей и разбитой техникой. Воронка, представляющая собой яму, оставшуюся после взрыва, как и окопы, характеризует положение, в котором оказался человек. В этих окопах, воронках, штольнях, бункерах, подвалах и ямах прячется в поисках защиты изолированный, ставший беззащитным перед угрозой уничтожения человек. Чем больше война ведется машинными средствами, тем беднее она идеями. Широкомасштабные операции, охватывающие обширное пространство, терпят неудачу. Стратегическая мысль переживает упадок. Об этом свидетельствует тот факт, что в это время начинает доминировать мысль о присущей войне изнуряющей силе. В понятие битвы материалов входит и идея изматывания противника. Армия стремится медленно перемалывать и по частям давить противника. Она стремится постепенно изматывать его, чтобы довести до полного изнеможения, которое закончится крахом неприятеля.

Война все разрасталась в пространственном и временном масштабе, осложнялась, запутывалась, пока

не вырвалась из-под контроля, перечеркнув все планы и расчеты. Вместе с тем она породила чудовищную организацию нового качества. Эта организация, обслуживавшая битву, то есть работавшая на истребление, была рациональной частью военной машины, она придала войне характер рабочего процесса, но в то же время не обладала властью, чтобы управлять ходом военных действий или положить войне какой-то предел. Эта организация неожиданно проявила способность расти как на дрожжах, и чем рациональнее становилось ее устройство, тем более она становилась похожа на гигантский насос, который выкачивал все больше средств на потребу войне. По мере разрастания этой организации война постепенно уходила из рук политиков и генералов. По сравнению с прежними войнами, эта гораздо меньше походила на произведение политического и стратегического искусства, так как вместе с нею на голову человека закономерно обрушилась лавина губительной стихийной силы. В этом тоже проявился новый характер войны, представляющей собой своего рода производственный процесс, связанный с использованием порабощенных механических сил. Прежние войны, в особенности войны XVIII века, создают впечатление, что они были более управляемыми, что существовали определенные законы, которым даже война подчинялась. Государственные деятели, как например Мальборо, управляют войной, а полководцы, как например принц Евгений или Тюренн, управляют сражениями; руководители твердо удерживают за собой позиции, которые позволяют им начинать и заканчивать войны. Однако войны, которые предполагают наличие определенного денежного запаса в казне и прекращаются, когда этот запас оказывается исчерпанным, войны, которые ведутся силами наемных профессиональных солдат в то время, как народ продолжает заниматься своей рабо-

той, войны, которые происходят в условиях политического баланса между европейскими государствами, в условиях, когда за пределами Европы имеются неосвоенные континенты, не требующие к себе внимания, полезно сравнивать с первой мировой войной только в том случае, если мы будем отмечать существующие между ними различия. Война, которая ведется под началом аристократии, следующей кодексу куртуазности, и война народов совершенно не сходны между собой. А техническая аппаратура и организация придают ей в конце концов совершенно особый характер. Клаузевиц, который в понимании войны глубоко расходится с военными теоретиками XVIII века, заметил, что война — не искусство и не наука, хотя в ней можно отметить моменты и того и другого. Нельзя не признать, что в XIX веке войны ведутся более научно, в качестве примера можно указать на Мольтку и прусский генштаб. Научные методы войны переходят в дальнейшем в технические. Специалисты технических областей все чаще занимают в армиях ведущие должности по мере того, как военное дело все больше начинает пользоваться механическими средствами. Техники руководят связью, авиацией, танковыми армиями, газовой войной.

В 1914 году кто-то еще верил в то, что войне присущи законы, выведенные из опыта предшествующих войн. Но эта вера не могла не пошатнуться, когда оказалось, что война самым неожиданным образом начала захватывать такие сферы, которые раньше не подчинялись ее влиянию. Она не поддавалась никаким попыткам ее локализации, в нее втягивались даже те государства, которые считали, что могут остаться в стороне. Но еще более значителен был тот факт, что война начала изнутри изменять структуру государств и народов, что организация войны проникла в самые недра этих структур и сделала их пред-

метом своего потребления. В первую очередь были мобилизованы и пущены в ход все имеющиеся резервы. Все имущественные накопления подверглись мобилизации, таким образом расшатывался существующий порядок в отношениях собственности. Война требовала таких огромных средств, что методы их привлечения вступили в противоречие с автономией собственности. Все резервы должны были быть брошены в военный котел. А когда и этого оказалось недостаточно, дошел черед и до субстанции. Война начала потреблять и те средства, которые требовали бережного отношения ради обеспечения, сохранения, восстановления старых резервов. Война подрывала почву, которая служила ее основой, и будущим она распорядилась таким образом, что поставила под вопрос будущее мирное существование. Поэтому сначала в лагере побежденных, а затем и повсюду эта война перешла в гражданские войны. При поверхностном подходе может показаться удовлетворительным объяснением, что такой поворот событий имел своей целью демократические перемены. Так оно и было на самом деле, но разрушение старых институтов, процесс нивелирования, к которому приводит механическое понимание равенства, бедность и неуклонное развитие техники не могут создать стабильную политическую систему, а, напротив, знаменуют начало перманентной революции, для которой характерен переход войны в гражданские войны, а гражданская война служит началом новой войны. Сначала победители еще могли надеяться на то, что они защищены от деструктивных процессов. Но они ошиблись: победа, добытая силой оружия, не оградила их от череды повсеместно разразившихся кризисов, которые определили характер всего послевоенного периода. Понятие послевоенного периода хорошо выражает смысл происходивших событий. Победа на поверку оказалась

неполной. Завоеванные успехи были непропорционально малы по сравнению с затраченными на войну средствами. Война съела так много, ее усиленное потребление настолько подорвало производство, что оно никак не могло оправиться от понесенного ущерба. Однако понять причину тех особенных и резких диспропорций, которые обнаружились после войны, можно только учитывая их связь с техническим прогрессом и зная, что технический прогресс ведет к постоянным потерям субстанции. Никакое усиленное производство, к которому прибегает человек в этих условиях, не спасает положение, поскольку оно сопровождается ростом убытков. Война, превратившаяся в одну из областей применения техники и способствующая ее совершенствованию, не решает, а обостряет эти проблемы. Она демонстрирует, как насильственные методы, при помощи которых Техник эксплуатирует землю, переносятся теперь уже на людей. Война подводит баланс совершающегося процесса в пересчете на человека. Может быть, она наконец-то откроет ему глаза на то, что пора переучиваться.

Война разрасталась, вызывая все новые сложности, и в конце концов так запуталась, что совсем вышла из-под контроля. Такое понимание сложившейся ситуации поневоле наводило на предположение, что ей должны быть свойственны какие-то внутренние закономерности. Это была уже не просто война, как все остальные, поскольку она не укладывалась в существующие понятия о том, что такое война. Эта война походила на землетрясение, на катастрофу. Особенность катастрофы состоит в том, что она выходит за рамки условий, описываемых историческим опытом, и для ее объяснения оказываются неприменимыми исторические мерки. Ее порождают стихийные причины, которые непредвиденно обрушиваются на че-

ловека. Война принимает апокалиптические черты. Подобно технике, где все рабочие процессы рациональны по своим методам, тогда как в целом она не просто лишена рационального начала, но постоянно им пренебрегает, война также опирается на рациональные методы работы, хотя практически в ее ходе нельзя уловить рационального начала. Все расчеты, все тщательно выверенные вычисления в конечном счете оказываются напрасными и не срабатывают. Эта война уже не удерживается в рамках специального военного бюджета, она просто сжирает все, что оказывается в пределах досягаемости. Ее пределы уже невозможно точно обозначить, теперь войне подчинено решительно все. Точнее говоря, ей подчинено все, что только можно привлечь при помощи технической организации. Но в условиях стремящейся к совершенству техники лишь очень немногое остается за пределами ее власти. Эта власть распространяется не только на солдат и рабочих военных заводов, но вообще на каждого человека, и от ее посягательств не укроется ни стариковская похлебка, из которой исчезают жиры, ни молоко грудного младенца, которое становится все водянистее. Бедность и голод вгрызаются в человеческую плоть.

При сравнении первой и второй мировых войн еще нагляднее проступает связь между войной и развитием техники. За два десятилетия, прошедших между первой и второй мировыми войнами, технические средства вооружения достигли более высокого уровня развития. Значительно повысился уровень автоматизации техники. Войне это дало выигрыш в области связи, авиации, конструирования самоходных танков. Война ставится на колеса и получает механический двигатель, этим она резко отличается от первой мировой, основной силой которой был еще пехотинец, то есть солдат, передвигавшийся пешим ходом. Вто-

рая мировая война началась с танковых сражений и с авиационных налетов. Технический потенциал государств теперь уже непосредственно влиял на их военные успехи. Война и техника образуют все более четко работающий единый механизм. Война доводит технику до уровня совершенства, и техника дает войне средства для ведения военных действий. Ускоренный износ этих средств не ослабляет позиций рационального мышления, которое управляет развитием техники. Напротив, это лишь подогревает его изобретательность, давая толчок к созданию новых чудовищных аппаратов. Техника в основном превращается в технику военных вооружений, война все больше и больше принимает технический характер. Прогресс в области военной техники сопровождается прогрессом в деле организации труда. Организация труда принимает все более механические, насильственные формы. Так как решительно все становится делом организации, приходит конец принципу добровольности. Положение солдата и рабочего в период второй мировой войны одинаково: оба находятся в зависимости от технической аппаратуры и организации, оба становятся объектом манипулирования в интересах механики. Оба являются рабочими, в этом состоит отличительный признак устремленного к совершенству технического прогресса. Война становится тотальной, когда она охватывает и нормирует все производственные отношения. Она становится тотальной, достигая технического совершенства. Рабочий военного предприятия и солдат на фронте отличаются друг от друга задачами, которые они выполняют, поскольку один трудится в области изготовления материальных средств войны, а другой в сфере их применения. Однако это и другие различия носят второстепенный характер. Мы получим соответствующее действительности понятие о войне, если представим ее в образе движу-

щегося конвейера или по крайней мере будем иметь в виду, что она с ним связана; на поток поставлены изготовление военного материала, его транспортировка и, наконец, применение против вражеской стороны. Вся война связана с механической работой этого конвейера, что придает ей, в отличие от прежних войн, характер производственного процесса. Этот производственный характер вызван автоматизмом техники, бесперебойная работа которой накладывает свой отпечаток на характер военных действий. Война в виде скоротечного «блицкрига» происходит тогда, когда мощная военная аппаратура одним ударом расправляется с более слабой. При равенстве сил война обнаруживает присущую ей изнуряющую энергию потребления и продолжается, пока не будут вовлечены и исчерпаны все имеющиеся запасы. Рабочий и солдат приставлены обслуживать этот конвейер, и против них направлены удары воюющих сторон, которые с развитием средств воздушного боя обрушиваются на рабочего как в цехе военного завода, так и в его жилище не менее беспощадно, чем на солдата, находящегося на поле боя. Крестьянское хозяйство, в котором ручной труд по-прежнему играет значительную роль, не поддается окончательному переводу на рельсы механического рабочего процесса. Однако его всеми средствами стараются ввести в рамки или хотя бы приблизить к состоянию технической организованности. Мобильная и мобилизующая энергия техники находит свое выражение во все возрастающей роли транспорта, который совершенствуется по мере приближения техники к идеальному совершенству. Эта область обслуживается рабочими транспорта, без которых немислима мировая война. Мы упоминаем об этом, потому что увеличивающийся дефицит технической организованности в значительной мере возникает по вине транспорта.

Накопленный в ходе первой мировой войны опыт — технический опыт — впоследствии был использован во второй мировой войне. Для мыслящего наблюдателя было заведомо ясно, что вторая война будет длительнее, тяжелее по ущербу и разрушительнее, чем первая, — такие выводы подсказывались успехами технического прогресса. Все изменения политического свойства, которые произошли в государствах между двумя войнами, связаны с распространением аппаратуры и организации. Представления о государстве и о человеке стали более механистическими, технические понятия повсеместно проникли в область политических представлений. Государство все больше превращается в человеческих головах в подобие технического центра, в нечто вроде коммутатора, в котором достаточно нажимать кнопки или поворачивать рычаги, чтобы добиться определенного эффекта. Политическое общественное мнение становится управляемым, подвергается механическому манипулированию и используется, наряду с другими пропагандистскими методами, как механическое средство влияния на массы. Способность восприятия и мышление вследствие постоянного общения с аппаратами приобретают кинетический характер. Во всем сказывается зависимость от механических рабочих процессов.

Вторая мировая война с еще большей отчетливостью демонстрирует то, как война втягивает в свою орбиту и поглощает все планы, средства и цели. Никакими соглашениями уже невозможно ограничить ни ее продолжительность, ни пространственные масштабы. Ход и повороты войны становятся непредсказуемыми даже для самого проницательного ума, а любые утверждения о том, что будто бы ею кто-то управляет и все движется согласно расчетам, не более чем самонадеянное хвастовство. Война катится своим ходом с неудержимой мощью стихийного явления, а ее

окончание определяется моментом полного истощения ресурсов. На свете нет такого политика или полководца, который был бы способен управлять ходом событий или хотя бы охватить мысленным взором всю картину в целом. Есть только техники, профессионалы в одной области, чье мышление сосредоточено на отдельном участке, и только об этом участке они способны составить определенное суждение. Кругозор этих специалистов отличается поразительной узостью, конкретностью и полным отсутствием свободного видения совокупности явлений и их взаимосвязи. Война стала тотальной, она опирается на тотальную аппаратуру, тотальную организацию и тотально забирает в свое распоряжение все ресурсы. Она отбирает в свою пользу все до последнего. Насилие над субстанцией, выражающееся в ее потреблении, достигает небывалых размеров. Превращение государств в гигантские автоматизированные фабрики по производству оружия идет вперед быстрыми шагами. Организация принимает все более радикальные формы, она повсюду вынуждена опираться на принудительный труд, включая в свою систему целые армии подневольных работников. Нехватка чувствуется во всем, обнищание доходит до такой степени, что на все сферы распространяется карточная система. В то же время разрушения достигают небывалых масштабов. Они уже не ограничиваются полями сражений, разрушению подвергаются центры механического производства, гигантские фабрики и промышленные города. Круги разрушения расходятся во все стороны от этих центров, охватывая все страны. Стирается грань между воюющей и невоюющей частью населения, так как различия между ними, как и все прочие, не свойственны понятию тотальной войны — ей чужд дифференцированный подход к явлениям. Победное шествие разрушений неудержимо движется вперед,

оставляя по обочинам своей *via triumphalis*,* усеянной жалкими остатками человеческого скарба, разрушенные города, дома, жилища. Всюду дымятся развалины, высятся уцелевшие закопченные стены, и все страны усеяны трупами убитых. Целые города, которые строились веками, однажды ночью за считанные минуты вспыхивают горящими факелами, и безвозвратно гибнут памятники прошлого, которых никогда больше не суждено увидеть человеку. Некому больше их защитить; человек, и сам незащищенный, ничего не может для них сделать. Технический век, порвавший с прошлым всякую связь, окончательно с ним разделяется. Эти разрушения можно рассматривать как модель будущего; так что тем странам и народам, которые еще не разрушены, будущее не сулит ничего утешительного. Уцелеть им удалось случайно, зато разрушения представляют собой необходимое явление, которое может случиться в будущем в связи с дальнейшим развитием техники.

Теперь открыто дает о себе знать и та мобилизующая энергия, которая порождается сочетанием аппаратуры и организации, жестоко и безжалостно ударяя по человеку. Она с корнем вырывает его из родной почвы. Мобилизуется не только армия, но и население. Эвакуация выбрасывает на дорогу миллионы городских жителей. А окончание войны отмечено тем, что целые народы насильственно выдворяются из прежних мест проживания: их, точно скот, загоняют в вагоны и отправляют по железной дороге в неизвестность. Эти насильственные перемещения эффективней всяких гранат взрывают исторически сложившиеся структуры. Такого рода мероприятия тоже должны рассматриваться как модель, как введение новых технических методов, бесконечно умножающих беду, поскольку их последствия обладают огромной взрывчатой силой.

Война окончательно превратилась в род массовой деятельности, массы питают ее своей кровью. Какова ее конечная цель? Что дает пищу тому растущему озлоблению, той жестокости и непримиримости, которые в ней проявляются? Какая причина толкает человека в объятия этих неразлучных товарищей — страха и ненависти? На подобные вопросы тоже можно ответить только в том случае, если мы поймем их связь с технической аппаратурой и организацией, а также с все возрастающей незащищенностью человека. Человек живет в условиях бедствия, которое все углубляется по мере развития хищнических методов и разрастания причиняемого ими ущерба. Он живет в условиях нависшей угрозы, но не может отвести от себя эту опасность. Напротив, она обостряется и становится тем ужаснее, чем сильнее зависимость человека от созданной им механики, превращающая его в подопытного кролика, на котором испытываются ее законы.

Тот, кто однажды понял связь между войной и техникой, уже не будет удивляться формам ведения войны или видеть в них что-то непонятное. Он понимает причинно-следственную зависимость и целесообразность происходящих процессов, понимает и необходимый характер разрушений. Он видит, что масштабы разрушений в точности соответствуют данному уровню развития техники. Но необходимо понять, что колоссальный объем этих разрушений был предопределен мышлением техника, что он — порождение этого мышления, что картина мира, лежащего в руинах и усеянного трупами, — все это необозримое пространство, заполненное развалинами, — есть коррелят, аналог этого мышления. Механика направляет нас в сторону мертвого мира, и чем быстрее работают автоматы, которые обеспечивают прогресс, тем быстрее в этом мире распространяется смерть.

Эта смерть не похожа на греческий аид, из которого каждую весну пробиваются цветы, произрастают плоды и возникает новая жизнь. Эта смерть соответствует каузальному мышлению и его механическому понятию времени.

Одновременно с техническими методами работы по всему свету распространяется война. Она ведется одинаковыми средствами на всей планете: в Европе, в Африке, в Азии, на островах Океании, в тропических джунглях. Возможность для проведения боевых действий есть везде, куда автоматы, предназначенные для преодоления пространства, могут доставить людей и оружие. Устройство механических коммуникаций относится к числу основополагающих задач техники, которая не упускает из вида ни одного пригодного для эксплуатации месторождения даже в самых отдаленных уголках мира. Война продвигается по колее, проложенной техническим мышлением, которое соединило дорожной сетью все заправочные станции мира. Заправка — необходимое условие для работы любых автоматов, и без заправочных станций невысказано автоматическое ведение войны. Лицо этой войны определяет автоматизм. Именно автоматизмом вызваны такие защитные меры, как ночное затемнение целых стран или переход целых народов на существование в подземных бомбоубежищах и бункерах. Именно автоматизм превращает фронтную войну армий в такую войну, которая втягивает в свою сферу даже глубокий тыл. Автоматизм является причиной крупнейших разрушений и представляет собой самую беспощадную угрозу для человека. С изобретения пороха и до изобретения атомной бомбы наша техника была техникой взрывчатых веществ. Но автоматизированная техника уступает войне такие области, в которые прежде для нее не было доступа. Не стоит делать ложных выводов из того факта, что сей-

час война, вооружившись средствами техники, обратилась в числе прочего и против аппаратуры и организации. Такого рода разрушения свидетельствуют лишь о превосходстве одних механических методов работы над другими и демонстрируют только то, как сильный технический потенциал побеждает более слабый. В цехе технического мышления эти разрушения не вызывают естественного отклика, их опыт учитывается для разработки новых изобретений и новых методов. Разрушительная энергия технического мышления не несет урона от этих разрушений. Тем самым обеспечивается дальнейшее развитие техники и подтверждается, что она уже приблизилась к состоянию совершенства.

Если вспомнить, что говорил Клаузевиц о характере войны и сражения и какие мысли он высказывал о военном искусстве и военной теории, становится очевидным, что война изменилась. В союзе с новой техникой война оказывается в зависимом положении. В результате страдает военный гений. Когда война превращается в сферу работы технических специалистов, когда она ориентируется в своих методах на процесс механического износа, следуя за конвейером механического производственного процесса, она неизбежно приобретает черты бездушия, мертвенной монотонности и серости, которые мы в ней отмечаем. Никакой Тиртей* здесь невозможен, всякая связь с танцем, пением и музыкой, оживлявшая и облагораживавшая войну в прежние времена, пресеклась окончательно. Военные решения утрачивают свою определяющую силу и уже не имеют былого значения. Все эти незапоминающиеся бои и сражения, кажется, не столько проясняют, сколько затемняют смысл происходящего. Оно представляется каким-то аморфным, словно все разлагается под действием какого-то разъедающего вещества. В немилосердных и упорных сра-

жениях, идущих с переменным успехом, есть что-то странно нереальное и непонятное для их участников. Если выразить это впечатление в образах мифологии, то можно сказать, что здесь мы видим Ареса, запутавшегося в сетях Гефеста. Техника представляет собой могущественную силу, которая смогла целиком и полностью подчинить себе войну, навязав ей свои средства и цели. Окончание войны не означает окончания власти механики над человеком.

Затраты, к которым ведет война, разорительны и для победителя, и для побежденного, поскольку ее тотальный характер приводит к тотальному износу. Потребление принимает такой масштаб, что заодно съедает и плоды победы. Конец войны не меньшее бедствие, чем сама война. Система производства оказывается разрушенной. В результате возникают такие кризисы, справиться с которыми не под силу даже самому сильному государству. Война переходит в гражданскую войну. Если век техники революционен в смысле перманентной революции, то, говоря иными словами, это означает, что в таком веке невозможно состояние стабильности. В этом безостановочном, динамичном движении много впечатляющего, однако нельзя не понимать, что оно может поддерживаться только ценою тяжелейших жертв, при полном пренебрежении ко всему, чего нельзя поставить на колеса и привести в движение механическим способом. Представление о перманентной революции как таковое является механическим, оно напоминает образ конвейера, равномерно и плавно или прерывистыми толчками движущегося в мертвом времени. Идея перманентной революции предполагает, что уже не существует таких условий, которые были бы достойны поддержания и сохранения, и остается только непрерывно приспособлять их к очередным достижениям технического прогресса, а *me kinein eu keime-*

поп* уже ничего не значит. Перманентной революцией объясняется также то, почему технический прогресс вновь и вновь сам себя съедает, неустанно перемальвая собственную аппаратуру и организацию. Это становится отчетливо видно, когда из слабого младенца уже вырос тот колосс, которому для пропитания требуется вся земля со всеми ее богатствами, но даже этого ему оказывается мало. Мировые войны приходится на ту стадию развития техники, когда оно достигает колоссальных размеров и для утоления голода начинает употреблять в пищу собственные отходы, не брезгуя даже фекалиями.

Вопрос состоит в том, как предотвратить третью мировую войну, точнее говоря, кто возьмется ее предотвратить. Ни одно государство, даже самая сильная из великих держав, в одиночку не располагает достаточными средствами для ее предотвращения, так как даже сильнейшая мировая держава не устоит против коалиции. А всемирная организация по поддержанию мира является обоюдоострым средством. Характерной особенностью такой организации является то, что она претендует на монопольное право ведения войны и на основании этого монопольного права самостоятельно выносит решение, кого считать агрессором и против кого следует начинать военные действия. Такая мощная коалиция, которая способна взять в свои руки монополию на право ведения войны, самостоятельно будет давать дефиницию войны, все дефиниции агрессии, обороны, допустимых средств. Однако в самом представлении о том, что в эпоху сильнейшего технического прогресса, который ведет к непрестанному повышению военного потенциала различных государств, мог бы долгое время просуществовать постоянный комитет по поддержанию мира, действующий по принципу *perpetuum mobile*,** содержится противоречие. Средства, которыми пользовался бы

такой комитет, может дать только техническая организация. Бессилие государств перед взрывоопасными процессами, которые сопутствуют высокому развитию техники, видно невооруженным глазом. Нет ни одного государства, которому удалось бы совладать с этими процессами, так как во все государственные организации вторглась техническая организация и изнутри подрывает государственную власть. Человек не справляется с механическими законами, которые он привел в движение. Механические законы сами управляют человеком.

КНИГА ВТОРАЯ

МАШИНА И СОБСТВЕННОСТЬ

1

Если мы сознаем, что живем в условиях исторического движения, о продолжительности, масштабах и цели которого можем только строить предположения, то нам следует сразу признаться себе в его незнании. Мы совершаем свои действия не вопреки, а вследствие этого неведения. Если бы мы все знали, мы бы ничего не делали и нам не нужно было бы ничего делать. Незнание — это данность, и в нем наше знание плывет точно кораблик в мировом океане. Приумножение наших познаний не означает убывания незнания; прибыль и убыль знания относительны на фоне незнания, и это отношение неотменимо, то есть наше знание предполагает наличие незнания и тесно с ним связано. Не нужно внушать себе, будто бы мы понимаем тот или иной исторический процесс и будто бы это знание позволяет нам понять его во всей полноте. Если бы это было возможно, то при желании мы могли бы остановить это движение. Наше знание растет по мере того, как разворачивается этот процесс; так оно возросло в первой половине XX века. Еще Ницше в «Воле к власти» отметил, что происходит «движение экстремальное по своим темпам и средствам». И затем он добавил: «Произошло изменение самой сущности человека». В это же время

граф Йорк говорит в письме к Дильтею: «Время номинализма оканчивается, да и самое время ему окончиться». В другом письме он замечает: «„Современного человека”, то есть того человека, какого мы видим начиная с Ренессанса, пора похоронить». Выражение «современный человек» он ставит в кавычки, имея на то полное основание, ибо что такое, в сущности, современный человек? Этот эпитет появился в XIX веке и связан с типичным для этого времени историзмом мышления. Он мало что выражает, так как человек никогда не бывает современен или — что одно и то же — он современен всегда. Мы можем выразить это иначе, сказав, что он всегда находится в развитии, так как это развитие от него неотъемлемо. Человек все время находится в становлении, которое никогда не приходит к своему завершению, а так как его развитие никогда не завершается, то все, что о нем говорится, не является окончательным суждением. Антропология как наука содержит в себе противоречие, она заключает в себе неразрешимый парадокс. Ведь человек как существо, которое никогда не достигает завершенности, не укладывается в рамки антропологии. Наука не может поместить его в витрину, человек и наука о нем выходят за пределы научного знания. Предположим, что удалось создать законченную, замкнутую антропологию: что представляла бы собой такая дисциплина? Это был бы гроб, в котором лежит завершивший свое развитие человек, остается только привинтить крышку и похоронить его.

Движение, которое Ницше более семидесяти лет тому назад назвал «экстремальным по своим темпам и средствам», продолжается и при нас. Мы можем воспринимать его, наблюдая его последствия, и в то же время оно скрыто от нас, поскольку направлено в наше собственное будущее, непроницаемое для нашего зрения. Мы знаем об этом движении, потому

что им пронизана наша жизнь, весь наш жизненный опыт. Мы уже знаем, как оно стремительно, глубоко и как широко распространяется его влияние, и догадываемся, что по меркам человеческой жизни это не мимолетное, кратковременное явление. Оно началось не сегодня и не вчера и не пройдет бесследно для человека, включая также людей, которые будут жить уже вне его.

Легко догадаться, что мы приписываем этому движению чуждые ему свойства. Возможно, мы меньше всего замечаем его самые глубокие по значению стороны. И легко путаем то, что относится к глубинной сущности, с побочными явлениями. Детали, не захваченные общим потоком этого движения, не попадают в поле нашего зрения; зато изменения сразу бросаются в глаза наблюдателю, напрашиваясь на сравнение. Ошибочно было бы заниматься исследованием причинно-следственных связей исторического движения. Это совсем не значит, что таких связей в нем нет; они присутствуют всюду и именно потому сбивают с толку. Здесь мы имеем дело не с упрощенной областью механики. Хотя даже в ней каузальность всегда оставляет место для споров. Я могу исходить из этого принципа и отрицать целесообразность, однако опыт показывает, что без понятия цели обойтись трудно, в особенности там, где речь идет о машинах. В области машинной техники каузальность входит в понятие цели и назначения как его составная часть. Но если я пойду по пути телеологии, то запутаюсь еще хуже, ибо что, спрашивается, дает мне право предполагать наличие конечной цели в природе и истории? Для механистического мышления представления о цели являются промежуточными и вспомогательными, что совершенно справедливо, так как понятию цели свойственна опосредованность. По Канту, понятие цели представляет собой не более чем допус-

тимую гипотезу. Механические и телеологические суждения взаимно исключают друг друга, в опыте нельзя найти ни одного такого момента, где бы они совпадали. Выше уже отмечалось, что Кант различает *nexus effectivus** и *nexus finalis,*** что он разграничивает технику предумышленную (*technica intentionalis*) и непредумышленную (*technica naturalis*). Непредумышленная техника обозначает естественный механизм природы, предумышленная же представляет собой всего лишь особую разновидность каузальности. И, поскольку их нельзя разделить, это разграничение носит искусственный характер.

Историческое движение нельзя отождествлять с теми видами техники, которые представлены в тот или иной период. Тот, кто это делает, приходит к выводам, не выдерживающим критики, утверждая, например, что техника является причиной исторического движения или, скажем, что его принцип — это принцип целесообразно работающих машин. Приписывая движению каузальность или конечную цель, мы заранее обозначаем его границы. Такое ограничение, возможно, вызывается потребностью в покое, желанием найти точку опоры, но оно не вытекает из самой природы движения. За подобным отождествлением кроется смешение понятий *causa**** и *occasio;***** это весьма распространенная и вполне объяснимая ошибка, так как определение и систематизация явлений представляет собой крайне сложную задачу. Примером этой ошибки может служить утверждение, что выстрел в Сараево послужил причиной первой мировой войны: здесь тоже перепутаны *causa* и *occasio*.

Источником исторического движения является не то, что мы называем техникой, подразумевая под ней, как правило, современную технику. Об источнике исторического движения нам так же мало известно, как

и о его конце. Истоки его для нас всегда тонут во мраке неизвестности; мы замечаем то, что доступно восприятию, а это — процессы, изменения, которые вызывает в нас самих и в окружающем нас мире новое понятие энергии. Это понятие энергии, по всей видимости, возникает сначала в отдельных ученых головах, которые среди своего схоластического окружения начинают заново осмысливать динамический раздел механики. Нас занимают результаты этого мышления. В области, ставшей доступной лишь в начале XX века, отчетливо проявилась техногенность исторического движения. Особенно зримо она проявилась в насаждаемом человеком автоматизме, неразрывная связь которого с организацией обсуждалась в первой книге. Лишь там, где эта двусторонняя связь выражена достаточно сильно, появляется возможность рассмотреть ее с позиций, не относящихся к области механики, и задать кое-какие вопросы не в духе точных наук и техники, где все вертится только вокруг механизмов, а в плане положения рабочего, включенного в эту механическую связь.

2

Новая аппаратура вызывает появление новой организации труда. Организация труда, в свою очередь, вызывает появление новой аппаратуры. Фабрика, производящая автомобили, может выпускать эти аппараты только потому, что уже существует организация труда, так как только для нее и предназначены эти готовые к употреблению автомобили. Организация труда, в свою очередь, нуждается в автомобилях, поставляемых для нее фабрикой, и нарушение этой зависимости тотчас же ощутимо дало бы о себе знать. Таким образом, и здесь присутствует обоюдная связь,

существуют сложившиеся отношения *mutuum commercium*.*

История аппаратуры известна, на нее можно сослаться. Современная автоматика разработана особым мышлением, конструирующим механизмы. В этом мышлении формируется чреватый последствиями процесс отвлечения. Что же и от чего отвлекается? С чего начинается такое отвлечение, не ясно. Весьма вероятно, что оно начинается на том же этапе, на котором вопрос о бытии и значении (*Sein und Bedeutung*) приводит к спору, так и не получающему никакого разрешения. Напомним о марбургском религиозном диалоге, в ходе которого разгорелся этот спор в связи с учением об евхаристии. Этот спор затрагивает любую философию, так как значение, в самом широком смысле, представляет собой отвлеченную абстракцию. Этот спор касается и механики. В механике процесс отвлечения предстает в ином облике. Для того чтобы его продемонстрировать, достаточно рассмотреть один пример из области статики. Принцип действия рычага, как это видно из небольшого, приписывавшегося прежде Аристотелю сочинения, представлял для древних греков апорию, поскольку тот факт, что небольшой груз способен перетянуть гораздо больший, вызывал у них непреходящее удивление. Архимед изложил законы рычага в сочинении «*De Aequiponderantibus*».** Леонардо да Винчи, Гвидо Убальдо даль Монте, Гюйгенс и другие проверили и уточнили законы Архимеда. Установление таких законов требует сложной работы рассудка, потому что бесчисленные и многообразные природные процессы скрывают свои механические законы. Рычаг как таковой нигде не представлен в чистом виде; для того чтобы его обнаружить, требуется особое видение, абстрагирующееся от простого зрительного восприятия, требуется способность к абстракции. Механи-

ческий опыт всегда присутствовал в человеческой деятельности, и человек пользовался рычагами до того, как были установлены законы рычага. Научное объяснение этого опыта создает нечто новое. Познание законов рычага означает выделение рычага из всех естественных процессов, в которых присутствует его действие. Такое мысленное выделение рычага, отделяющее его от всего остального, и есть отвлечение, в данном случае — механическое отвлечение. Рычаг как таковой вычленяется из природных процессов и конструируется в чистом виде. В таком конструктивном отвлечении одновременно заключено подражание. В конструкции подражательно воспроизводится определенный закон природы.

В статической механике не заложена возможность для широкого развития процесса отвлечения и подражания, а поскольку греки понимали механику как учение о равновесии и довольствовались таким знанием, то они не создали, да скорее всего и не собирались создавать, технику, подобную нашей. Аристотель был против статической динамики, и Галилей имел свои причины не любить эту науку.

Механизм, относящийся к предумышленной технике (*technica intentionalis*), вычленяется из техники непредумышленной (*technica naturalis*) и возникает путем подражания. Это процесс отвлечения; и с ним связаны неизбежные последствия. Выделяясь из естественного процесса, механическая закономерность уже устремляется в сторону таких моделей, в которых механическое движение автономизируется, то есть она изначально стремится к автоматизму. Сопоставив те бесчисленные модели, в которых механическое движение все более автономизируется, обособляясь от естественных процессов в направлении автоматизма, мы получили бы цепочки последовательных отвлечений. Постепенно мы приходим ко все более совершенным

механизмам, то есть таким, в которых процесс отвлечения совершается все легче, с той легкостью, с какой сегодня сходят с конвейера автомобили, печатаются с негатива копии фотографий.

Так как процесс отвлечения мыслим только во времени, он становится возможным лишь там, где сами пространство и время конструируются как механизмы, порождающие отвлеченные копии. Как уже показано выше, это осуществлено в действительности, и подтверждением этому могут служить дефиниции, данные пространству, времени и движению.

Механика существует только в области точных механических повторений, так как из явлений, не представленных в виде доступных восприятию повторений, невозможно вывести механических законов. Повторяемость позволяет производить расчеты, измерения и разделение на части. Так, ньютоновское понятие времени обеспечивает условия, без которых была бы невысказана четкая работа механизмов. Ньютоновские понятия времени, пространства и движения сменились в наше время другими, однако в механике по-прежнему приходится опираться на механистическое представление об определенности этих понятий; без этой определенности была бы невозможна наша техника.

3

О новых формах человеческого общежития никто бы не задумался без соответствующей потребности. С чего бы мы стали менять существующее положение вещей, если бы оно нас устраивало? Есть, правда, старинная пословица, в которой от вольготной жизни ослу вздумалось поплясать на льду. Опыт подсказывает, что человек тоже иной раз зарывается, вроде этого осла, и начинает так выкаблучиваться, что

потом и сам не рад. Однако из выкаблучивания не выстроишь теорию. Можно привести немало примеров, которые показывают, что излишнее благополучие может быть в тягость, не по плечу — человек не в силах долго его переносить. Человек лучше переносит нужду, так как скудость делает его изобретательным. Каждый вопрос предполагает наличие определенной потребности; вопрос и есть не что иное, как сформулированная и высказанная потребность. Без такой потребности — начнем с этого — не возникла бы ни одна социальная теория. Однако не социальные теории изменили облик земли и жизнь людей. Начало всему положили не теории, в которых не было недостатка на протяжении XIX века, не теории сыграли решающую роль. Теории — это не *primus mobile** Птолемеевой системы, не главная пружина, не первая кристаллическая сфера Евдокса, вращением которой астрономы объясняли смену дня и ночи и суточное движение звезд. Социальные теории основываются на другом процессе, на другом движении, чья неукротимая энергия вызывает их появление и развитие. Без этого движения, которое им предшествует, они не могли бы продвинуться ни на один шаг; вместе с этим движением социальные теории формируются, с ним развиваются и вместе с ним систематизируются. Аппаратура оказывает влияние на организацию труда, а теория приспособливает организацию труда к аппаратуре. Социальные теории вызваны машиной, все влиятельные социалистические теории XIX века представляют собой разновидности машинного социализма. Или, если сказать точнее, это такой социализм, за которым стоит машина, которому машина дает решающие импульсы, определяющие его направление. Исходным моментом социальных теорий являются те изменения, которые вызваны в человеческой жизни машиной и которые появляются под влиянием опи-

рающегося на машинную технику, постоянно развивающегося разделения труда. Это прослеживается на каждой стадии развития социальной теории. В начале XIX века, которое было ознаменовано ранним этапом развития машинной индустрии, этого нельзя было осознать с полной отчетливостью. У Сен-Симона еще чувствуется неуверенность, присущая первым попыткам, он только нащупывает свою теорию, которая сегодня представляется нам довольно путаной. В 1814 году вышло в свет его сочинение «Réorganisation de la société européenne»* — первая работа, в которой подчеркивается противоречие между капиталом и трудом, работодателями и рабочими. В ней подвергнуты критике существующие отношения собственности и в центре внимания стоит рабочий вопрос, в качестве решения которого предлагается христианский социализм, направленный на реформирование общества. Сен-Симон еще ведет борьбу с феодализмом и стремится к индустриальной организации государства, причем машинам, в его представлении, отводится незначительная роль. Поэтому его предложения противоречивы, неясны и не радикальны, они соответствуют тем условиям, когда еще не завершилась сплошная индустриализация и не было автоматически работающей механики. И все-таки даже у Сен-Симона уже можно проследить связь между аппаратурой и организацией, так как в его теории представлен прообраз технической организации. Таким же фантазером, несмотря на свой решительный коллективизм, был и Фурье. Фантастический элемент занимает в его теории столь большое место потому, что он конструирует свой общественный строй во всех мельчайших деталях, то есть стремится его зафиксировать, между тем как именно в это время историческое движение набирает скорость, происходит огромный скачок в развитии машинной техники и возникают новые произ-

водственные методы. В своих мечтах Фурье рисует образ идиллического коммунизма, то есть условия совершенно несовместимые с динамикой. Однако было бы несправедливо требовать ясной и продуманной концепции тогда, когда она еще не могла возникнуть. Подтверждением этого могут служить сочинения Прудона, и среди них особенно «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère»,* вызвавшая резкую критику Маркса. Как анархист, Прудон последовательно отрицает всякое государство, и в первую очередь социалистическое и коммунистическое, в котором гнет всемогущей центральной власти особенно тяжек. Однако он не имеет ни малейшего представления о движении, о чем ясно свидетельствует организованный им народный банк, действовавший на основе беспроцентного взаимного кредита. Это предприятие разорило Прудона, и авторитарный социализм разделался с ним, пожалуй, уж слишком легко, если судить по полемической работе Маркса. Взгляды Луи Блана отличаются большей точностью и определенностью. Блан хочет сделать государство главенствующим капиталистом и видит в организации, которой он отдает функции распределения, средство для облегчения социальных трудностей. Его план превращения всех промышленных предприятий в государственные предприятия и производственные товарищества, которые в свою очередь объединялись бы в единое, гигантское, всеохватное производственное товарищество, носит механический характер, в котором уже проявляется возросшее влияние машины. Машинное производство расширяется год от года, и теория развивается под его влиянием.

Оуэн, сам бывший промышленным капиталистом, обладает практическим знанием, которого не было у французов. Он успешно руководил ткацкой фабрикой, был удачливым предпринимателем и заботился о

своих рабочих. Трудности для Оуэна начались тогда, когда он начал осуществлять свои воспитательные планы и организовывать небольшие коммунистические коллективы. Колония Нью Хармони в Индиане, которую Оуэн в отличном состоянии откупил у швабского сектанта Раппа, через два года разорилась от его экспериментов (Оуэн семь раз менял в ней формы управления). Вопрос о том, какими должны быть человеческие ассоциации и каковы должны быть формы человеческого общежития, занимает всех социалистов. На этот вопрос у них есть только один ответ: человек должен устраивать свою жизнь приноравливаясь к машинам. Ведь условия, в которых он работает, навязаны ему машиной. Требуется практический опыт общения с машиной — длительный и нелегкий жизненный опыт. И не только опыт общения с какой-то одной машиной, а опыт жизни в машинном мире, в мире, где царят машины. К машине нужно относиться серьезно, гораздо серьезнее, чем это делали социальные теоретики, которые видели в ней то игрушку, то средство достижения всеобщего благосостояния, то своего рода машину времени, сберегающую время того, кто приводит ее в действие. Конечно, каждая машина представляет собой своего рода машину времени, не в том смысле, чтобы на ней можно было совершать путешествия во времени, а в том, что она потребляет механическое время и за это — одно от другого неотделимо — забирает часть собственного времени человека. Подтверждением того, что в XIX веке машину не принимали всерьез, может служить тот факт, что социальные теории XIX века носили экономический характер. Даже самая влиятельная из них — теория Маркса — была насквозь экономической. Именно потому, что она была экономической, главный труд Маркса называется не «Машина», а «Капитал, критика политической экономии». Такого

же рода название носит продолжение этого труда, изданное Энгельсом после смерти Маркса. Все мысли Маркса вращаются вокруг капитала и его движения. Но движение капитала представляет собой всего лишь один из разделов механики, а не наоборот. Желая изучить движение капитала может найти ключ к его разгадке в механике. Увеличенное, принявшее новые формы движение капитала неразрывно связано с динамикой, то есть с тем разделом механики, разработкой которого вызвано появление и продолжающееся развитие всей машинной техники.

4

«Весьма все же удивительно, — пишет граф Йорк в письме Дильтею от 4 декабря 1887 года, — и очень показательно для единства всех живых процессов, что капитал впервые выступает как изолированный фактор, как чистая энергия именно тогда, когда идея энергии становится мировой идеей». Это действительно должно показаться удивительным тому, кто впервые обратит на это внимание. И в то же время в этом нет ничего удивительного, поскольку денежное хозяйство, выражающееся в движении денег, всегда имеет отношение к механике, и именно по этой причине одновременно с развитием динамического раздела механики не могло не измениться и движение капитала. С этого момента мы должны понимать под капиталом уже нечто иное. Капитал становится «изолированным фактором», превратившись в самостоятельное понятие и получив способность выступать в качестве самостоятельной силы. Это происходит посредством ряда отвлечений, в результате которых основы старого денежного хозяйства уходят в прошлое. Связь между разработкой механики и движением ка-

питала еще никем не исследовалась, однако она существует и заметна для того, чей глаз способен ее разглядеть. Наличие этих связей позволяет нам также сделать вывод о том, что дальнейшее движение капитала будет зависеть от усиления или ослабления влияния механики.

Доказательства этого утверждения дает история банковского дела. Предприятия, занимающиеся посредническими денежными и кредитными операциями, выполняют разнообразные задачи и появляются при определенных исторических обстоятельствах под влиянием настоятельной потребности. Посредничество, опосредованное осуществление сделок можно рассматривать как главный принцип их деятельности, так как деньги, по определению Аристотеля, представляют собой то «третье», которое заменяет собой непосредственный обмен. Признак обмена — его непосредственный характер; обмен представляет собой соглашение о взаимной передаче друг другу каких-либо предметов. Условием обмена является то обстоятельство, что предмет обмена включает в себя свойства товара и цены. В обмене отсутствует принцип опосредованности, свойственный денежной сделке. Как показывает банковское дело, денежная сделка существенно отличается от обмена с точки зрения цели. В посредническую деятельность банков входит, в первую очередь, регулирование и упрощение платежей, хранение ценностей и денег, обмен валюты, инкассирование, ведение контокоррентных счетов, эмиссия банковских билетов и др. Далее, в задачи банков входит кредитное дело. Процветание банков повсеместно связано с увеличением роли абстрактного денежного движения. Поэтому первоначальное денежное хозяйство античных времен, пользовавшееся исключительно металлическими деньгами, было очень простым, что особенно относится к той эпохе, которая еще не

знала чеканки монет. А поскольку античное денежное хозяйство на всем протяжении своего существования пользовалось монетой, оно не достигло той степени абстрактности, какую приобрели современные финансы.

В чем же состояли занятия античных трапецитов* и аргентариев** — греческих и римских банкиров? В древний период, с его тяжеловесным денежным хозяйством, они главным образом были менялами, обменивали различные виды монет. Римские менялы держали на Форуме семь обменных лавок (*septem tabernae*), которые они получали в аренду от цензора сроком на один год. Эти лавки сгорели в 536 году, и тогда вместо них было выстроено пять новых лавок. Самостоятельное значение денежное обращение приобрело лишь с переходом от натурального хозяйства к денежному. Это произошло еще до Аппия Клавдия, который в 442 году ввел расчет ценза в денежном выражении. Но лишь тогда, когда образовалась достаточная денежная масса и денежное движение достигло известной степени развития, денежное богатство стало влиятельной силой. Какой же вид приняла теперь деятельность банкиров? По сравнению с нашим временем, тогда было гораздо меньше возможностей для вложения денег. Не было банковских билетов, не было ни государственных облигаций, ни промышленных акций, ни именных векселей, не было ни биржи, ни общественных кредитных учреждений и сберегательных касс; ценные бумаги существовали только в виде именных долевых паев, которые можно было передавать другому лицу, переписав на его имя. От таких бумаг банкиру мало пользы; они малопригодны для денежных вложений, так как владеть ими можно лишь при условии принадлежности к какому-либо товариществу, а для этого нужно было быть принятым в его члены. Так как государство чеканило только

твердую монету, ее откладывали про запас и хранили в виде кладов; деньги вкладывались в основном в покупку земель. Развитие банковского дела начиналось с обмена денег, затем появились депозиты и ссуды. Денежная ссуда стала тучной пажитью для банкиров. Ведение бухгалтерских книг и отчетности вменялось им в обязанность; кроме того, банковская сделка, так называемый *rescriptum argentarii*,* находилась под правовым надзором претора. Как и в греческом праве, банковская сделка относилась к числу бесформенных правовых сделок; гарантийное обязательство было абстрактным, то есть в случае имеющегося соглашения платить приходилось независимо от реального наличия или отсутствия долга, взятого на себя при заключении долгового обязательства.

Денежная ссуда стала тем рычагом, который можно было применять во всех случаях и с помощью которого велась разветвленная торговля деньгами и выстраивались сложные системы обширного делового участия. Увеличившееся до громадных объемов римское банковское дело получило такую возможность развития благодаря возросшей денежной массе и увеличению денежного движения, благодаря той массе платежей и платежных расчетов, которые стали производиться банками по поручению государства и частных лиц. Инкассация денег, выдача авансов, взимание налогов, выполнение контрактов, посредничество в денежных сделках, эксплуатация Италии и провинций — все это перешло в руки банкиров, чьи конторы, руководимые рабами и вольноотпущенниками, появились по всей империи. Невозможно представить себе ни одного состоятельного и влиятельного римлянина без своего банкира. И тем не менее все это финансовое хозяйство в известной мере остается статическим, таким же статическим, как античная механика. Возвращаясь к высказыванию графа Йорка,

можно сказать, что «капитал как изолированный фактор, как чистая энергия» здесь еще отсутствует.

Простое хранение, так называемый *depositum regulare*,* представляет собой отправную точку развития банковского дела, поэтому вместе с хранением наличности развиваются депозитные банки и банки, специализирующиеся на безналичном расчете. Появление таких банков является одновременно свидетельством того, что финансы приходят в движение. Жиробанки начинают развиваться с появлением крупных торговых предприятий; круг сделок, которыми они занимаются, быстро расширяется, становясь более разнообразным. Банко ди Риальто — старейший государственный жиробанк Венеции, основанный в 1587 году, не случайно появился именно в этом городе; растущая торговля с Востоком потребовала создания своего банковского представительства в этом важнейшем центре. Второй венецианский жиробанк создается в 1619 году. Вслед за тем появляется банк Сан-Джорджо в Генуе, амстердамский, роттердамский, гамбургский и нюрнбергский жиробанки. Все это — коммерческие банки, вызванные к жизни благодаря развитию торговых связей. Осуществляемое ими регулирование движения капиталов связано с домашними условиями, с экономикой, основанной на ручном труде. Движение капиталов уже достигает известной степени абстрактной автономности; динамика финансового дела берет свое начало в эпоху, когда разрабатывались принципы динамики.

Преобладание договоров о простом хранении характерно для условий спокойного состояния финансов. Расширение банковского дела и предпринимательской деятельности, проводимой на банковской основе, связано с тем, что *depositum regulare* все больше вытесняется, уступая место форме *depositum irregulare*,** то есть такой форме, при которой депозиты

используются банкиром, а с этим явлением связан оживленный жирооборот и оборот через контокоррентные счета. Вокруг жиробанков постепенно образуются другие банковские отрасли. Сначала появляются эмиссионные банки, выпускающие беспроцентные банковские бумаги, именные бумаги, по которым владельцу по первому требованию выплачивается указанная сумма. Затем появляются дисконтные банки, скупающие векселя и извлекающие из этого процентную прибыль в виде дисконта или комиссионных; ломбарды, дающие в долг деньги под залог драгоценных металлов, ценных бумаг или товаров; ипотечные банки, дающие деньги в долг под залог недвижимости; и наконец *crédit mobilier** с его банками, работающими с движимым имуществом, как форма, хорошо приспособленная к обретающему все большую подвижность денежному хозяйству. Мобильность денег возрастает прямо пропорционально развитию механики, так что в XIX веке она резко увеличивается. Благодаря сотрудничеству машинного капитализма и финансового капитализма банковское дело развивает такую энергичную деятельность, какая и не снилась старым коммерческим банкам XVI и XVII веков по мере того как в технике развивается процесс автоматизации, движение капитала также приобретает все больший автоматизм. К этому явлению мы еще вернемся в дальнейшем.

Деньги, можно сказать, переходят из твердого агрегатного состояния в жидкое и текучее. Это подталкивает к тому, чтобы рассмотреть их с точки зрения гидромеханики и постараться обнаружить в них действие законов гидравлики. Из всех функций, которые выполняют деньги, самой важной становится функция циркуляции, а абстрактные законы циркуляции начинают играть все более важную роль. С этой точки зрения можно истолковать все депозитные

и кредитные сделки, все контокоррентные, расчетные и эмиссионные механизмы. В денежном обращении действует сила механического ускорения, функция обращения все отчетливее выходит на первый план. Это ускорение достигает своего апогея в эпоху автоматизированной механики; деньги вращаются автоматически, сами собой. Увеличение денежной массы еще не может служить объяснением ускоренного обращения денег, его причина становится понятной, если рассматривать движение денег как явление, зависимое от господствующей механики. По сравнению с этим движением все прочие, стабильные, моменты денежной системы отступают на задний план. Мало того что металлические деньги выходят из обращения, но кроме того, все больше ставится под вопрос принцип твердой валюты, принцип обеспечения. Таким образом отмечается все, что создает помехи на пути автоматического движения. А поскольку высшую степень ускорения можно представить себе как взрыв, то в конце концов дело доходит до взрывообразных явлений распада и разложения. В денежной системе начинается широкий процесс распада.

Все, что мы наблюдали в банковском деле, повторяется и в биржевом, развитие которого связано с развитием банков. Античность еще не знала биржи в нашем смысле слова, так как сходки древнеримских купцов — *collegia mercatorum* — нельзя назвать биржей. Предметом этих коллегий было обсуждение сделок. Такие деловые собеседования можно считать зачаточной формой биржевой деятельности, однако они не были фиксированными биржами с концентрацией предложения и спроса. Еще не было торговли государственными и ценными бумагами. А следовательно, не было котировки курса, надежного арбитража, фондовой биржи, вексельной биржи.

Товарные биржи в нашем смысле начинают появляться лишь в начале и в середине XVI века в Нидерландах, Франции и Англии в Брюгге, Антверпене, Лионе, Тулузе, Руане, Лондоне, то есть одновременно с появлением жиробанков. Чисто товарные биржи этого рода решают ограниченный круг проблем. Они еще не достигают той концентрации, как в более позднее время, и не могут развернуть такой широкой деловой активности, поскольку отсутствует фондовая и вексельная биржи. Поэтому их уровень развития не идет ни в какое сравнение с тем, что мы видим в конце XIX века в Лондоне, где в это время работают Королевская биржа (Royal exchange), Фондовая биржа (Stock exchange), Иностранная фондовая биржа (Foreign stock exchange), Угольная биржа (Coal exchange), Хлебная биржа (Corn exchange) и Ллойд (Lloyds),* то есть кроме Королевской биржи есть еще две общие товарные и вексельные фондовые биржи, одна биржа для английских и одна для иностранных фондов, угольная биржа, зерновая биржа и биржа по делам судоходства и страхования. Начиная с момента своего возникновения биржи тесно связаны с развитием расширяющегося рынка, их значимость зависит от оптового рынка, придатком которого они являются, по этой причине мелкие биржи попадают в зависимость от крупных. Все они являются концентрированным выражением всеобщего процесса, происходящего повсеместно и охватывающего все вплоть до последних мелочей. Но как же складывается такая концентрация предложения и спроса, какую представляет собой биржа? Она зависит от законов, которые управляют финансами, и понять ее можно только рассматривая их с точки зрения финансовых отношений. Не осмыслив тех изменений, которые претерпели понятия пространства и времени, невозможно разобраться в вопросах развития биржевого дела. Предпосылкой его

развития служит образование оптовых и мировых рынков, взаимодействие между которыми осуществляется с помощью механических средств, и сокращение временных и пространственных дистанций, достигнутое благодаря механическим и электрическим средствам связи и транспорта. Предпосылкой такого развития является механическое понятие времени, которое позволяет точно фиксировать любую разницу во времени. Ибо биржа как раз приводит к единому знаменателю все пространственно-временные дистанции и различия, и именно на использовании этих дистанций и различий основано процветание биржи. Котировка курса, публикуемая в официальных и неофициальных бюллетенях, обеспечивает пространственную и временную фиксацию цены различных валют и ценных бумаг. Если колебания курса регулируются законами ценообразования, которые отличаются нестабильностью и зависят от целого ряда как реальных, так и воображаемых факторов, то все тонкости котировки курса связаны со срочными сделками, для которых указываются начальные и окончательные, максимальные и минимальные курсы, и даже среднее арифметическое всех курсов. Такое понятие, как вексельный паритет — одинаковый и одновременный вексельный курс в двух разных пунктах, — обладает пространственной и временной фиксированностью. Вексельные курсы образуются на основе векселя, который представляет собой ценную бумагу, действительную в течение определенного времени; существуют краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные векселя. Если бы велись только текущие сделки за наличный расчет, то биржи в сложившейся сейчас форме были бы не нужны. Спекулятивный характер биржи с ее игрой на понижение и повышение основан на срочных сделках, которые выступают в виде сделок на определенный срок, ажиосделок, сделок на разницу и

сделок с премиями. Время выступает тут в качестве механического средства учета непредсказуемых и непредвиденных событий.

Те биржи, которые мы встречаем в XIX веке, были бы невозможны без личной свободы перемещения, без свободной конкуренции, без постоянного расширения сферы применения механики, которую приносит с собой машинный капитализм. Их спекулятивный характер вызывается риском, который весьма велик в эпоху крупных предприятий и инвестиций. На бирже никогда нет недостатка в мошеннических манипуляциях, однако они представляют собой вторичное явление, на котором мы здесь не можем останавливаться. По своему характеру биржа близка к азартной игре и к заключению пари, вследствие чего как сделки на определенное время, так и сделки на разницу, целью которых заведомо является получение выгоды от разницы, оказываются разновидностью азартной игры или пари. Сделка на разницу настолько характерна для биржи, что ее невозможно исключить из биржевой деятельности. Дело в том, что в каждом конкретном случае нелегко определить, для чего именно заключается данная сделка — имеет ли она своей целью поставку определенного товара или просто заключена как сделка на разницу, потому что сделки на разницу заключаются в виде эффективных договоров, то есть в них записано соглашение о поставке определенного товара. Доля фиктивных сделок, совершаемых на бирже, весьма значительна. Биржа вообще представляет собой то место, где особенно явственно проступает фиктивный и абстрактный характер финансового дела. В настоящей работе мы можем лишь вкратце остановиться на вопросе финансов, так как ее содержание и цель относятся к совершенно иной области. Вопросы финансов мы касаемся лишь в той степени, которая по-

зволяет дать читателю в руки факты, помогающие ему лучше понять и самостоятельно рассуждать о предмете нашего исследования.

5

Вопрос о происхождении денег остается темным, так как их появление связано с трудно объяснимыми процессами. Нельзя даже сказать, что деньги имеют хождение как общепризнанное средство, ибо на начальном этапе их общепризнанность часто связана с тем, что они изымаются из обращения. Мы привыкли начинать с подробного описания функций, которые выполняют деньги, чтобы разобраться в их функциональных задачах. Однако если обратиться к истории, то мы столкнемся с таким пониманием денег, которое противоречит всему, что мы теперь связываем с ними. На начальном этапе мы столкнемся с такими деньгами, которые не требуют ни валютного выражения, ни обеспечения, которые не имеют ни хождения, ни обращения, а могут и вовсе никогда не покидать рук своего владельца. Мы видим там деньги в качестве недвижимого сокровища или клада, владелец которого стремится к пополнению денежных запасов. Герлоф, рассматривающий в книге «Происхождение денег и начальный этап денежного хозяйства» (*Gerloff. Die Entstehung des Geldes und die Anfaenge des Geldwesens*) деньги, служившие сокровищем, определяет это явление как «первый этап развития денег», когда деньги «означали скорее состояние, чем деньги», а потому их использование ограничивалось особыми, исключительными случаями. Деньги были предметом роскоши, служили репрезентативным целям и использовались как украшения. Можно усомниться в том, что эти деньги действительно были «самой древней,

первоначальной формой денег», как можно усомниться и в том, что то положение, которое наблюдается у полинезийских и африканских племен, будто бы позволяет лучше понять первоначальную стадию развития денег. Сохранились некоторые следы, позволяющие предположить, что деньги как сокровище образовались из еще более древней формы сакральных денег, которые первоначально использовались в общении человека с богами и умершими и лишь затем превратились в сокровище. Ясно только, что появление денег никак нельзя связывать с меновой торговлей, потому что деньги «древнее меновой торговли». Герлоф демонстрирует также, как из сокровища деньги превращались в меновое и торговое средство в виде слитков и монет. О сакральном происхождении денег говорят многие известные факты. Уже на раннем этапе истории мы обнаруживаем тесную связь денег с территорией храмов, жрецы которых выступают в качестве хранителей денег и депозитов. Храмы одновременно являются первыми известными нам банками, а жрецы — первыми банкирами. Здесь можно напомнить о многочисленных дарах, стекавшихся в храмы. Среди них были и греческие треножники, которые использовались не только в качестве предмета домашней утвари, но также в качестве приза победителю, почетного дара и культового предмета. Из мифов, где часто рассказывается о похищении и дарении треножников, о борьбе за обладание ими, становится понятно, что треножник был символом власти, что с ним связывались властные права. Самая знаменитая борьба за обладание треножником произошла между Аполлоном и Гераклом.

Здесь мы сталкиваемся с целой цепочкой отвлечений. Мы остановимся на них подробнее, чтобы более отчетливо представить, как изменялось понятие денег, и тем самым пояснить его теперешнее, спорное и не-

устоявшееся значение. Для того чтобы сделаться деньгами, деньги в нашем представлении должны отделиться от чего-то другого; лишь в результате этого процесса они превращаются в нечто третье. Деньги должны выделиться, чтобы их можно было воспринимать как нечто отдельное. А выделиться они могут как из неразделенного, так и из того, что уже разделено и обособлено. Как это происходило, мы еще не знаем, однако можем предположить, что без собственности не могли выделиться и деньги. Деньги вычленяются из чего-то собственного, и отношения собственности остаются неотъемлемым субстратом существования денег. Подобно тому как храм и его территория выделяются для божества из ничейной земли или из чьей-то собственности, так же выделяются и дары, посвящаемые божеству. Их совокупное множество символизирует могущество, неприкосновенное сокровище, которое с течением времени становится прикосновенным, так что им можно распорядиться. Этот процесс имеет свои параллели. Предположим, что деньги отделяются и обособляются от собственности, под которой в данном случае понимается личное состояние, тогда сначала их отделение и обособление происходит в рамках личного состояния. Лишь после этого деньги выходят за рамки состояния и личности, то есть покидают круг индивидуального хозяйства и переходят в меновое хозяйство. Исходя из известного соотношения между *resus** и *resunia,*** можно сделать следующее заключение. Прежде всего оно означает, что прошло время охотников и уровень достатка начал измеряться поголовьем домашнего скота и стад. Это поголовье становится мерилом ценности, хотя первое время с ним еще не связывается понятие денег. В роли *resunia*, как нетрудно предположить, сначала выступает мелкий скот. Скотина как мерило ценности это еще не деньги. Скорее, скот был

данью, приданым, предметом сакрального дарения или дарения, которое подразумевало возможность обмена. Скот был предметом наследования, то есть имуществом покойника. В течение долгого времени скот, прежде чем превратиться в деньги, оставался выражением мощи и солидности индивидуального хозяйства. Понятие индивидуального хозяйства в строгом смысле слова не оставляет места для появления денег. Первоначально состояние является иммобильным, и выделение мобильных элементов происходит трудно и медленно. Такое внутреннее выделение уже предполагает наличие денег в виде сокровища; для того чтобы из сокровища образовались обменные и торговые деньги, необходимо отделение от состояния мобильной части, которая будет работать вне индивидуального хозяйства. Это внешнее отделение произошло в тот момент, когда слово *rescipia* изменило свое значение. Деньги, как ни удивительно это в свете современных представлений, первоначально представляли собой нечто иммобильное и ими нельзя было свободно распоряжаться. Растущая мобильность денег, позволяющая все свободнее распоряжаться ими, — вот что составляет содержание истории денежного хозяйства. Однако это движение, как мы увидим, предполагает движение и в другой сфере; подвижность денег возрастает по мере того, как более подвижным становится понятие собственности и расширяются возможности распоряжаться ею по свободному усмотрению. Для того чтобы деньги пришли в движение, должен прийти в движение и их субстрат. Это условие выполняется благодаря тому, что они ставятся на службу динамически работающей системы понятий. Тот же путь проходит техника в своем развитии от первых динамических шагов к бесперебойно работающему всеобщему автоматизму.

Этот путь ведет от вещественных денег, денежная материя которых сама обладает ценностью, к симво-

лическим деньгам, денежная материя которых ценности не имеет, а от символических денег к расчетным деньгам, которые лишены символического содержания и уже не привязаны ни к какой денежной материи. Перенося современные понятия денег на прежние эпохи, мы непрерывно оказываемся во власти иллюзорных представлений. Те и эти деньги точно так же не тождественны друг другу, как соответствующие им формы экономики. Поэтому историю финансов нельзя описывать в современных финансовых терминах. Современные деньги, представленные в виде бумажных знаков, мало назвать символическими. Символические деньги более абстрактны, чем деньги вещественные. Соответственно последовательному ряду понятийных отвлечений возрастает степень абстрактности денег. Этот процесс идет ускоренными темпами с тех пор, как мы отказались от золотой валюты — последнего вида денег, служивших сокровищем, то есть с тех пор, как денежная материя сменилась абстрактным суррогатом. Золото, как показывает долгий опыт, лучший денежный материал, какой только можно найти, поскольку ценность, которую оно имеет в глазах человека, основана на непоколебимых представлениях о богатстве, власти и счастье, а кроме того, во всех месторождениях оно одинаково по качеству и эти месторождения редко встречаются, золото легко обрабатывать и превращать в круглые монеты. Тот факт, что круглая монета вытеснила все прочие разновидности, глубоко символичен по существу, поскольку круглая форма указывает на одну из важнейших задач, которые выполняет монета. Для денег, служивших сокровищем, округлость не имела столь важного значения, но и тогда деньги тяготели к ней, что подтверждается округлой формой колец, застежек, кабошонов и раковин. Это странное явление поневоле привлекает к себе внимание.

Золотые деньги можно отменить, но нельзя отменить само золото. Это значит, что с золотыми деньгами нельзя вести ту игру, которая ведется с бумажными деньгами. Легко понять преимущества такого мерилла ценности, которое само по себе представляет ценность. С тех пор как от него отказались (отказались поневоле), что-то двусмысленное и обманчивое закралось в финансовую сферу и уже не исчезнет, пока не вернутся золотые деньги. Потому что все теории, подменяющие деньги кредитом или каким-то иным фиктивным мериллом, произвольно устанавливаемым государством, представляют собой порождения бесплодных умов. Либо это мерило само есть деньги, либо оно в этом качестве непригодно.

Абстрактными деньги становятся тогда, когда пытаются перейти в совершенно автономное качество, когда они превращаются в чистый, отвлеченный способ исчисления. Они уже не имеют внешнего по отношению к себе мерилла, так как операции этого мысленного денежного хозяйства протекают в самодостаточном мире чисел. Такие операции состоят из комбинаций, претендующих на самостоятельное значение, из планов, прогнозов, вероятностных расчетов, статистических сводок, они представляют собой игру, в которой наугад делаются ставки на те или иные числа. Абстрактными деньги становятся тогда, когда абсолютизируется та или иная их функция. Обращение как таковое абстрактно, так как предметная сторона этого обращения уже не играет роли. Такие представления имеют свои границы. Тот факт, что наши деньги все более исчезают из платежных отношений, а следовательно перестают быть денежными знаками, выступая в виде безналичных денег, увеличивает абстрактность денежного хозяйства. До того как в Лондоне в 1775 году открылся первый клиринг-хаус, подведение сальдо производилось в наличных деньгах. Но с тех пор как банкиры гасят взаим-

ные обязательства по векселям, чекам и бумагам по предъявлению путем бухгалтерского баланса, объем безналичных денег непрестанно и неуклонно растет. Их преимущества — я не должен держать кассу, я уменьшаю количество наличных выплат, а вместе с тем избегаю опасностей и ущерба от транспортировки денег — очевидны; но их общественное значение заключается в возрастании централизованности денежного оборота, усиленной циркуляции, еще большем ее ускорении, то есть в увеличении объема денежной массы и в облегчении доступа к денежным ресурсам. Возможность сделать безналичный расчет обязательным, произвольно ограничивая таким образом наличные платежи, становится в условиях технического коллектива рычагом, при помощи которого централизованное управление, закрывая счета, осуществляет конфискацию всех находящихся в обращении денег. Еще важнее следующее: по мере того как деньги превращаются в средство безналичного расчета, они из экономических денег превращаются в технические деньги. Экономические представления, понятия, связанные с деньгами, вытесняются на задний план. Если при переходе в символические деньги, деньги отделяются от денежной материи, то превратившись в безналичные расчетные деньги, они отделяются также и от своей экономической основы, с которой при наличном обращении еще сохранялась связь. Технические деньги вступают во все более тесную связь с поступательным развитием машинной техники, то есть они становятся сопутствующим явлением аппаратуры и организации, оказываются у них на службе. Техника денежного хозяйства одерживает верх над всеми экономическими понятиями, связанными с деньгами. Почему это происходит? Только поняв тесную связь современного движения денег с развитием механики, мы поймем причину стремительного упадка находящихся в обращении вещественных

и символических денег, принадлежащих к различным валютным системам. Этот упадок — явление не случайное, напротив, оно свидетельствует о том, что вещественные и символические деньги не удовлетворяют тем требованиям, которые вызваны совершенно новыми задачами. Для этого они уже недостаточно динамичны, для функционально работающей машинной техники они уже недостаточно функциональны. Требуется уже гораздо больший автоматизм обращения. Поскольку развитие техники связано с растущими затратами субстанции, то ее финансирование неизбежно все сильнее отражается на денежном хозяйстве. Требуется увеличение объема денежной массы и ускорение ее обращения. Вся денежная масса должна быть постоянно активно задействована. Под давлением таких требований старые валютные средства быстро исчерпываются, так как их возможности не отвечают условиям интенсивного хищнического хозяйствования. Упадок этой валютной системы, которая по-прежнему основывалась на понятии твердой валюты и достаточного покрытия, является свидетельством того, что функции денег, попавших в сферу автоматизированной техники, меняются. Финансирование этой техники связано с представлениями, из которых изгнаны последние остатки экономических законов. Безграничная потребность автоматизированной техники в ресурсах, в использовании которых состоит ее главная задача, должна во что бы то ни стало удовлетворяться. Вращению этого механизма отныне подчиняются деньги.

6

Прежде чем обратиться к рассмотрению машины, зададим себе вопрос общего характера. В чем состоит различие между теорией и идеологией? И что у них

есть общего? Отвечая сначала на второй из них, скажем: и теория, и идеология дедуктивны по своему методу. И та и другая не только доходят до грани, за которой им приходится прибегать к гипотезам, но и переступают ее. Теория так же, как и идеология, создается в гипотетических рассуждениях; и та и другая выходят за рамки эмпирически устанавливаемых фактов. И та и другая стремятся также выводить отдельные явления или классы явлений из общих законов. Поэтому та и другая встречают недоверчивое отношение как со стороны приверженной индуктивному методу номиналистской науки, так и со стороны представителей точной науки, позитивистов и прагматиков. Та и другая необходимы, первая — для теоретика, вторая — для идеолога. Однако, по сравнению с теорией, задачей которой является объяснение всеобщих законов и которая поэтому обладает или претендует на обладание авторитетом научности, с идеологией дело обстоит сложнее. Идеология появилась лишь после того, как Платон открыл существование идей, и именно так к ней с тех пор и относились, в особенности во Франции, то есть так, как это делает в своей объемистой книге «Lés Eléments d'Idéologie»* де Траси. Наполеон не уважал ни идеологию, ни идеологов, в особенности тех, которые критиковали его особу и его политику. Однако, как видно из «Бесед на св. Елене»,** совсем обойтись без идеологии он не мог. Характерным признаком идеологии служит то, что она может включать в себя все что угодно; в этом она похожа на систему, единство которой заключается в логическом порядке понятий и положений. Система, заслуживающая такое название, представляет собой логическое единство, причем подразумевается как нечто само собой разумеющееся, что весь объединяемый в систему материал вовсе не обязательно должен обладать внутренней логикой, так

как логике подчиняются только понятия, суждения, положения. Логика заключена в самой системе, а не вне ее. Если бы все существовало уже в упорядоченном виде, то никакая система, ни искусственная, ни естественная, которая при внимательном рассмотрении тоже оказывается искусственной, была бы нам просто не нужна. В самих вещах мы не найдем ни той, ни другой, так что любая система должна приноситься туда извне. Разумеется, идеология как таковая тоже не встречается в природе или в ландшафте и не разгуливает там на приволье, а должна каким-то способом туда приноситься. Идеология не научная система, она не может ограничиваться этими рамками, потому что ее сфера лежит не только в области знания, но включает в себя также и область желаемого, живо затрагивая надежды и чаяния человека, которые занимают его мысли. Иными словами, идеология обращается непосредственно к воле человека, а на воле человека не построишь никакой системы, потому что вместе с ней в мир разума врывается иррациональное начало, признающее интеллект лишь в качестве своего подручного, который должен служить ее орудием. Те элементы знания, которыми оперирует идеология, являются для нее средством для достижения цели; идеология всегда стремится к тому, чтобы проложить воле дорогу к цели. В этом и состоит ее пленительность и ее обманчивая обольстительность. Системы — это решетки, идеология — это сети. Может показаться странным, что в эпоху непререкаемого господства номинализма, который признавался единственно верным учением, наблюдался мощный расцвет идеологии. При внимательном рассмотрении начинаешь понимать, что номинализм и идеология не могли не идти рука об руку. Действительно, индуктивным методом нельзя прокормиться, даже для науки такая пища со временем оказывается голодным

пайком. Разумеется, то же самое относится и к дедуктивному методу, ведь, как ни сильна вера в силу метода в отдельных головах, одним методом сыт не будешь.

XIX век — век идеологии. И, пожалуй, ни одно другое столетие не может сравниться с ним в этом отношении. В основе идеологии XIX века лежит — открыто провозглашаемое или сокрытое — понятие развития. Это понятие не имеет под собой научного основания, напротив, оно само играет роль телеологического фундамента прогресса. Впрочем, слово «фундамент» выбрано неудачно, так как понятие развития является транспортным средством. Буржуа и рабочий становятся податливым объектом идеологической обработки, потому что они потеряли веру в постоянство своего существования, потому что они перестали быть сословием, типом, видом и ощущают себя отдельными моментами понятия вечного развития. Они уже не спрашивают: «Кто я такой?» или «Что я собой представляю?», а спрашивают: «Что развивается в моем лице?» На самом деле, этот вопрос гораздо легче, чем кажется на первый взгляд. Резиновое, каучукообразное понятие развития, прикладываемое в качестве мерил ко всем процессам истории и природы, позволяет, благодаря своей растяжимости, создавать любые конструкции. Оно становится той смазкой, при помощи которой, как по маслу, без малейшего трения или сопротивления, лихо катится вперед любая теория, любая идеология. Но поскольку понятие развития саморазвивается, поскольку из него практически выводится и может быть выведено все, что угодно, то в обозримом будущем должен наступить такой момент, когда это понятие себя изживет или задохнется в собственном жировом слое как гигантская тавтология, от которой с отвращением отвернутся все думающие люди.

Теперь мы коротко остановимся на теориях, связанных с машинами. Идеи, возникавшие в XIX веке под влиянием развития машинной техники, формировались как теории экономического толка. К их числу относятся размышления, опиравшиеся на различия ручного и механического труда, на которых основывались предсказания о том, какое экономическое будущее ожидает рабочего. Теория высвобождения, предрекающая отмену или неуклонное вытеснение ручного труда машинным, делает из этого вывод о грядущем росте безработицы среди рабочих; в противоположность ей теория компенсации, предполагающая общее увеличение производства, утверждает, что вследствие этого роста занятость рабочего, напротив, должна увеличиться. В этом споре победила теория компенсации, оттеснившая и затмившая собой теорию высвобождения. По всей видимости, она была более жизнеспособной. Тем не менее в действительности не правы обе теории, обе не сумели разглядеть сущность машины, обе не сумели ее оценить. Обе теории относятся к числу экономических, обе опираются на экономическую конъюнктуру машинной техники, то есть на существовавший тогда статус прибыльной эксплуатации, который в то время еще не оставлял желать лучшего. Обе теории — не исключая и социалистическую теорию высвобождения — представляют либеральное направление. Это видно уже из того, что обе они исходят из понятия свободного труда, то есть из условия, наличие которого в настоящее время весьма проблематично. Никому из теоретиков не приходила в голову мысль о том, что свободный труд всегда может существовать лишь в ограниченных пределах, но там, где совершается переход к принудительному труду, работа всегда найдется в неограниченном количестве. Это различие имеет огромное значение. В связи с этим мне вспоминается

разговор с одним немецким лесничим, которому незадолго до начала второй мировой войны, когда в Германии была введена всеобщая трудовая повинность, прислали несколько рабочих групп, призванных для выполнения трудовой повинности. Я спросил у него, сколько человек ему требуется. Он рассмеялся и заметил: «Моя потребность неограниченна. Чем больше людей мне пришлют, тем лучше. Я превращу свой лес в чудеснейший парк». К вопросу о соотношении свободного и принудительного труда мы еще вернемся в дальнейшем.

Маркс и вместе с ним социалистическая школа отстаивали теорию высвобождения рабочей силы. Маркс пришел к ней на основании того, что развитие машинной техники должно привести к увеличению доли постоянного капитала по сравнению с переменным, считая, что в производственное оборудование придется вкладывать больше денег, чем в зарплату работников. Этот вывод безусловно соответствовал действительности и остается в силе в наше время, как и тогда. Менее убедительны выводы Маркса относительно вызываемого увеличением постоянного капитала роста резервной армии индустриальных рабочих, которые будут поставлены на колени машинным капитализмом. Такие резервные армии индустриальных рабочих, как показывает само понятие, заимствованное из области военного дела, могут быть использованы и для других целей, например их могут отправить на фронт для ведения мировых войн. Они могут также найти применение в системе принудительного труда, о которой в середине XIX века еще не имели представления, она легко поглотит всех и высосет из них все соки. В споре между теорией высвобождения и теорией компенсации уже заложен спор о планировании, уже в ходе этого спора вырабатываются методы планирования. От спора этих двух теорий нас

отделяет немало времени, чтобы взглянуть на него с новой точки зрения. Теория компенсации свидетельствует о том оптимизме, который обещает при сильном развитии машинной техники все увеличивающуюся прибыль от эксплуатации природных ресурсов. В отличие от нее, теория высвобождения содержит в себе внутреннее противоречие, которое выявляется, когда имеются налицо практические результаты плановой экономики. Постоянный капитал возрастает не только при машинно-капиталистической экономике, но и там, где господствует плановая экономика машинно-марксистского типа. Таким образом, теория высвобождения сама приканчивает своих провозвестников, превращаясь из хорошего орудия классовой борьбы в никуда негодное. Поскольку эту мысль нужно выразить по возможности точнее, то мы скажем, что понятие плановой экономики в том виде, как оно представлено у Маркса, для нас уже не подходит. Все конструкции плановой экономики — для нас уже пройденный этап. Единственный план, о котором сегодня имеет смысл говорить, воплощен в техническом коллективе. Но технический коллектив уже не опирается на экономические теории. Если в условиях технического коллектива иногда и возникают понятия высвобождения и компенсации, то только в техническом смысле. Само собой разумеется, что технический коллектив высказывается не за высвобождение — так как не желает сам себя прикончить, — а за компенсацию. Он готов компенсировать любые высвобождения. А так как количество свободного труда не может беспредельно увеличиваться, технический коллектив обращается к методам принудительного труда. В теориях труда философская мысль нашего времени прямоком устремляется в сторону этих методов. С их помощью можно не только предотвратить какое бы то ни было высвобождение рабочих ре-

сурсов, не только избежать появления резервной армии промышленных рабочих, но и приобрести поразительно дешевую рабочую силу. От того, сумеем ли мы выставить против этого иные силы, которые не допустят появления такого мира труда и разрушат его, во многом зависит наше будущее и будущее наших детей.

Маркс думал, что изучил и понял машину. Однако даже мы, нынешние, не можем льстить себя такой надеждой, хотя мы располагаем в этой области гораздо более глубоким, многообразным и болезненным опытом. Проблемы, связанные с машиной, которые начинаются вне области техники, невозможно понять исходя из развития аппаратуры; они открываются тому, кто вдумывается в результаты воздействия аппаратуры на организацию труда, на человека. Но тут мы делаем открытия, за которые приходится платить дорогой ценой. Экономическая наука прошлого, развивавшаяся под влиянием английской школы, столкнувшись с развитием машинной техники, задавалась вопросом о том, откуда берутся кредиты на ее введение. Спор об этом в наши дни не представляет большого интереса, так как техника располагает теперь средствами власти, позволяющими ей добывать любые необходимые ей кредиты. Изменения, которые произошли и продолжают происходить в денежном хозяйстве, помогают понять, как это делается. Здесь, как и во всех других областях, можно наблюдать, что теория уже не поспевает за стремительными процессами, что она плетется в хвосте у событий. Подтверждением этого могут служить ошибочные прогнозы экономической науки относительно первой мировой войны. Одни считали эту войну заведомо невозможной, другие доказывали, что она не может долго продлиться. Очевидно, что эти люди забыли старинную мудрость, гласящую, что война питает войну. Маркс

ничего не понял в машине, в ее сущности, так как если бы понял, то не стал бы относиться к машине как к орудию и второстепенному довестку мира, основанного на экономических законах. Машина — это не то, что он думал, а нечто совсем иное. Маркс не мог этого знать, так как в его время этого не знал никто. В его время никто не знал, что при помощи машин нельзя вести экономическое хозяйство, что экономичность машины иллюзорна и эта иллюзия поддерживается лишь за счет непрерывного расширения области применения машин, то есть за счет усиленной хищнической эксплуатации и разграбления ресурсов. Никто не знал, что на машинах не может быть основана никакая экономика, никакие экономические законы, что вскоре машины не потерпят даже денежных взаиморасчетов, которые производит хозяйственный человек, четко подводящий время от времени баланс посредством своей двойной бухгалтерии. Все экономические законы, которые Маркс приписывает технике на раннем этапе ее развития, трещали по швам, едва он успел их сформулировать. Наша планета, которая начиная с эпохи великих географических открытий подвергается все более интенсивной эксплуатации, оказывается слишком мала, чтобы удовлетворить эти эксплуататорские устремления. Увеличение используемого пространства, увеличение числа разнообразных природных субстратов, подлежащих эксплуатации, только затемняет то, что сегодня легко обнаруживается при вдумчивом наблюдении, а именно что расточительное потребление перевешивает всю пользу и что автоматизированная механика все больше загоняет человека в тупик. В машине живет собственная воля, которая направлена совсем на другие цели, чем экономический расчет, обеспеченность и процветание, которыми славился XIX век. Эта воля на первых порах присутствует скрытно, затем высту-

пает наружу и диктует свои правила. В философии Маркса машина не принадлежит к действительности, в ней есть что-то ирреальное, так как она рассматривается как средство для достижения несуществующих целей. Иначе разве мог бы Маркс рассматривать ее как инвентарь основанного на экономических законах мира, как орудие в руках всемогущего, абстрактного бога экономики, который детерминирует человека экономическими законами.

Маркс видел вокруг паровые машины, машин с двигателем внутреннего сгорания он еще не видел. Не видел он и электротехники. Принцип лампочки накаливания был открыт в 1845 году, однако пригодные для практического применения лампочки появились только благодаря изобретению Эдисона. Первые примеры использования электрического света в военных целях относятся к Крымской войне 1855 года. Передача электрической энергии на расстояние впервые была продемонстрирована на Венской электрической выставке 1873 года. А первый электрический локомотив появился в 1879 году в Берлине. Об атомной технике, начальный этап развития которой происходит на наших глазах, нечего и говорить. А первая паровая машина была создана на фабрике в Сохо близ Бирмингема Больтоном и Уаттом в 1776 году. Машина, имевшая поршень диаметром 15 дюймов, была изготовлена для триптонской водонапорной станции в графстве Стафффордшир. В те времена, когда повсюду господствовал ручной труд, эта машина, механически выполнявшая свою работу, казалась чудом и вызывала всеобщее удивление. Мы воспринимаем машину как изолированное явление. Однако на самом деле это мнимая изолированность. Мышление, которое вызвало появление первой паровой машины, а затем и множества других, занималось механическими законами, действие которых простиралось так далеко, что

постепенно охватило весь земной шар, всю его поверхность, а затем и воздушное пространство. Законы этой механики проявляют свое действие не повсеместно, но и не только в каких-то отдельных пунктах. Они проявляются, претворяясь в машинах, там, где есть люди, которые с ними знакомы и умеют их применять. То, что паровая машина была установлена в Триптоне, не имеет особого значения: ее могли бы установить и в другом месте, и это не меняло бы дела. Зато важно другое — эту машину можно было повторить, усовершенствовать и размножить. Паровые машины начали устанавливать на английских мельницах, в пивоварнях, прокатных цехах и на хлопчатобумажных прядильных фабриках. Джеймс Уатт приспособил их для промышленного использования; его корнваллийские машины, в которых поршень приводился в движение паром, стали использоваться в шахтах. К 1810 году в Англии было уже пять тысяч таких машин. А Мердок, Меррей, Эванс, Тревитик, Вивиан, Хорнблоуер, Модсли и другие — почти сплошь англичане — совершенствовали их. Паровые машины, работающие на выхлоп, паровые машины с расширительным золотником, парораспределители, машины Вульфа, корабельные двигатели, паровые котлы, вертикальные поршневые паровые машины, скоростные машины и машины с гидравлическим регулятором приводились в движение с помощью пара. Это был первый этап. Повсюду за клубились облака пара, выпускаемые паровыми машинами, и первое, что бросалось в глаза, были водяные пары, проступающие на конденсаторах. Пар и прогресс были тогда еще тождественны друг другу. Пар помог в становлении прогресса, а прогресс в конце концов рассеялся, как пар.

Если бы технизация на том и остановилась, то воздействие аппаратуры на человеческий труд и на самого человека осталось бы ограниченным. Однако

оно стало гораздо интенсивнее и приняло глобальный характер, когда человеку удалось осуществить передачу электроэнергии на расстояние.

7

Одновременно происходил еще один процесс, сначала незаметный. Отвлечения, из которых возникает аппаратура, опираются, как было уже показано, на механическое понятие времени и механические способы измерения времени. Механическое использование времени в свою очередь должно обнаруживаться в аппаратуре. Так и происходит. Если мы проследим за этим явлением, то разберемся в процессе, который довольно трудно понять. Порождаемый отвлечением автоматизм, набирая силу, все шире пользуется в качестве основополагающего метода нормированием. Это понятие следует воспринимать в том смысле, в каком оно применяется в области технической аппаратуры и организации. Метод нормирования включает в себя такие понятия, как тип, марка, стандарт. В этом смысле он означает, что дробление механического времени отражается также на рабочем процессе, — благодаря дроблению рабочего процесса и возникает аппаратура. В дальнейшем мы будем отталкиваться именно от этого значения понятия нормирования, хотя более привычным и употребительным является другое, под которым подразумевается стремление к удешевлению и упрощению. В этих понятиях отсутствует четкость. Понятие удешевления требует соотношения со всей экономикой в целом. Поэтому повторим еще раз, что технические процессы несводимы к системе экономических отношений. Таким способом мы не познаем процесс нормирования, даже не задумаемся над тем, стоит ли стремиться к непрерыв-

ному удешевлению, если действительно оно возможно. Утверждая, что нормирование приводит к какому-то упрощению, мы тем самым констатируем наличие весьма неопределенного соотношения. Что именно оно упрощает? Какова точка отсчета, позволяющая описать нормирование как процесс упрощения? Прежде чем пользоваться такими определениями, их нужно уточнить с точки зрения механики. Нормирование в современном понимании подразумевает такой процесс, при котором все, что представляет собой составной элемент того или иного механического процесса, повторяется с абсолютной точностью, так что движение этого составного элемента приобретает характер механической функции. Функция есть нечто механически повторяющееся. Остается добавить, что неподвижные части механизма играют по отношению к подвижным подчиненную роль. Нормирование касается элементов, а элементы, или типовые экземпляры, представляют собой в этом случае аналоги механических функций. Нормируются также и рабочие инструменты, предназначенные для манипуляций, при которых движения не повторяются с механической точностью. Однако нормирование инструментов, предназначенных для вспомогательных операций по ручному обслуживанию механики, не представляет собой какой-то самостоятельной задачи, а предполагает нормирование функций в другом месте производственной цепочки. Уяснить смысл нормирования можно лишь тогда, когда понимаешь, что оно происходит в сфере автоматического движения и что оно представляет собой метод, присущий автоматизму. Нормирование привязано именно к нему. Не причиной, а следствием этой зависимости является достигаемое нормированием уменьшение сопротивления, направленного против автоматизма. Уменьшая это сопротивление, нормирование одновременно при-

водит к ускорению автоматического движения. Поэтому предельно совершенное нормирование — это и есть автоматизм. Здесь также царят эквивалентные отношения, наблюдается взаимодействие. Нормирование можно описать через автоматизм, автоматизм — через нормирование. Можно делать различие между автоматическим производством и производственной автоматикой. Существует различие между устройствами, производящими автоматы, и устройствами, производящими нормированные детали, артикулы, части, штуки. Метод нормирования в обоих случаях остается одним и тем же. Во всех случаях отчетливо видно, что нормирование, а следовательно и автоматизм, распространяет свое действие за рамки аппаратуры, влияет на организацию труда и на рабочего.

Под частью понимается теперь уже не то, что понималось раньше. Само деление на части стало другим. Заменяемость и сменность частей являются признаками нового нормирования, от которого зависят части и выделение новых частей. Часть превращается в типовую единицу, непрерывное пространственное повторение которой в процессе нормирования выстраивается в повторения временные. Такая типовая единица существует не сама по себе, а только в соотношении с другими единицами, как элемент дробления, главная задача которого состоит в том, чтобы в него была вовлечена вся аппаратура в целом. В процессе нормирования каждая типовая единица превращается в единицу механического планирования, становится функционирующей функцией. Под функцией тут понимается исчисляемая подвижность данной единицы в рамках целого, представляющего собой совокупность отдельных единиц. Механическое дробление на единицы в условиях механического времени не только охватывает самые крупные заводы, всю аппаратуру, но предполагает также соотнесенность всех

аппаратур, которую следует понимать как план. В таком смысле план представляет собой механическое понятие и выражает лишь то, что движения, производимые аппаратурой, не рассыпаются на обособленные части, а в силу разделенности на отдельные единицы устремляются к единому механическому центру, управление которым осуществляется посредством организации труда.

Такой метод имеет свою историю. Его возможности выявились не вдруг — сначала их нужно было освоить, проверить на практике и продумать. Этот метод оправдывает себя в той мере, в какой мы берем его на вооружение. Мышление, которое исходит из типовых единиц, преодолев первые трудности, приобретает энергию дробления чудовищной силы, поскольку оно управляет аппаратурой и рабочими процессами. Неважно, производит фабрика автомобили или консервы — в том, что касается дробления, оба производственных процесса не отличаются один от другого. Рационализация производственного процесса — понятие хотя и неясное, однако недвусмысленно настаивающее на повсеместном и механически четком дроблении производственного процесса на отдельные единицы. В чем же заключается *ultima ratio** этого процесса и на что он направлен? Мы вступили в одну из тех его стадий, когда механические средства стремятся к крайнему пределу своего развития. Что-то насильственное есть в том, что подвластное механическим законам время, пространство и движение втискиваются в рамки единого, гигантского производственного процесса, в рамки аппаратуры и плана, целиком подчиненного требованиям автоматизма. В этом автоматизме механически соединены два рода движения: движение повторяющееся и движение прямолинейно направленное. Первое представляется кругообразным, второе — линейным. Это древнее соотноше-

ние, символ которого — колесо. Новизна здесь заключается в соединении автоматизма с равномерно повторяющимся дроблением, с нормированием. Такое соединение, представляющее собой сумму функциональных движений, есть здесь не что иное, как чистый автоматизм. Новым является и план, развивающийся на основе этого движения.

Тот факт, что единица и дробление на единицы, как оказалось, выдержали проверку временем, означает не начало, а конец. Успешность этого метода и его эффективность с точки зрения аппаратуры не поддаются непосредственному объяснению, ибо достигаются за счет земли и зависят от ее субстратов, которые используются до полного истребления. Лишь насильственная ломка нераздельно целого, лишь его распад открывает дорогу дроблению, и такое овладение лежащим за пределами аппаратуры субстратом одновременно становится неисчерпаемым источником процесса его растаскивания по кусочкам. Остается только понять, каким образом субстрат включается в процесс дробления и в результате истребляется, чтобы уразуметь наконец, что автоматизм и есть процесс раздробления и растаскивания по кускам. Его становление изначально опирается на дробление; без нормирования автоматизм так же невозможно понять, как нельзя понять нормирование без автоматизма. Надежность в смысле точных механических повторений возможна лишь там, где присутствует и то и другое.

Только исходя из этого можно понять изменения, происходящие в области организации труда. Для удобства изложения выгоднее каждую из сторон этого процесса рассмотреть в отдельности. Обе они тесно взаимосвязаны — так тесно, что их осмысление зависит от понимания этой общности. Мысленно отделив одну от другой, мы одновременно проверим, насколько

ко точны наши определения, потому что то, что наблюдается в области аппаратуры, должно присутствовать и в сфере организации труда. Следующее соотношение представляет собой закономерность. Чем меньше автоматов, тем меньше, соответственно, их влияние на организацию труда. Чем меньше численность автоматов, тем меньше автоматизма в организации труда. Чем больше объем автоматизированной аппаратуры, тем более сильное влияние она оказывает на организацию труда, которая в свой черед порождает все более мощную аппаратуру.

Вопрос стоит так: что соответствует в области организации труда тому процессу отвлечения, в результате которого появляется аппаратура? Ранее говорилось, что механизм, относящийся к предумышленной технике (*technica intentionalis*), то есть машина, выделяется в результате отвлечения от непредумышленной техники (*technica naturalis*) путем подражания последней. Этому процессу в области организации труда соответствует вначале отделение труда от руки, от примитивных орудий. Труд, превращаясь в машинный, отделяется от орудия ручного труда. Вместе с трудом от орудия отделяется сам рабочий. Ремесленник, который трудится на автоматически работающих машинах, перестает быть ремесленником и становится рабочим. Даже в наше время делаются все новые попытки дать этому процессу какое-то экономическое объяснение. Однако оно оказывается недостаточным. Ремесленник, отделенный от орудия ручного труда и очутившийся за механическим станком, который не становится его имуществом и на который он не имеет права собственности, попадает, конечно, в трудное положение, не имея ни духовных, ни экономических возможностей найти из него выход. Однако этот мучительный процесс еще ничего не говорит о новом положении рабочего, то есть о жестком сцеплении

аппаратуры с организацией труда. Тот факт, что труд плохо оплачивается, еще не делает человека рабочим. Если даже ему будут платить хорошо, он все равно не перестанет быть рабочим. Рабочим человек становится не потому, что кардинально изменились экономические условия, а потому, что сложилась новая ситуация в технике. Рабочим становится каждый, кто попадает в зависимость от аппаратуры и организации. Все мы становимся рабочими в той степени, в какой делаемся зависимы от аппаратуры и организации. Избежав этой зависимости, мы не можем стать рабочими. Однако мы не робинзоны и не живем на необитаемом острове. Рабочим в точном смысле слова я являюсь вследствие нового понятия работы, вследствие моей причастности к аппаратуре и организации, которые в тесном взаимодействии друг с другом развиваются в сторону автоматизма и нормирования. Сцепление аппаратуры и организации возникает не под влиянием экономики, от которой оно якобы зависит в своем движении; на самом деле имеет место как раз обратное. Развитие нашей экономической ситуации зависит от воздействия тесно связанных между собой аппаратуры и организации. Эту зависимость необходимо четко осознать, если мы хотим освободиться от множества ложных представлений, которые тянутся за нами из прошлого. Инвестирование огромных сумм на развитие атомной техники с экономической точки зрения необъяснимо и никак не оправдано. Подобные сооружения, влияние которых сказывается на образе жизни целых народов, позволяют, однако, понять, какие последствия влечет за собой новое понятие энергии. В них-то и вкладываются все имеющиеся ресурсы аппаратуры и организации труда.

Люди XIX века еще видели в машине потенциальную собственность, которой можно было владеть так же, как, например, земельным участком или движимым имуществом. Машина рассматривалась как движимость, и именно так с ней обращались. Она могла быть привязана к земельной собственности, составляя существенную часть этого владения. В таком случае владение участком влекло за собой право собственности на машину как на один из принадлежащих к нему предметов. Да и в наше время машина в правовом отношении считается вещью. Почему — спрашивали себя тогда люди, вернее даже не спрашивали, а принимали это как само собой разумеющийся факт, — почему машина не может быть таким же предметом собственности, как земля или движимое имущество? Такое представление было тогда господствующим, потому что машина рассматривалась как вещь, потому что в мире вещей и предметов машина казалась такой же вещью или предметом — физическим, осязаемым, материальным предметом, сущность которого сводилась к этой предметности. Аппаратура рассматривалась как составная часть мира вещей. Люди тогда не замечали новых законов, которые принесла с собой машина, подчинив им вещный мир. Люди не замечали присущей машине организации, которая отменяла вещьность предметов, подчиняя их новому понятию энергии. Работающий с машинами капиталист XIX века был еще собственником. Сам он считал себя собственником и признавался таковым окружающими. Капиталист управлял своей фабрикой как собственник. Но эта собственность была уже под угрозой, так как машина поставила ее под сомнение. Если бы собственность не была поставлена под сомнение, не могли бы утвердиться социальные

теории и направленная против капиталистов агитация. Теоретические выпады против собственности начинаются с распространением машинной техники. В мире, где нет машин, нет социальных теорий и агитации, которые мы наблюдаем в XIX веке. Зато там, где есть машинная техника, там, где против собственности выступает машина, где машина вытесняет эту собственность, появляются теории и агитация. Ведь первым, что совершила машина при своем появлении, было создание человека, не обладающего собственностью и, более того, не способного владеть собственностью, человека, в распоряжении которого не имеется собственности и который утратил характер собственника. Мы можем подробно проследить, как протекал этот процесс на протяжении столетий, с той же точностью, с какой считываем по приборной шкале показания атмосферного давления. Он зависит от развития машинной техники. Формируется новый мир, и это не мир собственности. На первое место выдвигаются враждебные собственности представления, связанные с плановым хозяйством. И тенденция их развития направлена в сторону плана, техническая сущность которого сразу же вытеснила со сцены экономические представления XIX века. И завершает это развитие отнюдь не образ хозяйственного коллектива. В ходе развития все отчетливее прорисовывается конструкция нового типа, идеально приспособленная к условиям машинной техники. Картина технического коллектива начинает овладевать умами.

Характерным признаком технического коллектива являются все большие затруднения для образования собственности. Технический коллектив не приспособлен к образованию собственности и не нацелен на эту задачу. Собственность для него не только непосильна, но даже противоречит его волевым устремле-

ниям, его способностям и наклонностям. Технический коллектив занят производством и потреблением. Но следует понимать, что эти слова, возникнув на почве экономического понимания вещей, впоследствии отделились от него и все более приближаются по своему содержанию к техническому значению. Под словом *Produktion* экономисты понимали производство и продукты производства. О границах понятия *Produktion* велись споры. Так, физиократы пользовались этим термином только в отношении сельскохозяйственной деятельности, провоцируя дебаты о производительном и непроизводительном производстве, а также о том, можно ли относить к производительной сфере, кроме материального производства, и работу ученых, сферу услуг, торговлю и перемещение из одного географического пункта в другой. Многие соглашались считать производительной всякую деятельность, отвечающую принципу экономии, то есть толковали понятия производства и продуктов производства в чисто экономическом плане. Различию между продуктами ручной и механической работы в то время не придавали значения. В таком же смысле толковали и понятие потребления и потребительской сферы, понимая под ними уничтожение или уменьшение ценностей, а в более узком смысле — употребление и использование материальных благ для экономических целей. Мы не будем здесь заниматься разбором этих определений, отличающихся некоторой неточностью вследствие того, что их употребление основывалось на неодинаковых предпосылках, а следовательно, значение зависело от толкования более общих понятий — таких, как стоимость, материальные блага, экономика. Для нас достаточно будет сказать, что эти экономические определения трудно применимы, а иногда и вовсе неприменимы в условиях технического коллектива.

Мы поясним это на одном примере. Нельзя сказать, что исследования Маркса о прибавочной стоимости лишены всякого смысла, однако очевидно, что от десятилетия к десятилетию они все больше утрачивают свое значение. Проблема прибавочной стоимости утрачивает свое значение не потому, что частный капиталист уходит со сцены и вычисленная Марксом прибавочная стоимость отходит в пользу рабочего. Об этом нет и речи. Понятие прибавочной стоимости у Маркса целиком принадлежит к сфере экономического мышления, принимая в техническом коллективе совершенно иную форму. Это понятие, выражающее разницу между произведенной стоимостью и заработной платой, в котором сформулирована рассчитанная для одной машины разница между необходимым, более коротким, рабочим временем и реальным, более долгим, рабочим временем, в условиях коллектива становится смазанным. Разница между необходимым и реальным рабочим временем, вычисленная исходя из калькуляции заработной платы, носит экономический характер. Экономический характер носит также возражение, выдвигаемое против теории прибавочной стоимости, смысл которого сводится к тому, что соотношение между необходимым и реальным рабочим временем не соответствует разнице между общей суммой, затрачиваемой на заработную плату, и национальным доходом. Тот факт, что в качестве меры стоимости товара Маркс выбирает рабочее время, доказывает, что он не имел никакого представления о появлении механического понятия времени. На фоне механического понятия времени различие между стоимостью товара и рабочим временем теряет свое прежнее значение. Коллектив не является экономическим образованием, поэтому в его условиях нарушается соответствие между стоимостью товара и рабочим временем. Разница между рабочим временем и зара-

ботной платой перестает быть рычагом, при помощи которого рабочий может добиваться повышения заработной платы; величина заработной платы устанавливается на основе механического понятия времени, так что рабочий и в условиях коллектива должен радоваться, если он получает хотя бы прожиточный минимум. Зарплата рабочего никак не связана со стоимостью товара, измеряемой общим рабочим временем с учетом всех экономических условий производства данного товара. Права претендовать на свою долю не может признать за рабочим коллектив, для которого чуждо все связанное со спекуляцией на прибавочной стоимости. Само появление такого механического понятия, как прожиточный минимум (понятия, не имеющего, кстати, своего антипода, поскольку о прожиточном максимуме никогда не заходит речь), постоянно ведущийся подсчет этого минимума, оформляемый в виде таблиц, — все это уже достаточно ясно показывает, в каком направлении движется развитие. Такое понятие получает в коллективе четкую определенность. Оно мыслится не в пространственном, а во временном плане и связано с механистически определяемым понятием времени.

Маркс размышлял о прибавочной стоимости в эпоху, когда в споре между предпринимателями и рабочими пользовались аргументами, присущими правовому государству. Борьба за общественный продукт и его распределение велась экономическими средствами. Предприниматели и рабочие использовали в этой борьбе локауты и забастовки, причем государство не выступало в качестве арбитра, а следило за тем, чтобы не переступали границы закона. Правового государства XIX века больше нет. А техническому коллективу, достигшему высокой степени механизации, уже неведомы такие явления, как локауты и забастовки. Рабочие, осмеливающиеся бастовать, вместо по-

вышения заработной платы получают тюремные или лагерные сроки. Не будем забывать, что все умозрительные рассуждения о прибавочной стоимости превращаются в иллюзию в периоды войн и социальных бедствий. Полк солдат, дивизия, армия, воюющая нация не думают о прибавочной стоимости. Для концентрационного лагеря или тюрьмы прибавочная стоимость — пустой звук. В крайнем случае там умножают стоимость миски баланды и вычитают ее из суммы, которая получена за принудительный труд. Так же поступают в военизированных лагерях трудовой повинности. Хозяйство, основанное на принудительном труде, вкупе с неизбежным для него черным рынком, — это уже не экономика в понимании старых экономистов: оно давно отмахнулось от всех умозрительных представлений, связанных с прибавочной стоимостью. Тоталитарное государство, устройство и понятие которого стали в наши дни предметом внимания во всем мире, то есть государство технического коллектива, соответствующего и неразрывно связанного с этой государственной формой, уже не задумывается о прибавочной стоимости. Это у Маркса было время и был досуг, чтобы думать над этим вопросом. Его понимание прибавочной стоимости представляется уже архаичным. Борьба за прибавочную стоимость сегодня не может защитить рабочего. Но выше всех рассуждений о прибавочной стоимости стоит следующее соображение. Человеческий труд, то есть жизнь человека, вообще нельзя оценить в денежном эквиваленте. Труд и деньги — совершенно неадекватные друг другу вещи, поэтому в любом денежном хозяйстве, при любой форме денег заведомо присутствует глубокая, неустранимая несправедливость. Я не могу расплатиться деньгами за дружескую услугу, или за добровольно сделанную для меня работу, сказав себе: «С меня взятки гладки». Именно потому, что дело

обстоит так, а не иначе, правило *justum pretium, justa praebere** всегда должно оставаться моей заботой. Каждый работник заслуживает платы за свои труды, но только в рассуждениях совсем уж механистического, окончательно погрязшего в материализме ума заработная плата может обозначать его цену. Исходя из этого положения, можно оценить значение «Коммунистического манифеста», который был выпущен в свет в 1848 году, то есть ровно сто лет тому назад, в качестве «полной теоретической и практической программы партии». Манифест описывает и определяет ассоциацию эксплуататоров, в нем выставлен на всеобщее обозрение эксплуататор и его методы. В этом и заключается заслуга «Манифеста», а не в научности применяемого метода. Научный социализм представляет собой *contradictio in adjecto.*** Человеческое общество нельзя объяснить на научной основе, нельзя подвести под систему или прикрепить к определенному принципу. Наука есть предмет человека, но человек не предмет науки, которая могла бы им манипулировать и механически управлять его жизнью, как это делает наука в техническом коллективе. Сила «Манифеста» заключена в его диалектическом методе, благодаря которому эксплуататор был выставлен на всеобщее обозрение. А вот о принципе эксплуатации «Манифест» умалчивает, о нем он не говорит ни слова. Принцип этот — механический и состоит в неустанной разработке методов труда, рациональность которых есть рациональность процесса эксплуатации и ничего другого, то есть в отношении необходимых субстратов, в отношении *hurokeimenoн**** процесса эта рациональность представляет собой безжалостное хищничество. Почему же «Коммунистический манифест» молчит по поводу этого принципа эксплуатации? Потому что он твердо намерен его перенять, усилить и развить до крайней степени, включая все

вытекающие последствия. Коммунист многому научился у своего капиталистического собрата, и эта наука не пропала для него даром. Он заимствует у капитализма такую форму, как еще не вполне сложившийся коллектив, с намерением довести его до совершенства. В «Манифесте» мы видим неприкрытое восхищение достижениями раннего машинного капитализма. Он, дескать, создал «чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы», он совершил «совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы».* Этого наивного восхищения не сможет разделить тот, кто, не остановившись на знакомстве с машинной техникой и ее целесообразностью, постарается докопаться до главной сути этих изобретений, то есть до человека, который становится их объектом. Его уже не проведешь звучными терминами «производство», «производительные силы», «продукт», потому что он уже понял, куда ведет развитие технического коллектива.

«Манифест», правда, уже отмечает, что машинный капиталист «занимает в производстве не личностную, а общественную позицию», что капитал является «общественным продуктом», что он представляет собой не персональную, а общественную силу. Точнее говоря, машинный капитализм уже вошел в сферу технического коллектива. Исторически он представляет собой его начальный этап. Машинный капитализм развивается под знаком нового понимания энергии. Его собственность — это мнимая собственность. В «Манифесте» уже исчезло понятие о тех законах, которые присущи строю, основанному на собственности. В «Манифесте» отсутствует представление о том, что требование отмены частной собственности не тождественно появлению «общественной» собственности. «Манифесту» не ведомо, что отмена частной

собственности означает также отмену общественной, национальной, государственной собственности. Характерная особенность бывшей тогда исторической ситуации заключается как раз в отсутствии легитимной власти, способной создать новую, общественную собственность. На самом деле все, что может сделать, чему может способствовать «Манифест», это передача частной и общественной собственности в руки нацеленной на потребительство организации технического коллектива. Государственную собственность не может создать ни машинный капитализм, ни машинный марксизм. Чем больше продвигается в своем развитии технический коллектив, тем сильнее извращаются понятия собственности, производства, экономики. Марксизму XIX века существующее положение представляется как общественный строй, основанный на производстве и обмене произведенных товаров. Однако производство и обмен произведенных товаров видится ему в свете экономических понятий. Экономика рассматривается как фундамент, и ситуация в основе своей рисуется как экономическая. Экономика — это первопричина. Правда, понятие первопричины вообще бессмысленно как *contradictio in adjecto*, но этим понятием прилежно продолжают оперировать как суррогатом Бога-творца. Однако в ходе дальнейшего развития технического коллектива обнаруживается нечто совершенно иное. Машинный капитализм изнутри разбедает порядок, основанный на собственности, противопоставляя новое, динамическое понятие энергии замкнутой в себе, пребывающей в состоянии покаяния собственности. Сначала собственность превращается в мнимую собственность, затем она подвергается коллективизации. В ходе этого процесса абсолютно неизбежно исчезает также истинная экономическая ситуация, существовавшая в условиях строя, основанного на собственности. Вместо нее появляется мни-

мая экономика, а там, где и она исчезает, обнаруживается, что никакой экономической ситуации вообще нет. Ведь говорить об экономике там, где сплошь действуют хищнические методы технического коллектива, просто не имеет смысла.

Экономика может сочетаться со строем, основанным на собственности, с техническим же коллективом она несочетаема. Однажды поняв это, я уже не впаду в те ошибки, которые возникают в некоторых головах и затем механически перенимаются остальными. Например, я не стану отождествлять производство и экономику, поскольку технический метод производства уже не относится к экономике. Изменения технических методов производства я не стану связывать с развитием экономической мысли и расчетами, так как сколько ни изучай экономику, она не поможет узнать, почему растет автоматизм. Но тогда я буду знать и то, что диалектический метод, метод Гегеля, переработанный марксизмом в интересах своего учения, основанного на раздутом изображении роли мнимой собственности машинного капитализма, не способен решить вопрос собственности. Диалектический метод в том виде, в каком он предстает у Маркса, — это метод технического коллектива, и он тем пышнее разрастается, чем сильнее все погружается в механические отношения, подчиняясь их диктату. Сам этот метод превращается в механическую модель, которая подчиняется цепочке механических детерминаций. Рассматривая собственность, я прихожу к пониманию того, что строй, основанный на собственности, не может ставиться в зависимость от экономического метода, так как экономический метод, подобно всей системе складывающихся в этих условиях правовых понятий, вытекает из собственности. Тогда я вижу, что собственность это не метод производства и что она не тождественна хозяйственной деятельности.

Какая же в этом просматривается цель? Читая такие работы, как, например, работа Фридриха Энгельса о Фейербахе, которую можно было бы назвать «От Гегеля к Геккелю», видишь, что она целиком опирается на веру в экономический прогресс. Последний же в свою очередь опирается на достижения естественных наук: на исследования клетки, превращение энергии и дарвинизм, то есть на то, что мы сегодня называем теорией отбора. Что именно связывает друг с другом экономический прогресс и открытия естественных наук, вероятно, не всякому будет понятно с первого взгляда. В них получает подкрепление надежда на усиление эксплуатации природы, которая обычно появляется под впечатлением от новых успехов в познании природных механизмов.

Напомним же себе еще раз, что здесь все рассматривается с экономической точки зрения, хотя уже надвигается эпоха технического коллектива. Внимание Энгельса устремлено на громадное увеличение производительных сил, но он не замечает потребляющую энергию машинной техники. Здесь принимаются во внимание только производительные силы. А что несет с собой это движение, с чем оно коррелирует, это не удостоивается серьезных размышлений. Понятию средств производства в том виде, в каком оно употребляется Марксом и Энгельсом, свойственна какая-то неясность и текучесть, поскольку оно взято целиком в экономическом аспекте. Средства производства представляются Марксу и Энгельсу дойными коровами, которых предстоит вывести из капиталистического хлева и выпустить на пажити коммунизма, где они станут еще тучнее и дадут еще больше прибыли. Условия капиталистического хозяйства того времени, когда в нем при всех выгодах колониализма энергично развивалась механика, позволяли питать такие надежды. К этим надеждам присоединяется еще

и вера в то, что средства производства можно бес-
предельно развивать, что эксплуатации не предвидит-
ся конца и что в конце концов она приведет к чу-
десному плановому хозяйству, от которого легко и иг-
раючи можно получить все, что нужно для
беспечальной жизни. Однако средства производст-
ва — это машины, а машины не имеют отношения к
экономической теории, их место в машинном коллек-
тиве. А машинный коллектив работает убыточно, при-
чем убытки непрерывно растут.

Попытка уложить технический коллектив в систему
экономических понятий, заведомо толкуя его в эконо-
мическом аспекте, обречена на крушение. Еще от-
четливее это противоречие проявилось в работе Эн-
гельса «Развитие социализма от утопии к науке». В
ней тоже все время идет речь о средствах производ-
ства и производительных силах без предварительного
уточнения этих понятий. Энгельс верит в «практичес-
ки безграничное увеличение производства», даже не
догадываясь о том, что это тождественно безграничной
эксплуатации. Он, очевидно, считает, что субстраты
эксплуатации, те субстраты, которые предстоит эксп-
луатировать, совершенно неисчерпаемы. «Акт овладе-
ния средствами производства» означает в понимании
Энгельса конец экономической анархии. Ему и в го-
лову не приходит мысль, что средства производства —
то есть машины — сами могут овладеть человеком.
Так почему же Энгельс не задумывается об этом? По-
тому что он уже забыл, что такое собственность. Эн-
гельс видит перед собой только мнимую собственность
машинного капитализма, а там, где ему приходится
столкнуться с настоящей собственностью — напри-
мер, крестьянской, — он отделяется несколькими
смущенными словами. Так, в сочинении «Марка» Эн-
гельс только и нашел сказать про свободное крестья-
нство, что оно все-таки не может выдержать конку-

ренции с американским массовым производством, которая ему не по плечу. Столь материалистическое мышление в точности соответствует капиталистическому. Такой автор, как Энгельс, который вырос в период манчестерской стадии развития техники и сам работал в Манчестере в качестве корреспондента и члена товарной биржи, представляя там интересы отцовской текстильной фабрики, всегда вызывает доверие, пока ведет полемику против капитализма, потому что тут он знаток. Однако отличие Энгельса от других капиталистов из его окружения несущественно, просто он подошел к техническому коллективу ближе, чем они. Правда, у Энгельса еще нет четких представлений о техническом коллективе, он воспринимает его как экономическую структуру, как общество, как состояние обобществления, как свободное общество, как общественное производство без государственной власти. Но Энгельс ничего не пишет о том, что те же самые силы, которые выросли при машинном капитализме, в условиях технического коллектива придут к неограниченному господству. О машине Энгельс не знает ничего. К совершенствованию машинной техники фабриканта, по его мнению, вынуждает экономическая конкуренция, при которой оно является обязательным условием. Невозможно представить себе более плоского истолкования таких явлений, как изменение понятия энергии, развитие динамики, вызванные им изменения понятий пространства и времени и воздействие этих изменений на человека. Здесь мы встречаем тот же язык экономических понятий, что и в «Манифесте».

Однако нам нет необходимости вести спор с экономическим коммунизмом и подробно вникать во все выработанные им понятия. Сегодня понятия экономического коммунизма чаще всего имеют призрачное существование, а там где эти понятия еще живы, они

так изменились, что получили значение, применимое в условиях коллектива. Коллектив же невозможно связать с каким-либо общим экономическим понятием: в нем не действуют экономические законы, и такие понятия, как экономичность, рентабельность, прибыль, не могут оказывать на весь коллектив в целом решающего, то есть формирующего, влияния. Ведь существование и дальнейшее развитие коллектива основывается на убыточной работе, убытки способствуют его успешному развитию. В этом замечании кроется ключ к разгадке того, что ждет нас впереди. Тот, кто согласен любой ценой вести хищническое хозяйство, идет на это главным образом потому, что убытки чем-то маскируются. А маскируются они бурным развитием механики; это отводит глаза от всего остального и занимает мысли, не давая задуматься о том, кому придется расплачиваться за средства, при помощи которых осуществляется это развитие. Человек упорно верит в то, что механика каким-то образом приносит ему пользу, и его веру трудно поколебать. Это позволяет поборникам коллектива проталкивать свои идеи, словно тачку, на которой они везут человечеству счастье, справедливость и мир. Неблагодарный и тяжкий труд: потому что тот, кто везет этот воз, никогда не получит доступа к желанному грузу — груз неизменно маячит впереди, пребывая где-то вдаль, в ином временном и пространственном измерении.

9

Прежде чем двинуться дальше, проверим наши положения, сопоставив их с соображениями, которые выдвигают теоретики социализма против машинных капиталистов и их взглядов. Для этой цели можно выбрать любое предприятие из тех, которые отличаются

высокой степенью технической анонимности, любой из сложно комбинированных трестов или концернов, занимающихся техническим производством, который в достаточной мере приближается к состоянию технического коллектива, чтобы служить образцом развитого специализированного коллектива. По определенным причинам мы решили взять в качестве объекта рассмотрения предприятие, созданное по личной инициативе машинного капиталиста и быстро развившееся благодаря его практическому уму, поэтому выбрали предприятие Генри Форда. Преимущество этого выбора заключается в том, что Форд обнародовал принципы руководства и организации своего предприятия. Он занимается производством автомобилей, его предприятие выпускает транспортные автоматы, вследствие чего производственный механизм потребовал особого рода автоматизацию. Итак, рассмотрим это предприятие в том виде, какой оно имело в 20-е годы XX века, опираясь на книгу Генри Форда «Сегодня и завтра». Чем же отличается это предприятие от всех других предприятий по изготовлению транспортных автоматов образца приблизительно 1900 года? Прежде всего очевидным высоким уровнем развития автоматизма. Фабрика реконструируется, все более приближаясь к конвейерному способу производства; с внедрением движущихся ленточных конвейеров она все больше превращается в один сплошной конвейер. Этот процесс особенно показателен там, где не только продукт производства, но и машинное оборудование превращается в автоматы. Для того чтобы выстроить законченную и целиком управляемую производственную линию, при таком методе работы требуется постепенно подключить, приспособив к работе основного предприятия, также и другие производственные процессы, на которых базируется производство: в данном случае это производство стек-

ла, льна, изготовление шерстяных тканей, искусственной кожи, резины, добыча древесины и угля, транспорт, упаковочные цеха и т.д. и т.д. Эти вспомогательные и подчиненные предприятия по возможности тоже переводятся на конвейерный режим. Так возникает вертикальный трест, в рамках которого объединяются в комбинат и подчиняются единой производственной норме предприятия различного профиля. Форд размышляет о пользе и о границах единой нормы, однако его размышления, как и размышления всех остальных, сводятся к тому, что отдельные детали машин и соответствующие инструменты подлежат замене и потому должны изготавливаться с высочайшей точностью, достигающей в некоторых случаях до десятитысячных долей дюйма. Мы упоминаем об этом, потому что автоматизация и нормирование тесно связаны друг с другом и потому что нормирование составляет предпосылку эффективной автоматизации, а автоматизм, в свою очередь, требует упрощенного нормирования. Само собой разумеется, что в работе такого предприятия, возглавляемого машинным капиталистом-собственником, еще необходимо соблюдать определенные экономические принципы, а именно такие, которые обеспечивают прибыльность предприятия и несоблюдение которых приводит к отсутствию прибыли. Мы называем эти принципы экономическими, поскольку здесь предприниматель старается работать так, чтобы избежать убытков. Факт, что получение прибыли и экономические установки не тождественны друг другу и, более того, никак между собой не связаны, здесь не рассматривается, так как он относится к другой области. В данном случае предприятие получает значительную прибыль, и это еще отражается на оплате труда: рабочие получают хорошую заработную плату. Форд задумывался и над моральной стороной прибыли и свое главное оправ-

дание видел в том, что основную часть поступающих доходов снова вкладывал в производство, в его развитие. Однако эти инвестиции допускают и совершенно иную интерпретацию. Возвращение прибыли на производство не только укрепляет независимость предприятия, служа, как считал Форд, защитой от постороннего вмешательства со стороны государства или финансового капитала; эти инвестиции являются также показателем присущего трестам стремления к беспредельному расширению механической сферы. По мере развития механики возрастает обратный приток капитала в промышленность в виде инвестиций, то есть иными словами, механика поглощает полученную с ее помощью прибыль. Этот все возрастающий отток капиталов на промышленные предприятия есть не что иное, как закон автоматической циркуляции, запущенный Техником. Благодаря его действию аппарата обслуживает и питает себя за счет человека, а организация труда поддерживает этот процесс. В том, что предприятие вроде фордовского дает доход, нет ничего удивительного; однако было бы ошибочно делать отсюда вывод о том, что оно основывается на экономических принципах. Дело совсем не в этом. Техника в целом не подчиняется экономическим законам. Если же такое предприятие само по себе работает без убытков, это объясняется тем, что убытки переносятся в другую сферу и убыточность проявляется там, где ее не замечают. Форд задает вопрос: «Если двадцать восемь тысяч долларов (первоначально вложенный капитал) можно употребить так, чтобы они обеспечили возможность выплачивать миллиард долларов в год в виде заработной платы, то разве можно в таком случае говорить о несправедливо полученной прибыли?» Он не хочет, чтобы его считали частным капиталистом и получателем дохода, а претендует на то, чтобы его рассматривали как управля-

ющего общественной собственностью. «Общество, а не собственник получает выгоду, и нашей наградой на самом деле является не денежная прибыль, а сознание того, что мы сумели что-то сделать», — замечает Форд.

Однако такого рода моральные соображения еще не решают дела. Из них следует только то, что Форд руководствовался желанием поработать на благо коллектива. Но он не задается вопросом о том, что представляет собой и что делает этот коллектив. Заслуги Форда неоспоримы; чего стоит хотя бы его способность оценить ситуацию и понять конъюнктуру в области автомобильной промышленности, не говоря уже о том, сколько ума вложено в усовершенствования, которые требовались для того, чтобы поставить производство автомобилей на поток. Не приходится сомневаться, что эти усовершенствования вызвали восхищение других фабрикантов отрасли и послужили им примером для подражания. Удивительна, однако, та наивность, с которой Форд заявляет о себе как о представителе производительной сферы, то есть ничтоже сумняшеся ставит себе в заслугу приумножение частного и общественного благосостояния и богатства. Как представитель производительного труда он, согласно его же заверениям, делится прибылью с обществом и со своими рабочими. Форд всячески подчеркивает социальные функции работы своего треста. Монополии, в его представлении, занимаются общественно полезной деятельностью. Со всем этим можно согласиться и самого Форда можно считать благожелательным человеком, исполненным добрых намерений. Однако тот факт, что предприниматель получает прибыль и делится ею с другими, еще не свидетельствует о наличии экономической ситуации. Получение прибыли возможно при различных обстоятельствах. Если рассмотреть экономические принципы этого

предприятия по производству автомобилей, то окажется, что они носят узкий, ограниченный характер. И то обстоятельство, что производство автомашин в условиях, которые существовали к моменту начала деятельности Форда, представляло собой выгодное дело, еще ни о чем не говорит. Заведомо понятно, что все критерии для оценки работы таких предприятий в данном случае непригодны уже потому, что первоначально вложенный капитал позволил получить прибыль, измеряемую миллиардами. Такие результаты нельзя объяснить действием экономических законов, в основе которых лежит сохранение и приумножение хозяйственной субстанции, они достигаются вследствие конъюнктурных скачков, которые свойственны техническому прогрессу и которыми пользуется предприниматель, сумевший вовремя их уловить. Фундаментом вертикального треста Форда послужила не высокая заработная плата и работа на покупателя, а энергичная эксплуатации сложившейся конъюнктуры. Его прибыль получена благодаря конъюнктуре, а не благодаря социальным или экономическим установкам. Экономических установок здесь нет и в помине. Ускоренное развитие предприятия Форда объясняется вовсе не экономическими причинами, а интенсивным уничтожением субстанции. Производственный механизм предприятия осуществляет уничтожение субстанции с огромным размахом, а производимая им продукция продолжает это уничтожение в еще большем объеме. Форд вовсе не тот производитель, за кого себя выдает, то есть не тот предприниматель, который занят исключительно производительной деятельностью, напротив, в его деятельности одновременно присутствуют производство и потребление, причем несомненно, что объем ресурсов, потребляемых при его производственной деятельности, предполагает гораздо большие объемы потребления, чем

объем получаемого за счет этого потребления готового продукта. Форд работает на огромный транспортный коллектив, а это коллектив самого большого дефицита. «Нужно как можно больше выжимать из энергии, из материалов и из времени», — гласит одно из его высказываний. Форд так и поступает, как считает нужным, но делает это не в условиях упорядоченной экономики, основанной на устойчивой собственности и направленной на приумножение и сохранение субстанции, а в условиях стремящейся к совершенству техники. Таким образом, глава его книги, в которой говорится об обязанности ценить время, служит превосходной иллюстрацией того факта, что автоматические методы работы всегда связаны с необходимостью вести точный учет механически определяемого времени, от которого они зависят.

О том, что работа технического предприятия, деятельность технического коллектива опираются на истребление субстанции, Форд задумывается так же мало, как Маркс или Энгельс. Этого вопроса он касается только однажды, когда речь заходит о бесперебойном снабжении сталью; тогда Форд замечает, что с лесопильными материалами дело обстоит все хуже и если их потребление будет оставаться на существующем уровне, то американских лесов хватит самое большее на пятьдесят лет. Форд сам является лесовладельцем и признается, что, по его расчетам, собственного леса ему должно хватить лет на пятнадцать больше этого срока. Однако лесопользование Форда заключается не в грамотном ведении лесного хозяйства, а в хищническом потреблении и уничтожении лесных массивов. Не случайно эти замечания сделаны именно в связи с лесом. В условиях технического коллектива все резче обозначается разница между органическим ростом и механическим развитием, потому что тут быстрые методы технического раз-

вития лоб в лоб сталкиваются с более медленными темпами естественного прироста и потому что эти методы истребляют лес, не дожидаясь прироста, так что леса повсеместно оказываются под угрозой уничтожения.

Вертикальный трест Форда представляет собой высоко развитый производственный комбинат, находящийся на пути к превращению в специализированный коллектив под руководством капиталиста-собственника. Этот руководитель отличается от капиталистов XIX века и позиционирует собой переходный тип между капиталистом-собственником и техническим функционером. Он уже воспринимает свои предприятия как коллективные, как специализированный коллектив, являющийся составной частью более крупного коллектива. Этот капиталист уже понял, что машина не может быть основой создания собственности. Он говорит, что «машина — служанка общества». В другом месте та же мысль звучит у Форда менее эвфемистически, но зато гораздо яснее. Он пишет: «Сегодня мы понимаем, что машина как орудие труда представляет собой метод применения искусственной энергии». «Это не вещь, принадлежащая владельцу фабрики, которую он может использовать для зарабатывания денег». Машина «принадлежит не тому, кто ее купил, и не тому, кто ее обслуживает, а широкой общественности». Это сказано верно и точно, остается лишь заменить неопределенное выражение «широкая общественность» и сказать: она принадлежит техническому коллективу.

10

За пространством и временем мы признаем свойство континуальности. Для нас с этими понятиями связано представление об устойчивости, постоянстве,

непрерывности. Мысля пространственными и временными категориям, мы полагаемся на это постоянство. Независимо от того, имеет, согласно нашим представлениям, пространство и время линейный или циклический характер, рассматриваем мы их как абсолютные или лишь как идеальные, в этих представлениях неизменно присутствует устойчивость. Сейчас становится ясно, что, в отличие от других эпох, мы отводим времени приоритетное место, признаем за ним иерархическое преимущество по сравнению с пространством. Мы склонны мыслить временными, а не пространственными категориями. Мы стремимся подчинить пространство времени. Характерно, что пространственным представлениям в понятии «современник» отводится незначительная роль. По мере развития механики на первый план выходит понятие времени. Собственность опирается на пространственные представления, но наши машины являются машинами времени. Понятие линейного, абсолютного времени стараниями Ньютона приобрело механистический характер. Наша наука опирается на это механическое понимание времени. Но торжество механистических представлений влечет за собой победу дисконтинуальности над континуальностью. Континуальность представляет собой, правда, принцип всякой науки, принцип и сам есть нечто континуальное, тем не менее это не мешает все большему распространению дисконтинуальности. Механистическое понятие времени играет для человека ту же роль, которую в часовом механизме выполняет анкерный механизм: оно позволяет ему делить время на части, благодаря чему становится возможной полезная работа механизмов. Принцип повторяемости используется здесь таким образом, чтобы искусственно внедрить дисконтинуальность, механическое сопротивление.

Материальным телам отказывалось в свойстве континуальности в соответствии с представлением о том, что мельчайшие частицы разделены между собой межмолекулярным пространством, то есть пространственными промежутками. На протяжении долгого времени люди представляли себе атомы как дискретные, неделимые и неразрушимые материальные корпускулы, описанные Левкиппом и Демокритом. Теперь с этим покончено. Выясняя значение понятия континуальности, мы видим, что оно представляет собой не чисто временное, но также и не чисто пространственное понятие; ему всегда свойственно что-то временно-пространственное или пространственно-временное. На самом деле нет ни чисто временного континуума, ни чисто пространственного; и то и другое представляет собой мысленные абстракции, которыми мы пользуемся в целях упрощения как рабочими инструментами. Это наглядно проявляется в наших представлениях об атоме. Еще Кант предпринял попытку совершенно отказаться от атомистических представлений: это попытка, чрезвычайно характерная для его философского мышления. Кант попытался заменить атомистические представления гипотезой о континууме, сущность которой сводилась к представлению о материи, постоянно заполняющей пространство. Но это положение не получило признания, поскольку уже Дальтон сформулировал закон простых и составных пропорций; а после того как Лоран и Жерар обосновали разделение атомного и молекулярного веса, началось развитие химии. Поверхностный наблюдатель мог бы прийти к выводу, что весь ход исследований в этой области ведет к тому, чтобы снять существующую дисконтинуальность. Однако уже сам насильственный характер исследовательских методов не позволяет сделать такой вывод. Взрывоопасный характер техники, отличающийся неуклонным нара-

танием мощности детонаторов, связан с исследованиями в области дисконтинуальности. Сила этого мышления выражается в открытии химического и атомного распада, которые вызывают механический эффект взрыва. Последним достижением в этой области является создание атомной бомбы.

Если же теперь мы обратимся к собственности, то убедимся, что, с какой стороны ее не рассматривай, она всегда опирается на континуальность. Все правовые понятия, которые относятся к собственности, направлены на сохранение ее континуальности. Собственность по своему понятию представляет собой нечто континуальное как в пространстве, так и во времени. С этим связан и тот факт, что право распоряжаться собственностью исключает возможность вмешательства третьего лица. То, что мы делаем различие между движимой и недвижимой собственностью, вытекает из континуального характера собственности, так как земельная собственность представляет собой неподвижный пространственный континуум. И даже такое тонкое различие, как различие между обязательными притязаниями и реальными правами, является следствием континуального характера собственности. В обязательном праве наглядно прослеживается, насколько тесно его происхождение связано с собственностью. Главная забота права наследования заключается в том, чтобы не допустить нарушения континуальности после смерти владельца. И вот в эту правовую и физическую континуальность собственности тараном врывается машина, технический прогресс. Он начинает с того, что устраняет неразрывно связанное с собственностью личностное начало. Он отделяет собственника от собственности, вторгаясь в сферу собственности с механическими установками и добиваясь того, чтобы ею можно было распоряжаться механическим образом, несовместимым с понятием собственности.

У капитализма, сформировавшегося в XIX веке в условиях непрерывного роста народонаселения и все увеличивающегося числа машин, то есть у того капитализма, который мы, в отличие от других разновидностей, называем машинным, складываются все более напряженные отношения с собственностью и ее законами. Между строем, основанным на собственности, и техническим коллективом устанавливаются все более враждебные отношения. В этих отношениях роль агрессора принадлежит техническому коллективу. Перекрещиваясь с пространственно упорядоченным миром собственности, он повсеместно рассекает его единство. Энергия этой агрессии не везде одинакова, потому что технический коллектив как в пространственном, так и во временном отношении развивается в различных пунктах и странах неравномерно. На тех территориях, где развитие механики только еще начинается или движется медленными темпами, воздействие со стороны организации коллектива сказывается в меньшей степени, чем в индустриальных городах или в промышленно развитых областях. Это связано с тем, что промышленные и транспортные центры одновременно являются и центрами коллективистского технического мышления. А на первый план исторического развития выходят крупные территориальные единицы, отличающиеся высоким уровнем техники. Там, где господствует соответствующее им понятие энергии, происходит изменение форм собственности, заканчивающееся ее поглощением.

На протяжении этого процесса неоднократно предпринимались попытки ослабить напряженность, смягчить проявления противоречий, выливающиеся в открытую борьбу, однако все они потерпели крушение. Почему же эти попытки должны были потерпеть крушение? Разве машинная техника не вырастает из условий общества, основанного на отношениях собст-

венности? Хотя это, действительно, так и происходит, но машинная техника отделяется от собственности и вступает с нею в борьбу. Машинная техника не может развиваться в условиях строя, основанного на собственности, их развитие не может идти параллельно. Ведь такой строй определяется границами вещей, без которых невозможно право собственности, или доминиум.* Именно потому, что *dominium plenum* подразумевает неограниченное юридическое право собственника на принадлежащую ему вещь, эта вещественная граница обозначена так отчетливо. Если в праве распоряжаться собственностью под действием внешних сил возникает брешь, то вместе с этим стираются и вещественные границы. При ненарушенных отношениях собственности каждое изменение вещественных границ регулируется соглашением между собственниками или точно фиксируется, если такое изменение регулируется законом. Эти границы не могут быть нарушены вмешательством третьей стороны. Удар, который наносит по собственности машина, нарушает эти условия.

Машинные капиталисты XIX века были еще уверены, что могут оставаться одновременно собственниками и машинными капиталистами. Между тем такое совмещение было невозможно. Это обнаружилось тогда, когда выяснилось, что капиталист все больше утрачивает качества собственника. Его имущество теряет статус собственности, которая перестает принадлежать ему как владельцу. В этом капиталистическом хозяйстве всякая собственность оказывается поставленной под вопрос. Сначала она подтачивается и выхолащивается на теоретическом уровне, а затем ниспровергается и практически. Как же этот процесс происходит? Он получает неадекватное истолкование или остается вообще незамеченным, хотя протекает открыто у всех на глазах. Зна-

чально ошибается тот, кто полагает, будто власть капиталистов усиливается из-за того, что они являются собственниками и в их собственности находятся средства производства. Ведь в действительности усиление власти капиталистов происходит за счет собственности, их процветание зависит от вытеснения и ослабления собственности. Изображая капиталиста разбойником, который захватывает и уничтожает более мелкую собственность, мы не дадим адекватного описания этого процесса. Собственнический строй не основан на отношениях между крупными, средними и мелкими собственниками, эти отношения представляют собой уже следствия, вытекающие из такого строя. И кроме того, мелкая собственность продолжает существовать наряду со средней и крупной. Угрозу собственности представляет не борьба между крупными и мелкими собственниками. Такая борьба, хотя она и происходит постоянно, ведется в рамках собственнического строя. Активная угроза собственности носит более централизованный характер и исходит из другой сферы, тенденцию этого процесса лучше всего характеризует тот факт, что машинный капиталист вынужден ради процветания, расширения своего предприятия и ради роста объемов производства согласиться на распад своей собственности, не претендуя более на активную роль собственника. Процесс экспроприации собственности он вынужден волей-неволей начинать с самого себя. А это происходит путем введения все большего числа машин, от которого машинный капиталист не может отказаться, если не хочет потерять все. Предприятию, основанному на ручном труде, не свойственна тенденция к расширению, в результате которого возникали бы крупные и сверхкрупные предприятия; эта тенденция характерна для механического способа производства. Предприятия-гиганты, обслуживаемые огромной массой рабочих, уже

не являются доминиумом, опирающимся на объективные границы вещей. Ибо где они, эти вещественные границы? И какое значение могут они еще иметь по сравнению с функциональными производственными процессами и их механическим повторением? Собственника никак нельзя представить в качестве функционера, машина же тяготеет в своем развитии к функционеру. Мы не можем представить себе машинного капиталиста как собственника средств производства, так как на этих средствах производства уже не зиждется собственность, они не могут служить ей опорой. Средства производства представлены машинами, машина же, в особенности если эта машина — автомат, перестает быть предметом собственности, превращаясь в часть инвентаря технического коллектива, который оперирует новым понятием энергии. Пользующийся машинами и опирающийся при этом на право собственности капитализм не может не быть временным явлением; он уже находится на пути к превращению в технический коллектив, который поглощает его, как только оказывается достигнутой соответствующая степень механизации. Как свидетельствует опыт, в первую очередь эта степень механизации достигается в области транспорта и средств сообщения. Частный машинный капитализм является переходной ступенью к техническому коллективу. Технический коллектив делает капиталистом себя самого. Или, если выразить это словами Маркса, «коммунистическое общество является коллективным капиталистом». Однако по поводу этой формулировки следует заметить, что коммунистическое общество и технический коллектив не тождественны друг другу. Здесь мы подошли к той точке, когда уже невозможно использовать понятие коммунистического общества, так как решающее слово принадлежит не ему, а техническому коллективу. Если хотя бы на секунду отвлечься от по-

нения технического коллектива, то понятие коммунистического общества теряет всякое значение. Поэтому формулировка Ленина «социализм есть электрификация» гораздо точнее по своему содержанию. Все представления о социализме становятся отчетливее и одновременно суше, холоднее при соотнесении с понятием технического коллектива. Без соотнесения с ним представления о социализме тотчас же становятся смутными и расплывчатыми.

Так к чему же мы в конце концов пришли? Работающий при помощи машин капиталист-собственник в силу присущей ему внутренней противоречивости повсеместно исчезает. Иногда это происходит насильственно, иногда же почти незаметно: он исчезает, словно растворившись в воздухе. Но что же приходит ему на смену? То, что давно уже давало о себе знать, только за вычетом личностного момента, который наблюдался на начальном этапе, — анонимное движение, анонимное понятие энергии. Машинный социализм не отменил механической детерминированности финансов, не сломил силу стремящегося к концентрации капитала, не сделал свободным труд. Его сил хватило лишь на то, чтобы вырвать из рук частного капиталиста право распоряжаться капиталом. И тут в качестве капиталиста на арену выходит коллектив, оказывающийся еще более могущественным, безжалостным и властолюбивым, чем весь былой слой частных капиталистов, уничтоженный коллективом. Его функционеры, не считаясь ни с чем, продолжают нетерпеливое движение вперед; они направляют это движение по рельсовому пути, по которому вынужден неуклонно следовать человек. Концентрация капитала и труда никуда не исчезает, не исчезают и могущественные тресты, синдикаты, монополии, комбинаты. Они беспрерывно распространяются вширь, безудержно растут, принимая гигантские размеры, превраща-

ются в паразитическую организацию, которая поглощает самого человека. Пока капитал и труд еще противостояли друг другу, у рабочего оставалось свободное пространство для защиты своих интересов. Сейчас, когда они начали отождествляться друг с другом, они превращаются в полип, который всюду пустил свои щупальца, из всего высасывает соки, на все распространяет свою эксплуатацию. Аппаратура и организация, слившись в единое целое, достигают в условиях технического коллектива невиданной силы. Но какое зрелище представляет теперь наша земля! Она вся покрыта огромными, униформированными, унылыми трудовыми армиями, которые враждебны друг другу. Неустанно и неумолимо продолжается процесс концентрации энергии в отдельных районах, превратившихся в гигантские мастерские. Все доступные средства вкладываются в этот процесс, который не знает ни границ, ни пределов. А в титанических аккумуляторах, концентрирующих в себе энергию, повсюду накапливаются средства разрушения, созданные наукой и техникой. Этот процесс сам прославляет себя в бесконечном потоке пропаганды и рекламы. Повсюду пестрят плакаты, безумолчно гремят идеологические барабаны. Но вся сила, которую гордо демонстрирует процесс концентрации, на поверку оказывается дутой величиной, от нее смердит разложением и тленом. Идеология — это само гниение и тлен, рядящиеся в яркие зеркальные одежды.

11

Теории, поддерживающие и оправдывающие право собственности, точнее право собственности на отдельные части целого и право пользования отдельными частями целого, напоминают собой костыли. Будучи

измыслены как подпорки мнимой собственности машинного капиталиста, они не выполняют своего назначения, так как не могут помешать переходу этой собственности в руки коллектива. Теории в защиту собственности появляются одновременно с теоретическими нападениями на собственность. Собственность не нуждается в этих теориях, и теории не в состоянии уберечь собственность от гибели, после того как пошатнулись ее позиции. Экономические теории не затрагивают фундаментальных основ, они являются производными более позднего времени, претендующими теперь на самостоятельное значение. Собственность нельзя ограничить сферой действия экономических законов и нельзя из них вывести, а экономические законы не вытекают из собственности. Это относится также к теории общественного договора и теории законности. Собственность существует прежде ее договорного и законного обоснования. В отдельных случаях собственность действительно может образовываться путем захвата никому ранее не принадлежавших вещей, поскольку положение, выраженное формулой «*res nullius cedit prius occupanti*»,* сохраняет свою справедливость, поскольку самого факта захвата и воли к тому, чтобы сделать *res nullius*** своей собственностью, достаточно для образования собственности. Однако все же нельзя согласиться с теорией захвата, так как она не объясняет возникновения строя, основанного на собственности. Акт захвата собственности не включает в себя волевой момент, направленный на основание такого строя, акт захвата может быть направлен исключительно на разрушение и истребление мира вещей. В то же время одного лишь труда, вопреки тому, что говорит по этому поводу трудовая теория, недостаточно, чтобы образовать собственность. Труд и собственность — различные вещи, а человеческий труд с одинаковым успехом может

быть направлен как на расхищение ресурсов, так и на приобретение собственности. Тот мир труда, в котором мы живем, работает при помощи механических средств на устранение собственности и ее границ. Если же я объявляю собственность божественным установлением и естественным правом человеческой личности, то подобными теологическими и естественноправовыми догмами я отрезаю себе путь к пониманию собственности точно так же, как и позитивистскими конструкциями. Что такое божественное установление? И откуда мне знать, что представляет собой естественное право? Все эти теории не ложны. В них тоже есть своя правда, так как они возникли на основе существующих отношений собственности. И в этих условиях я могу приобретать собственность различными путями: путем договора, закона, работы, профессии. Однако если исходным моментом этих теорий служит *modus acquirendi*, то есть способ приобретения, то они не отвечают на поставленный вопрос, так как *modus acquirendi* не объясняет возникновения собственности. Отношения собственности нельзя объяснить, основываясь на специфике отдельных актов ее приобретения, потому что собственность первоначально возникает не в результате акта ее приобретения, а вследствие акта обособления вещей, не представлявших собой собственности. Вопрос заключается в том, для каких целей служило такое обособление. Если теории строятся исходя из понятия трудоспособной личности — понятия, которое в современных условиях почти целиком совпадает с понятием правоспособной личности, — то они также ничего не объясняют по той же самой причине. Вдобавок круг этих лиц не уточнен, а вещи, которые становятся собственностью, не выделены. Приобретение собственности и учреждение собственности как явления — не одно и то же, так как собственность скорее учреждается, нежели приобретается.

Кроме того, мы не можем отмахнуться от существования условий, в которых это божественное установление и естественное право человеческой личности вообще не существовало, то есть от условий, в которых нет никакой собственности. Человек, живущий вне истории, скорее всего, не нуждается в собственности, к тому же он еще недостаточно удалился от природы, чтобы в условиях близкой к природе жизни могла сложиться устойчивая система отношений собственности. Собственность — явление, которое требует исторического подхода. Если же мы хотим обратиться к истокам, то для понимания обособленного нам придется начинать с необособленного, так как первоначально все было необособленным. Собственность можно понять только как обособление ранее необособленного, как отвлечение от необособленного, которое произошло гораздо раньше, чем отвлечение денег. Следы этого процесса можно найти в системах правопорядка. Если внимательно их изучить, то невольно напрашивается догадка, что источником собственности является собственность богов и умерших, которая обособилась раньше всех других видов собственности. А произошло это тогда, когда с нею стали связывать определенное имя — именно страх, вызываемый этим именем, вызвал ее обособление. Такая собственность является обособленной собственностью богов или мертвых, но не принадлежит человеку. Последний относится к ней и к ее имени с почтением и трепетом. Эта собственность поначалу не связана с какой-либо хозяйственной пользой. Она не дает прибыли, а, напротив, требует изрядных затрат. И, разумеется, такая собственность не может быть никому передана, она принадлежит к числу *res extra commercium*,* а не к числу *res in commercio*** Любая собственность первоначально относится к *res extra commercium*.

В римском праве отчетливо отражен такой порядок, он проявляется в подразделении вещей на категории и в различном отношении к этим категориям. К *res extra commercium* римляне относят предметы, посвященные богам (*res divini juris**), предметы, освященные богами (*res sanctae***), и предметы, посвященные *diis manibus**** (*res religiosas*****). Собственность богов и мертвых существовала в виде этих предметов. Они были изъяты из обособленной собственности и частного пользования (*Gaj. Inst.***** II. 9: Quod autem divini iuris est, id nullius in bonis est******). Это древнее достояние богов и мертвых было обособленным в двойном смысле. Во-первых, по отношению к тому, что не являлось собственностью. Во-вторых, по отношению к обособленной собственности, по отношению к актам приобретения, которые привели к образованию частной собственности.

Обособленными по отношению к обособленной собственности были и *res publicae,****** которые также рассматривались как предметы, лежащие *extra commercium*, то есть как предметы общественного, государственного значения. Эти вещи, в противоположность *res privatae,****** представляют собой собственность римского народа (*populus romanus*). Но *populus romanus* не является частным юридическим лицом, понятие частного юридического лица складывалось в римском праве не без затруднений особого рода. Римское государство сравнительно поздно стало выступать в качестве частного лица или фиска как субъект частного права. Государство приспособилось к частному праву, присоединилось к числу частных собственников. И наконец, обособленным по отношению к обособленной собственности были также *res omnium communes,****** предметный характер которых оспаривается. Это указывает на недостаточно принимаемый во внимание момент образования

собственности, который заключается в том, что одной из предпосылок появления собственности было наличие предметов, которые принадлежали всем. Ведь собственность, которая сама себя ограничивает, по своему происхождению образовалась из того, что не имело собственника, она существует в окружении дикой, не имеющей собственника природы и снова возвращается в нее, когда человек отказывается от своей собственности.

Если бы существовала одна только собственность *in commercio*,* то собственность как таковая не имела бы особого значения, в этом случае все отношения собственности сводились бы к купле и продаже; она целиком подпадала бы под понятие товара, который подлежит рассмотрению в аспекте взаимных обязательств и сделок, касающихся права распоряжаться предметами. В этом случае подчеркивалось бы не исключение третьих лиц из числа имеющих право распоряжаться предметом, а соответствующее право собственника. Там, где мы имеем дело только с такими вещами, которые можно заменять, потреблять и делить, право собственности не имело бы смысла: для того чтобы пользоваться и потреблять эти вещи, достаточно было бы одного лишь факта владения. Именно к таким условиям и стремится технический коллектив, когда он, разрушая отношения собственности, одновременно все больше умножает число заменимых и потребляемых вещей. Создаваемый машинным коллективом мир — это мир зависимых от машинной техники вещей, которым в полной мере свойственна заменимость и потребляемость. Он производит технические товары, технические типовые изделия определенной марки, так как ничего другого он не в состоянии произвести. Единообразие этого создаваемого путем механического повторения мира вещей не обладает собственным своеобразием и не

удерживается в рамках собственности. К этому вопросу мы еще вернемся в ходе дальнейшего изложения.

Понятие принадлежности в том виде, как оно было разработано римским правом, предполагает наличие более широкой собственности, в которую она входит как составная часть. К понятию принадлежности относятся такие вещи, которые, будучи физически самостоятельными, в экономическом отношении не представляют собой самостоятельных единиц. Такое различие имеет свои причины. Однако из понятия экономической самостоятельности еще не выводится понятие собственности; оно не представляется достаточным, так как экономическая самостоятельность не обязательно связана с собственностью, а собственность может существовать без экономической самостоятельности. Следующий шаг позволяет сделать различие, устанавливаемое римским правом между *res mancipi** и *res nec mancipi*** (Ulp. tit. 19 § 1; *Omnes res aut mancipii sunt aut nec mancipii****). *Res mancipi* — это вещи, подлежащие купле-продаже, то есть подлежащие купле-продаже римскими гражданами. Это вещи, на которые при отсутствии *privilegium iuris commercii***** не могут приобретать право собственности чужеземцы-паломники.***** Приобрести в свою собственность *fundus italicus*,***** то есть старинную римскую крестьянскую усадьбу с ее принадлежностями, мог, согласно римскому праву, только римский гражданин. К *res mancipii* в старинном римском праве применяется также название *familia*,***** в то время как недвижимость, на которую не распространяется действие этих правовых установлений, обозначается словом *rescunia****** (Mitteis. *Römisches Privatrecht*. Bd. 1. S. 79 ff.). Из *rescunia* образуются путем отвлечения деньги. «Рука» издревле связана с собственностью, и можно сказать, что для всякой собственности опорой служит и не может не служить рука;

рука представляет собой утверждающий собственность член человеческого тела. Привилегированность земельной собственности, нашедшая свое выражение в выделении правовых установлений касательно *res mancipii*, отменяется впоследствии сводом гражданских законов Юстиниана (*Corpus juris civilis*), где в законах о купле-продаже уже не делается разницы между недвижимой и движимой собственностью, между тем как она сохраняется в полиптихах средневековых церквей и монастырей, в английском *Doomsday Book*,* в *Stadtbücher*** и *Landtafeln**** и в земельных кадастрах нового времени.

Res mancipi — это такие вещи, которые становятся римской групповой собственностью, собственностью квиритов после торжественной церемонии манципации,**** совершаемой в присутствии римских граждан-свидетелей. За этим положением просматривается гораздо более древнее. Подобно тому как *ager publicus****** — собственность народа Рима — не мог переходить в групповую собственность ни путем официальной купли-продажи, ни путем каких-либо иных правовых сделок, *fundus italicus* также в ранний период римской истории не мог переходить в чью-либо собственность путем купли-продажи. Манципация представляет собой сложную и трудную правовую процедуру, в которой еще чувствуется, как неохотно принимались решения, касающиеся земельной собственности. Выработка соответствующих постановлений идет параллельно с теми изменениями, которые происходят в семейном укладе римлян.

Разумеется, собственность *in commercio* играет в древнем крестьянском хозяйстве Рима второстепенную роль по сравнению с собственностью *extra commercium*. В той или иной форме все виды собственности неизбежно сохраняют это соотношение; оно оказывается поколебленным, когда вся собственность

превращается в собственность *in commercio*. Собственность *in commercio* нуждается в опоре на собственность, которой нельзя распоряжаться по своему усмотрению. А эта последняя опирается на собственность богов и мертвых, на ларов и пенатов, на гениев и божество (*pumen*). И не только частная собственность *in commercio* нуждается в такой опоре, на ней же зиждется общественная собственность, так как государство не имеет иной собственности, кроме собственности отдельных граждан. Такая неотчуждаемая собственность существует в рамках любой правовой системы, есть она и у нас, так как мы признаем *res divini juris*, *res sanctae* и *religiosae*. Мы оберегаем собственность мертвых и не распоряжаемся такими вещами, которые служат обиталищем признаваемых нами ларов или пенатов, а это все вещи, которые представляются нам абсолютно неотчуждаемыми ни при каких условиях: ведь память это и есть наши лары и пенаты. Собственностью *extra commercium* являются практически все вещи, передача которых возможна только по наследству, и к ним относятся как предметы, составляющие собственность отдельного частного лица, так и предметы, принадлежащие государству. Чем больше число таких предметов, тем устойчивее и прочнее право собственности. Главное место среди этих вещей всегда будет занимать земельная собственность. Если человек, желая приобрести собственность, перестает думать о земельной собственности, это служит знаком того, что он совсем позабыл, что такое собственность. Не пожалеть своего живота ради земли, на которой живешь, вот что значит быть *terrae filius*,* вот в чем вся соль! Эта древнейшая привязанность проникла в правопорядок. Римское вещное право целиком и полностью выросло из земельной собственности. Почитание земли, которую не мудрствуя лукаво называют словом *familia*,

просвечивает во всех установлениях римского права. Эта собственность изначально связана с *religio** и с политическим статусом. Собственность квиритов возникает из политического статуса подобно тому, как правовой статус римского гражданина возникает из политического. Классический римлянин, полноправный свободный гражданин, имеет решающий голос в центуриатных комициях. Только гражданин Рима владеет муниципальной собственностью, является совладельцем общественной земли (*ager publicus*) и имеет право получить ее долю, когда производится раздел этой земли. Преимущественное значение земельной собственности проявляется решительно во всем. Все, что добавлено к ней путем *implantatio*** и *inaedificatio****, то есть все постройки и насаждения, рассматривается как побочные или придаточные вещи и не имеет самостоятельного значения, являясь принадлежностью земельной собственности. *Superficio solo cedit***** — все наземные и подземные постройки и насаждения принадлежат земле. Все стремления римского плебея были направлены на приобретение полноценного римского права землевладения, при котором он мог бы распоряжаться землей, уже не являющейся собственностью родовой общины. И он добился желанной цели.

12

Еще в Древнем Риме было известно отчуждение собственности в пользу *populus romanus*. Так, при строительстве дорог можно было принудительно отчуждать земельную собственность в пользу государства. Из всех видов собственности земельная чаще всего подвергается отчуждению. Однако в связи с чрезмерными бедствиями иногда в интересах общества воз-

никает также необходимость в отчуждении движимой собственности. В случае мобилизации могут отчуждаться лошади, в случае голода — запасы зерна. В немецком общем праве не выработалось специальных установлений, касающихся отчуждения собственности. Лишь в кодифицированном праве XVIII века была зафиксирована такая правовая норма. Большое влияние приобретает французское законодательство. Для отчуждения в нем утверждается такой порядок, при котором сначала должна канонизироваться необходимость этой меры. Специально принятый закон или указ устанавливает *utilité publique** мероприятия, ради которого будет производиться данное отчуждение собственности. Определяется отчуждаемое имущество и причитающееся за него возмещение. Предпосылкой отчуждения собственности может служить лишь *utilité publique*, то есть интересы общества, общественное благополучие. Кроме того, во многих кодексах точно перечисляются все случаи, в которых допускается отчуждение собственности.

Какой необходимостью вызвано неуклонное увеличение числа и объема производимых отчуждений собственности? В области права, которая занимается вопросом отчуждения собственности, первые сдвиги можно отметить в связи со строительством железных дорог. Появление рельсового транспорта, движимого механическими силами, приводит к его расширению и расширению права, касающегося отчуждения. Строительство железных дорог, вызывающее массовое передвижение людей, приводит к созданию железнодорожной монополии, образованию железнодорожных предприятий, появлению железнодорожной сети, благодаря которой местность, покрытая этой сетью, осваивается средствами механического транспорта. Монополизация железнодорожных сообщений приводит к объединению железных дорог, то есть к технической

централизации аппаратуры, сопровождающейся образованием соответствующей организации. С этого начинается коллизия между механикой и собственностью. Эта коллизия неизбежна. Она носит не временный, а постоянный характер. Вдобавок она заметно углубляется. Развивающаяся машинная техника все более атакует собственность и в конце концов поглощает ее. Этот процесс получает свое оправдание в том, что техника выступает как представитель общественных интересов и общественного блага, что *utilité publique* оказывается на ее стороне. Понятие отчуждения собственности остается неизменным, зато изменяются условия его применения. Где бы ни возникал конфликт, его исход заранее предрешен, так как собственность всюду вынуждена уступать дорогу стремлению к распространению механических средств. Напрасно стонет гетевская бабушка Бавкида:

Лишь для виду днем копрами
Били тьмы мастеровых:
Пламя странное ночами
Воздвигало мол за них.
Бедной братии батрацкой
Сколько погубил канал!
Злой он, твой строитель адский,
И какую силу взял!
Стали нужны до зарезу
Дом ему и наша высь.
Он без сердца, из железа,
Скажет — и хоть в гроб ложись.*

Прав оказывается караульный Линкей, который поет:

И уходит вдаль с веками
То, что радовало взгляд.**

Старик Фауст, пожалуй, еще мучается угрызениями совести, так как его не устраивает голый рационализм

происходящего. Такого рода угрызения совести выражаются в начале этого движения в щедром денежном возмещении причиненного ущерба. Но с тех пор механическое планирование прошло большой путь и давно вышло за рамки экономического планирования. Отчуждение собственности превращается из неприятной необходимости в самоцель. Исключение становится правилом, и тем самым выясняется то, что происходит на самом деле. Какими бы расплывчатыми по смыслу словами это ни называли: отчуждение собственности, национализация, деприватизация или обобществление, — все они обозначают одну и ту же вещь, причем совершенно ясную и недвусмысленную. Они имеют в виду технический коллектив, которому собственность предоставляется для механического использования. Национализация не означает, что государство становится собственником, что к нему переходят права и обязанности собственника. В общем этот процесс по-прежнему можно называть данным термином, поскольку внешне он отражает происходящее. Однако дело в том, что в результате национализации не возникает государственная собственность, а создаются условия, при которых права пользования и потребления переходят к коллективу. Обобществление (термин, ставший в наше время совершенно расплывчатым) не подразумевает, что права собственности переходят к обществу. Такое сообщество, как технический коллектив, вообще не подпадает под понятие *societas** в юридическом смысле. *Societas* — это основанное на договоре объединение отдельных лиц для достижения общей цели. Трактовка понятия «общество» с социологических позиций тоже ничего не дает для понимания описываемых здесь процессов; убеждаешься лишь в том, что для социологии, пробавающейся за счет релятивистского переосмысления истории, то есть за счет ее отрицания, было бы

полезно повнимательнее ознакомиться с физикой. В экономической и политологической системе Лоренца фон Штейна, разработанной с позиций гегелевской диалектики, сфера общественных наук ограничена изучением отношений, складывающихся при распределении имущества. Изучение этих отношений многое объясняет, однако такой подход не позволяет понять фундаментальные основы собственности, которая существовала прежде, чем начинается распределение имущества, кроме того, он вообще неприменим в отношении технического коллектива. В условиях технического коллектива вопросы распределения имущества далеко не так важны, как нормирование использования и расхода. Эти вопросы приобретают такую жгучую актуальность, потому что технический коллектив связан с убыточным хозяйствованием и нехваткой, потому что ему свойственно использование организации как способ управления дефицитом, то есть его распределение, а следовательно и расширение, о чем мы уже подробно говорили в «Совершенстве техники». Социализм в его современном понимании всегда подразумевает технический коллектив.

В результате национализаций, обобществлений и экспроприаций ни у кого не прибавляется собственности. Ни у государства, ни у рабочего, который трудится на фабриках, подвергающихся этой реорганизации. Порядок, основанный на собственности, невозможно перенести куда-то при помощи механических транспортных средств или сохранить посредством отчуждения для механических целей. Мы уже продемонстрировали ранее, что мнимая собственность машинного капиталиста не сохраняется в условиях технического коллектива. А коллектив нельзя рассматривать в качестве собственника, у коллектива не бывает прироста собственности. Он может потреблять собственность, но не может ее породить. Коллектив не может сде-

лать собственником рабочего. Да это и не входит в его намерения. Рабочий ничего не получает от экспроприации собственности: ни доли в виде какой-то части средств производства, и ни гроша в виде добавочных выплат. Чем это объясняется? Тем, что в ходе таких мероприятий происходит только расширение технического коллектива, и этот процесс поглощает всю прибыль: она теряется, растворившись в нем, исчезает бесследно. Поскольку речь зашла о прибыли, следует в первую очередь спросить, могут ли вообще подобные меры приносить прибыль. Только не ту экономическую, материальную, индивидуальную, которую ожидают от них многие люди, не понимающие сути происходящего, — от акта экспроприации ничто не приумножается. Да и как может он что-то создать и приумножить! Если машинный капиталист, лишаемый собственности без какого бы то ни было возмещения, теряет все, что имел, то рабочий от этого ничего не выигрывает. Прибыль в рамках механического хозяйствования возникает при условии, что люди начинают больше работать и усиливается эксплуатация. Источник выгоды для рабочего лежит не в сфере экономики — с экономической точки зрения этот процесс и ему наносит урон. В условиях коллектива рабочий утрачивает свободу объединений, право на забастовку, а следовательно, и возможность бороться за повышение заработной платы. Вся выгода достается исключительно коллективу, который в результате национализации, обобществления и отчуждения собственности расширяет и укрепляет свою аппаратуру и организацию. Коллектив забирает в свое управление любое предприятие, даже такое, которое в его руках из рентабельного превращается в дотационное, так как он руководствуется при этом не экономическими, а техническими соображениями, а убытки и возникающую в результате нехватку без смущения перекла-

дывает на плечи рабочего. Получить какую-то выгоду рабочий мог бы только через кооперацию, через долевое участие в принадлежащей предприятию собственности. Риск предприятия рабочий и без того разделяет, но зато в условиях кооперации как прибыль, так и убытки станут его личным делом. Получить экономическую выгоду он сможет тогда только при такой организации труда, которая будет направлена своим острием против властных притязаний технического коллектива. Однако такое долевое участие рабочих обязательно предполагает наличие настоящей собственности. Производственное предприятие — это не собственность, как явствует из самого термина. В сетях технического коллектива трудно сохраняются самостоятельные предприятия, предприятия располагаются в них на пересечении отдельных нитей этой паутины. Очевидно, что рабочий незащищен перед техническим коллективом, более незащищен, чем он был перед частным капиталистом. Дело в том, что идеи, которые движут развитие технического коллектива, живут и в его голове. Рабочий и сам принадлежит к числу восторженных приверженцев коллектива. Именно это вызывает у многих желание бросить рабочего на произвол судьбы — слишком трудно помочь человеку против его воли. Реально помочь ему можно будет только тогда, когда он сам научится противопоставлять себя коллективу, когда поймет свое истинное положение. В отношении отдельного человека коллектив оказывается скареее самого скареее машинного капиталиста: он представляет собой такое соединение аппаратуры и организации, которое для человека оставляет лишь самый необходимый минимум. Технический коллектив — это эксплуататор *par excellence*, так как он занят исключительно процессами эксплуатации.

Характерным признаком технического коллектива является не собственность, а экспроприация собст-

венности и ее передача в распоряжение механической организации. Так, земля экспроприируется под предлогом создания новой крестьянской собственности. Однако утверждение функционеров технического коллектива, что они хотят создать новую крестьянскую собственность, не соответствует действительности. Крестьянская собственность создается только волей крестьянина, направленной на учреждение собственности, а не постановлениями тех или иных функционеров. Во-первых, они неспособны создавать собственность, а во-вторых, создание собственности не входит в задачи коллектива и не отвечает направлению его развития. Технический коллектив основывается на машинной аппаратуре, а ей соответствует не крестьянская собственность, а оснащенные машинной техникой латифундии и монокультурное земледелие. Там, где еще сохраняется крестьянская собственность, ей навязывается рабочий план и часть продукции изымается в виде обязательных поставок. Причем эти поставки весьма значительны. Рабочий план оказывается эффективным средством, с помощью которого технический коллектив добирается даже до самых мелких крестьянских хозяйств. Всякая собственность, где бы она ни образовывалась, насильственно изымается в пользу коллектива. В условиях коллектива сохранение старой и образование новой собственности становится труднейшей задачей. То понятие энергии, которое насковозь пронизывает коллектив, враждебно собственности. Коллектив стремится не к собственности, а к техническому производству и техническому потреблению. И этим целям отвечает не собственность, а потребление и расходование. Главной и первостепенной задачей организации, которая расширяется и развивается за счет уничтожения субстанции, наряду с расширением коллектива, является регулирование потребления. Основные трудности связаны

для него с износом. И это не случайно. Достаточно внимательно присмотреться к машинам, чтобы понять, что их использование и потребление подчиняется законам быстрого изнашивания, что износ происходит сам собой в процессе работы. Собственность плохо сочетается с техническим коллективом, поскольку его воля целиком направлена на упразднение собственности. Жизнь коллектива основана на ее упразднении, без этого коллектив не может существовать. Как только вся собственность оказывается использованной, проеденной и потребленной, тотчас же наступает кризис коллектива. Сейчас мы как раз переживаем такой период.

На вопрос, куда девались огромные богатства, доступ к которым был открыт машинным капитализмом XIX века, и почему мы до сих пор не стали богачами, мы не можем дать удовлетворительного ответа, потому что даже ссылка на мировые войны не кажется достаточно убедительным объяснением. Вся прибыль растворилась в воздухе, как выигрыш азартного игрока. Коллектив поглощает все без остатка и даже не чувствует насыщения. Не довольствуясь больше поглощением собственности, он принимается уже за *res omnium communes*, выкачивая из воздуха азот и мечтая о возможности выкачивать при помощи новых устройств энергию солнца и океана.

13

Противоречие кроется не в противоположности между частной и общественной собственностью, а в противоположности между вещью и машиной, между миром вещей и организацией машин, между собственником и функционером, между собственностью и техническим коллективом. Понимание этого противо-

речия многое проясняет. Говоря «коллектив», мы всегда должны мысленно добавлять к этому слову «технический». Существуют и всегда существовали самые разные коллективы, но для нас не имеет смысла говорить о коллективе вообще. Нас не интересует здесь коллектив, образованный на началах свободного товарищества, коллектив без централизованной, тоталитарной организации. Нас занимает сейчас только технический коллектив, в условиях которого мы живем и с которым нам необходимо разобраться. Неизвестный нам, лежащий вне сферы нашего повседневного опыта коллектив без машинной техники слишком далек от нас, чтобы им заниматься.

Итак, различие кроется в противоположности собственности и технического коллектива, а не в области частной и общественной собственности. Государство выступало в качестве собственника во все времена своего существования. Однако следует учитывать, что государство может быть собственником только при строе, который основан на собственности, что оно теряет свою собственность, подобно частному собственнику, когда частная собственность подвергается упразднению. Государство может быть собственником только в таких условиях, в которых существуют собственники. Поэтому и римский фиск* вступает в ряды частных собственников, он подчиняется законам этого собственнического строя и со своей стороны соблюдает эти законы. Большинство прекрасно отдает себе отчет в том, что все действия, направленные против собственности, неизбежно отражаются и на государственной собственности. Занявшись экспроприацией, государство не создает новой собственности ни для себя, ни для кого-то другого, так как эти действия имеют совершенно иное следствие — построение технического коллектива. Какими бы целями не прикрывали экспроприацию, на самом деле она служит

только для дальнейшего развития коллектива. А достичь этой цели государство может только одним способом — подпитывая собственностью коллектив, для чего разрушаются границы собственности. Размышляя над явлением экспроприации, пытаясь проникнуть в его смысл или уяснить себе, ради чего и для какой пользы она производится, мы не можем не задуматься о том, какую она преследуют цель. Какова ее генеральная линия? Выражение «генеральная линия» происходит из мира работы и рабочих конструкций, это слово, подобно «четырёхлетнему плану» или «пятилетнему плану», «централизации труда», «рабочему сектору» и т. п., взято из лексикона технического коллектива. Занимаясь планированием, конструктор созданного мира меньше всего задумывается о собственности. Он думает о технизации и автоматизации экономики. Соображения, относящиеся к собственности, почти не играют тут роли; если конструктор и вспоминает о ней, то лишь как о чем-то неприятном и невыгодном, что причиняет ему ненужные затруднения, на которые приходится тратить время. Затруднения касаются выполнения производственных планов, так как собственность представляет собой препятствие на пути технического коллектива, которое нужно отодвинуть в сторону или убрать. Собственность — это то, чем юридически не имеет права распоряжаться третье лицо, и она в силу присущих ей внутренних качеств противится любым поползновениям такого рода, не подчиняясь посторонним распоряжениям. В мире, основанном на принципе собственности, такие распоряжения выполняются с трудом. Для того чтобы добиться их осуществления вопреки воле собственника, необходимо вовлечь в игру могущественные общественные интересы. Ведь собственность и право распоряжения всегда были несоединимыми понятиями, которые плохо уживались между

собой. Собственность выросла из неподвижных условий, из условий, которые трудно приводятся в движение, она ведет свое происхождение не из мира произвольных решений. Основа собственности тем прочнее, тем основательнее, чем меньше дано возможностей ею распоряжаться. В мире, где все зависит от соответствующих решений и где всем чем угодно можно распоряжаться по желанию, трудно представить себе собственность. Такой мобильный мир — мир, находящийся в постоянной мобилизованности, — является миром технического коллектива. В этом мире ничто не находится в состоянии покоя, в нем все превратилось в строительную площадку, мастерскую, лабораторию. Собственность нельзя представить себе без границ, эти границы можно наблюдать невооруженным глазом в виде рвов и стен, живых изгородей и заборов. Собственностью владеет человек, способный мыслить пространственно, то есть представлять себе определенное пространство и соответствующие границы. Технический же коллектив упраздняет все границы, присущая ему воля не знает границ и пределов, ее устремления беспредельны. Такой коллектив не обладает ни волей, ни способностью к самоограничению, он не может удержаться в мире ограниченного пространства, поэтому он сам устанавливает для себя статус планетарной конструкции, поэтому он так глубоко вгрызается в землю, погружается в море до самого дна и запускает в атмосферу летательные аппараты в форме гранаты, чтобы специальная рабочая комиссия могла провести разведку на луне. А вдруг и луна окажется подходящим объектом для добычи полезных ископаемых! В отношении собственности такой коллектив, не признающий ничего, кроме механических распоряжений, и властвующий в мире, где все вещи к его услугам, где всем можно распоряжаться, все мобильно, не может испытывать

иных чувств, кроме равнодушия или враждебности. Для него характерно упразднение расстояний, подчинение пространственного порядка механическому понятию времени. Куда бы он иначе мог прокладывать свои трубы, провода, кабели, каналы, где размещал бы все многообразие своих коммуникаций, газопроводы, линии электропередач, телеграфные провода, водопроводы? Все это нелегко разместить в мире собственности, зато очень легко — в мире без собственности, в который можно вторгаться где угодно, который можно вдоль и поперек, справа налево, сверху вниз опутать сетями, расчертить, избороздить, разрезать и проткнуть насквозь. В мире без собственности народы существуют для того, чтобы их эвакуировать, острова — для того, чтобы их бомбить, в нем границы не имеют никакого смысла и значения, так как главное здесь — все продырявить. В результате дыра, яма как некое символическое явление присутствует повсюду. Солдаты этой эпохи заползают в норы, а население больших городов и промышленных районов прячется во время войны в подземных убежищах.

Там где существует порядок, основанный на собственности, видно действие экономических законов. Но не наоборот, так как собственность не выводится из экономических законов. Экономические законы и правила еще не создают собственности. Собственность возникает раньше экономических, раньше правовых понятий. Поэтому формулировка Прудона «La propriété c'est le vol»* — остается парадоксом. Ведь воровство предполагает, что собственность уже существует; без собственности нет и воров. Собственность не сводится к экономическим законам. Однако это понятно только тому, кто понял собственность, кто уразумел ее двуединую природу. Все права, связанные с собственностью, теряют почву и устойчи-

вость, когда нарушено двуединство. В конечном счете, в этом состоит причина превращения собственности машинного капиталиста в мнимую собственность, так же как и причина невозможности для государства сохранить свою собственность в условиях технического коллектива. Хищническая эксплуатация природных ресурсов, проводимая в эпоху технизации, несовместима с собственностью. Порядок, основанный на собственности, разваливается, если собственность не признается, если нарушается внутренне присущее ей двуединство. Собственность предъявляет к собственнику неукоснительные требования. Уклонившись от заботливого выполнения своих обязательств, он тотчас теряет собственность. Пользоваться чем-то, потреблять он может лишь в пределах, обозначенных правом собственности. Собственность определяется своими границами. Именно потому, что она охватывает вещь, мир вещей в совокупной цельности, эти границы выражены основательно и отчетливо. Границы устанавливаются не только собственником, но и самими вещами. Представить себе собственность как нечто безграничное невозможно — этому препятствует уже сам факт соотнесенности лица и вещи. Определяющим моментом собственности являются ее границы, границы обеспечивают ее устойчивость. Из этого проистекает вековечное стремление обозначить границы собственности чувственными, зримыми знаками, так чтобы они были видны каждому. Отсюда *murus romanus* — римская стена как самый зримый знак этой собственности. Сознаюсь, все эти каменные стены, большие и малые, на которые по сей день повсюду наталкиваешься в Италии, зачастую меня раздражали, когда упрямо вставали у меня на пути, мешая бродить по полям. Я встречал их порой в таких местах, где, казалось бы, и не стоило их возводить: на горных склонах, вокруг скудных пастбищ и крошеч-

ных лужков, где затраченный на них труд не окупался даже убогой выгодой. Воля и желание обозначить свою собственность явно перевешивали здесь соображения пользы. *Proprietas** означает в латыни не только «право собственности», но и «особенность, особенное свойство». Особенное свойство собственности состоит не в чем ином, как в ее ограниченности, в том, что у нее есть границы. Это качество собственности требует своего соблюдения, и собственность предписывает собственнику соблюдение своих законов. Пашня, виноградник, скотина, дом требуют ухода. Уход стоит труда, не всегда приятного человеку. Но он не может сбросить с себя это бремя, он вынужден трудиться, ухаживая за своей собственностью, или отказаться от нее в пользу другого хозяина. Порядок, основанный на собственности, может быть только порядком рачительных хозяев. Где нет рачительного хозяина, там нет и собственности. Поэтому до появления порядка, основанного на собственности, не было и хозяйской рачительности. Кочевники, промышлявшие охотой, ни за чем, разве что кроме своего оружия, не ухаживали. Кочевые пастушеские племена ухаживают за стадами. Но там, где совершился переход к оседлой жизни, где люди начали обрабатывать почву, где образовалось крестьянское хозяйство, уход за ним становится разносторонним и полностью занимает человека.

То, что человек превращает в свою собственность, взято из дикой природы, оттуда, где нет никакой собственности. Никому не принадлежащее, не ставшее ничьей собственностью можно найти только в дикой природе, где все существует в немереном количестве без границ и названия. Но то, что человек оттуда забирает, служит ему только при заботливом уходе. Не охваченное заботой утрачивается. Собственность, предоставленная самой себе, перестает быть собствен-

ностью, возвращается в лоно неизмеренного. Вещи, которые служат человеку, приходят в негодность, земля вместе с цветами и деревьями дичает, растения погибают или возвращаются в состояние дикости. Дома ветшают, хижины разваливаются. Нельзя не заметить, как живо стремятся все вещи отбросить ту форму, которую придал им человек, чтобы вернуться в изначальное состояние. Все принимает ту форму, в которой оно жило до того, как его коснулась рука человека. Заботливый уход — условие, при котором собственность приносит пользу своему владельцу. Однако появление собственности нельзя выводить из пользования. Пользование без заботливого ухода не ведет к образованию собственности. Пользование без соответствующего ухода характерно для поведения человека до появления собственности. Но там, где собственность уже сложилась, пользование без соответственного ухода представляет собой воровство, наглое хапанье, бесхозяйственность, расхищение.

Собственность имеет границы и связана с ограничениями, потому что всем вещам свойственны границы. Есть они и у человека: границы определяют его, обеспечивают его отдельность. Если отменить собственность, вместе с ней должны будут исчезнуть опирающиеся на нее границы и межевые знаки. Каковы будут последствия? Выступит наружу демонический характер мира, лишенного собственности. Люди сблизятся друг с другом, так как между ними уже не будут стоять вещи. Это будет пугающая, просто невыносимая близость. Предположим, что право собственности окончательно ликвидируется, включая и то, которое юристы называют правом владения. Итак, предположим, что оно исчезнет: что же тогда останется? Останется то, что связано с правом распоряжения: человек будет распоряжаться миром вещей. Но каков же должен быть мир вещей, главным призна-

ком которого является то, что им распоряжаются? Вследствие того, что миром вещей распоряжаются, меняется само понятие вещи. Возможность ею распоряжаться не является признаком вещи, а представляет собой нечто сопутствующее; в понятие вещи входит признак пространственной ограниченности, отдельности предмета, не являющегося человеческой личностью. Ни понятие собственности, ни понятие вещи не могут опираться на такой признак, как возможность ею распоряжаться. Там, где это делается, должно измениться само понятие вещи, так как границы вещей зависят от того, насколько произвольно ими распоряжаются. Каким же образом это может происходить? Только таким образом, что лицо, которое оказывает решающее воздействие на порядок, установленный границами вещей, само становится объектом, которым можно произвольно распоряжаться. Там, где главным является право распоряжаться вещами, за ними признается только возможность полезного применения, а полезное применение в первую очередь означает использование. Использование представляет собой самый примитивный вид отношений между человеком и миром вещей. Оно не есть право собственности или владения. Использование продолжается, пока вещь не будет истрачена до конца, для такого использования мне не надо думать о приумножении, заботливом уходе, осваивании вещей. В использовании коренится вся наша бедность и нищета, ибо использовать что-то должен даже последний на свете нищий — по крайней мере это ему доступно.

Техническому коллективу свойственно использование и потребление вещей, и если хорошенько приглядеться, то мы увидим, что это целиком характеризует человека, растворившегося в техническом коллективе. Такой коллектив живет одним днем: он

производит потребление и потребляет продукцию. Круг работ, необходимых для такого существования, определяется механикой; принцип этой работы — растущее ускорение, ибо чем скорее продукт производства потребляется, а потребление вызывает производство продукта, тем более рациональным оказывается использование дорогостоящей машинной техники, которая тогда работает на износ. В ходе этого процесса все труднее выделяется собственность. Если же он приобретает достаточную степень ускорения — а это наступает в тот момент, когда автоматизм начинает играть ведущую роль, — то об образовании собственности больше не может быть и речи. Ведь в результате упразднения личностных границ отдельных вещей собственность вовлекается в потребление, она отчуждается и уничтожается путем использования. Собственность не может опираться на употребление и использование, так как по своему понятию она еще прочно связана с тем, что не растрачивается путем потребления, с вещью, существующей для себя, чья субстанция не подлежит растрате. Подмена представления о вещи, существующей для себя, чем-то другим означает конец права собственности. Мир вещей, потребляемых в условиях порядка, основанного на собственности, опирается на мир вещей, не подлежащих потреблению, и все, что можно взять из этого мира, подчиняется правилам пользования его плодами. Нарушив правила, я тотчас же ставлю под угрозу свою собственность. Эти правила действуют и в праве наследования, для которого характерны легитимность и континуальность, не допускающие перерывов и пробелов. Поэтому все действия, направленные против права наследования, против открытия наследства, являются действиями против собственности и основанного на ней порядка. К таким действиям относится налог на наследство, для его оправдания государство

так и не нашло удовлетворительного юридического обоснования. Но в техническом коллективе, где достояние, передаваемое в наследство, все уменьшается, этот налог воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и поэтому для его взимания не требуется юридического обоснования. Государство же не могло подыскать правового обоснования, пока оно само, подобно собственности, опиралось на право наследования.

Тот факт, что вещи, на которые распространяется право собственности, со временем более или менее быстро изнашиваются, теряют свою полезность и что в этом случае возможен отказ от собственности или, как выражаются юристы, возможна их дерелинквация, не наносит ущерба праву собственности. Однако если бы не существовало других вещей, кроме потребляемых без остатка (*res, quae usu minuuntur vel consumuntur**) или заменимых (*res, quae pondere, numero, mensurave constant***), то есть вещей, по определению предназначенных для потребления или продажи, как-то: продуктов питания или вещей, которые продаются и покупаются не поштучно, а по весу или объему, то в этих условиях не мог бы сложиться устойчивый порядок, основанный на собственности. Между тем всегда существуют и другие вещи, с которыми мы неохотно расстаемся, даже когда нам грозит опасность, когда мы находимся в бедственном положении или под давлением необходимости. Есть еще земля, своя земля, а земля и в огне не горит и войну перестойт. Я часто слышал эту поговорку, потому что вырос не в техническом коллективе, а в мире собственности, в деревне, и мои родители и наши соседи были людьми этого мира. Понятие соседства обозначает разграничение, принадлежит порядку, связанному с собственностью. Соседство относится к области пространственных отношений, так что есть большая разница в

том, живешь ты только в окружении современников или еще и рядом с соседями. Там, где кончаются соседские отношения, — а они кончаются там, где начинается технический коллектив, — там уже не бывает и соседей. Нетрудно заметить, что крестьянская скупость, суровость, недоверчивость и замкнутость связаны с тем, что крестьянин является собственником. Эти черты вырабатываются у него под влиянием бережливости и заботы о своей собственности. Человек технического коллектива в этом смысле не скуп, он и не может быть скупым, так как в его мире — мире, где нет собственности, — скупости не на что опереться и мало что может способствовать ее развитию. Люди начинают пренебрежительно относиться к собственности, в особенности к чужой. Но человек технического коллектива — и не даритель, он не сыплет щедротами, потому что подарки, щедроты занимают в рамках коллектива лишь незначительное место. Да в мире труда и не может быть иначе. В этом мире, который представляет собой чередование поступательного и обратного хода механических рабочих действий, по-настоящему нет места счастью и удаче (о чем здесь и идет речь). Удача приходит неожиданно-негаданно, ей любезно все непредвиденное и неожиданное. Фортуны нельзя привязать к механически определенному месту, механически определенному времени и мастерскому навыку механической работы.

Собственность вырастает на такой основе, в которой отсутствует убыль субстанции. Уже этот факт позволяет разглядеть иммобильное, не допускающее распоряжения собой начало собственности. Недоступность для распоряжения представляет собой коррелят субстанциальной сохранности. Эти два свойства соответствуют друг другу так же, как доступность для распоряжения соответствует потерям субстанции. Оста-

ется добавить, что имущественная собственность довольствуется небольшой прибылью. Чем она имущественнее, тем меньше приносимые ею доходы, в особенности те, которые, отделяясь от нее, поступают в свободное распоряжение, превращаясь в подлежащие обмену материальные блага, или из материальных благ превращаются в деньги. Этим больно сейчас все крестьянское хозяйство, оказавшееся в условиях коллектива. Какой из этого следует вывод? Вывод состоит в том, что денежное хозяйство начинается с усиленного потребления и развивается вместе с ним, его предпосылкой является увеличение доли используемого дохода. При замкнутом в себе и основанном на собственности хозяйствовании деньги не имеют большого значения. Этот замкнутый порядок может быть нарушен только при увеличении доли использования дохода. Большой объем обменного продукта взрывает собственническое хозяйство изнутри, деньги его расшатывают. Однако использование доходов сдерживается вещественными границами собственности. Вещественные границы можно сохранять только в условиях, когда определяемая ими собственность не подвергается субстанциальной убыли. Для сохранения вещественных границ необходимо при усиленном использовании приумножать субстанцию собственности путем тщательного ухода. Приумножение субстанции всегда предшествует использованию.

В техническом коллективе усиленному использованию предшествует убывание субстанции. В этом уже заложены условия утраты собственности, поскольку в коллективе собственность не имеет значения. Доказательством этому может служить отношение к почве. Утверждение, что отказ от пустующих и лежащих под паром полей и введение искусственных удобрений означает наступление на крестьянскую собственность, многие воспримут как преувеличение. Между тем с

появлением машинной техники в земледелии это становится очевидным фактом. Мы, разумеется, не собираемся оспаривать необходимость искусственного удобрения в условиях коллектива. Ведь это, в точном смысле слова, мир без гумуса, мир, который непрерывно уничтожает существующий гумус и в котором чрезвычайно затруднено образование нового гумуса. Посыпание полей искусственными удобрениями служит наглядным подтверждением того, что естественное почвообразование отстает от потребности человека. Плодородная почва, та земля, которая прежде спасала собственника, помогая ему пережить все войны и все пожары, обнаруживает теперь характерные признаки нехватки. Множатся площади истощенных, неплодородных земель. В этом может убедиться всякий ознакомившийся с данными почвоведения. Машина по своим свойствам находится в глубоком противоречии со всем, что связано с гумусом. Она страшно далека от процесса всеобщего превращения, во многом служащего залогом надежды, ведь машина совершенно стерильна как порождение особого рода мышления, для которого не существует превращений, а есть только прогресс, развитие, искусственное разведение, отбор и прочее в этом роде.

14

Собственность, говорят юристы, есть исключительное право господства над вещью. Такого определения достаточно, чтобы очертить юридическое содержание собственности. Но оно отражает лишь одну половину истины. Границы вещей имеют также и личностное выражение. Анонимная собственность, в сущности, невозможна. Это доказывается хотя бы тем, что понадобилось изобрести понятие юридического лица. Юридическое лицо, которое называют также мораль-

ным, мистическим, или фиктивным, лицом, конструируется по образцу физического лица. Этому лицу приписывается правомочность физического лица, обладающего правами и обязанностями. Юридическое лицо в действительности не имеет телесного воплощения физического лица, однако фиктивно оно представляет собой существо, способное осуществлять правовые действия. Таким образом, государства, церкви, общины, университеты образуют юридические лица, являющиеся субъектами публичного права, а частные корпорации, фонды и учреждения образуют юридические лица, являющиеся субъектами частного права. Выступая как субъекты права, они приравниваются к физическому лицу, а их собственность приравнивается к собственности физического лица и выступает в виде собственности правового субъекта. Они стремятся к тому, чтобы персонифицироваться в некое лицо, и оформляются в юридическое лицо. Личностное начало является признаком целостного собственнического порядка, в то время как завуалированность права собственности является следствием анонимности властных отношений, анонимного участия, анонимных обществ. Мнимая собственность расширяющегося машинного капитализма маскируется. Она становится неуловимой, перемещается в процессе концентрации и приобретает скрытые формы. Порядок собственности становится фасадом, за которым действует система анонимного участия. С этого начинаются закрытые, тайные манипуляции влиятельных сил. Контролирующие силы не поддаются никакому контролю. Право распоряжения получает абсолютную самостоятельность. Оно уже не зависит от собственности, а, напротив, относится к собственности как к зависимому объекту, находящемуся на пересечении различных линий распорядительной сети. В условиях коллектива, который вытесняет право собственности,

растет число анонимных распорядителей, существующие правомочия тщательно скрываются от постороннего взгляда, руководящие органы, бюрократия и полиция коллектива все глубже уходят в тень анонимности. Они становятся неуловимы. Несмотря на то что все знают главных функционеров в лицо, так как повсюду мелькают их механически размноженные изображения, вычислить, что каждый из них решает, что составляет сферу их деятельности и что выходит за ее рамки, становится все сложнее. Неизбежным следствием такой анонимности, разрастающейся по мере распространения анонимной механики, является нарастание страха. Воля центра, воля, управляющая центральным рубильником, от которого зависит любая работа аппаратуры и организации, держит все под своим контролем; в то же время тот, кто лично всем управляет, недоступен ни для какого контроля. Он лишь терпит видимость такого контроля, сохраняя выхолощенные институты выборов, плебисцитов, парламентов, лишив их предварительно способности самостоятельного формирования воли.

Наглядность системы частной собственности означает наличие четких, устойчивых вещественных границ. Эти вещественные границы зримо выявляют собственность, а так как они связаны с личностью, то столь же зримо выявляют и собственника. Собственник в качестве лица осуществляет право владения таким образом, что сколь зримо он сам фигурирует как собственник, столь же зримо представлена и его собственность. Чем в большей степени он является собственником, тем отчетливей на собственности заметна печать его личности: видя собственность, я могу установить по ней собственника. Это становится возможным, потому что собственность имеет вещественные границы, которые требуют бережного отношения к себе. Собственник не может отделить себя от

собственности ни при каком условии, кроме отказа от нее или ее растраты в ходе хозяйствования. Точно так же он не может ничего присвоить без того, чтобы присвоенное не присоединилось к нему, не стало бы его собственным достоянием. Собственность дает ему ровно столько же прав, сколько налагает на него обязанностей. Если собственник пренебрежет этим условием, то сразу лишится своей собственности. На этом условии основывается экономическая ситуация собственника, только из нее можно понять, рационально осмыслить, что такое экономика. Определяющая роль лица для установления вещественных границ, присутствующее вещи требование бережного к себе отношения — вот условия, которые необходимы для появления экономики и благодаря которым она становится возможной. Заботливый уход предшествует использованию. Конечно, можно представить себе такую собственность, которой я не пользуюсь, но сам порядок собственности может основываться только на отношении, предполагающем заботливый уход и использование: неухоженная, неиспользуемая собственность не удерживается в руках человека. Возможно, этот вывод приводит как аскетов, так и нищих к отказу от собственности, поскольку и тот и другой знают о требованиях, предъявляемых вещью. Это решение необязательно должно быть связано с бездушным отношением, потому что оставлять вещь в неизмеренном или возвращать ее в неизмеренное состояние вовсе не значит поступать бездушно. Ведь вместе с обязательством заботиться о ней человек отказывается от ее использования. Но для человека, владеющего чем-то как собственностью, настоящее право собственности устанавливается только ценою взаимности. Растение я должен поливать, животное — кормить; и даже вещь, которая представляется неживой, но перестает быть неживой благодаря своему владельцу, требует от

него того, что ей положено по праву. Там, где собственность упраздняется, вещи отделяются от человека и, покинутые им, покидают его в ответ. Одного лишь использования вещей недостаточно для того, чтобы их удержать, так как использование означает потребление и, пользуясь вещами, я их потребляю. Такой мир изображается в сказке как страна Шлараффия — земля молочных рек и кисельных берегов, в технике же она предстает в виде заправочной станции. Утилитарность вещи — это ее пригодность для потребления. Почему же человек хиреет в таком мире? Потому что в нем он и сам неизбежно становится предметом потребления и тоже используется до полного износа.

В сравнении с собственностью владение есть лишь факт, нечто, что имеет место. Оно представляет собой фактическое господство, осуществляемое человеком в отношении определенной вещи. Теории, направленные против собственности, к владению относятся более благосклонно. Их апологеты не только стремятся к его сохранению, но и считают, что порядок, основанный на владении, может заменить собой собственнический порядок. Таким образом, апологеты антисобственнических теорий хотят заменить правовой порядок фактическими отношениями, фактическое отношение владельца вещи к предмету обладания должно стать определяющим моментом в отношениях между человеком и миром вещей и регулировать эти отношения. Владение представляется им более древним и невинным отношением к миру вещей, чем отношение, основанное на праве собственности. Но эта точка зрения некорректна, так как порядок владения сложился на основе собственности. Римское право не оставляет в этом сомнения. Право собственности включает в себя право владения, а там, где они разделены, собственник вправе вернуть себе свое досто-

яние. Напротив, право владения не включает в себя право собственности. Владение как фактическое положение дел противопоставлено собственности, представляющей собой юридическое право. На факте владения не может основываться правопорядок.

Почему римское право делает различие между обладанием (*detentio*) и юридическим владением? Сама формулировка этого различия показывает, что оно проводится с точки зрения собственности. Из теории собственности выводится теория владения; владение понимается как производная от собственности. Право собственности остается уздой, которая управляет владением. Недоверчивое отношение к владению характерно для римского права, которое держит владельца в четко очерченных границах, обозначенных собственностью. Подчеркивая различие между фактическим и юридическим владельцем, оно делает это во имя собственности, исходя из собственности. Владение — это простое обладание вещью, у владельца отсутствует *animus rem sibi habendi** — воля к единоличному обладанию данной вещью. Он зависим от другого лица. Он держатель вещи, и его обладание всегда вторично по отношению к чужой собственности. В отличие от держателя, юридический собственник владеет этой вещью и желает быть ее единственным хозяином. В его лице представлены *corpus*** и *animus**** хозяина, ему присущ *animus domini*****. *Animus domini* присущ не только тому владельцу, который одновременно является собственником, но и тому, кто по добросовестному убеждению считает себя владельцем (*bonae fidei possessor******), и залогодавцу, получившему какую-то вещь в качестве залога, и вору, который ее украл. Юридические владельцы обладают вещью как собственностью, не имея ее в своей собственности. Их отношение к вещи тождественно отношению собственника в том смысле, что

они обладают исключительным правом собственности на эту вещь. Как легко можно заметить, эта форма юридического владения также основана на праве собственности, зависит от него и не могла бы существовать, если бы не было собственности. Владение как отдельное, самостоятельное право не может существовать, поскольку неизвестно, на что бы оно тогда могло опираться. Захват представляет собой самый древний способ приобретения. *Res nullius occupanti cedit*; в этом случае вещь отходит к владельцу, переходя в его собственность, а не во владение. Однако дальнейшее развитие права владения показывает, что захвату отводится уже лишь незначительная роль.

Как ни убедительна на первый взгляд мысль о том, что с исчезновением собственности можно будет обходиться правом владения, в действительности ее реализация оказывается невозможной. На фактическом господстве, которое предполагается правом владения, далеко не уедешь. Защита законом владельца, независимо от того, подкреплена его требование правом или нет, означает защиту права владельца в рамках порядка, основанного на собственности, а не вне его. В рамках этого порядка добросовестный владелец и владелец, чье право приобретено за сроком давности, становятся собственниками, а владение движимыми вещами служит основанием для того, чтобы признать за владельцем право собственности. Владение является следствием собственности и возвращается в рамки собственности, оно остается сопутствующим.

Если же государство оставляет за собой право собственности, выступая в качестве единственного привилегированного собственника, монопольного обладателя собственности, в качестве такого юридического лица, по отношению к которому все физические лица являются владельцами и держателями, то оно и должно вести себя как собственник. Государство должно

признавать и бережно охранять вещественные границы собственности. Только в этом случае оно станет преуспевающим собственником, а иначе утратит свою собственность так же, как утрачивает ее в этих условиях любой частный собственник. В условиях коллектива государство оказывается в таком же положении, в каком оказался в свое время машинный капиталист, желавший оставаться собственником по отношению к собственным машинам. Монополизированная собственность государства преобразуется в техническом коллективе. Таково ее предназначение, которого она не может избежать. Собственность государства вкладывается в развитие и расширение коллектива и таким образом исчезает, как исчезают вырубаемые и искусственно не возобновляемые леса, как исчезают месторождения в результате выкачивания и использования запасов. Бережное отношение к вещественным границам не входит в число задач коллектива. В условиях коллектива неизбежен процесс отчуждения собственности, но в результате экспроприации коллектив еще не превращается в собственника. Коллектив и порядок, основанный на собственности, в настоящее время так переплетены друг с другом, находятся в таких запутанных отношениях, что зачастую в них трудно разобраться. Но где царит автоматическое производство, где изготавливается потребление и выработанная продукция потребляется, сопровождаясь все возрастающими убытками, неразрывно связанными с машинной техникой, там как раз и находится место, куда в условиях технического коллектива проваливается собственность. Вместе с нею уменьшается и право владения, так как статус владельца отнюдь не характерен для рабочего. Он — держатель, не владеющий техническими средствами производства и не имеющий на них права собственности, стать собственником и владельцем он может только вне технического коллектива.

Если коллектив более терпим к владельцу, чем к собственнику, то это обусловлено определенными причинами. Владение наносит миру вещей больший ущерб, чем собственность. Хотя владение предполагает известную обоюдность, однако она выражена далеко не в такой сильной степени, как обоюдность, свойственная собственности, поскольку право владения не носит исключительного характера, а следовательно, и не накладывает на владельца исключительных обязательств. Поэтому владелец не может быть таким же заботливым попечителем, как собственник. Владение стоит к потреблению ближе, чем собственность, оно теснее связано с использованием. И там, где пошатнулись устои собственности, владение становится более ущербным, растратным и расточительным, оно все более подстраивается под потребление.

К чему ведут все эти рассуждения? Человек в наше время становится все менее способным к тому, чтобы иметь собственность. Это связано с развитием и распространением машинной техники, которая использует для себя собственность, нанося ей урон, потому что она нацелена на производство и потребление, на использование и безжалостное потребление. В той сфере, где царят машины, понятия, связанные с собственностью, выхолащиваются, в этой сфере на первый план выходит голое пользование. Что может быть пригоднее для использования, чем машина? Пригодность машины к использованию столь велика, что машина способна не подчиняться собственности, ее можно воспринимать и понимать с точки зрения применения, отвлекаясь от всего остального. Однако всякое использование носит односторонний характер, в использовании отсутствует обоюдность. Техник только пользуется окружающим миром, поэтому он его истребляет всеми средствами проницательного, строго последовательного, рационального мышления. Но ис-

требляя окружающий мир путем использования, Техник не создает ничего такого, что могло бы восполнить урон, нанесенный потреблением. Его ссылки на огромные достижения в области развития техники и организации не могут служить оправданием. Потому что и аппаратура и организация, как бы великолепно они ни были сконструированы, все равно остаются механизмами потребления.

15

Деньги и материальные ценности, отличные от денег, в правовом отношении подчиняются одним и тем же основным понятиям, однако между ними изначально существуют различия. Деньги все более и более отделяются от вещей и материальных ценностей, утверждаясь в качестве особой силы, противостоящей всему остальному миру вещей и занимающей по отношению к ним командную позицию. Деньги завоевывают себе господствующее положение в мире вещей, превратившись в посредника, сосредоточившись исключительно на задаче обращения, обретя законную силу погашать любые обязательства и служить средством адекватного расчета по любым сделкам. Деньги сберегают труд и способствуют разделению труда. Такое множество достоинств привело меркантилистов к мысли, что все богатство страны заключается в денежной наличности. В этом были согласны Кольбер и Кромвель. А так как в их странах не было рентабельных месторождений золота, они превратили в золотые жилы торговые балансы и навигационные акты своих стран. Мы живем в условиях, которые сильно отличаются от условий того времени. Кроме того, богатый опыт прошедшего времени приучил нас отводить деньгам более скромное место. Уже в вещественных деньгах, превращающихся в валюту, деньги

выделяются из мира вещей. Конечно, пока деньги привязаны к какой-то денежной материи, их еще можно считать вещью. Но это особая вещь, она не подпадает под юридические определения других вещей и становится мерой ценности материальных благ. В символических деньгах деньги отделяются от своей материальной основы, а при безличных расчетах утрачивают даже и символический характер. Этой стадии развития деньги достигают в XIX веке.

В XIX веке, как и в другие века, существуют две разновидности капитала, между которыми можно установить различие. Финансовый капитал и промышленный капитал отличаются друг от друга, как и персонафицирующие их люди. Между ними царит напряженность, проявляющаяся во всех областях; эта напряженность между владельцами денег и владельцами вещей, между финансистами и промышленниками, доходящая иногда до вражды, очевидно, должна иметь глубокие корни. Понятно, что для машинного капиталиста лучше всего обходиться собственными денежными средствами, не занимать денег и не обращаться к тем, у кого имеются свободные деньги, то есть к крупным финансистам. Таким удачным образом складываются дела для отдельных промышленников, когда вследствие благоприятной конъюнктуры и собственной предусмотрительности у них оказываются под рукой необходимые «свободные деньги». Однако такое положение не может складываться в целых промышленных отраслях, тем более во всей машинной сфере, развитие которой принимает гигантские масштабы. Все умы заняты проблемой добывания кредитов для этого быстрого расширения сферы машинной техники. Кредит же означает доверие, то есть выдача кредита зависит от степени доверия, которую вызывает его получатель. В кредитном деле началось мощное движение, которое захватило все его области:

кредит частный и общественный, краткосрочный и долгосрочный, инвестиционный и оборотный, потребительский и производственный, необеспеченный и кредит под залог, кредит под движимость и под недвижимость. Банки, общества и товарищества кредитования, народные банки, ссудные и сберегательные кассы выросли как грибы после дождя.

Процесс распространения машин имеет два аспекта. Первый характеризуется анонимностью, так как машина представляет собой конструкцию в высшей степени анонимную, ее безымянная работа отделена от личности и разрушает все личностные отношения. Машинная стихия анонимна, как наводнение или оползень. Второй аспект заключается в том, что большая часть изобретателей, держателей и пользователей патентов принадлежит к числу беднейших людей, которые могут начать дело только если получают деньги. Финансовый капитализм и промышленный капитализм участвует в одном и том же процессе, они необходимы друг другу и никак не могут друг без друга обойтись. Процесс, которому посвящена их деятельность, — это процесс эксплуатации, и каждый из партнеров вкладывает в него все свои способности и знания; одна сторона вкладывает в него свой капитал, другая сторона вкладывает машины, патенты и права на их использование, трудовые ресурсы и т. д. Машинный капиталист в ходе развития машинной техники превращается из коммерсанта и собственника в техника и функционера. Меняется и финансист. Было бы ошибочно представлять его себе только как экономиста, чем лучше он усваивает законы движения денег, тем меньше в нем остается от экономиста. Чем лучше он усваивает соответствующие правила, тем больше превращается в финансового техника. Движение денег, которое совершается так легко и незаметно, не производя какой-либо видимой работы, пред-

ставляется для непосвященного человека темным, таинственным и пугающим процессом. Непосвященный человек живет в мире вещей. Все фикции и абстракции, на которых основано финансовое дело, условия кредита, вопросы, касающиеся валюты и обеспечения, законы ренты, займы, проценты, правила денежного обращения, притока и оттока денежных масс, остаются для него непроницаемой тайной. В денежных операциях непосвященного человека интересует главным образом возможность спекуляций, пустившись в которые ради наживы, он зачастую оказывается в проигрыше. Уровень всех спекуляций определяется степенью риска: чем выше риск финансовой операции, тем больше в ней доля спекулятивной игры. Добывание денег на развитие машинной техники сначала принимает вид спекулятивных сделок. Действие финансового механизма оказывается для неспециалиста самой непонятной вещью, и он по своему незнанию часто бывает склонен видеть в финансовом капиталисте могущественную анонимную силу, стремящуюся тайными путями достигнуть господства. В этом представлении верно то, что финансовое дело достигло той же степени анонимности, что и машинная техника; в обоих случаях анонимность является побочным следствием механизации. Нельзя отрицать, правда, что банкир издавна, начиная со средневековья, когда запрещалось ростовщичество, имел сомнительную репутацию. Причина здесь не только в том, что люди, которым срочно требуются деньги, обычно находятся в бедственном положении, а кредитору ставят в вину, что он пользуется чужим несчастьем. Дело скорее в том, что наивный ум не может понять, как это деньги порождают деньги, каким образом один лишь факт течения времени способен умножать их количество. Средневековому мышлению, этому словесному мышлению рыцарей, крестьян и духовенств-

ва, незнакомо было современное понятие энергии. Сила, или энергия, в его представлении не могла выступать в качестве причины, объясняющей различные явления, поскольку эта причина не воспринимается органами чувств и может быть осознана только по производимому ею действию. Никто не знал, что сила характеризуется точкой приложения, направлением действия, величиной и мощностью, как не знал и того, что единица силы одновременно может служить и единицей веса. Законы равенства действия и противодействия, гравитации, притяжения и отталкивания были тогда так же никому не известны, как и аффиность, сцепление, капиллярность, молекулярные и атомные силы. Никто не подозревал о существовании энергии и законе ее сохранения. Все это находилось за пределами средневекового мышления, ничего не ведавшего даже об античных законах статической механики.

Идея силы (энергии) впервые заявляет о себе в области финансового дела, а с развитием динамики она выходит на первый план. Напряжение, вызываемое развитием финансов уже на раннем этапе, возникает вследствие трений, вызванных тесным соприкосновением с вещным хозяйством и хозяйственной деятельностью, основанной на собственности. Этот конфликт не оставил равнодушной церковь и вызвал оживленный отклик служителей пера, среди которых был и Лютер. Все, что касается денег и процентов, представлялось подозрительным с точки зрения нравственности. Самое слово «финансы» приобрело нехорошее значение, как это можно видеть на примере Себастьяна Бранта, который в своем «Корабле дураков» употребляет его в значении «издевательство», «мучительство», «ненависть» и «обман». В понимании юристов деньги представляют собой нечто потребляемое и заменимое. Хозяйство, основанное на собственности,

не может опираться на деньги, деньги не могут служить его основой. Зато денежное хозяйство опирается на собственность и наносит ей урон. Путем денежных операций я могу получить доступ к миру вещей, приобрести над ним власть. Такого значения и могущества деньги достигают там, где они участвуют в крупной торговле. Торговля и деньги издавна породнились между собой, и примеры таких семейств, как Медичи, Фуггеры и Вельзеры, не самые ранние в истории. На юге Германии до сих пор сохранилось слово «verfugger»,* означающее «загнать, продать». С зарождением машинного капитализма финансовый капитализм поднимается на новую ступень могущества. Финансирование машинного капитализма — сложное дело, при котором решается вопрос о распределении риска. А тот факт, что это неизбежно связано с распределением риска, объясняется тем, что денежное хозяйство и вещественное хозяйство (хозяйство, основанное на собственности) не тождественны друг другу, следовательно, между ними должно устанавливаться соответствующее соглашение. Деньги, товар, предназначенный для обращения, с развитием механики становятся все более самостоятельной силой, что проявляется в их превращении в капитал, то есть в нечто такое, смысл чего открывается только если подходить к нему с понятием силы, так как капитал есть не что иное, как сила. Превращение денег в законное средство оплаты, валюту, меру стоимости, символические деньги и безналичные деньги представляет собой ряд процессов, в ходе которых развивается механика финансового дела. Деньги становятся настолько заменяемым предметом, что в их отношении невозможным оказывается собственнический иск, по крайней мере такой иск, где речь шла бы об определенных, отличных от других, денежных знаках. В средние века для ведения войны требовалось наличие крепостной башни, которая была

наполнена золотом. Этот способ тезаврации уже показывает, что понятие силы имело тогда статический характер. Когда оно сменяется динамическим, тезаврирование и накопление сокровищ постепенно прекращается. Если сегодня где-то и собираются запасы золота, они служат аккумулятором. Между сокровищем и аккумулятором имеется значительная разница.

«При коммунизме, — говорит Маркс, — сила денег не упраздняется, а благодаря своей всеобщности приобретает еще большую власть над человеком». Если заменить в этом положении слово «коммунизм» словами «технический коллектив», оно будет верным по содержанию. Об отмене денег в техническом коллективе, разумеется, не может быть речи. А аграрные коммунисты вроде Бабефа или Оуэна, который был фабрикантом, не имеют никакого отношения к коллективу. Совершенно в другом направлении развиваются и теории Бакунина, который, подобно Оуэну, делал ставку на мелкие самостоятельные общины и желал отмены государства, религии и семьи. Анархизм этого толка не является влиятельной силой, но для того чтобы остаться верным себе, он должен выступать против технического коллектива. В отличие от них «Манифест», провозглашающий в числе своих первоочередных мер экспроприацию частной земельной собственности, вовсе не собирается менять денежное хозяйство, а, не обмолвившись о нем ни единым словом, сразу же переходит к централизации кредита в руках государства. Она производится путем образования национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией. Частный капитализм заменяет этот монополичный капитализм, в действие вступают принципы государственного капитализма, которые ничем не отличаются от частнокапиталистических, — переход полномочий от частных лиц к государству не меняет механического ха-

рактера денежного хозяйства. Такой коммунизм означает плавное, без каких-либо сломов и разрывов, продолжение капиталистического денежного и кредитного хозяйства, это коммунизм, работающий на капиталистической основе, при котором происходит дальнейшее развитие технического коллектива.

Вопрос состоит в том, может ли коммунизм быть другим. На этот вопрос можно ответить только следующим образом. Коммунистические принципы могут быть проведены в жизнь лишь постольку, поскольку они будут соответствовать правилам технического коллектива, то есть в той мере, в какой они подчинятся и приспособятся к правилам механическим. Это положение необратимо. Технический коллектив несовместим с установками аграрного коммунизма, несовместим он также и с коммунизмом, отвергающим централизованное планирование и останавливающимся на маленьких автономных общинах. Технический коллектив совместим только с таким коммунизмом, который полностью ориентирован на механическую аппаратуру и во всем согласован с ней и организацию труда. Такой коммунизм вполне может сочетаться также и с денежным хозяйством, сложившимся в условиях капитализма, и более того: ни при каком другом он просто не может существовать. Это денежное хозяйство является сферой механики, превращается в финансовую технику и представляет собой не что иное, как применение механических принципов в области денег; эта тема заслуживает отдельной книги. То, что относится к финансам, все более и более превращается во время и подчиняется понятию мертвого времени. Как человеку из специального центра общается точный час мертвого времени, так и его денежное хозяйство подпадает под действие технически отмеренного мертвого времени и регулируется им настолько же механически, насколько механически регулируется работа, развлечения и вообще вся человеческая жизнь.

Сохраняется ли в техническом коллективе напряжение между финансовым и промышленным капиталом? Да. Хотя в условиях технического коллектива по вопросам, касающимся развития аппаратуры и денежных инвестиций, в органах управления принимаются централизованные решения, однако функционеры, принимающие эти решения, сталкиваются с теми же противоречиями, которые существовали между денежным и вещественным хозяйством, между финансовым и промышленным капиталом при капитализме. Различие сводится к тому, что в конфликте теперь участвуют не частные капиталисты, а организации, административные органы и отделы. Это значит, что частные финансовые капиталисты и промышленные капиталисты влились в коллектив и, превратившись в функционеров, продолжают в нем свою работу и свои распри.

16

Уже в XIX веке деньги и машина все успешнее сотрудничают друг с другом. Технический коллектив развивается, собственность все больше и больше отесняется на задний план. Хорошее представление можно получить об этом процессе, сравнив его с процессом проникновения грибницы в субстрат, в ходе которого образуются столоны, отростки, пленки, склероции и многочисленные присоски. Это сравнение особенно здесь подходит, так как в сфере насковь автоматизированной техники разрастающаяся механика порождает паразитарные образования. Присоски, которые выпускает из себя механика, размножаются в чудовищном количестве. Чем более массивное наступление ведет капитал, чем больше увеличивается его концентрация, тем явственнее становится этот процесс. Концентрация по своей сущ-

ности носит механический характер и в сфере промышленного капитализма опирается на количественное и качественное развитие машинной техники. В сфере финансового капитализма ее вызывает усиление механического начала в движении денег, которое требует централизации. Потенциальная и кинетическая энергия этого движения огромна. Попытки объяснить ее действием экономического принципа, то есть построить для нее некую телеологию, означают непонимание того, что вся экономика здесь поставлена на службу безжалостной воли, направленной на эксплуатацию. Преувеличивать значение рациональной стороны этого процесса значит не замечать того, что здесь все рациональное служит делу потребления ресурсов. Если такой ученый, как Мах, в книге «Механика в ее развитии» предпринимает попытку объяснить или увязать механику с потребностью в экономном мышлении, с логическим идеалом, то пусть это остается на его совести. Иное дело, как используются достижения механического мышления, чем оборачивается логический идеал в земных условиях и какие последствия они имеют для человека. «Экономия науки» Маха имеет мало отношения к экономической науке. Экономность мышления, принцип, из которого Мах исходит, сводится к факту, известному из опыта: сталкиваясь с повторениями, мы стараемся сократить путь. Сокращение является такой способностью нашего ума, которая всегда помогала ему прокладывать путь. Между тем, как и при всякой умственной деятельности, при сокращениях часто нельзя избежать потерь.

Общение с окружающими людьми не рекомендуется строить на основе схематизма, свойственного такому экономному мышлению. Очевидно, что схематизм неприменим также в отношении исторических процессов. То, что Мах называет «экономической

функцией науки», на деле представляет собой привнесенное им в науку номиналистское требование. Это отчетливо подтверждается следующим высказыванием Маха: «Вещь есть абстракция, название — символ комплекса элементов, изменения которых мы оставляем без внимания». Это старая формула — хотя схоласты оккамовской школы рассуждали иначе, тем не менее в таких сочинениях, как «*Summa totius logices*»* и «*Tractatus logices in tres partes divisus*»,** можно отыскать сходные формулы. О таких формулах нужно судить с учетом эпохи, то есть рассматривать их исторически. Пристально вглядываясь во что-то, теряешь остроту зрения; глаз перестает различать генетическую зависимость, теряется историческое видение предмета. Что же происходит при применении экономического мышления? Принятие выводов, основанных на познании, отрывается от исторической оценки фактов, то есть ученый оказывается слепым орудием исторического движения. Изредка на него, возможно, находит внезапное прозрение, например в тот момент, когда он, очнувшись, обнаруживает себя в качестве объекта собственного познания. Научное познание обособляется, когда забывают о человеке как объекте этого познания. Неужели же человек, как и вещь в вышеприведенном определении, представляет собой абстракцию, комплекс элементов, изменения которых мы оставляем без внимания? Может быть, наука, продолжающая эту позитивистскую линию, не зря игнорирует все объяснения своих предшественников. Однако это не спасает ее от последствий описываемых процессов. За эти последствия наука также несет ответственность. Ее утверждение, что она, дескать, занимается только описанием, не выдерживает критики. Такого «описания», каким, по ее утверждению, якобы занимается позитивистская наука, просто не существует в действительности. Все эти описания

являются уже образами, формулами, символами определенной воли. Наука теперь знает, что она не может описывать, не разрушая, поскольку всякое описание предполагает наблюдение, а наблюдение уже изменяет объект наблюдения. Почему? Потому что наука имеет дело не с нейтральными описаниями, а с волевыми актами. Потому что эти волевые акты, осуществляемые принудительно камерой Вильсона и гигантскими циклотронами, представляют собой не описание, а насильственные методы, под мощным воздействием которых у природы вырываются искомые данные. Все результаты, полученные таким путем, заранее предопределены характером исследовательской воли. И природа дает на это свой ответ. Она отвечает тем, что изменяет условия жизни каждого человека и общества в целом. Картины, создаваемые этой волей, почему-то не желают спокойно оставаться в мирной, как нейтральная Швейцария, сфере познания, в качестве описаний; эти картины надвигаются на нас, осаждают нас с той же мерой насильственного воздействия, какую применяли для их получения. Если человек не видит этого, значит он вообще ни о чем не думает, хотя в тиши своей маленькой лаборатории проводит тончайшие и хитроумнейшие опыты. Механике как науке ничего не соответствует ни в природе, ни в истории, она существует в человеческих головах. А в человеческую голову легко может взбрести странная мысль, будто бы все представления о мире основаны только на совершенно пассивном материале, то есть немymi, покорными, мертвыми субстратами, которые ведут себя так смиренно, что даже не шелохнутся. Но мышление способно изменять не только окружающий мир, но и самого человека, который дал изменениям первый толчок. Каждая мысль, которая у меня появилась, изменяет меня, а если она достаточно сильна, то заметно изменяет и других людей. Я могу создать

небывалую механическую аппаратуру. Но, создав ее, я не могу не вызвать изменения организации труда. И вот появляется новый человек, рабочий, — прежде невиданный субъект аппаратуры, однако будучи ее субъектом, он в то же время является объектом порожденной этой аппаратурой организации труда. Проблемы рабочего, его нужды и страдания, его мечты о господстве и власти мы поймем только с учетом стоящего за ними сцепления аппаратуры и организации, а также с учетом того, как это сцепление отражается в его представлении. Отделение труда от руки и ручных орудий превращает ремесленника в рабочего. Тогда, в силу этого отделения, он вовлекается в движение, автоматизм которого постоянно увеличивается. Рабочий сам движется в русле нормирования, оказываясь под влиянием воздействия, которое оказывает на него аппаратура. Езда на машине не может не изменить моего зрения, а кинофильмы не могут не изменить моего зрения и слуха. Я вижу, слышу, мыслю кинетически, я вовлечен в русло автоматизма и нормирования. В процессе дробления на части рабочий является не только субъектом, но одновременно попутчиком и объектом дробления. Опираясь на аппаратуру, организация приобретает способность воспринимать человека как часть, как одну из мелких долей дробного целого и в этом качестве включать его в свою сферу. Она дробит не только время и движение человека, но и организует его самого как частицу механического планирования. Имеющий глаза может видеть этот процесс повсюду, не в книгах и научных сочинениях, а на улице, в любом месте, в движениях, в мельчайших жестах. Процессы, происходящие в сфере фабричной механики, мы не можем ограничивать пределами фабрики — на это неспособна никакая экономия мышления. Абсурдно представлять себе, будто какая-либо научная гипотеза, откры-

тие, изобретение могут быть ограничены сферой аппаратуры, они неизбежно проявляются и в организации труда, воздействуют на рабочего. Лишь продумав все это, можно перейти к размышлениям о техническом характере исторического движения.

17

Вырастая в рамках капиталистического хозяйства до гигантских размеров, технический коллектив одновременно уничтожает структуры этого капитализма, стремящегося сохранить статус собственного капитализма. Это движение происходит согласно собственному ему неотвратимому закону. Отдельный капиталист-собственник, вначале бывший типичным явлением, оттесняется из авангарда этого движения. На первый план выходит производство, которое допускает здесь только механические определения. Производство отделяется от капиталиста-собственника. Оно уже не идентифицируется с определенным лицом, утрачивает личностный характер, становится анонимным. Подтверждением может служить акционерное право. Акционерное общество — это объединение капиталов, при котором личность исчезает, это анонимное общество — *société anonyme*, как называется такое общество во Франции. В основе стремления к анонимности вовсе не лежит, как полагают многие, какая-то особая хитрость капиталиста, который с помощью этой уловки хотел бы замаскироваться, стать невидимкой. На самом деле тут сказывается другое, а именно то, что в процессе развития механики с ней все хуже сочетается личностное начало. Механическое движение подталкивает к анонимности.

Производство разрастается, разбухает до громадных размеров; этот процесс происходит уже в рамках

технического коллектива, который всеми силами добивается его проведения. Эксплуататорские тенденции проявляются более энергично и подвижно, их усиление связано с автоматизацией механических средств. Внешне этот процесс протекает в форме монополизации промышленного и финансового капитала. Появляются предприятия-гиганты, комбинированные предприятия, комбинаты. Начинается объединение отдельных предприятий по принципу механической связи. Возникают тресты, картели и синдикаты, идет образование профсоюзов и партийных организаций. Ход этого движения можно проиллюстрировать следующим примером.

В 1865 году Кекуле, руководствуясь удивительной интуицией, предложил формулу бензола. Теория бензола Кекуле сыграла роль модели для научной работы, что подтверждается хотя бы тем фактом, что его ученик Вант Гофф впервые представил структуру молекулы не в плоскостном, а в пространственном изображении, став основателем стереохимии. Ассиметрическому тетраэдру атома углерода приписывается трехмерное строение. Вскоре началось бурное развитие стереохимии на материале исследования органических веществ: сахара, камфары, алкалоидов и терпенов. Неорганическая химия тем временем также не стояла на месте. Была создана периодическая таблица элементов, и Менделеев мог, подобно астроному, вычисляющему орбиты неизвестных планет, предсказывать существование еще не открытых элементов — их можно было угадать и даже описать на основании периодической системы. Теория осмоса, которую разработал Вант Гофф, применив газовые законы к ненасыщенным растворам, обнаруживает с ионной теорией электролитов, основателем которой был Аррениус, определенную аналогию. Что характерно для этого периода научных исследований, когда ведущая роль

в науке принадлежала химии, как в первые десятилетия XX века она принадлежала теоретической физике? Для этого периода, продолжавшегося с 60-х по 90-е годы XIX века, более характерно развитие научно-исследовательской работы, чем использование ее результатов в прикладных целях. Однако это происходило буквально накануне появления химической промышленности, в которой ее открытия и изобретения должны были получить практическое применение. И вот настал этот момент, поскольку для него имелись уже все предпосылки в виде мощного подъема синтетической химии. Открытое Кекуле бензольное кольцо стало ключом для освоения каменноугольной смолы, ключом к промышленному производству красителей, которое стало возможно благодаря изобретению синтетических красок. Соединившись с механикой, с аппаратурой, созданной техникой, химическая наука привела к эксплуатации месторождений, к использованию спавших до той поры мертвым сном веществ, заключенных в угле. С 90-х годов XIX века химическая промышленность начинает играть все более значительную роль, осваивая катализ, промышленный синтез, производство индантреновых красителей, коллоидную химию.

Эти работы, в которые вложено столько воли, проницательного ума, столько стремления к целесообразности и страстной борьбы за утверждение своей власти, вызвали восхищенное признание. Не восхищаться ими может лишь тот, кто дальше научных побед ничего не хочет видеть, кто и не думает задаваться вопросом: «К чему же все это должно привести?» Поняв, что этот рабочий процесс представляет собой усиленную эксплуатацию ресурсов, начинаешь видеть его уже в другом свете. Вникнув в соотношение, которое складывается при этом между машиной и собственностью, обнаруживаешь, как убывает собствен-

ность. Здесь имеет место право распоряжаться. Распорядительная власть над механическими приводными системами совпала здесь с возможностью осуществлять распоряжения и власть отдельного лица простирается на все, что подлежит этому праву распоряжаться. В первую очередь эти правомочия распространяются на аппаратуру и организацию труда, и чем сильнее в них представлено механическое начало, тем они абсолютней. Процесс образования трестов и монополий был неоднократно описан в литературе, в частности у Ленина в работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако его работа, как и все остальные, не вносит ясности в понимание этого процесса. Он описывается в привычных терминах марксистской экономики. Между тем в действительности этот процесс имеет совершенно другой смысл. Происходит внутреннее разрушение экономических структур машинного капитализма и их преобразование в технические структуры. Экономическое производство превращается в арену технического производства. Капиталист старой формации претерпевает перевоплощение из собственника в технического функционера. Апогей этого мощного развития становится тем поворотным пунктом, когда все радикально меняется. Собственность, благодаря которой выросли эти предприятия, оказывается исчерпанной, а их экспроприация только подтверждает тот факт, что они уже перестали быть собственностью в истинном смысле. Поэтому экспроприация ничего не меняет: ни сути механического движения, ни тенденций эксплуатации, которые выступают теперь в обнаженном, ничем не прикрытом виде. Там, где это движение достигает своего законченного развития, оно может сказать: «Механик теперь каждый, и каждый — эксплуататор».

Ленин описал этот процесс довольно-таки точно, сказав следующее: «Капитализм в его империалисти-

ческой стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению».* В основе этого процесса действительно лежит историческая необходимость, так как те же средства, которыми пользуется капиталист для достижения экономического господства, берет на вооружение и технический коллектив, с тем чтобы уничтожить и преобразовать господство капиталиста. Ленин, верящий в целительную силу организации, не замечает другого: он не видит того, что в основе организации лежит принцип эксплуатации, что машинный капитализм и связанный с развитием машинной техники финансовый капитализм представляют собой лишь первую ступень этого процесса эксплуатации. Ленин с восхищением цитирует такие высказывания Сен-Симона: «Теперешняя анархия в производстве, которая соответствует тому факту, что экономические отношения разворачиваются без единогообразного регулирования, должна уступить место организации производства. Направлять производство будут не изолированные предприниматели, независимые друг от друга, не знающие экономических потребностей людей; это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обозревать широкую область социальной экономики с более высокой точки зрения, будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества и передавать средства производства в подходящие для этого руки, а в особенности будет заботиться о постоянной гармонии между производством и потреблением. Есть учреждения, которые включили известную организацию хозяйственного труда экономической деятельности в

круг своих задач: банки». Учитывая, как давно это было написано, следует признать удивительную прозорливость автора. Но произошло то, чего не мог предусмотреть Сен-Симон, — столь горячо желаемая им общественная организация централизованного управления постепенно превратилась в технический коллектив, основанный на хищнической эксплуатации и использующий все средства для разграбления природных богатств земли и человеческих ресурсов. Этот коллектив не может превратиться из кровожадного льва в кроткого агнца благодаря тому, что перейдет из рук машинного капитализма в руки машинного марксизма. Марксизм не изменит его характер и волевую направленность. Такая перемена граничила бы с волшебством. Трезвомыслящий наблюдатель, не склонный искать причины в волшебстве, пока у него есть в запасе разменная монета рациональных объяснений, воспримет утверждение о подобной перемене с таким же чувством, с каким он воспринимает золотую рыбку, извлеченную фокусником из цилиндра. В 1872 году Бакунин написал о Марксе следующие слова, которые по праву можно отнести и к Ленину: «Маркс — авторитарный коммунист централизации. Он желает того же, чего и мы: полного торжества экономического и социального равенства, но равенства в государстве и через государственную власть, через диктатуру очень сильного и, можно сказать, деспотического правительства, то есть через отрицание свободы». И далее: «Мы желаем заново построить общество и конституировать человеческое единство, но они должны не насаждаться сверху какой-либо властью или социальными чиновниками, инженерами или официальными учеными, а устанавливаться снизу, посредством свободного объединения освобожденных от государственного гнета рабочих ассоциаций всех типов». Правда, именно в те времена бакунинский

анархизм был вздорной фантазией, так как в условиях господства и усиленного развития централизованно управляемой машинной техники такие свободные объединения не могут существовать.

Развитие машинной техники в XIX веке связано со стихийными силами, которые мстят человеку, нанося ему ответный удар. Путь от паровой машины к атомной бомбе — это путь от капиталиста-собственника к техническому коллективу. Процесс, который привел к стадии монополистического капитализма, можно описать следующим образом. Пока в среде, в которой преобладает ручной труд, появляются отдельные силовые машины, вызываемые ими организационные изменения остаются незначительными. Но когда число машин резко увеличивается, аппаратура начинает оказывать влияние на организацию человеческого труда. Ее влияние усиливается тогда, когда государство присваивает себе монопольные права в области техники. Это начинается при строительстве железных дорог, так как в результате образуется коллектив в области транспорта и средств сообщения, что приводит к массовому вовлечению людей в механический труд. Тенденция к монополизации охватывает и частную экономику. Передача электрической энергии, развитие химических заводов по промышленному производству синтетических веществ и совершенствование механической техники, рост автоматизации в целом, подготовка и ведение войн нового типа — все это вызывает невиданное повышение уровня организованности человеческого труда. Происходит огромное расширение области применения всех видов аппаратуры, в ногу с ним продолжает развиваться и организация, возникают монополии, синдикаты, тресты, идет объединение различных производств в комбинаты и углубление связей между предприятиями. Строгие вещественные границы собственности

повсеместно беспощадно нарушаются. Механика вырывается из рамок порядка, основанного на собственности. Происходящее движение приобретает ту степень анонимности, при которой совершенно безразлично, кто стоит у руля, поскольку какие бы мысли не бродили в голове машиниста или шофера, сам он все равно зависит от движения машины и движется вместе с ней.

Ошибочным является положение Ленина, что империализм следует за конечной стадией частного монополистического капитализма, поскольку у этого движения не существует никакой конечной стадии. В условиях технического коллектива империализм действует еще эффективнее. И совершенно ошибочно положение, что результатом этого движения является обобществление производства. Картине, которую рисует Ленин, не хватает ясности, так как его ослепляет ненависть к мнимой собственности. Он пишет: «Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее».* По этому поводу можно только сказать, что технический коллектив означает не что иное, как обобществление средств производства. Слова «общество» и «обобществление» отличаются неясностью содержания, так как они не несут в себе соответствующего смысла, отражающего связь с техническим коллективом. В условиях коллектива просто нет того общества, которое могло бы свободно распоряжаться средствами производства. Понятие общества в условиях коллектива вообще лишено реального содержания. Технический коллектив — это коллектив, основанный на принуж-

дении, это механический коллектив, где действует правило неукоснительного повиновения, повиновения механическим предписаниям, которые каждый получает от функционеров коллектива и созданного ими чудовищно разросшегося бюрократического аппарата. Здесь принцип свободной конкуренции сменился принципом технической производительности, которому должен беспрекословно подчиняться рабочий. Здесь и без того гигантские заводы принимают сверхгигантские размеры. Здесь вместо монополий, возникающих на основе частной собственности, происходит монополизация права механически распоряжаться в руках немногих функционеров. Если гнет частного монополиста невыносим, то гнет, оказываемый на человека этим коллективом, еще тяжелее. Здесь рабочий оказывается один на один с анонимной аппаратурой и организацией, его сопротивление душат в зародыше, ссылаясь на необходимость, которая приобрела механический характер. Эксплуатация, которой коллектив подвергает землю и человека, недопустима, и каждый, кто берется ее защищать, кто отстаивает ее и приукрашивает, сам становится соучастником этой эксплуатации и несет за нее свою долю ответственности. Коллектив всех нас сделал эксплуататорами, и нам предстоит еще заново научиться думать, привыкнуть к новым и свободным мыслям.

18

Отмена собственности под влиянием понятия энергии, подчиняющего человека закону движения, которое, в свой черед, отчуждает его самого, приводит к совершенно новым условиям. Эти условия недостаточно освоены человеческой мыслью, их еще предстоит хорошенько понять. Именно с ними связано

систематическое отчуждение человека от мира вещей. Можно сказать, что теперь уже нет вещей. В мире вещей нет больше порядка, определяемого собственностью. Предметность существующего сходит на нет, она уже не получает выражения. Понятия вещей вытесняются функциональными отношениями, характерным свойством которых является именно их способность уничтожать вещное. Мир функций доступен для восприятия только с точки зрения использования. Функциональная собственность — понятие, несущее в себе внутреннее противоречие. Распоряжение собственностью предполагает наличие того, что не подлежит никакому распоряжению; не подлежащее распоряжению служит той основой, на которой строится вся система правомочий в распоряжении собственностью. Неподвластность распоряжению — сопутствующее свойство собственности, и только благодаря ей становится понятным право распоряжения собственностью вплоть до таких условий, когда от нее не остается ничего, кроме права распоряжения. Но с появлением понятия функции недоступность для распоряжения исчезает как таковая, поскольку понятие функции по сути означает распоряжение, и рядом с ним становится неммыслимым существование, неподвластное распоряжению. Например, неммыслимо в этом плане техническое изделие поточного производства. Техническое изделие поточного производства — это уже не вещь, ему только искусственно придана форма вещи. Техническое изделие поточного производства — это часть конвейера, отрезанная от него и поданная как отдельная единица. Настаивать на праве собственности на такое изделие не имеет смысла, ибо в нем не остается и следа неподвластности распоряжению, оно существует только для потребителя. Не использовать поточное изделие для потребления было бы таким же чудачеством, каким

является хранение в качестве украшения неоткрытой консервной банки. Поточное изделие не представляет собой вещь в условиях собственности, не ориентировано на смысл, который подразумевается в понятии вещиности и который связан с границами вещи, оно представляет собой функцию, ориентировано на функцию, выполняет определенную функцию. Оно изначально не является вещью, а задумано как функциональное отношение. Я еще могу, правда, относиться к поточному изделию как к вещи, что и происходит в действительности, однако вещьность не является его свойством.

Вытеснения вещей функциями достаточно для того, чтобы расшатать весь правопорядок. Право не может больше ориентироваться на вещи, а лицо не может опираться на границы вещей. Сама личность становится составной частью. С миром функций правопорядок оказывается несовместимым, человек ориентируется в нем на механические процессы. В мире функций все подчинено временным предписаниям, право превращается в правила внутреннего распорядка производственного предприятия. Правовые отношения и все, что касается собственности, рассматривается в рамках производственного распорядка, исходя из которого решаются все вопросы. Человек становится объектом тотального управления, которое касается каждого его шага. Его движение задается функциями, которые он неустанно открывает и регистрирует. Спрашивается, зачем управляют человеком? Куда его направляют? Если представить себе это движение бесцельным, оно теряет всякий смысл, всякий интерес. Изменения происходят не ради изменений, а ради определенной цели, к которой они приближаются со все большим ускорением и которая в какой-то момент будет достигнута. Эта цель с запозданием доходит до сознания тех, кто на нее работает, посвятив себя ее служению; процесс осознания, до-

ведения до сознания представляет собой нечто дополнительное, он не предшествует и не протекает параллельно событиям. Нарастающий автоматизм освобождает человека от необходимости самому управлять движением. Движение освобождает его от труда двигаться самому. Автоматизм человека достигает такой точности и надежности, какая свойственна бессознательному автоматизму сердечной и почечной деятельности, работе желчевыводящих путей. Именно это демонстрирует всю глубину происходящего процесса. Он примечателен не только остротой сознания, привязанного к секторам, то есть к отдельным элементам, но и бессознательной точностью, с которой протекает, разворачивается, стремится к цели. Он достигает глобального масштаба.

С какой бы стороны мы не рассматривали это движение, оно всегда поражает нас своей подкупающей последовательностью. Что значит, в сущности, нормирование? Что получает в нем свое выражение? То, что оно является одной из предпосылок автоматизма, понятно с первого взгляда, но это еще ничего о нем не говорит. Нормирование и автоматизм представляют собой один и тот же процесс, так что совершенное нормирование, можно сказать, и есть автоматизм. Правда, нормирование, типизация, стандартизация представляют собой в отношении автоматизма подготовительные ступени. Нормирование заведомо нацелено на автоматизацию и, очевидно, заканчивается там, где начинается автоматическое движение. Однако это движение действует в отношении нормирования как постоянный стимул. Движение представляет собой как бы испытательный полигон, на котором нормирование проходит проверку. Нормирование — это уже функция. И поэтому нормирование несовместимо с миром вещей, с понятием вещи, которое не подчиняется навязываемой ему извне функции. Нор-

мирование и автоматизация отчуждают человека от мира вещей; человек видит перед собой уже не вещи, а функциональные связи и дорожные знаки. Количество вещей, превратившихся в знаки, постоянно увеличивается; в их число входят не только дороги, средства передвижения и маркирующие значки, сам человек превращается в знак дорожного движения. Не приходится удивляться тому, что часть полиции преобразована в простые дорожные знаки. Это уже не личности, а исполнители механических функций, чье тело и конечности имеют чисто функциональное назначение и относятся только к функциям. Каждое движение руки и поворот головы открывает закрытый путь. Здесь человеческая личность присутствует в сети дорожного движения уже только ради регулирования механического движения, и ее тело, ее физические возможности приспособлены для точного выполнения этой задачи. В этой фигуре можно увидеть воплощение функционера в его простой повторяемости, когда он выступает как неутомимый исполнитель функций. Он так натренирован в механическом выполнении этих функций, что вся его мускулатура настроена на механическое движение. Форма полицейского с белыми или светящимися обшлагами отвечает выполняемой им задаче — благодаря этой одежде, электрическому фонарику на шлеме и светящимся цифрам на груди живой дорожный знак хорошо виден издали. Само собой разумеется, что живой дорожный знак может быть заменен любым неживым знаком. Работу полицейского может выполнять механический голос или светофор. При полной автоматизации живой дорожный знак был бы тут, как и везде, совершенно не нужен. Но с нарушениями автоматизации один полицейский может справиться, и только когда автоматизм дает сбой, он проявляет свои специфически человеческие качества. В случае таких нарушений, в случае

производственной аварии живой дорожный знак, как учит опыт, оказывается выгоднее, результативнее, да и обходится дешевле, чем неживые. Бесперебойный автоматизм исключает участие личности, и в этих условиях она отодвигается так далеко на задний план, что становится почти неразличимой. Только при производственной аварии личность снова выступает на сцену, опять проявляются человеческие черты: беспомощность пострадавших, испуг и горе присутствующих. Только там, где происходят какие-то сбои функций, только в условиях беспорядка становится заметна невидимая среди налаженного автоматизма личность. Напомним еще раз, что вещи находятся теперь в сфере производства, что они ориентированы на производство. Присущее им вещное качество, совпадающее с их границами, производством не подтверждается и не закрепляется за ними, оно упраздняется. Дорожный знак, например самолет, обладает четко воспринимаемой и доказуемой предметностью, но эта предметность не определяется границами вещей. Такой самолет сам по себе ничто, сам по себе он так же непонятен, как залетевшая к нам с Сатурна неизвестная вещь, созданная неведомыми существами для неведомых целей. Аппарат как таковой становится понятен лишь в системе перекрещивающихся функций, в которую он помещен и которая его описывает. Он помещается в системе силовых линий, как-то: на аэродромах, воздушных трассах, в расписании полетов, согласованных с другими рейсами. Самолет предполагает организацию, без которой не значил бы ничего, без которой он просто бы не существовал. Так какой же смысл относиться к нему как к самостоятельной вещи?

Одной из начальных ступеней нормирования является нумерация. Характерным признаком нумерации всегда была утрата границ вещей, именно утрата гра-

ниц вещей вынуждает прибегать к нумерации. Нумерация никогда не служит подтверждением вещного качества предмета, напротив, нумерация отменяет вещное качество. Страницы книги снабжаются сплошной нумерацией, потому что одна страница не является чем-то самостоятельным. Городские дома, вплоть до XVIII века называвшиеся по имени владельца, получили нумерацию, так как утрачивается самостоятельное значение отдельного дома, так как каждый дом все больше превращается в отрезок, часть, один из составляющих элементов улицы. Улицы получают вместо названий номера, поскольку они воспринимаются уже не как отдельные, самостоятельные дороги, а как знаки в городской сети транспортных сообщений. Вместе с нормированием нумерация проникает во все области, причем она основывается на том, что вещи становятся только элементами вещей, а элементы превращаются в функции. Так, связанные друг с другом элементы уже не представляют собой отдельных вещей, а становятся функциями единого процесса. Элементам присваиваются номера: это относится к включенным в расписание поездам, к абонентским номерам телефонной связи, но также и к местам в кинотеатрах, номерам домов, листам чековой книжки, к автомобилям, спискам адресов и тысячам других объектов. Номера обозначают не вещи, а их функции в производственном процессе. Отдельные элементы вещи нумеруют и нормируют таким образом не для того чтобы закрепить тем самым их значимость в качестве элемента вещи, а для того чтобы в элементе вещи обособить отношения, для того чтобы на первый план вывести его производственную функцию, которую и хотят обозначить. Вся аппаратура в целом состоит из заменимых элементов, из технических артефактов. И организация отражает в своей системе эти артефакты, являющиеся

частью целого. Что они собой представляют, не известно тому, кто не знаком с их производственной функцией, не знает их связи с аппаратурой и организацией. В смысле вещи они вообще не поддаются пониманию, а в качестве нормированных элементов понятны только посвященных. Но даже посвященному нужно знать соответствующий номер, чтобы не заблудиться в этом мире составных элементов. Говорить о номосе здесь не имеет смысла. Номер здесь обозначает собственно норму, норма узнается по номеру.

Такого рода наблюдения можно без труда собрать где угодно. Вопрос состоит в том, как привести их к общему знаменателю. Проявляется ли здесь некий общий принцип, должна ли здесь идти речь о некоем общем понятии? А если так, то как можно выявить системообразующее понятие? Мы будем исходить при этом из практического подхода к понятию и сущность понятия перенесем на подход к нему, практикуемый человеком. Соответственно мы абстрагируемся от того факта, что понятие здесь проявляется как часть понятийного аппарата и понятийной организующей системы. Такое восприятие понятия имеет технический характер, свойственно Технике. Однако для успешного завершения нашего исследования необходимо не слишком задерживаться на элементах понятия, поскольку они требуют таких категорий, которые лежат за пределами техники. Если исследование не справится с этой задачей, оно окажется напрасным. В таком случае за него не стоило и браться, а лучше уж было написать инструкцию для специалистов по подземным сооружениям или составить таблицу для проведения инструментальных наблюдений.

Подход собственника к миру вещей мы уже описывали выше. Этот подход предполагает при всех распорядительных правах наличие чего-то не подлежащего распоряжению. Иными словами, обязательность со-

хранения границ вещей. Субстанция вещи должна сберегаться и приумножаться. Использование опирается на неиспользование, границы потребления определяются неиспользованием. А объем подлежащих замене, потребляемых предметов определяется наличием незаменимых, не подлежащих потреблению. Отдельные части не могут приобретать функциональной самостоятельности. И вещи не рассматриваются с точки зрения внешних функций, так как при таком подходе стираются границы вещей.

Теперь же появляется принципиально новый подход. Для него характерны отчуждение человека от мира вещей, утрата над ними власти. Чем более последовательным становится этот подход, тем больше уничтожаются границы вещей. Отношение к движимому уже не опирается на понятие недвижимого, и их соотношение в этом плане меняется на обратное. Доминирует движение, и в нем теряется все остальное, так как оно неизбежно вовлекается в это движение и под его влиянием меняет свою форму. Если сказано, что технический коллектив производит уже только заменимые и потребляемые предметы, то этим сказано также, что понятие заменимости, являющееся определяющим для составных элементов аппаратуры и аппаратуры в целом, является определяющим и для технического продукта. Техническое производство создает совокупность заменимых товаров. Если различимость, свойственная миру вещей, представляет собой коррелят устойчивых вещных границ, которые в условиях собственности определяются личностным началом, то признаком технического продукта является неразличимость. Нормирование приводит к неразличимости, так как пропали границы вещей; упорядочивающим методом становится нумерация, с помощью которой после исчезновения границ у вещей обеспечивается опознаваемость составных элементов.

Элемент является уже не составной частью вещи, а функцией. Он имеет отношение к функционированию, его движение происходит в рамках функционально работающей организации. Без технической организации технический продукт был бы немислим, не мог бы существовать. Отличительными признаками единицы поточного производства в виде товара определенной марки является ее неразличимость и заменимость. Взятая в качестве отдельной вещи, она совершенно необъяснима, так как, выделенная из потока, она ничего не говорит о том, откуда взялась и для чего предназначена. Понять такую единицу можно только в качестве составной части организации и аппаратуры. Проявляющееся в ней влияние механики можно заметить лишь если не упускать из вида механически определяемое понятие времени и пространства. Разнообразие, которым отличались ручные методы обработки, настолько стерлось, что от него не осталось ни малейшего следа. Технический элемент ничего бы не выиграл, если бы следы этого разнообразия были в нем заметны, более того: если бы они были заметны, это поставило бы под угрозу его предназначение служить заменимым элементом, подлежащим потреблению. Применение технического элемента целиком зависит от полной потребляемости. Она является нормой, которой определяется все, что заложено в нем нормированием.

Если бы у таких товаров имелись какие-то различия, то вместо представления о высоком качестве они вызвали бы только подозрение, что технический метод дал какой-то сбой, что предмет сделан небрежно. Единообразие формы и материала является безусловным требованием. Когда говорят об определенной марке товара, уже само слово «марка» подсказывает, что вещь превратилась в составной элемент. Покупая тюбик крема для бритвы, электрическую кухонную

плиту, радиоприемник, килограммовую банку консервированных абрикосов фабричной упаковки, человек покупает определенный тип товара. Он выбирает норму. А реклама, неразрывно связанная с нормированным производством, представляет собой механический множительный метод, неустанно вдальблывающий в наше сознание процесс типизации, нормирования, стандартизации. В этом состоит важнейшая функция рекламы. Она неустанно обращается к проходящим мимо потребителям с призывом выбрать определенный тип товара. В ее задачи не входит напоминать о границах вещей или способствовать развитию — весьма проблематичных — индивидуальных запросов. Вместо этого реклама направляет формирование воли и волевых предпочтений членов коллектива, и судить о ней можно именно по результатам в этой области. Все, что создается техническим производством, представляет собой те или иные типовые образцы, ничего кроме типов оно не производит. Самый процесс производства представляет собой типовой процесс. Такое понятие, как тип, отражает появление автоматически производимого продукта. И процесс нормирования нацелен на сокращение числа типов. В этом соревновании побеждает тот тип, который наиболее однозначно отвечает требованиям заменимости и потребительских качеств, в которых ярче всего выражены свойства заменимости, потребительского использования и неразличимости. Типовой образец возникает в результате автоматизированного процесса отвлечения, типовое служит выражением единообразия и повторяемости процесса отвлечения. Разумеется, здесь речь идет не о типичности в смысле теологического фигуризма, который исходит из предположения о существовании соответствий и типичных событий, их можно проследить на протяжении сменяющихся эпох. Слово «тип» используется в наше

время и в отношении человека. Так, кинопромышленность ищет на роли своих героев исполнителей, представляющих конкретный тип, то есть ей требуется такой исполнитель, который соответствовал бы механическому множительному методу, ей нужны фотогеничные лица. Под типом тут подразумевается не оригинал в смысле прообраза или образец для подражания, а лишь та сторона человеческого облика, которая лучше всего поддается механическому отвлечению. Под типом понимается образ человека, получаемый путем механического отвлечения от живого оригинала, а не общая для рода или вида идеальная глубинная форма, которая проглядывает в отдельных индивидах. Говорить об идеальной глубинной форме не имеет смысла, если только мы не согласны рассматривать в этом качестве отвлеченные копии. Однако этого не позволяет делать динамика движения, признаком которой является именно отвлечение от исконной формы.

Критика этого движения страдает неполнотой. Те, кто говорит об упадке стиля, сами пользуются мерками упадочнических стилей. Нынешнее движение имеет свой стиль, если понимать под стилем единство всех проявлений. Присутствие такого единства нельзя отрицать — оно настолько очевидно, что его просто невозможно не заметить. Залогом единства этого движения являются механические критерии.

19

Смысл происходящего станет читателю еще понятнее, если он примет во внимание, что условия собственности и владения оказываются теперь в зависимости от развития средств сообщения. Теперь уже не собственность контролирует средства сообщения, а

средства сообщения ставят под свой контроль собственность. Механический прогресс тесно связан с решением проблем передвижения, то есть он сам является транспортной проблемой. Мы уже видели, что с прокладкой железных дорог, то есть созданием конвейерных лент на неподвижном основании, была утрачена собственность. Любая машина служит доказательством того, что в результате автоматизации транспорта утрачиваются границы, упраздняется постоянство вещи. Автомобиль не может сохранять форму запряженной лошаадьми повозки, которую имел на первых порах, он преобразуется под действием присущего ему механического начала. Автомобиль совершенствуется в механическом отношении. Но в чем же выражается его совершенство и какими мерками это совершенство можно измерить? В чем же, как не в том, что автомобиль утрачивает свою самостоятельность, так что не только превращается в собрание отдельных частей, но и в целом также становится частью — составной частью технической организации, которая формирует его согласно действующим в ней правилам нормирования и автоматизации. Описание этого процесса содержится уже в самом слове и понятии «тип». Типы становятся более совершенными. На взгляд знающего специалиста, приятным в автомобиле кажется тот факт, что в нем находит соответствующее выражение и обретает соответствующую форму автоматизм движения. Составленные из технических деталей автомашины сами все больше и больше становятся составными частями механической движущейся ленты, которую они не покидают ни во время изготовления, ни в ходе эксплуатации. Понятие механического элемента и механически изготовленного типового изделия совпадают по смыслу, так как для обоих определяющим является один и тот же автоматизм движения. Машины действительно становятся все более

целесообразными и тем самым красивыми, а это в данном случае означает, что с точки зрения чисто механических критериев они становятся механическими средствами в чистом виде, открыто обнаруживая и выставляя напоказ свое предназначение. Этот же процесс приводит к тому, что эксплуататорский характер всевозможных машин проступает наружу все более явно и неприкрыто. Машины — это не что иное, как протезы человеческой воли для эксплуатации природы, воли, которая так радикально, мощно и бесспорно орудует на земле, что уже не нуждается ни в каком прикрытии и не боится предстать перед всеми в своем истинном облики. Насосные станции, циркулярные пилы, турбины сегодня уже никто не скрывает за стенами, в виде готических башен и замков; теперь открыто демонстрируют, какое сопротивление преодолевается при взаимодействии противоположно направленных сил. Желаящему увидеть эксплуатацию в самом неприкрытом и обнаженном виде достаточно взглянуть на любую машину. При одном взгляде он тотчас же поймет, что эксплуататорские устремления приняли планетарный размах, что на земле для них больше нет никаких пространственных границ. Приняв во внимание, какую цель имеет механизация понятия времени, он придет также к выводу, что благодаря упорядочиванию понятия времени это не ограниченное в пространстве хищническое хозяйничанье должно втянуть в свою орбиту и человека, что он живет в такой век, когда эти наглые и одновременно изощренные эксплуататорские устремления не останавливаются перед эксплуатацией человека, а, даже напротив, почуяв в нем самый главный и благодатный объект, хватают его мертвой хваткой.

Тот, кто однажды понял, что отношения, основанные на праве собственности и владения, зависят в наше время от механических условий транспорта,

поймет также и то, что подрыв собственности связан с тем, что она становится доступна для желающих распоряжаться ею механически. Собственность становится объектом технической эксплуатации. Уже в споре между машинными капиталистами и машинными социалистами речь шла главным образом не о вопросах собственности, а о том, в чьи руки перейдет право механически ею распоряжаться. Это и есть решающий пункт спора. Ничье могущество, даже могущество крупнейшего землевладельца, не опирается больше на собственность. Такие книги, как «Прогресс и бедность» («Progress and Poverty») Генри Джорджа, поражают сегодня наивностью аргументации. Джордж хочет отменить земельную ренту, хочет, чтобы государство выступало в качестве «universal landlord»,* полагая, что это не только приведет к исчезновению бедности, но и вызовет новое «production of wealth»,** «a new surplus which society might take for general purposes»***. Однако показательный опыт такого рода уже поставлен и, как мы могли убедиться, не принес желаемого результата. Я могу уменьшить земельную ренту до минимума или отменить ее совсем, но от этого никто не станет богаче. Государство может de jure отменить земельную ренту, уничтожив собственность, или устранить ее путем усиленного налогового обложения, но все это не порождает богатства. Мы живем уже не в условиях статической экономики, опирающейся на собственность, при которой можно рассчитывать на прибыль. Нынешняя ситуация определяется не экономикой, а техникой, это означает, что аппаратура и организация поглощают любую прибыль. Они решают судьбу собственности, собственность же не решает ничего.

Собственность превращается сегодня во что-то ненужное, обременительное, незащитное перед любыми посягательствами. Сейчас для приобретения власти,

причем столь громадной, о какой и не помышляли былые обладатели собственности, не нужно иметь га-сиенды размерами с небольшое европейское государство, для этого лучше всего вообще не связываться с собственностью, хотя бы даже в виде своего дома или сада. Почему владелец сегодня сильнее собственника, арендатор сильнее арендодателя? Потому что силен не собственник, а тот, кто механическим образом распоряжается собственностью. Я могу не иметь никакой собственности, ни дома, ни гроша в качестве земельной ренты, не иметь даже собственного стола и стула и притом быть могущественнее любого собственника, если в моем подчинении находится один из соединительных узлов на пересечении густой сети автоматизированных линий, через которые осуществляется связь и важность которых все более возрастает. Не собственность увеличивает мое могущество, а право механического распоряжения ею — именно благодаря ему я распоряжаюсь всем, включая собственность. Ведущаяся сейчас полемика по вопросам экспроприации, национализации, обобществления и социализации является показной акцией, которая маскирует истинное положение дел. Следить нужно не за собственником, а за ничего не имеющим функционером, сидящим за пультом государственного распределительного центра, который прибирает к рукам все больше распорядительных прав и с их помощью подчиняет себе целые народы, превращая их в элементы технической системы. Пора осознать проблему эксплуатации земли и человека во всей ее глубине и масштабе. Она не может быть решена, пока идеологией эксплуатируемых остается идеология неудавшихся эксплуататоров, которая, став господствующей, вызывает только новое обострение эксплуатации, которая примет тогда еще более анонимные формы и будет проводиться в еще более ускоренном темпе, потому

что при помощи еще более прогрессивных технических средств будет разрабатывать соответственно убывающие субстраты.

20

Мы уже упоминали о том, что личность становится составным элементом целого. Она оказывается элементом аппаратуры и организации. Это превращение и этот распад можно наблюдать повсеместно. На стенке, отделяющей кабину водителя трамвая от пассажирского салона, мы видим табличку, предупреждающую, что разговоры между пассажирами и водителем запрещены. Находящийся на рабочем месте с глазу на глаз с аппаратурой водитель не может вступить в разговоры как человеческая личность, он делается составной частью аппаратуры, которую обслуживает, и только она поэтому имеет право «вступить с ним в разговоры». От водителя требуется внимание и бдительность в отношении аппаратуры. Люди попадают в зону его внимания лишь в качестве элементов механического производственного процесса. Если водитель обращает внимание на людей, значит, на пути движения встретилось какое-то препятствие, образовался затор или произошла авария. Водитель является составным элементом своего трамвая, своего маршрута и своей транспортной сети. Поскольку его функции точно очерчены, то он, можно сказать, превращен в дорожный знак. Водитель управляет движением транспорта иным способом, нежели полицейский-регулировщик (другой живой дорожный знак), но делает это также в соответствии с требованиями и предписаниями своего производственного процесса.

Железные дороги, трамваи, пароходы относятся к сравнительно старой стадии технического развития.

Это сразу заметно, если сравнить их с более новыми транспортными автоматами. Например, в более старых автоматах водительское место оставляет водителю значительный простор для движения. Водители локомотивов и кочегары паровозов также имеют достаточно простора для движения — этот простор необходим для постоянного ручного управления, а также для манипуляций по обслуживанию топки. Усовершенствование автоматов означает все большее превращение человеческой личности в составной элемент аппарата. Поэтому сидения человека, обслуживающего такие автоматы, все больше и больше приобретают форму, в которую водитель встраивается наподобие проводящего клапана. Сидение конструируется по такому принципу, который ясно показывает, что водителя рассматривают лишь как составной элемент аппаратуры. Это сразу заметно у автоматов, в которых все добавочные манипуляции сводятся к функциям управления, например у самолета. Летчик, который не летает, а управляет летящим аппаратом при помощи рычагов, так вписан в аппаратуру в качестве составного элемента, что в его кабине оставлено ровно столько места, сколько требуется для манипулирования рычагами. Водитель громадной гоночной машины, которой не случайно придается форма гранаты, сидит за рулем словно вентиль. Аппаратура все чаще производит такое впечатление, будто человек в нее встроен, вмонтирован. Он исчезает как личность, приобретая вид функционально работающего составного элемента. Зачастую человека даже нельзя разглядеть, так как его скрывают очки, маски, защитные костюмы, или же мы не видим его лица, склоненного над автоматикой, а видим только спину или затылок. Человек, ставший составным элементом, неизбежно теряет лицо. Тот, кто обращает на это внимание, может сделать самые неожиданные наблюдения. Со-

ставной элемент становится анонимным. А безликая анонимность технического треста проявляется во всех его функциях, в аппаратуре и организации, в предметах и в людях.

Собственник по определению не может быть ни функционером, ни конструктивным элементом мира вещей. Собственник — личность, и как личность он определяет границы вещей. Но в условиях автоматического производства исчезает не только вещь с ответственными вещными границами, но и личность, определяющая границы вещи. Она может сохраняться только частично, только как типовая единица. Она теряется в раздробленном времени, в механической дробности. Противоположность личности и вещи может поддерживаться только пока и то и другое не оказывается подчиненным более общему понятию функции. Предпосылкой собственности является сохранение их противопоставленности. В правовом смысле личность является субъектом права и правовых отношений. Вещь с точки зрения права является объективно определенным предметом внешнего мира. Противоположность лица и вещи одновременно есть их соответствие. Вещь соответствует определяющему ее лицу, является вещью относительно лица, подобно тому как лицо является лицом по отношению к вещи. При этом лицо и человек не одно и то же, поскольку возможно такое лицо, которое не является человеком, например юридическое лицо. Кроме того существуют или существовали в прошлом люди, считающиеся неправомочными, например рабы, к которым относились как к вещи, — они тоже не представляют собой лицо. Автоматизм же устраняет противоположность между лицом и вещью. Это снятие границы не сводится к тому, чтобы относиться к лицу как к вещи, а к вещи как к лицу. Противоположность снимается таким образом, что и к лицу и к вещи начинают от-

носиться как к составной части чего-то, и лицом и вещью начинает управлять одна и та же функция. Вещь и лицо в равной мере становятся типовой единицей, и лицо и вещь одинаково подлежат нормированию и нумерации. И это нормирование и нумерация навязываются им аппаратурой и организацией.

Прохожий на улице и пассажир (*passant**) не лицо, а знак дорожного движения. Форма причастия указывает на того, кто причастен к нему и к чему он причастен. В старом смысле слово *passant* означало «проезжий»; ныне же это — дорожный знак, передвигающийся по дорожной сети. Функция отменяет все его свойства, не относящиеся к свойствам дорожного знака. Как из человека делают конструктивный элемент аппаратуры, так его превращают и в конструктивный элемент организации. В организации он тоже выступает в качестве составного элемента. Все это мы можем наблюдать перед окошечками повсюду разбросанных касс, которые появились в результате организации транспорта. Перед окошечками почтовых отделений, железнодорожных касс, прилавками раздачи в пунктах общественного питания — повсюду мы видим одну и ту же картину. Выстраивающиеся перед ними цепочки очередей — это те же конвейеры, состоящие из людей, превратившихся в элементы конвейерной ленты. Человек, включенный в конвейерную ленту, продвигается к оператору, который обслуживает данную точку, и, соответственно обработанный, выпускается с конвейера функционером, который делит конвейер на отдельные звенья, нумерует их и организует процесс работы. И здесь плавный автоматизм нарушается только людьми, которые не хотят мириться с навязанной им ролью конструктивных элементов. Через окошечки касс выдаются кусочки бумаги: марки, проездные билеты, удостоверения и т.п.; тут происходит встреча двух конвейерных лент: с одной

стороны — человеческой, с другой стороны — товарной. Мы можем отчетливо представить себе человеческие потоки, устремляющиеся на поезда, пароходы, самолеты, продвигающиеся по конвейеру аппаратуры подобно тому, как прохожий или пассажир уличного транспорта, как ему и положено по определению, продвигается по дороге, отвечающей понятию конвейерной ленты. Таким образом аппаратура и организация бесперебойно работают как единый механизм. Для кино важно, чтобы исполнители благодаря автоматизму аппаратуры превратились в отвлеченные образы, тогда снятый фильм будет хорошо продаваться, то есть обладать максимальной потребительской ценностью. Ощущение продажности всего происходящего особенно отчетливо выражено в кинематографе, и кинозритель, арендующий на время сеанса как место в зале, так и самое зрелище, желает получить должное впечатление и удовольствие. Продаются не только билеты или сам фильм, но и расцветающая на экране улыбка кинодивы и подчеркнутая оптикой природная сексапильность знаменитого киноактера. Занимательность фильма, составляющая предмет развлечения зрителя, основана на сексуальности, даже сексуальность превращена здесь в функцию. Впечатление продажности действия возникает, потому что техническое достоинство фильма, скроенного из привлекательных с точки зрения потребления элементов, состоит в его потребительских качествах. Преимущество кино перед театром заключается в том, что кино — это мертвый театр, который предоставляет зрителю возможность более потребительского восприятия. По отношению к этому миру теней зритель может занимать более пассивную позицию, чем по отношению к живому актеру; удовольствие кинозрителя состоит в том, что он пассивно переживает душевные движения, что пассивные переживания позволяют ему не тратить лиш-

них усилий на собственные душевные движения. Темнота и музыка убаюкивают людей, их взгляды невольно фиксируются на ярко освещенной картинке — в таких помещениях сны наяву переживаются как бы автоматически и без участия сознания. Наблюдая за этим, начинаешь понимать, что здесь происходит взаимодействие аппаратуры и организации. Зрители послушно следят за механическим движением, во всем ощущается действие автоматизма. Тип обладает стереотипностью, стереотипность является признаком отвлечения от служащей прообразом личности. Причина популярности знаменитого исполнителя заключается именно в этой отвлеченности, благодаря которой его образ, его фотография, отчужденная копия его личности превращаются во всеми любимый суррогат. Понятие суррата, эрзаца само собой образуется всюду, где механическая повторяемость действия соединяется с отвлеченной копией. Этот процесс можно сравнить с использованием сахарина — препарата, изготовленного из толуола каменноугольной смолы, который не усваивается организмом, искусственно подставляется в ряд растительных сахаров. Сахарин обманывает человеческий организм неприемлемой для него сладостью, которая никак не используется и не перерабатывается во что-то живое.

Недаром изображение человеческого лица стало трудно даваться художникам — они чувствуют, что в нем все меньше остается человеческого. Автоматическая дежурная улыбка — улыбка уже не человека, а конструктивного элемента. Эта улыбка превращается в стереотип, так как она возникает безотносительно к другой личности, а означает только бесперебойное функционирование аппаратуры, которому способствует механическая напускная любезность и дружелюбие. Хмурое, грустное выражение лица, болезненный вид продавщицы не выгодны для торговой организации,

а, напротив, вызывают неполадки, как это бывает всегда, когда в работу аппаратуры и организации вторгается человеческая личность или то, что от нее еще осталось. Американская нестираемая улыбка — компонент производственного процесса, она является такой же неотъемлемой частью производства, как и автоматические повторяющиеся движения рабочего. Поэтому улыбка составляет одно из требований, предъявляемых персоналу. Неважно, что лицо становится похоже на маску, зато оно будет стереотипным элементом системы. В этом состоит отличие лица, «держателя улыбки», от античной маски и всех других масок и личин, которые никогда не воспринимаются как составная часть чего-то. Таким образом артикул приобретает самостоятельное существование, и реклама это усвоила, начав изображать части: пальцы, руки, ноги, головы, отдельно только улыбающийся рот, в котором виден ряд белоснежных зубов, отдельно бюст. Реклама зубной пасты и реклама кинозвезды полностью совпадают, и то и другое соединены в одной картинке, наглядно подтверждая, что по своему значению обе они — конструктивные элементы, подчиняющиеся одной и той же функции. Звезда с обаятельной дежурной улыбкой чистит зубы, которые показаны во всем своем блеске. Возможно, ее зубы в действительности искусственные, однако это не мешает общему впечатлению от данного составного элемента — по картинке невозможно определить, настоящие это зубы или искусственная челюсть. Все вместе образует своего рода анатомический театр, хотя и бескровный, который ясно демонстрирует, что главную роль играет функция, обособившийся в нечто самостоятельное составной элемент. То же самое поняла и кинодива, которая страхует свои ноги, бюст, свой нос или свой голос, она страхует на случай производственной аварии каждую составную часть, каждую функцию своего тела.

Разумеется, живую человеческую личность нельзя расщепить на отдельные части, ни одна личность этого не выдержит. Но понятие среза неотделимо от составных частей и функций; там, где составная часть функционально обособляется, можно представить себе срез. Неумолимая логика автоматизма становится понятной, если принять во внимание, что только автоматизм способен соотнести с собой составные части и подчинить функции. Без него движение бы развалилось. Там, где автоматизм отсутствует, отсутствует и движение.

Ход данного исследования должен показать, как изменяется человек в условиях господствующего автоматизма. Там, где человек воспринимается, предполагается, утверждается не как личность, а как составная часть, происходят коренные изменения. Человек становится рукой, ногой, движением, он становится винтиком, вентилем, выключателем, он становится одной из функций функционирующего механизма. Понятие человека сводится к понятию функции. Бесчувственность составляющих элементов чувствуется во всем: в административных учреждениях, на заводах, в пунктах управления, в транспорте и в том языке, на котором там говорят. Технический коллектив обращается к человеку только как к носителю одной из функций, ничто другое его не интересует. И вопрос, который обязан задавать себе человек, состоит в том, все ли в порядке с функциями в коллективе и насколько он сам, в качестве составного элемента, справляется со своими функциями.

Новые опасности, с которыми сталкивается человек, всегда исходят из области аппаратуры и организации. Если коллектив функционирует эффективно, то и человек как его составная часть находится на своем месте; если же коллектив перестает функционировать, то и человек оказывается не у дел. Если он

противопоставит свою волю, свое понимание коллективу, с ним поступают как с производственной помехой, а следовательно, всегда кому-то может прийти на ум, что его нужно бы устранить. Так что человек, хочет он того или не хочет, должен стараться не выделяться из коллектива; наученный смотреть на себя как на продукт экономики, он вынужден теперь переучиваться, чтобы видеть в себе технический продукт. В этом заключается основное требование, предъявляемое к человеку машинным социализмом всех оттенков. Но оставим пока в покое человека, ставящего себя вне коллектива, и рассмотрим того, который ведет себя и ощущает себя его составной частью. Именно в таком качестве он давно рассматривается и обсчитывается во всех своих функциях специальной наукой. Эта наука энергично включилась в процесс своего превращения в производственную систему и, занимаясь расчетом функций, действует заодно с коллективом и становится наукой коллектива.

21

Поскольку человек, запустив процесс автоматизации, расплачивается за него потерей своей личности, мы можем наблюдать, что дегуманизация приобретает новые черты. Даже проявления жестокости принимают характер холодного планирования. Холодность аппаратуры отражается и в организации. Но говорить тут о жестокости значит допустить неточность. Жестокость невозможна без работы воображения, без какой бы то ни было изощренности. Во всякой изощренности, если она заходит слишком далеко, есть доля жестокости. Автоматизм же приводит не к жестокости, а к безразличию и эмоциональной тупости по отношению к страданию, которое повсеместно об-

наруживается, когда коллектив организует массу. Безразличие к страданию — разумеется, к чужому страданию — является тут результатом не стоического волевого усилия, а привычного механического оупения. Каковы бы ни были неизбежные последствия, они принимаются как должное, к страданию относятся как к производственной аварии. Машины мертвы и бесчувственны, и в действиях коллектива проявляется эта нечувствительность к страданию, которое всегда носит личностный характер. Возникающие при этом чрезвычайные бедствия становятся понятны только если проследить их связь с аппаратурой и организацией. Когда аппаратура и организация разрушаются под действием какого-либо события внешнего или внутреннего порядка, тогда зависимые от аппаратуры и организации массы тотчас же оказываются на краю гибели. Планирование поддерживает порядок только до тех пор, пока оно само осуществляется при определенном порядке, каждый перерыв, каждая ошибка и каждое упущение тотчас же вызывает лавину тяжелых последствий. XX век с его катастрофами хорошо познакомил нас с ужасными последствиями этой зависимости, и было бы наивно полагать, что в будущем подобные бедствия станут менее жестокими. Ведь зависимость все время возрастает. Промышленные армии, военные армии, армии пленников коллектива повсеместно живут под угрозой голодной смерти в случае разрушения их аппаратуры и организации. А что творится среди голодающих масс, уже известно и можно не рассказывать.

Крупнейшие идеологические течения XIX века — национализм и социализм — в XX веке сливаются и образуют одно целое. Чем дальше идет развитие технического коллектива, тем больше оно способствует объединению. Различия между этими идеологиями исчезают, теперь уже не имеет смысла проводить

между ними разделительную черту, докапываясь до едва уловимых различий, так как и та и другая стали одинаково подходящим горючим для поддержания работы аппаратуры и организации. На основе идеологий не образуется различий в человеческой субстанции, в их противостоянии выражается одна и та же воля, одинаковая как по характеру, так и по форме, спор идет только о средствах и методах. Политические системы, пришедшие на смену конституционной демократии, доказывают это своим существованием. Конституционная демократия является производением политического искусства буржуазии, которая держит в своих руках все рычаги управления государственной системой. Но эта форма демократии несовместима с техническим коллективом, так же несовместима, как и правовое государство XIX века. Это следует осознать, чтобы не впасть в иллюзию.

Вопрос о том, жесток ли человек, окончательно растворившийся в техническом коллективе, не имеет смысла и ни к чему не ведет. У этого человека, как у всякого другого, есть свои достоинства и недостатки, но жесткость и мягкость не имеют решающего значения для его характеристики. Точно так же вопрос о доброте не имеет отношения к характерным качествам. Доброта или жестокость не относятся к числу тех свойств, которые можно безусловно признать за человеком или, напротив, констатировать их отсутствие. Одно из открытий, к которому мы только недавно пришли на основании долгого опыта, состоит в том, что именно среди жестких людей можно встретить по-настоящему добрых. Разумеется, мягкий человек тоже может быть наделен добротой, однако не следует смешивать мягкость и доброту. Есть много мягких людей, которые отнюдь не отличаются добротой. И будучи мягким, такой человек иногда может быть даже очень жестоким. Жесткий человек, наде-

ленный добротой, это своего рода пробный камень; искра добра, высеченная из камня величайшей твердости, особенно драгоценна. Происходит ли рост жесткости? Вряд ли. Да и не стоит посвящать этому вопросу пространные рассуждения. Промышленные отрасли сомнительного рода существовали всегда. Уже в старину были такие мануфактуры, которые, в отличие от фабрик и мастерских, занимавшихся обработкой жестких материалов при помощи огня и железа, занимались переработкой человеческих трупов. Производство изделий из человеческой кожи получило широкое распространение во времена Французской революции. Из сообщения от 20 сентября 1794 года мы узнаем о том, что в Медоне был фабрикант, занимавшийся выделкой человеческой кожи, используя трупы погибших на гильотине. Конвент выделил в поддержку этой отрасли промышленности сорок пять тысяч франков. Известно, что Филипп Эгалите всегда носил штаны из человеческой кожи. А у Гранье де Кассаньяка был экземпляр Конституции 1793 года с переплетом из человеческой кожи. Факт символический, так как ремни конституций всегда и всюду режутся из человеческой кожи. Из чего же еще их можно нарезать?

Старинная мануфактура основана на экономических началах и должна рассматриваться с экономических позиций. У нее был скромный объем и организация производства. Выпускаемые ею изделия были *manu factum*.* Рабочий план этих предприятий строился в расчете на ручной труд. Рука здесь остается мерилom работы. С победой автоматизма эта разновидность плана не уничтожается одним махом, а поглощается другим, подчиняется ему, подгоняется под единую схему, к старой основе прививается новый план. Этот новый план есть не что иное, как автоматизированный коллектив, одно это уже объясняет,

почему новая организация труда оказывается по сравнению с прежней неизмеримо более дорогостоящей и требующей больших затрат. Автоматизм ведет к организации человеческого труда в двух направлениях. Каждый рабочий план должен теперь рассчитываться не только сам по себе, но и с учетом растущей аппаратуры и организации. За многочисленными планами организации ручного труда уже не признается самостоятельное значение в отрыве от аппаратуры, любой труд должен брать на себя нагрузку дополнительных затрат, вызванных автоматической техникой.

Отсюда очевидны истоки той огромной и неприкрытой неприязни, которую питает коллектив ко всем «самостоятельным», выказывая ее по всякому удобному случаю. Истоки этой неприязни имеют глубокие корни. Однако понятие самостоятельности еще предстоит здесь заново определить, нам нужно понять, что самостоятельность не тождественна экономической независимости. В списках, анкетах, отчетах и документах статистического учета коллектива, в которых человек становится объектом расчета и потребления, самостоятельный человек отождествляется с человеком, не имеющим постоянной работы по трудовому договору с оговоренным сроком действия и не получающим заработной платы. Это соответствует действительности, но не является исчерпывающим. Понятие самостоятельности меняется в условиях коллектива, и если быть точными, то следует добавить, что самостоятельным может считаться лишь тот, кто отстаивает свою самостоятельность по отношению к коллективу. А самостоятельным по отношению к коллективу я остаюсь только пока не принимаю аппаратного, предписанного организацией мышления, пока я продолжаю не признавать его механической генеральной линией. Если быть еще точнее, то я остаюсь самостоятельным, пока занимаю в отношениях с кол-

лективом позицию собственника и пока в противоположность коллективу придерживаюсь законов мира собственности. Если я приму механическое понятие времени и пространства, свойственное коллективу, то уже перестану быть собственником. Я остаюсь собственником, если у меня есть собственные мысли и если я отказываюсь механически принимать способ мышления коллектива. Ведь человек, который представляет собой только социальный продукт, продукт среды, социальных процессов, технического коллектива, передвигаемый по чужой воле объект механических детерминаций, есть машина, артикул, составной элемент. Человек тем послушнее, тем меньше оказывает сопротивления, тем легче вписывается в технический коллектив, чем больше он в своем поведении уподобляется механизму, чем дальше заходит его превращение в технический продукт. Марксизм еще мог описывать человека как продукт экономики, сейчас на наших глазах происходит его превращение в технический продукт. В той мере, в какой человек еще сохраняет какую-то самостоятельность, он сопротивляется этому процессу, и это сопротивление происходит в условиях нарастающей угрозы, человеку приходится отстаивать себя в условиях усиливающегося принуждения и неприкрытого применения насилия. Ведь технический коллектив — это коллектив, который держится на механическом принуждении, он и не может быть иным, так как механизация достигает уже той точки развития, за которой она оборачивается необходимым принуждением. Планы этого мира труда неосуществимы без принуждения, а универсальный рабочий план, к которому устремлены все усилия коллектива, основывается на воплощении условий, в которых всякий труд принимает принудительный характер. Поэтому концентрационные лагеря неотделимы от развитого технического коллектива,

они появляются там, где достигнута определенная степень автоматической четкости в протекании трудовых процессов. Концентрационный лагерь — это прежде всего тюрьма в сочетании с принудительным трудом, но постепенно он все больше и больше развивается в сторону принудительного труда, связанного с тюремным заключением. В концентрационные лагеря сначала отправляют политических противников коллектива, людей неугодных ему, несогласных с ним. Но концентрация заключенных в лагерях работников очень скоро выходит за первоначальные рамки. Подобно тому как сейчас промышленные отрасли переводят в районы с населением, которое хотят использовать для выполнения механической работы, точно так же и концентрационные лагеря можно устраивать где угодно, согласно спискам сгоняя туда целые армии людей на принудительную работу. Для этого они устроены и подготовлены.

Технический коллектив высмеивает всякое понятие о свободе, объявляет его ерундой. Он не смущаясь объявляет свободу капиталистическим обманом, а людей, которые сторонятся коллектива или выступают против него, не смущаясь объявляет преступниками. На нищих, не работающих, любителей праздности, вольных художников технический коллектив ставит клеймо «асоциальности», так же он поступает в отношении цыган, евреев, душевнобольных, слабоумных и всякого, кто вступает с ним в конфликт. Такие термины и понятия-ловушки используются им как надежный прием, с помощью которого можно задушить практически любого человека. Целые научные дисциплины — такие как статистика, социология, психология, медицина — выступают в качестве подручных технического коллектива, помогая ему вести охоту на людей.

Место собственника занимает теперь функционер, отдающий распоряжения. Возможность принимать ре-

шения он получает благодаря тому, что действует в условиях такой действительности, где все можно свести к функциям и результатам выполнения этих функций. Функция представляет собой волевой акт, связанный с развитой машинной техникой и предполагающий ее наличие. Как машине свойственно выполнение механически повторяемых функций, упорядоченных во времени, так и человек в том же самом смысле становится носителем функций. Каузальное и целесообразное мышление, заложенное в машине, теперь выступает из нее и превращается в организацию труда. Руководство этой организацией осуществляют функционеры.

22

Где возникает технический коллектив? Он образуется всюду, где автоматизация техники достигла соответствующего уровня. Предпосылкой возникновения коллектива всегда является наличие автоматизированной техники, без этого он не может существовать. Его работа определяется присутствующим в нем автоматизмом и его функциями. Само слово «коллектив» следует воспринимать как механическое понятие, понимая его как отражение реальных динамических процессов. Коллектив — это не состояние, он всегда находится в развитии. Он представляет собой машинный коллектив с точки зрения аппаратуры, трудовой коллектив с точки зрения организации. Ведь определяющими для коллектива являются два основных момента, тесная связь которых уже описана в «Совершенстве техники» и от четкого функционирования которых зависят все функции коллектива: отношение механической аппаратуры к организации труда и отношение организации труда к аппаратуре. Между этими моментами существует непрерывное взаимо-

действие, своего рода *mutuum commercium*.* Ведь механическое действие есть взаимодействие, так как все тела, влияющие на динамическое состояние другого тела, в свою очередь испытывают такое же воздействие с его стороны. Эта тесная связь между аппаратурой и организацией является источником всех сложных производственных связей, благодаря ей в эпоху машинного капитализма образуются гигантские заводы, тресты, картели и синдикаты, всевозможные монопольные предприятия. Такие же сложные связи создает и финансовый капитал, развивая технику финансового дела и учреждая комбинированные банковские предприятия, всевозможные системы участия и управления, которые подчиняют себе финансы, денежные потоки принимающей все более централизованный характер организации. Здесь, как и во всей сфере автоматической техники, складывается сеть организаций. Крупные банки раскидывают сеть своих филиалов по всем странам, эта сеть состоит из местных отделений, депозитных касс, обменных пунктов, долевого участия в других банках. Вексельное обращение, чековое обращение, обращение сберегательных вкладов также образуют свои сети. Символические деньги и безналичные деньги совершают свое движение в условиях автоматически работающих сетей. Деньги не есть нечто изолированное. В финансовой сфере изоляционисты терпят поражение в борьбе с интервенционистами так же часто, как и в политике. Возмущаясь этими процессами, Ленин говорит о «финансовой олигархии», но при этом умалчивает, что никакой марксизм не в силах тут никогда ничего изменить. Потому что в условиях технического коллектива это механизированное денежное хозяйство окончательно разовьет свою гигантскую организацию, добьется еще большей концентрации и обретет небывалое могущество.

Технический коллектив формируется в непрерывном чередовании прогресса и регресса. По своей сущности он является одновременно механическим производителем и потребителем, производит потребление и потребляет продукцию производства. Технический коллектив — гигантский распределитель. Это организация, основанная на дефиците, который невозможно преодолеть, поэтому его деятельность носит экспансионистский характер, стремится к постоянному расширению. Дело в том, что работа коллектива, как и всякой, машины, убыточна; законы термодинамики справедливы и для технического коллектива в целом. Это убыточный коллектив, и поскольку он уничтожает собственные субстраты, то вынужден во что бы то ни стало расширяться. Ему свойственны империалистические устремления, которые носят еще более хищнический характер, чем это было при монополистическом капитализме, в недрах которого скрытно зарождался коллектив.

Технический коллектив — это не государство, не нация и не религиозная общность. Государственные и национальные границы не совпадают с границами его сферы. Это не Америка, не Россия не Швеция и не Швейцария. Коллектив по самой своей сути не имеет тех устойчивых границ, которыми обозначена территория государств и наций. Вещественных границ он не признает, пространственных границ для него не существует. Он не считается с исторически сложившимися территориальными границами. Свои технические коммуникации, неизменно ведущие к насосным станциям, он прокладывает через моря и земли, через территории чужих государств. Со своей стороны коллектив не видит ничего затруднительного в том, чтобы превратить весь земной шар в единый технический коллектив. Начало этому уже в значительной степени положено. Там, где коллектив пришел к влас-

ти, он начинает преобразовывать государственное устройство, подменяя его технической организацией. Конфликты XX века невозможно понять, не осознав того, что война является неотъемлемой принадлежностью технического коллектива, и того, что разрушение границ и ниспровержение старых форм господства является насущной задачей коллектива. При этом коллектив оперирует понятиями уже несуществующей демократии. Мировые войны невозможно объяснить такими причинами, как межгосударственные и межнациональные различия, так как последние носят локальный характер и ничего не проясняют в общем ходе событий. Мировые войны можно понять только если трактовать их как направленные на обеспечение и подготовку единого всемирного коллектива, а следовательно, предопределяющие, кто потом будет сидеть в центральном правлении, кому в этом всемирном коллективе будет принадлежать решающее слово и кто будет отдавать распоряжения, подлежащие неукоснительному исполнению.

Отличительной особенностью автоматизированной техники является то, что она вызывает повсеместное образование специальных коллективов. Характер этих специальных коллективов не таков, чтобы они могли существовать сами по себе, каждый из них, скорее, похож на протез, движение которого зависит от движения всех прочих подобных коллективов. Процесс их возникновения отчетливо вырисовывается перед нами лишь тогда, когда мы поймем, что с увеличением числа автоматов возникает автоматическая организация, которая подчиняет себе человеческий труд. Образуются те сети, кольца, круги, в которых повторяется механическая работа. Так возникает транспортный коллектив, сталепромышленный коллектив, угольный коллектив, электрический коллектив, коллектив телефонной связи, радиокollektiv. Каждая

разновидность автоматизма создает свой специальный коллектив, связанный со всеми остальными в единый шестереночный механизм. Технический коллектив в целом состоит из таких специальных коллективов. Каждый из них включает в себя машинный коллектив и рабочий коллектив, а технический коллектив в целом также соединяет в себе машинный и рабочий коллективы. Коллектив в целом подчинен механистическому понятию времени и пространства, его работа опирается именно на него. Только учитывая это, мы поймем, почему неизбежно должно появиться плановое хозяйство — ведь плановое хозяйство и есть не что иное, как перенесение механистического понятия времени и пространства на область человеческого труда. Первоначально плановое хозяйство трактуется с экономической позиции. К идее планового хозяйства приводят экономические соображения. Предпринимаются попытки дать ему экономическое определение, вложить в него экономический смысл. Однако плановое хозяйство означает такое использование человеческого труда, при котором работа ориентируется на аппаратуру, на автоматы. Конечно, работа человека, как правило, связана с планированием, то есть имеет перед собой определенную цель. Новое же тут состоит в том, что этот план привязан теперь к автоматам, и их механически точное функционирование подчиняет себе работу человека и план работ. Это имеет решающее значение. Коллективисты старого образца стремились к установлению общественной собственности на средства производства, включая также землю, и требовали учреждения такой системы производства, которая основывалась бы на свободном товарищеском объединении. Трудовой вклад каждого должен был определять его долю как участника коллектива. Относительно желательных размеров коллектива существовали различные мнения. Одна часть

коллективистов придерживалась изоляционистского принципа, другая их часть — интервенционистского принципа. Одни мечтали о небольших, самостоятельных коллективах, которые потихоньку жили бы каждый сам по себе, другие — о централизованном коллективе, который вобрал бы в себя всех и вся. Технический коллектив не имеет уже ничего общего с этими идеями. В его условиях невозможно представить себе ни такую систему производства, которая основывалась бы на свободных товариществах, ни долевого участия в соответствии с мерой произведенного труда. В действительности мы видим совершенно другую картину.

Как только технический коллектив начинает осознавать движение сил внутри себя, он устанавливает над ними единое управление, осуществляемое из технических центров. Он сам определяет свой статус технического коллектива. Как же это происходит? И где именно зримо проявляется эта тенденция? Это происходит благодаря рабочему плану. Рабочий план является признаком того, что технический коллектив достиг нового уровня власти. Рабочий план фиксирован во времени и в качестве генерального плана включает в себя все участки деятельности специальных коллективов. В этом плане отражается общее направление деятельности технического коллектива, в нем он формулирует свои задачи и провозглашает определенную цель, которую намеревается достигнуть. Технический коллектив ставит себе задачу увеличить производство потребления и потребить больше произведенной продукции. Он неизбежно вынужден наращивать все свои усилия. О сути такого наращивания Валери в «L'idée fixe» выразительно писал: «De plus en plus fort, de plus en plus grand, de plus en plus vite, de plus en plus inhumain, — ce sont des formules d'automatisme».* Если мы спросим себя, чем же этот

автоматизм отличается от автоматических движений человеческого тела, от автоматических мускульных движений, которые физиологи выделяют как особую разновидность, отличную от рефлекторных и произвольных движений, от сердцебиения, от дыхательных движений, то увидим, что отличие заключается в зависимости автоматических телесных движений от другого вида движений, причем от этой зависимости невозможно освободиться. В техническом автоматизме зависимость зашла дальше произвольной стадии, его управляемость носит произвольный характер. Моторика автоматизма сделала зависимым все, стремясь подчинить разнообразие движений главному непременно ускоряющемуся движению.

В рабочем плане получает свое выражение воля коллектива к дальнейшему усилению эксплуатации земли и человека посредством насильственных методов. Для осуществления этой задачи используются все возможные средства, что и приводит к замене свободных трудовых отношений принудительным трудом. Рабочий план рассматривает человека как существо, которое при минимальных расходах на оплату его труда можно использовать с максимальной выгодой. Все разновидности хищнической эксплуатации достигают невиданного масштаба.

Однако появление рабочего плана служит не только знаком того, что технический коллектив намерен показать и усилить свою власть, но и признаком бедственного положения и нужды. Рабочий план появляется под давлением аппаратуры. Если мы обратимся к покоящемуся в себе, сберегающему и приумножающему свою субстанцию порядку, основанному на собственности, то увидим там планомерную, целенаправленную деятельность, но нигде не обнаружим попыток подчинить эту деятельность еще и всеохватному, требующему больших затрат автоматизму. В от-

личие от собственника, которого ничто не вынуждает проедать свою собственность и которого кормит приносимый ею для того и предназначенный приход, коллектив находится в гораздо менее выгодном положении. В условиях коллектива уже не может быть речи о предназначенном для потребления приходе, приносимом собственностью в условиях сохранения и приумножения субстанции. Коллектив погиб бы от голода и неизбежно начал бы сам себе пожирать, если бы он ограничил свое потребление подобным предназначенным для потребления приходом. Главная забота коллектива — сохранять то положение, которое позволяет ему продолжать неограниченное истребление субстанции. Ведь он может успешно развиваться только при условии бесперебойного продолжения этого процесса. Рабочий план подчиняется закону основывающихся на дефиците организаций, которые осуществляют рационализацию своего устройства, для того чтобы расширять масштабы проводимой ими хищнической эксплуатации. Потому что добывать субстанцию становится все труднее.

В одном из своих писем Маркс говорит, что техники «будут нашими принципиальными врагами и будут нас обманывать и предавать при каждой возможности; нам не останется ничего другого, как только отстранять их от себя, и все равно они и дальше будут пытаться нас обманывать». Это высказывание вызывает странное впечатление. За словами Маркса чувствуется догадка о противоречии между экономической и техникой. Только куда же денет технический коллектив этих техников? Неужели он отправит их заниматься ручным трудом? Маркс еще не мог знать, что технический коллектив зависит от Техника так же, как от автоматизма, который поддерживает Техник. Что означает эта зависимость технического коллектива от автоматизма? Она означает, что коллектив

опирается на механический способ репродуцирования. Из этого метода, перенесенного на мир вещей, возникает автоматизм. Задача настоящей работы состоит в том, чтобы открыть читателю глаза на новые закономерности процессов и помочь ему взглянуть на них свежим взглядом, независимо от метода ныне страдающих слепотой экономистов и теоретиков общественных наук, от биологов, социологов и психологов, которые обрабатывают «материал». Мы занимаемся здесь не выяснением специальных научных вопросов. И все, что касается аппаратуры и организации, интересует нас только с точки зрения того, как это сказывается на человеке, на том человеческом образе, который столь усердно стараются исказить. Каждый приводимый здесь пример одновременно может служить моделью нового понимания, нового подхода к сопутствующим нам явлениям и событиям. Самые обыденные из них, те что встречаются на каждом шагу, в то же время оказываются и самыми важными, так как они-то нас и окружают и постоянно сопровождают нашу жизнь. Мы не будем собирать редкостные происшествия, так как нас не интересуют курьезы; самое главное, ради чего пишется настоящее сочинение, это дать читателю новый взгляд на привычный окружающий мир.

Почему, спросит себя наивный рассудок, фотоаппарат не может быть моей собственностью в том смысле, в каком собственностью может быть всякая другая вещь? Что этому мешает? Ведь я обладаю полным и исключительным правом распоряжаться этим фотоаппаратом и сделанными при помощи него снимками. Но неправильна сама постановка вопроса и на него дан неправильный ответ, так как здесь эти отношения не играют роли. На самом деле вопрос стоит иначе: относится этот фотоаппарат к старой системе собственности или принадлежит к системе

технического коллектива? Ответ на этот вопрос появляется, как только фотографический процесс превращается в множительный, ибо с этого момента он становится методом технического коллектива. Почему механические методы репродуцирования не совместимы с понятием собственности? Потому что этот метод вступает в противоречие с понятием собственности, причем это противоречие проявилось непредсказуемым образом, его сначала не понимали, лишь постепенно выяснился его характер. Отдельный аппарат, находящийся в частной собственности и по-прежнему воспринимаемый как особая вещь, в этом случае не главное — важен механический процесс и принцип его организации. С миром, который целиком и полностью поддается фотографированию, несоединимо понятие собственности. Вероятно, это покажется убедительным тому, кто наблюдал ту мушиную назойливость вооруженного аппаратом человека по отношению к собственности и собственнику. Отделение фотографического снимка от объекта равнозначно отделению собственности от собственника, и это отделение вообще представляет собой характерный признак механического множительного процесса. Вопреки распространенному представлению, фотография отнюдь не обогащает наше видение, этот метод, напротив, представляет собой насилие над нашим видением, так как приучает глаз к механическим временным и пространственным отношениям. Человек, который постоянно все фотографирует, в конце концов начинает видеть всюду готовые кадры. Фотографический метод — это метод потребительского уничтожения вещей, так как все множительные методы истребляют существующие вещи путем снятия копий и механического повторения. В кинематографии, в основе которой лежит тот же механический множительный метод, этот процесс проявляется еще отчетливее.

Даже кинокамера еще может быть моей собственностью, но это еще ничего не говорит о соответствующем методе. То же самое относится и к радиовещанию. Тот факт, что звуковые и зрительные образы, доносимые до нас этими средствами, служат развлечением для всего света, еще ничего не говорит об этих средствах. Важно, чтобы люди осознали, как эти средства изменяют мир.

Техническая реклама и пропаганда коллектива ведется исключительно с помощью механических множительных средств. Пропаганда опирается на фотографию, кино, радио и автоматизированную печать. В условиях общества, основанного на собственности, такая пропаганда не нужна, так как опирающаяся на вещественные границы собственность не нуждается в опоре на эту пропаганду. В техническом коллективе, где вещественные границы уже утрачены, она жизненно необходима. Пропаганда служит наглядным подтверждением того факта, что вещественные границы утрачены. Устремления коллектива направлены на то, чтобы упразднить всяческую собственность на орудия пропаганды, то есть на механические репродукционные методы, в результате чего коллектив превращается в один сплошной рупор, вещающий на земле и в эфире. Что такое пропаганда в условиях коллектива? Это рабочая пропаганда. Она представляет собой механический голос, сопровождающий процесс потребления в условиях организации, основанной на дефиците. Пропаганда и сама есть потребление, полное использование. Она несовместима с порядком, основанным на собственности, поскольку для такого порядка характерно сохранение и заботливое сбережение субстанции. Пропаганда же означает уменьшение субстанции, и ее можно понимать только как процесс, сопровождаемый убылью субстанции. Пропаганда, конечно, по возможности скрывает это

обстоятельство, и это стремление к сокрытию и утаиванию — проявление ее лживости. Пропагандировать можно только события, требующие пропаганды; все, что невозможно пропагандировать, остается за пределами технического коллектива. Порядку, основанному на собственности, никогда не требуется никакая пропаганда. А фотография, кинематограф, радиовещание и автоматизированная печать являются носителями проводимой коллективом лживой пропаганды, которая без усталы преследует человека и усиливается по мере того, как расширяются потребительские возможности коллектива.

Фотографическое видение — это кинетическое видение, слушание громкоговорителей — кинетическое слушание. Видение, восприятие, слышание и движение, опосредованное автоматами, носит кинетический характер. Из этого мира автоматизированной техники все громче, недвусмысленней, повелительней, настойчивей раздается нечеловечески зычный механический голос коллектива, его громовые раскаты разносятся повсюду не умолкая. Каждый обязан видеть, слышать, двигаться так, как велит ему коллектив. Враждующие коллективы, добивающиеся одинаковой цели, которая состоит в создании универсального коллектива и универсального рабочего плана, заполняют воздушное пространство заклинаниями, затверженно повторяя одно и то же, и в голосах этих титанов все сильнее звучит угроза. А возражающие голоса слышатся все тише и тише. Но даже если бы они совсем умолкли, коллектив не может молчать. Молчание и спокойствие несовместимы с коллективом. Молчание — его враг, спокойствие — для него смерть. Автоматизм коллектива не терпит остановки даже на одну секунду и властно требует механического движения, безостановочного множительного процесса, непрерывной пропаганды. Чем громче го-

ворит коллектив, тем глубже становится глухое молчание. Кажется, словно какие-то демоны беспрерывно бьют в громадный барабан, только для того чтобы перебороть молчание. Но когда-нибудь оно достигнет такой глубины, что коллектив об него разобьется и лопнет, как пузырь. Именно так, очевидно, можно представить себе конец коллектива. Его взрывоопасная техника приводит к взрывам. А детонаторы становятся все мощней и мощней. Мировые войны — это детонаторы технического коллектива.

23

Итальянский историк Гульельмо Ферреро в своей книге о власти приводит четыре принципа легитимности, на которые может опираться государство: принцип наследования, выборный принцип, монархически-аристократический принцип и демократический принцип легитимности. Мы можем не углубляться здесь в обсуждение этой систематизации с точки зрения ее основательности, но по поводу принципа легитимности заметим следующее. Там, где он проявлялся на протяжении истории и где служил оправданием власти, он неизменно сочетался с правом собственности. Легитимный приход к власти предполагал порядок, основанный на собственности, и именно поэтому потрясение основ собственности сильнее всего подрывало принцип легитимности. Наиболее отчетливо это видно при передаче власти путем наследования, в которой можно отметить непосредственную параллель с наследованием собственности. Подрыв легитимности, приводящий к иллегитимной узурпации власти, может иметь различные причины. Если в качестве основы легитимности выбирается, как это было сделано Талейраном и Меттернихом,

монархический принцип наследования, то прерывание наследования ведет к подрыву легитимности. Если в качестве основы легитимности берется, как это было в случае Наполеона III, волеизъявление нации путем плебисцита и легитимность трактуется как проявление национального принципа, то такая легитимность монарха устанавливается и отменяется путем национальных выборов.

В XIX веке наступает кризис принципа легитимности, который постепенно углубляется. Причина заключается в развитии машинного капитализма, под влиянием которого начинается распад порядка, основанного на собственности. Кризис легитимности, развившийся в борьбе монархии и демократии, машинного капитализма и машинного социализма, обостряется по мере того, как продолжается развитие технического коллектива. Расшатывая основы собственности, технический коллектив одновременно подрывает прежний принцип легитимности, не предлагая взамен нового. Иного принципа легитимности просто неоткуда уже было взять по той причине, что определяемый механическими законами технический коллектив невозможно связать с какой-либо формой легитимности. Вместе с упразднением собственности он одновременно упраздняет и правопорядок, опирающийся на собственность. Коллектив опирается не на правопорядок, а на функционирование машинной техники. Не только выборы, но и плебисцит внушает в условиях технического коллектива все меньше доверия, его результаты становятся все более сомнительными, так что он оказывается ненужным; путем выборов и плебисцита в этих условиях уже не закладываются основы новой легитимности. Функционер, возглавляющий такой коллектив, вынужден довольствоваться видимостью легитимности, то есть просто обходиться без нее. Технический коллектив — это

перманентная революция. Там, где он сохраняет демократические институты выборов и плебисцитов, он придает выборам тот механический характер, который ставит избирателей в условия механического принуждения. Выбрать означает здесь так или иначе отдать свой голос за коллектив. Тот, кто не голосует за коллектив, подвергает себя опасности и оказывается под угрозой. Функционер, который возглавляет коллектив, является не легитимным монархом или президентом, а узурпатором. Это *tyrannus absque titulo*,* так как его власть опирается не на правовые основания, а на совокупность механических сил, которые находятся в его распоряжении. Он держит в своих руках центральный пульт управления этой механикой и нажимает на кнопки. Распорядительная власть, которой он обладает, велика. И тем не менее он, вследствие того что связан с механикой, исполняет роль пассивного орудия. Правитель здесь не автономная величина, в нем отчетливо видны черты, выражающие его инструментальный характер. Он всегда остается функционером, прочно связанным с коллективом, и не может освободиться от этой зависимости. Его историческая задача заключается в управлении коллективом.

При отсутствии легитимности между правящей верхушкой и управляемыми людьми устанавливаются, отмечает Ферреро, отношения взаимного недоверия и страха. После того как коллектив достигает определенной степени могущества, с этим страхом уже не могут покончить никакие выборы и плебисциты. Характерным признаком развитого коллектива является царящий в нем страх, который постоянно усиливается и все больше овладевает людьми. Коллектив словно бы производит страх подобно тому, как он производит товары, с той только разницей, что страх гораздо труднее потребляется, чем товары. Представляется до-

статочно очевидным, что этот страх как-то связан с отмиранием отношений собственности, основанных на ручном труде. Потому что вместе с ним приходит конец той надежно устроенной жизни, которую мог вести человек, опираясь на собственность. В условиях коллектива собственность и право наследования почти ничего не значат. Брак и семья также теряют твердую почву, поскольку они опирались на собственность. В период машинного капитализма складывается та карликовая семья, состоящая только из родителей и несовершеннолетних детей, которая распадается, когда дети достигают совершеннолетия.

Между тем нарастание страха объясняется еще и рядом других причин. Технический коллектив по определению не связан вещественными и пространственными границами. Он не признает дистанций, а страх всегда возникает там, где утрачена дистанция. Дистанция же утрачивается тогда, когда я теряю власть — власть над собой и над другими людьми, власть над временем и пространством, власть над явлениями, над событиями и процессами, над методами, которыми я пользуюсь. Этот страх зарождается в коллективе несмотря на то, что он стремится к отождествлению правящих и управляемых, хотя он претендует на то, что будто бы осуществляет все потенциальные возможности демократии. Страх появляется несмотря на то, что в техническом коллективе экономический принцип свободной конкуренции уступил место конкуренции, основанной на механическом принципе производительности. Страх появляется несмотря на то, что люди трудового коллектива по своей субстанции более однородны, чем люди, живущие в условиях собственности, а условия жизни стали более единообразными. Но мир становится непонятнее и страшнее, и вместе с этим все отчет-

ливее проявляется беззащитность и неприютность человека.

Несомненно, что при разрушении порядка, основанного на собственности, вместе с ним рушится все, что делало жизнь надежной, рушится вера и уверенность, которая была у человека, пока устойчивость жизни обеспечивалась определенностью признанных границ. В условиях механической организации я нигде не могу чувствовать себя в безопасности, угроза может таиться где угодно, притеснения со стороны организации отличаются непредсказуемостью и неожиданностью. Точность ее функционирования не гарантирует мою безопасность, как раз эта точность и становится источником всех неприятностей и угроз. Число точных механических предписаний я могу только умножить, упраздняя границы вещей, и делая это, я подвергаю человека новым притеснениям. Об этом еще никогда не задумывался ни один из представителей точной науки, его никогда не посещала даже слабая тень подобной догадки. Вы спросите, почему? Потому что его задача — разрушать границы вещей и заменять их механическими предписаниями. Почему коллектив вынужден использовать против человека все новые способы принуждения, почему он все больше и больше превращается в тюрьму? Потому что коллектив опирается на механически оказываемое принудительное воздействие и потому что следствием этого принуждения является тот регресс, который был описан в «Совершенстве техники». В человеке зарождается страх, потому что аппаратура несет в себе угрозу для него, и потому что эта беспредельно развивающаяся аппаратура превращается в организацию, и потому что этот союз порождает взрывоопасные силы вулканической мощи, которые грозят причинить ему чудовищные по своему масштабу разрушения. Древний Тифон, его сыны и дочери, пробуждаются

от долгого сна. Все здание технического коллектива сотрясается от этих сил, которые он уже не в состоянии укротить и держать в узде. А люди, живущие в этом коллективе, со свойственной им повышенной чуткостью, заставляющей их нервно вздрагивать при каждом близком и отдаленном сотрясении, уже ни на минуту не могут избавиться от страха, который они постоянно ощущают в среде автоматизированной техники, от страха, который внушает им прочно связанное с коллективом будущее. В этом страхе чувствуется ожидание, как будто бы все замерло перед грядущим мощным взрывом.

В условиях коллектива страх так и выпирает из всех щелей, он заметен повсюду. В качестве примера того, как относится человек к окружающему миру, который перемалывает собственность, стирает ее в порошок, мы рассмотрим экзистенциализм французского образца, в лице его главного представителя Жана Поля Сартра. Экзистенциализм всегда появляется как выражение бедственного положения, и это бедственное положение имеет исторические причины. Само понятие экзистенции не позволяет рассматривать его вне исторических условий. Человек страдает от исторических особенностей своего экзистенциального бытия. Если какая-то причина так упорно и настойчиво заставляет сознание человека постоянно возвращаться к мысли о его экзистенции, экзистенциальном бытии, что он сосредоточивается на ней как на центральной проблеме, то в этом находит свое отражение не столько его природа, сколько историческая ситуация. Историческая ситуация столь неотступно преследовала человека, что он начал сознавать свою бедность. Мы опишем вкратце, как это выразилось в философии Сартра.

Одно из положений сартровского экзистенциализма гласит: «L'homme est un être chez qui l'essence est

précédée par l'existence».* Здесь, как в средневековой философии, противопоставляются друг другу *existentia*** и *essentia****. Отсюда следует, что мышление понимается как дополнение, которое обуславливает переход возможности в действительность. Положение Сартра не ново, и если бы оно означало то же, что выражено в схоластической формуле *operari sequitur esse*,**** с ним можно было бы согласиться. Однако у Сартра это положение выступает лишь в качестве искусственного приема, который не ведет никуда дальше. Потому что как ни меняй местами *essentia* и *existentia*, ставя одно впереди другого, это ничего не даст. Каждая *existentia* предполагает, что есть соответствующая *essentia*, так как все сущее предполагает определенное качество. А каждая *essentia* не может обойтись без *existentia*, так как именно в качестве проявляется сущее. Это справедливо для всякой «*raison d'ordre philosophique et logique*»,***** о которой говорит Сартр в своем сочинении «*L'existentialisme est un humanisme*».***** Так что же я должен представлять себе под *existentia*, которая первична по отношению к *essentia*? Быть может, *ens rationis****** в чистом виде или, лучше сказать, *ens metaphysicum*?***** Это разделение *essentia* и *existentia*, которое мы встречаем у Сартра, представляет собой искусственный прием, при помощи которого он переходит к свободе воли и свободе выбора. Говоря о поступке, Сартр делает акцент на акте выбора, то есть свободе выбора придается в его философии повышенное значение, как это происходит во всех случаях перехода от континуальности к дискретности. Сартр утверждает, что человек сам выбирает себя и, выбирая себя, одновременно выбирает всех остальных людей. Из этого следует, что индивидуальный выбор предваряет собой все остальные, так как субъективный акт выбора является основой всякой свободы — как моей

собственной, так и свободы других людей. Но когда вот так говорится, что человек сам себя выбирает, это на поверку оказывается тавтологией. Этот выбор еще ничего не говорит о сущности свободы. Что чему предшествует: человек своей самости, своему Я, или самость, человеческое Я, — предшествует человеку? В зависимости от этого нужно ставить *existentia* перед *essentia* или, наоборот, *essentia* перед *existentia*. Вопрос о том, что было раньше — курица или яйцо, никуда не ведет. А если я скажу, что человек сам себя выбирает как человека, получится тавтология. Зато свою свободу я должен создать, ибо если я ее не создаю, ее нет. Я не могу согласиться на то, что ее создаст для меня кто-то другой, потому что так ничего не получится.

По сути дела, экзистенциализм — это не что иное, как одряхлевшее и обветшавшее картезианство. Но в декартовском *cogito* звучит доверие к мысли, нетронутая сомнениями уверенность в ее возможностях, от которых в экзистенциализме не осталось и следа. Картезианство сартровского образца окрашено сенсуализмом. Его преследуют чувства тревоги, отчаяния и отвращения (*angoisse, désespoir, nausée*). Возможно, отвращение — самое показательное из них. Оно связано с обонянием, и там, где вызываемые им неприятные ощущения достигают наибольшей силы, они указывают на присутствие мощных очагов гниения. Там, куда слетаются «мухи», поблизости должен быть разлагающийся труп. Отвращение к человеку, отвращение от человека переполняют экзистенциализм и, переливаясь через край, готовы затопить все вокруг. Экзистенциализм всегда неразрывно связан со страхом и, в конечном счете, завершается отчаянием. Как страх и отчаяние, так и отвращение представляют собой нечто экзистенциальное. В то же время оно служит симптомом, оно позволяет мне, обнаружив в человеке этот симптом, сделать четкие заключения

относительно этого человека. Отсутствие отвращения, свобода от этого чувства — признак душевного благополучия, в то время как его присутствие — признак неблагополучия, начавшегося распада. Тот, кому отвратителен человек, не может быть ни христианином и гуманистом, ни язычником, он перешел черту, за которой происходят скверные, омерзительные вещи, внутренние отправления организма, которые вместо того, чтобы совершаться там, где им положено, вырываются наружу и, проступая из-под кожи, оказываются на поверхности. Это бескожее мышление, и описываемый им человек тоже бескожее существо.

Человек, описываемый Сартром, это человек без собственности, очутившийся между распадающимся порядком, основанным на собственности, и техническим коллективом, как между двух стульев. Позади у него ничего не осталось, а впереди все определяется техническими целями коллектива: «une vision technique du monde, dans laquelle on peut dire que la production précède l'existence».* Этот человек откровенно показывает свое нежелание раствориться в техническом коллективе и стать рабом его механической детерминированности. Между тем он уже в значительной степени живет по законам коллектива, пользуется им, чтобы от него освободиться. Он, не раздумывая, пользуется институтами коллектива и попадает в такую зависимость от его механических приемов, какую можно видеть на примере персонажей, действующих в романах Сартра. Одновременно этот человек защищается от коллектива тем, что Сартр называет актом выбора. На примере этого человека мы видим также, что в сущности представляет собой этот акт выбора, то есть мы можем наглядно увидеть, что представляет собой *existentia* и *essentia* этого человека.

Об этом можно сказать следующее. В своих литературных произведениях Сартр выступает как созда-

тель образа так называемого *type foutu*,* и все герои его романов являются представителями этого типа. *Type foutu* — человек, выпавший из строя, основанного на собственности, не имеющий ничего собственного, ничего свойственного ему, но в то же время не слившийся с техническим коллективом. Он — промежуточный тип человека, поэтому он по своему характеру фланер, бесцельно слоняющийся бродяга. Но дорожки, по которым он слоняется, пролегают не между зелеными лугами мысли и действия. Он не мыслит и не действует, все его стремления направлены на то, чтобы выиграть время, чтобы обезопасить себя, чтобы уклониться от принятия решения. По этому поводу он предаётся бесплодной рефлексии, испытывая от этого угрызения совести. Его реакции свидетельствуют о том, что он повторяет механические движения, он слоняется среди механизмов, и механизмы гонят его то туда, то сюда. Его страх, как всякий страх, рефлекторен. Его отвращение, его отчаяние не выходят за рамки реакции. Он движется в пределах механизированного мегаполиса и находится под влиянием развитого автоматизма, наркотические удовольствия которого его особенно привлекают. Этим объясняется то впечатление наркотически одурманенного человека, которое он производит, — несмотря на узкую сосредоточенность и остроту сознания, он действует как сомнамбула. Его сознание участвует только в узко очерченном круге постоянно повторяющихся реакций. Это — секторальное сознание, привязанное к определенным секторам, кадрам окружающего мира. Этот человек убежден в том, что все бессмысленно, а чтобы иметь такое убеждение ему требуется допинг: допинг дает ему ощущение движения, которого он лишен. Он знает, что погубил себя. И чувствует себя свободным только там, где может себя губить.

Тот *type foutu*, который изображен у Сартра, и человек, который беспрекословно растворяется в техническом коллективе, отличаются друг от друга. Но прежде чем перейти к рассмотрению этого коллективного человека, необходимо бросить взгляд на рабочий процесс. Нужно рассмотреть современный рабочий процесс в целом и разобраться в его особенностях. Главная задача состоит в том, чтобы уточнить, каков его результат для человека. Всевозможные открытия и изобретения, достижения научного и технического прогресса, новые данные в области механических законов природы, развитие аппаратуры и организации — все эти вещи интересуют нас не сами по себе. *Applicatio fiat!** Но суть применения заключается в том, что все изобретения и открытия, все эксперименты и новинки в области механизации не осуществляются в пустом безлюдном пространстве, а имеют непосредственное отношение к человеку и их конечной целью является человек. Как бы не изворачивался человек, но все его мысли, все его поступки, все деловые предприятия и опыты бумерангом возвращаются к нему. Человек становится предметом того, что по его замыслу должно было быть его объектом. Он не может сослаться на субъективный характер своих усилий, не может закрыться в неприступной башне. Когда он это делает, то применяет насилие, и тогда мир объектов, который он хотел покорить и изничтожить, восстает против него всей своей громадной массой.

Наблюдая связанный с машинной техникой процесс потребления и познавая его законы, неизбежно приходишь к пониманию того, что темпы движения, его неустанное ускорение вызваны ростом дефицита. Многоцветная завеса прогресса прохудилась, обнажая

бедственность создавшегося положения. Работа ничего не дает человеку, кроме осознания того, что его мышление наполнено иллюзиями. Работа — это еще не ценность, она не включает в себе иерархии ценностей. Работа не создает изобилия, сначала необходимо, чтобы появился особый тип человека, который может стать источником изобилия. Только плодотворное, приносящее реальные плоды мышление является предпосылкой плодотворной работы. Мы можем трудиться самым интенсивным, самым напряженным образом, но в результате не создать ничего, кроме увеличения общего убытка. Самые прилежные работники больше всего способствуют появлению этих убытков, из-за того что они — самые бедные.

Так что же такое работа? Работа — историческое понятие, оно не относится к царству природы. Работа — историческое событие, и мы будем рассматривать ее в историческом плане. Деятельность природы не может считаться работой в таком историческом смысле, она и не воспринимается как работа. Неустойчивость природы — это ее повторяющаяся игра, и в то же время это ход стихийной, а не исторической необходимости. Тут отсутствует выбор, тут не может происходить ничего иного. Род определяет, что надлежит делать индивиду, вид определяет свойства отдельных особей. Такую деятельность можно уподобить человеческой работе только в метафорическом смысле через аналогию. Здесь происходит только повторение. Повторение, которое мы видим в приливах и отливах, повторение, которое можно наблюдать в движении планет. Одно движение влечет себе на смену другое. Доисторический человек тоже проявляет себя в разнообразной деятельности, но эта деятельность еще не подчиняется историческим закономерностям, это еще не работа в историческом смысле слова. Мы можем сказать, что там, где все определя-

ется законами природы, понятие работы не имеет места, так как рабочий характер совершаемых действий еще нельзя отделить от действующей в ходе этого процесса силы. Поэтому все, что совершается в нашем теле автоматически — переваривание пищи, рост, бессознательная деятельность наших органов, — не воспринимается нами как работа. Работой мы называем только ту деятельность, которая осознается нами как работа. Наша деятельность не ограничивается одними лишь сознательными действиями, но бессознательную деятельность мы не называем работой, за исключением тех случаев, когда речь идет о механике и мы пользуемся специальными терминами этой дисциплины. Игру, развлечения, отдых и многие другие события мы не называем работой. Но их можно подчинить понятию работы.

Можно пойти дальше и сказать, что любая деятельность, производимая с сознанием свободы, утрачивает характер работы. То, что я делаю с радостью, не воспринимается мною как работа. Свободный труд, заслуживающий этого эпитета, характеризуется радостью его исполнения. В нем отсутствует сознание принужденности, нужды и необходимости, свойственное работе, которая выполняется несвободно. Такой свободный труд не существует в неограниченном количестве, так как его нельзя умножить принудительным образом. Только увеличивая принуждение, я могу увеличить количество работы. Здесь трудно точно обозначить границу, потому что путем принуждения можно сколько угодно увеличивать количество труда, вплоть до состояния крайнего изнурения и полного истощения сил. Рабочее поле допускает беспредельное расширение. Этим объясняется также расширение труда, связанного с механическим принуждением, находящегося под властью механического принуждения. Этим объясняется также возрастание

роли принудительного труда и организационных форм принудительного труда, которые крепнут по мере развития машинной техники и связей между процессами машинного труда. Чем плотнее становится эта сеть, тем легче заранее рассчитать, какие функции неминуемо ожидают человека: он и впрямь не может их миновать, так как они сами его захватывают. И тут открывается мир механического труда, в котором существуют рабочие, то есть люди, занятые выполнением механических функций, которые можно назвать функциями механической работы.

Что такое труд? Труд, согласно определению экономистов, представляет собой такой вид человеческой деятельности, которая направлена на производство ценностей. Это определение расплывчато, а кроме того, содержит элемент обмана. Ясно, что работой может являться и такой вид человеческой деятельности, который направлен на разрушение ценностей. Этот вид деятельности, направленный на разрушение ценностей, не уступает по своему объему и интенсивности созидательному труду. Всякое производство ценностей заведомо предполагает и их разрушение. Если бы разрушение ценностей происходило в меньшем масштабе, чем их созидание, то естественно было бы предположить, что количество ценностей постоянно должно увеличиваться. Однако этого не происходит. Работа вообще не поддается качественной оценке, даже в том случае, когда она выполняется с величайшим усердием. Усердие или прилежание, говоря попросту, само по себе не представляет добродетели или похвального качества, так как глупость, злоба и подлость тоже могут усердствовать, что и происходит в действительности. Труд вообще не относится к числу достоинств, а вынужденный труд и подавно. Поэтому мы не станем восхвалять мир труда и возглашать славу труду, предоставив это тем аполо-

гетам, которые черпают вдохновение в механическом ритме индустриального ландшафта. Пускай они воспевают биржи труда, воснизированные трудовые лагеря и трудовые достижения. Мы же будем придерживаться старого доброго значения этого слова, смысл которого скромнее, так как подразумевает нужду и тяжелую работу. Да и задача наша состоит не в том, чтобы слагать хвалебные гимны, а в том, чтобы установить закономерности, присущие работе в современных условиях.

Механики определяют работу как энергию, которую затрачивают преодолевая сопротивление определенной силы. Чем больше преодолеваемое сопротивление, чем больше силы затрачивается на его преодоление, чем длиннее расстояние, на котором действует эта сила, тем больше величина произведенной работы. Это звучит более приземленно. Куда уходит преодолеваемое сопротивление, можно понять, исследовав отношения между аппаратурой и организацией. Почему сети механической работы все безжалостней затягивают человека в свои путы, почему распорядок работы постоянно ужесточается? И почему в некоторых государствах существуют концентрационные и трудовые лагеря, в которых томятся миллионы подневольных работников? Потому что идет дальнейшее развитие процесса потребления. Теперь уже все оказывается вовлеченным в бурную промышленную деятельность, в ее истребительный процесс. Вследствие этого все скоро будет окончательно истреблено, так что ничего больше не останется. Какая бедность, какая растущая нищета! И как же эта всеобщая нищета торопится все ухватить, как ловко она прикрывается громким названием! К процессу в целом, замечает Ницше, работа человека не имеет отношения, так как «не существует всеобщего процесса (в смысле системы)». Но очевидно, что таковой (хотя и времен-

но) может сложиться, и может появиться то, что Ницше называет «солидарностью колес». Если рассмотреть работу как планетарное явление, как процесс, осуществляемый всем человечеством, и принять работу как критерий человеческой оценки, то станет очевидной поразительная бессмысленность происходящего. Вглядимся же попристальнее в человека, целиком растворившегося в рабочем процессе. Для этого, кажется, мы собрали достаточно материала, если не ошиблись в своих наблюдениях. Между техническим коллективом и послушно работающим в его условиях человеком должно существовать определенное соответствие. Централизованный функционализм организации труда достиг той степени развития, когда его черты наложили отчетливый отпечаток на человека. Здесь представлены все разновидности ущербного специалиста: специалисты-ученые, специалисты-техники, специалисты-рабочие.

Основывать суждение о человеке исключительно на его полезных качествах, оценивать человека в зависимости от его приспособляемости, применимости для определенного дела и от возможной отдачи значит мерить его мерой отдельных частных способностей, присущих или привитых ему обучением. Здесь от него требуются только полезные навыки, только польза, которую можно из него извлечь, и соответственно этим требованием все воспитание, обучение и образование человека нацелены на то, чтобы сделать из него полезное и готовое к использованию существо, необходимое для рабочего процесса и его функций. Человек должен целиком раствориться в рабочем процессе. Избыточная сила, которую он может потратить сам на себя, оказывается тут совершенно нежелательной, в конечном счете, она только мешает его работе, которая, становясь все более механической, требует от человека определенных механических добродете-

лей. Необходимо перекраивать человека соответственно рабочим функциям. Следовательно, человека нужно приводить в соответствие с нормативными требованиями, то есть он должен подвергнуться тому же процессу нормирования, который задается аппаратурой. Это нормирование сводится к тому, что человек при максимальной полезности должен проявлять минимум сопротивляемости, упрямства и своеволия, причем он должен также довольствоваться минимальным вознаграждением. В него вкладывается ровно столько средств, сколько необходимо для возможности его использовать согласно заведенному порядку; замена использованного работника происходит к концу жизни, когда от него не остается ничего, кроме пустого места. Он не должен накапливать ничего такого, что пошло бы на пользу не рабочему процессу, а ему самому. Все неблагоприятно влияющие на производство факторы, причиной которых он является, подлежат устранению. Вопрос стоит только таким образом: до какой степени можно довести его эксплуатацию и использование в интересах поставленных задач и целей. Ответ гласит, что эксплуатация может быть тем сильнее, чем ближе механическое нивелирование подводит человека к минимальному уровню условий существования. Равенство и единообразие развиваются параллельно, так как выравнивание различных уровней приводит к единообразию. Диалектический процесс, приводящий к выравниванию уровней, заканчивается, когда достигается минимальный уровень. Опыт показывает, что чем централизованней производится эксплуатация, тем меньше она встречает сопротивления. В этом нет ничего удивительного, так как человек и без того уже поставлен в условия, в которых сопротивление безнадежно. Приспособление к механическим требованиям путем нормирования, которое человек позволил над собой произвести, ос-

лабляет его сопротивляемость, и он уже не способен вступать в борьбу с процессом, жертвой которого сделанся. К тому же возможности репрессивных мер достаточно велики для подавления любого сопротивления. Но чем более управляемым становится происходящий процесс, тем реже появляется необходимость в применении насильственных мер. Все тотчас же получает широкое одобрение. Стоит убедить человека в том, что он работает не на эксплуататоров и эксплуататорский строй, а на коллектив, как сразу уменьшаются трения, возникающие в ходе работы. А то, что это вполне удастся, видно по изменившемуся пафосу и этосу труда, когда несчастный Сизиф начинает вдруг идеализировать свой статус рабочего и сам внутренне соглашается на навязанное ему положение эксплуатируемого. Тогда-то и устанавливается *consensus omnium*,* и это может служить показателем того, что минимальный уровень уже достигнут. Критика умолкает в обстановке кипучей трудовой деятельности. Никто уже не пытается подвергнуть действия коллектива исследованию, анализу, проверке и учету. Но поскольку коллектив не может делать ничего, кроме того, что делал прежний капиталист и частный эксплуататор, поскольку он продолжает процесс эксплуатации, потребления и истребления ресурсов в многократно увеличенных масштабах, то в результате возникает затруднительная ситуация, в которой мы сейчас и оказались. Различие между частной и коллективной формой эксплуатации состоит, главным образом, в росте потребления. Рабочий процесс и методы работы в обоих случаях одинаковы. Методы совершенствуются, развиваясь в сторону механического функционализма, последний же усиливается в той степени, в какой снижается эффективность эксплуатации. Когда она снижается, приходится усиливать эксплуатацию.

Вот уже более ста лет произносятся громовые речи против эксплуатации, которую ведет частный машинный капиталист. Но в результате этих речей эксплуатация, осуществляемая техническим коллективом, стала только еще более откровенной, унифицированной и централизованной, чем когда-либо прежде. Эта полемика не затронула корень проблемы. Да и чего еще можно было ожидать? Иначе быть не могло, так как в недрах частного машинного капитализма уже существовала вся научная база и вся техническая аппаратура машинного социализма, а социалистический эксперимент, представляющий собой попытку аккуратно вычленить эту научную и техническую базу из капиталистической системы, ничего не меняет в самом принципе эксплуатации. Эксплуататор и механизмы эксплуатации составляют единство. Машинный капиталист и машинный марксист — родные братья. Ученый, техник, рабочий в условиях коллектива делают ту же работу, которую они выполняли при капиталистических производственных отношениях. И неужели же кто-то думает, что частный военно-промышленный фабрикант, которого нам рисуют одной черной краской, занимался и продолжает заниматься чем-то другим, чем его двоюродный братец из технического коллектива, который производит сталь, изготавливает гранаты, испытывает бактериологическое оружие и отравляющие газы? В это могут поверить только простодушные читатели, которым утренняя газета вдолбила представление, будто бы первый — выродок и скотина, а второй — душа-человек, если он вообще существует на свете.

Чем дальше заходит процесс образования массы, тем большее значение приобретают командные пункты, диспетчерские и жезлы регулировщиков. В организации труда мы снова встречаем автоматизм и аппаратуру в виде механических диспетчерских аппара-

тов, кнопки которых находятся в руках технической бюрократии. Важное место теперь занимает функционер — специалист, являющийся носителем особой рабочей функции. Без функционера нельзя обойтись, без него рухнула бы вся аппаратура и организация. Именно он осуществляет за ними надзор, обеспечивая надежность сцепления, следит, чтобы они были исправны и управляет их работой. Функционер может выступать в облике ученого, техника, бригадира, мы встречаем его в административных органах, конторах, цехах, в штабах, центральных и периферийных звеньях управления организацией труда. Его задача состоит в нормировании организационной стороны рабочего процесса, и он соответствует поставленной задаче, так как сам полностью подчинен технической норме. В функционере мы видим наиболее ярко выраженные признаки тяжелого и злокачественного вырождения, свойственного в целом техническому коллективу как организации, основанной на дефиците. Его полезность, его профессиональная пригодность тесно связана с тем, что он совершенно некритически относится ко всему, что выходит за рамки его непосредственных функций. Он не замечает общих закономерностей, не воспринимает процесса в целом, не понимает общего направления движения. Если бы у него был широкий кругозор, это поставило бы крест на его полезности, тогда он перестал бы быть функционером и сам прекратил бы выполнять свои функции. У него имеются все свойства, необходимые для толкового бригадира, он обладает функциональным умом, деловитостью, соответствующими теоретическими познаниями, практическими способностями. Функционер обладает трудоспособностью, трезвым рассудком и надежностью. Мыслимое ли дело еще усилить эти качества, чтобы он стал работать эффективнее? Да! Это достигается усилением машинального начала. Окончательно за-

ключив функционера в тиски механического понятия времени и пространства, полностью приучив к механическому режиму рабсты, можно сделать из него еще более удобного и полезного исполнителя, то есть еще более предсказуемого, надежного и непогрешимого в своей работе. Конечно, механическая непогрешимость машины останется для него недостижимым идеалом, но зато он достигнет совершенства в обслуживании управленческой машины, которая не может без него обходиться. Если он входит в ряд элитных функционеров, то становится организатором рабочего процесса или толковым конструктором, химиком, биологом.

В процессе нивелирования, который стремится подравнять все под единый уровень, функционер становится все более необходимой фигурой. Он оказывается тем человеком, от которого зависит готовность необходимой аппаратуры к работе, он же и формирует организацию труда. Общий рабочий процесс без функционера немислим, не может идти в заданном направлении. Тут необходим вклад прилежного крота, премудрого миопа,* нужен его разум, чтобы подкопаться под самый корень задачи. Функционер руководит рабочим процессом, входит в его авангард, он его главный бригадир. Он добивается убедительного результата, который можно проконтролировать при помощи механических методов и многочисленных тестов. Правда, функционер не наделен даром убеждения и красноречия, который есть у идеологов, в нем есть что-то унылое, серенькое, ограниченное необходимостью, одним словом, безрадостное. Идеолог, в отличие от него, — актер и потому не специалист, зато ему так хорошо знакомы все заветные чаяния человека, все его неистребимые фантазии о тысячелетнем царстве и утопические мечты.

И, наконец, последняя причина продвижения функционера — сам процесс потребления. Научное, тех-

ническое и производственное членение рабочего процесса на отдельные куски, его дробление, разделение на отдельные функции определяется процессом потребления. Необходимость полного использования ресурсов, выработки все более тщательно разработанной, всеохватывающей и разветвленной теории и практики делает человека невероятно изобретательным, ведет к созданию все новых научных и технических дисциплин, которые по существу представляют собой методы усиленной эксплуатации, без остатка использующей все, что можно извлечь из своего объекта. Однажды вступив на путь такого мышления, человек уже не может с него свернуть, не может от него освободиться, становится пленником странных миражей и иллюзий. Его окружают такие же картины, какие витают в пустыне перед изнывающим от жажды путником, и он устремляется туда, куда его манят созданные им же самим призрачные видения. Там, где царит безудержное потребление, он мечтает найти несметные богатства. Там, где царит жесточайшая хищническая эксплуатация, ему мерещатся призрачные картины изобилия, и он мнит, что это картины светлого будущего.

Для частника и для коллектива принцип эксплуатации всегда одинаков. Но она обостряется в результате рационализации. Поэтому принцип эксплуатации неизбежно все более жестко применяется в отношении человека. В условиях коллектива человек оказывается перед эксплуатацией так же беззащитен, как он беззащитен перед изобретенной им аппаратурой и организацией. Быть может, этот человек и не заслуживает ничего, кроме рабской доли, ведь применяемые им методы эксплуатации столь отвратительны, что вполне достойны того состояния, в котором он находится, а это состояние, в свою очередь, соответствует рабочему процессу. Так с какой стати прихо-

дить на выручку человеку, если он имеет то, что заслужил?

Почему бы не оставить его и дальше запутываться в своих сетях, если в нем так сильна склонность к механической зависимости? Зачем нашептывать ему заветное слово «свобода», если на взгляд всех функционеров технического коллектива в этой свободе нет ничего хорошего? Ведь если бы какой-нибудь суперхирург изловчился удалить ее из человеческого организма, то человек стал бы на диво хорошо функционировать. Свобода, по мнению функционеров, это всего лишь иллюзия, лукавая выдумка, которой пользовались для своих целей те, кто держал в своих руках средства производства. Функционер технического коллектива точно так же держит в своих руках средства производства, но он говорит уже не о свободе, а о производстве. Для коллектива, стремящегося к установлению механического равенства, свобода совершенно излишняя вещь, в которой для него нет никакого проку. Зачем же, спрашивается, отменять рабство, существующее с согласия самих рабов, причем зачастую они выражают это согласие с величайшим воодушевлением! Эти возражения не лишены основания, так как я никого не могу принудить к свободе. Свобода — вещь, которую я должен создать. Но здесь эта аргументация неуместна, поскольку эта книга, с одной стороны, задумана не как рабочая инструкция для функционеров коллектива, а с другой стороны, не предназначена для тех людей, которые по доброй воле отказываются от свободы. С их стороны, вероятно, будут выдвинуты именно эти аргументы.

Большое место коллектива образуется там, где требования аппаратуры выступают в качестве регулятора человеческого труда. Превращение человека в рабочую скотину, в убойный скот, существование лагерей,

в которые сгоняют всех неугодных или необходимых для определенных целей, появление все увеличивающейся армии подневольных работников и бюрократии, предназначенной для безжалостной эксплуатации, все более сильное влияние механической необходимости на все области человеческой жизни — все это неизбежные следствия становления и развития технического коллектива. Его символ — охраняемый часовыми и собаками концентрационный лагерь, окруженный сторожевыми башнями и колючей проволокой с электрическим током. Этот коллектив применяет против человека все более решительные меры, так как оказывается во все более сложном положении. В результате в коллективе начинают происходить те ужасные мерзости, начало которых мы уже видели: массовое скопление собранных на тесном пространстве узников подневольного труда, депортации, эвакуации, насильственное перемещение населения, аресты, убийства целых категорий неугодных лиц, производимые при помощи характерных для коллектива средств: газов, ядов и расстрела из автоматического оружия. В коллективе развивается механическая бесчувственность к страданию, человек коллектива приобретает способность полностью игнорировать эти страдания, он бюрократизирует смерть и превращает ее в механическую работу. Здесь мы можем встретить ученых и техников, которые проводят эксперименты на живых людях. Здесь созданы специальные человеческие живодерни. Коллектив старается скрывать их существование, однако это так же невозможно, как невозможно скрыть вонючий смрад — ветер все равно разносит его далеко вокруг.

Движение невозможно представить себе вне системы отсчета. Движение относительно и измеряется на основе системы. Блоха, сидящая на путешественнике, движется. Путешественник сидит, его передвижение осуществляется благодаря механическому средству передвижения, например благодаря поезду. Одновременно с этим земля вращается и, вращаясь, движется в сторону вращающейся системы, которая, как полагают ученые, только что взорвалась и превратилась в осколки. Все эти движения, представляющие собой частный случай движения (так как в действительности существуют только частные случаи движения), происходят не только где-то в пределах нашей или чужой галактики, расстояние до которой исчисляется астрономическими величинами, но одновременно и в человеческой голове. Такая картина мира замечательно подходит для техники, занимающейся взрывоопасными процессами огромной мощности. Это соответствие между ними выражено настолько ярко, что, основываясь на нем, можно сделать определенные гипотетические выводы. Голова ученого, оперирующего такими величинами, как световой год, не увеличилась от этого в пространственном отношении. Да и с чего бы ей было увеличиваться? Не увеличился и «мир», расширение пространства произошло только в представлении ученого. Это расширение происходит с такой скоростью, что его можно образно представить себе в виде взрыва. Любое движение с точки зрения субъекта может быть представлено в виде взрыва, каждое перемещение тела или материальной точки из одного места пространства в другое я могу образно воспринимать как взрыв. Даже распускающуюся почку я могу уподобить взрывающейся гранате. Ни формулы кинематики, ни Ньютоновы *axiomata motus** не могут

мне в этом воспрепятствовать, так как об абсолютном движении я не имею никакого понятия.

Однако для нас горизонты науки уже не представляются чем-то необозримым. Они необозримы только для тех ученых голов, которые окопались в своей области настолько, что не могут выйти за рамки специальных методов. Физика, химия, биология, социология и психология развиваются одинаковым путем, они умножают число закономерностей. Понятие природы предполагает ее зависимость от законов природы. Конструируя эту зависимость, мышление попадает в зависимость от созданных им самим закономерностей. По мере своего превращения в технику наука создает не только те или иные виды аппаратуры, но вместе с тем и механические методы контроля. Развитие технического коллектива означает создание все новых методов механического контроля. При помощи этих методов коллектив осуществляет математически точный контроль над человеком. Человек подвергается всеобъемлющему тестированию. В тестах прогнозируется даже будущее живущих в коллективе людей. Почему методы тестирования дают надежные результаты, почему добытые с их помощью данные оказываются все более точными? Потому что человек, все более подчиняемый аппаратуре и организации, оказывается все более прогнозируемым в своем поведении. Если бы он стал еще более прогнозируемым, то можно было бы обойтись и без тестов, потому что в условиях тестов, выборов, голосований и плебисцитов поведение человека еще колеблется в пределах различных возможностей. Там же, где все заранее предопределено механическими силами, свобода выбора исчезает вообще и вместо нее остается только безвольное функционирование. Для выполнения функций мне уже не нужны никакие методы тестирования. Впрочем, и тесты квалифицируют человека как кол-

лективное существо, они заранее математически рассчитывают его будущее поведение. Тесты съедают последние остатки будущего, которое дано человеку. Они авансом потребляют его возможности, делая это с серьезным выражением ученого мужа, решающего поставленный вопрос. Однако вмешательство заключается уже в самой постановке вопроса; человек оказывается у меня в руках благодаря тому, как поставлен вопрос. Человек этого не знает, он с готовностью дает ответ, из чего можно заключить, что, подвергаясь эксплуатации, он ее одобряет. Предлагаемая ему анкета, эти тесты, требующие ответа да/нет (yes-or-no-tests), или тесты, в которых нужно выбрать верные и неверные ответы (true-or-false-tests), превращают его в единицу уравнения, объект потребления, точно так же, как это делает счетная машина. Хорошо разработанная американская система опроса общественного мнения выросла из опыта технической рекламы. Деятельность центров по изучению общественного мнения, вопреки мнению наивных людей, не ограничивается одной только регистрацией состояния общественных настроений и мнений, в действительности она представляет собой механический метод управления коллективной волей, подчиняющей ее генеральной линии коллектива.

Для человека с головой, а не счетной машиной на плечах, не существует научных данных и фактов. Иначе говоря, он не признает изолированного знания и не довольствуется наукообразной формой этого знания. Его мысль не останавливается перед границами и обособленностью механических закономерностей, пользуясь которыми, отдельные науки взаимно определяют друг друга. Он не желает знать никакого чистого, изолированного, сосредоточенного на самом себе знания, а задается вопросом: что этому знанию нужно от человека? Для него задача науки уже не

может заключаться в том, чтобы давать одностороннее определение природе, так как он знает, что такое определение невозможно. Не бывает так, чтобы определения, данные человеком, в свою очередь не оказывали влияния на действительность, не ударяли бы обратным концом по самому человеку. Выбор, сделанный наукой, носит исторический характер, и этот факт утаивается позитивистом. Выстраиваемая им произвольно система понятий увлекает его самого в свою сеть. Человек — не объект науки, он не предназначен для того, чтобы раствориться в науке. Если он делает себя таким объектом, то должен также сделать себя объектом своего знания. Правда, в таком случае это знание будет его использовать. Человек сам препарировал себя для того нового предназначения, к исполнению которого он сейчас только приступает. Его принимает в свои объятия коллектив, который обращается с ним как с просчитываемой величиной. Каждый шаг на пути распространения методов контроля над человеком ведет к такому результату. Нам же насущно необходим не научно рассчитанный приспособленный для коллектива человек, а контроль над наукой и всеми ее методами, которые направлены на использование человека. Пока не поздно, пора бы начать присматривать за ее манипуляциями.

Воля проявляется в действиях, а действия предполагают какое-то сопротивление, без которого они были бы необъяснимы. Без сопротивления нет воли, так как там, где нет сопротивления, воле нечего делать. Это сопротивление также можно понимать как волю: наша воля наталкивается на сопротивление другой воли. Для того чтобы проявиться в действии, наша воля должна сталкиваться с другой волей, и в этом столкновении рождается действие. Волевой характер наших действий есть не что иное, как встречное сопротивление. Не будь этого сопротивления, не-

льзя было бы всерьез говорить ни о какой воле или действии. Когда вопрос о свободе и несвободе воли заостряют, превращая в вопрос о свободе выбора, это означает, что нам приходится делать выбор между тем или иным сопротивлением. Эта способность выбора в том виде, в каком она реализуется на практике, характеризует человека. Вопрос о том, каков окажется выбор, зависит от характера воли. Характер воли представляет собой данность и от нас не зависит. Но без выбора нет воли. Решающим является акт выбора. Когда моя воля полностью обусловлена какими-то механическими причинами, когда мои поступки заранее предопределены, тогда поступок с моей стороны отсутствует, отсутствует воля, тогда я не обладаю свободой. Механические закономерности, от которых может зависеть человек, можно бесконечно умножать. Каждая машина, которую я применяю, увеличивает их число. Тот, чей глаз уже научился воспринимать машину не как отдельную вещь, не как некий изолированный предмет, а как элемент, отдельное звено универсальной машинной системы, тот мыслит связано, улавливая зависимости между вещами. Поэтому он ясно понимает, что вся эта система машин задумана для безвольного функционирования и что внутри этого колесного механизма ни о каком выборе не может быть речи. В отношениях с этой универсальной системой машин человек все более и более ограничивается в своих возможностях. Она за него думает и действует. Человек расплачивается за приобретаемые им новые механические детерминации, за это ему приходится поступиться своей свободой. Вопрос о том, какова мера механической необходимости, присутствующей в этом мире, поставлен абстрактно, на него невозможно дать общий ответ. Может быть, она совсем здесь не присутствует. А много или мало ее оказывается в действительности, зависит от характера

человеческой воли. Тупица повсюду видит механическую необходимость, он сам мыслит как машина, его мысли похожи на готовые изделия фабричного производства. Все его мысли и поступки получены им в готовом виде, они лежат у него под рукой, и стоит ему к ним обратиться, они уже тут как тут. Это вполне соответствует товарному характеру технического производства, которое выпускает вещи определенного артикула. Об этом позаботилась аппаратура и организация, это как раз то, к чему они стремятся: не оставить нигде ни одного пробела. Они препарируют, консервируют готовое будущее и заранее подсовывают человеку свои препараты и консервы — куда бы он ни пошел, они всюду лежат наготове и ждут его. Организация проявляет просто удивительную предусмотрительность. Она ненасытно вбирает в себя весь бесконечный поток потребителей, а затем потребляет потребителя, использует его, выпивает из него все соки, отбирает последние силы. Повсюду стоит аппаратура, готовая к работе, услужливая; с виду она покорнее самого покорного раба, угодливее всякого лакея. Однако человек расплачивается за эту «покладистость» аппаратуры тем, что впадает в зависимость от нее, — и таким образом, триумфальное шествие аппаратуры неудержимо движется вперед. Я, разумеется, могу сколько угодно увеличивать число звеньев функциональной причинно-следственной цепи этого процесса, я могу распространить функциональную каузальность на все, что только есть в мире, заполнить ею весь мир, превратить его в вертящееся колесо и крутящееся веретено. Все это можно сделать, но только при том условии, что и человек у меня превратится в колесико и веретенце. Ученый, приумножающий функциональные знания, неизбежно устанавливает новые зависимости. Он устанавливает то, что обладает свойством механической воспроизводи-

мости, то есть повторяющиеся каузальные связи. Хотя сам, ученый зачастую не понимает этого и не задумывается о таких вещах, суть дела от этого не меняется.

XIX век — по словам Ницше, самое бесплодное из всех столетий — был веком интенсивных поисков безопасности, когда потребность в безопасности постоянно росла. В эту эпоху сложился особый тип человека, в котором все острее проявляется стремление к надежности. Понять, чем вызвано стремление к надежности, можно только принимая во внимание преследующее в это время человека желание добиться господства над природными процессами при помощи механических средств. И человек добивается поразительных успехов. Однако достижения не перевешивают опасности, победитель оказывается в осаде побежденных сил. Эта потребность в надежности характеризуется не скептицизмом в отношении возможности принятия эффективных мер безопасности, а, напротив, оптимистической верой, не позволяющей прислушаться к предостерегающим голосам. Мало кто замечает, что там, где усиливаются меры безопасности, одновременно увеличивается количество тюрем. Вера в то, что человек может окончательно обезопасить себя от всякого риска, уже несет в себе предвестие той тюрьмы и концентрационного лагеря, в которые в конце концов попадет этот человек. Однако эта вера получила повсеместное распространение. Все были единомышленны и в том, каким путем можно прийти к полной ликвидации возможности риска. Этот путь заключается в распределении ставок и достигается путем расчетов. Такая вера получает поддержку широких масс и охватывает сложившиеся на ее основе коллективы. При этом не анализируется, что же представляет собой масса по существу. Теория вероятности создавалась на материале азартных игр, однако

никому не приходило в голову, что коллектив можно сравнить с игрой в банк, причем игрок и банкомет представлены одним и тем же лицом. В такой банк нельзя не проиграть, даже при условии, что из банка не изымаются деньги на какие-то цели, не имеющие отношения к игре, потому что этот банк постепенно себя исчерпывает. Правда, риск можно механически распределить, но ошибочно думать, что риск исчезает. Риск накапливается в анонимном месте, и мы уже убедились на опыте, что это место не обеспечивает нам безопасности, когда наступает решающий момент. Тогда происходит разрушение механизма распределения.

Понятие риска носит исторический характер, человек вне риска превращается в объект истории. Я не могу избавить человека от риска, я не могу избавить человека от него самого, поскольку риск — это сам человек. Если я избавляю его от риска, он станет пленником своего безрискового существования. Казалось бы, это так просто: я не могу получить защиту, не поступившись чем-то. Защищенность немыслима без соответствующей зависимости, и если история хоть чему-нибудь может нас научить, то в первую очередь тому, что всякая защищенность несет с собой зависимость. Если я стремлюсь к защищенности, то должен принимать и зависимость, если же я не согласен принимать ее по доброй воле, то получу ее по принуждению.

Чем кончается попытка создать посредством развития аппаратуры и организации человека, свободно от риска? Она кончается страхом. Откуда происходит мой страх: из того, что нет Бога? Или я испытываю страх потому, что есть Бог? В том и в другом случае я могу испытывать страх, но вряд ли стоит понапрасну тратить время на то, чтобы выяснить, в котором из двух случаев страх может быть

сильнее. Независимо от того, задумываюсь я над этими вопросами или прохожу мимо них равнодушно, я могу испытывать страх: страх перед Богом, перед ничто, перед безумием. Какая же причина вызывает этот страх? Может быть причиной все возрастающего страха является угроза потерять свою свободу? Или же этот все возрастающий страх вызван тем, что человек боится потерять свою зависимость? На оба вопроса можно ответить утвердительно, однако отношение человека к своему страху в этих двух случаях оказывается различным. Данная постановка вопросов уже поможет нам отчетливо продемонстрировать разницу в поведении человека, связанном с этими страхами. Когда моя свобода под угрозой, тут одними страхами дела не изменишь — тут от меня требуется поступок. Я должен действовать, нужно начать движение, источником которого буду я сам. Предаваясь страху, я совершаю несамостоятельные движения — эти движения вызваны посторонней силой. Страх — это не то непосредственное движение, которое я совершаю самостоятельно. Страх только беспокоит меня. Страх несовместим со свободой, так как свобода — это собственное движение. Страх же — движение навязанное, движение, от которого я завишу. Но если я испытываю страх оттого, что какая-то опасность угрожает мне в моем зависимом состоянии, о свободе уже не может быть и речи. Испытывающий страх такого рода на самом деле желает этой зависимости, он хочет защиты и безопасности в своем зависимом положении и добровольно платит за это отказом от свободы. Массовые движения нашего времени — это один из важных моментов — связаны с тем, что человек ощущает угрозу своему зависимому положению и желает его сохранить. Технический коллектив не ликвидирует этот страх. Он включает его в общий баланс и оперирует им в своих расчетах.

Из научных исследований, из рационального понимания природы, выработанного точными науками, возник новый вид техники, новый вид организации труда. Присущим ей автоматизмом, который представляет собой механически точную повторяемость во времени, она отличается от всего, что прежде называли техникой и что понимали под этим словом. Этот автоматизм, работающий в настоящем, нацелен в будущее. Таким образом, человек оказывается включенным в систему еще до своего рождения. Автоматически работающий механизм учитывает в своих расчетах всех механиков, которых еще нет на свете, и еще до рождения определяет место, которое им предназначено занять. Пропаганда, призывающая население к безоглядному размножению, объясняется требованиями плана. Статистика следит за тем, чтобы человек рождался, а биология указывает ему, к какой форме жизни (*bios*) ему надлежит приспособляться. *Petitio principii** всех общественных наук заключается в самом факте существования плана, а вся психология трудится над тем, чтобы приучить человека к такой точности, которая обеспечивала бы его максимальную механическую надежность. Научное мышление ученого редуцируется до мышления, отвечающего потребностям планирования. Теперь уже не приходится идти на поклон к позитивизму, чтобы позаимствовать у него научные методы и рабочие приемы — позитивизм давно превратился в безотказного поставщика, который видит свою задачу только в том, чтобы обеспечить своевременную поставку. Человек, страдающий комплексом вытеснения, в процессе лечения сам подвергается вытеснению. А тесты, которым его подвергают, аттестуют его в собственных глазах как перспективного члена коллектива, следующего коллек-

тивным путем. Понятия все более недвусмысленно превращаются в средство. Понятия асоциальной личности, преступника наконец-то выдают свой истинный смысл: ими обозначают человека, слишком ущербного с точки зрения механической точности, чтобы его можно было использовать при расчетах. Но теперь так классифицируют всех, кто не подчиняется механическому порядку. Сеть таких понятий достаточно обширна, а ее ячейки достаточно мелки, чтобы с ее помощью отловить всех непокорных. Того, кто не вписывается в систему, изымают из механического движения как препятствие.

В старом смысле слово «техника» означает не что иное, как «искусность приемов, мастерство», то есть необходимую для определенной работы форму человеческого труда. В этом смысле можно говорить о технике отдельных приемов, когда один и тот же прием используется в повторяющемся процессе, способствуя рациональному упрощению работы. *Techné*,* которыми пользуется человек, являются орудиями его труда; сам прием, превратившись в средство ремесленного труда, становится его орудием, постоянно используемым в работе. Такая техника характеризуется имманентной рациональностью рабочих процессов, неотделимой или чрезвычайно трудно отделимой от этого процесса. Имманентная рациональность свойственна рабочим процессам, применяемым в условиях не нарушенного порядка, основанного на собственности. Для автоматизма же характерна абстрагируемость отдельных рабочих процессов и возможность переносить их на человека. В принципе абстрагируемости заложен принцип хищнической эксплуатации. Взаимодействие между аппаратурой и организацией порождает принудительный метод, от которого не может уклониться человек. Добровольно или против собственной воли он так или иначе вовлекается в ра-

бочий план. Сначала план носит ограниченный характер, затем вырастает до уровня крупномасштабного планирования и превращается в генеральный и универсальный план. Все отчетливее он принимает форму универсального рабочего плана, который посредством своих структур, своих протезов начинает распоряжаться каждым отдельным человеком. Этот план обнаруживает свой принудительный характер, опутывая людей непрерывной цепью своих отношений. Тогда становятся ненужными все социальные институты и выборы, людям не требуется даже выражать свое согласие — оно заведомо должно быть дано, поскольку все возможные мотивы уже predeterminedены как звенья единой цепи закономерностей. Универсальная машинная техника стремится к универсальному рабочему плану, который диктаторски распоряжается судьбами людей.

Здесь возникает вопрос о том, насколько возможна критика такого плана, который стремится вобрать в себя все, что только возможно, включая даже критику в свой адрес. Дело действительно обстоит так, что несогласные с планом не отдают себе отчета в том, что их несогласие, высказываемое с точки зрения специалиста, является составной частью плана. Для них совсем не обязательно знать план, но то же самое относится и к тем, кто план критикует. Пробелы плана, его недостатки и конструктивные просчеты не дают о нем полного представления. Успехи, достигнутые благодаря планированию, не подлежат сомнению; успехи очевидны, наглядны и их невозможно отрицать. Однако, ориентируясь на успех, мы остаемся в рамках плана, как, например, именно благодаря достигнутому успеху остается в рамках плана ученый. План терпит крах не потому, что его не удалось выполнить, а в результате удачного выполнения. Только там, где его удалось осуществить, он и разваливается. Поэтому

план обходится дорого. Никакие словеса не могут помешать его осуществлению. Успешное осуществление плана является залогом его разоблачения. Успешное выполнение плана означает его технический успех. Будучи сугубо техническим по своему существу, план все использует как субстрат. Человек в условиях планирования становится субстратом своей собственной воли. Здесь в качестве обеспечения используется все, что, казалось бы, не поддается такому использованию, а реальный результат, достигнутая цель — тождество — оказывается чистым нулем. Удачно выполненный план означает, что в остатке ничего нет. План терпит крушение, потому что ничего не сохраняет в остатке. Этот момент становится тем поворотным пунктом, когда человек поневоле оказывается отброшенным к новому мышлению.

Поясним это на одном примере. Предположим, кто-нибудь говорит: «Если мы постараемся не включать в рамки технического коллектива или вывести за его пределы садоводство, полеводство, пастбищное хозяйство, лесное хозяйство, водное хозяйство, то нам удастся облегчить положение». Но даже попытка осуществить такое мероприятие в широком масштабе наталкивается сегодня на неразрешимые трудности — любая попытка оказать сопротивление дальнейшей автоматизации вызывает возражение у всех функционалов технического коллектива. И дело не только в их возражениях, эта попытка входит в столкновение с представлениями, которые являются движущей силой развития автоматизма. В наше время происходит движение, в ходе которого на первый план выступает технический коллектив и происходит ожесточенная борьба между порядком, основанным на ответственности, и коллективом. Как далеко способно зайти развитие последнего, покажет время. О том же, чего в действительности стоят возлагаемые на него

надежды, читатель может с достаточной, как я надеюсь, отчетливостью, сделать свои выводы из предлагаемой работы. Даже путь, заканчивающийся тупиком, может оказаться полезным, так как пройдя его до конца, мы обогащаемся новыми знаниями. Хотя чем длиннее был пройденный путь, тем неизбежно тяжелее и мучительнее окажется выход. Только тогда, когда мы откажемся от девиза «*de plus en plus fort, de plus en plus grand, de plus en plus vite, de plus en plus inhumain*»,* начнется отход от технического коллектива. До этого поворота нам предстоит еще набираться опыта, сталкиваясь с удивительными вещами. Например с тем, что в условиях весьма далеко зашедшего в своем развитии технического коллектива сначала в отдельных случаях, а затем и повсеместно вдруг обнаружится, что ручной труд превосходит автоматический, что там, где применяют ручной труд, общее количество затрачиваемого труда уменьшается, что ручной труд выгоднее и что с ним связано умиротворение, которое незнакомо миру автоматов. Рука, создавшая машины, сохраняет свое превосходство над машинами. Собственность опирается на руку, и когда рука тоже вернется к тому, чтобы опираться на собственность, тогда можно будет сказать, что сила технического коллектива сломлена. Рука работает интенсивнее любой машины, и она больше способна дать человеку.

Технический коллектив может в значительной степени разрушить порядок собственности, опоясав земной шар сетью энергетических установок. Однако отсутствие границ, свойственное коллективу в отличие от строя, основанного на собственности, представляет собой не преимущество, а одну из главных его слабостей. Коллектив исчерпывает свои возможности в результате уничтожения субстратов, поэтому он вынужден подпитываться за счет собственности. Собст-

венность же неисчерпаема, потому что сохраняет и приумножает свои субстраты. Не подлежит никакому сомнению, что человек снова вернется к порядку, основанному на собственности, так как только благодаря собственности он становится хозяином на земле. В условиях же технического коллектива земля все больше уходит из рук человека.

Само собой разумеется, критика плана не может исходить из признания его рационального характера. Она направлена не против рациональности техники, а как раз против полного отсутствия какой бы то ни было рациональности, против свойственного ей пренебрежения к рациональности. Повторяем: техника рациональна только в том, что относится к созданному ею рабочему процессу и методам работы. Точность этих методов проявляется только в процессе переработки, в котором они применяются. При помощи этих методов техника безжалостно уничтожает субстраты, на которых базируется. Иначе говоря, рациональность, присущая рабочим процессам, распространяется за рамки рабочего процесса, что ведет к развитию единого рабочего процесса, связанного с убытками. Это неизбежное следствие, потому что работа каждой машины связана с убытками. Вся техника в целом и вырабатываемый ею универсальный рабочий план, нацеленный на полную технизацию, план, связанный с универсальной механизацией, подчиняются законам термодинамики, и описываемые этими законами потери так же закономерны для них, как для любой машины, независимо от места ее применения. Разница между началом и концом состоит в том, что затраты на этот процесс и вызываемые им убытки возрастают в гигантском масштабе, а следовательно, складываются условия, совершенно не отвечающие оптимистическим прогнозам. Спрашивается, продолжают ли ученые одобрительно относиться

к истребительному процессу, в котором участвует техника, и намерены ли они и впредь поддерживать его своим сотрудничеством?

Процесс, в ходе которого техника превращается в автономно работающую аппаратуру и автономно работающую организацию человеческого труда, неизбежно носит обоюдоострый характер. Неотвратим регресс, связанный с разрушительными последствиями, которые непременно должны отразиться на человеке. Вопрос о причине такого рода разрушительных последствий, не содержит в себе ничего загадочного для того, кто понял, что автоматический рабочий процесс связан с аккумулярованием такой энергии, с которой уже не могут справиться никакие изоляторы, и тогда энергия вырывается на свободу. Эта техника изначально была взрывоопасной, и, грубо говоря, с момента изобретения пороха до создания атомной бомбы технический процесс постоянно занимался производством взрывчатки. Даже в основе паровой машины лежит тот же принцип, хотя в ней взрывная энергия отводится через клапаны, так что взрыв регулируется. В работе техники неуклонно возрастает количество и мощь взрывных процессов, и взрывоопасность этой рабочей области принимает для человека все более угрожающий характер. Человек оказывается зажатым в тиски, из которых не может вырваться. Недоверие, страх, ненависть — все эти чувства, которые все сильнее проявляются в человеке и в человеческих отношениях, нарастают вместе с анонимной угрозой, исходящей от технической аппаратуры и проникающей затем в организацию человеческого труда. Точное мышление не владеет средствами, которые могли бы приостановить этот тревожный процесс, и что еще хуже: нельзя не признать, что оно само является источником этого процесса. Точность мышления охватывает только соотношения

и ограничивается тем, чтобы их констатировать. Ему нельзя отказать в определенности, но эта определенность сводится к способности определять механические соотношения. Точное мышление неспособно обеспечить человеку надежность существования (*securitas*), ибо сколько бы ни возрастало число точных механических соотношений, оно никому не добавит уверенности в надежности существования. Точные методы оправдывают себя в деле развития аппаратуры и организации. Но ни аппаратура, ни организация не обеспечивают человеку надежности, напротив, они несут в себе угрозу для него.

27

Накопленные в аккумуляторах могучие силы, силы мобильные, которые и человека делают мобильным, то есть пассивно подвижным, вырываются на свободу. В результате их взаимодействия возникает план, объединяющий в себе все доступные для использования силы, план, механический как по замыслу, так и по своему осуществлению. Каков порядок механического движения в условиях плана? Движение регулируется механическими центрами управления, которые представляют собой связующее звено между аппаратурой и организацией и через которые осуществляется управление механическим движением. Здесь нужно остановиться на одном процессе, понимание которого необходимо для того, чтобы уяснить некоторые оставшиеся до сих пор незамеченными закономерности. Ясное представление об этом процессе дает ключ к пониманию целого ряда различных вещей. Речь идет о следующем.

Характер нашего автоматизма таков, что деление, производимое в связи с нормированием, перестает со-

впадать с теми границами лиц и вещей, на которые опирались наш прежний режим и система правопорядка. Примеры механического передела, нарушающего в ходе нормирования границы вещей, можно видеть в расположении железнодорожных магистралей, электрических линий передачи и трубопроводов. В процессе такого передела границы вещей, являющиеся одновременно личностными границами, то есть границами, обозначающими право собственности и владения, не принимаются во внимание, их пересекают на части. Здесь мы можем лишь вкратце обрисовать последствия такого подхода. Этот конфликт имеет далеко идущие последствия, затрагивающие самые глубинные причины недовольства и раздоров, характерных для нашего времени и нашей жизни. Наше правовое устройство, наш правопорядок покоился на четко очерченных представлениях о лицах и вещах и об отношениях лиц и вещей друг к другу. Нормирование так все перекроило, что новое деление уже не совпадает с границами старого права и старого правопорядка. Правопорядок оказывается поставленным под вопрос, создается такое впечатление, что мы живем за счет его разрушения. В условиях сплошного автоматизма, работающего с величайшей точностью, угрожающе пошатнулся весь правопорядок. Он не мог не расшататься, потому что трудно сочетается с миром автоматических функций. В прошлые времена вся деловая и производственная деятельность протекала в рамках порядка, основанного на собственности. Ныне же право приобретает характер временных установлений. Оно превращается в свод правил предпринятия, становится составной частью производственного распорядка и регулируется требованиями производства. Производственный порядок ориентируется на механическое движение, а не на человека, вещи и границы вещей. Производство уже не замыкается на

отдельном предприятии, а охватывает всю техническую сферу в целом с ее механической деятельностью. Теперь вопрос уже стоит так: не теряет ли понятие государства своего значения и не становится ли оно тождественным производству, не превращается ли вся власть и все право в производственный распорядок?

Проблемы прикладной механики, можно сказать, решены. Ничто уже не препятствует увеличению числа автоматов. Нерешенными остаются вопросы, возникающие в связи с прямым и косвенным воздействием механики на человека. Сейчас уже очевидно, что автоматизм не ограничивается своей замкнутой сферой, а вызывает движение, в которое вовлекается весь комплекс аппаратуры и организации в их взаимодействии. Часть, кусок, отрезок стремятся выйти за пределы своей частичности и дробности, не для того чтобы изменить свой нормированно-матричный характер, а для того чтобы включиться в единый поток движения, объединяющий весь процесс дробления по типу конвейерной ленты. План, к которому мы таким образом приходим, представляет собой сначала не что иное, как этот движущийся конвейер, в работе которого число повторяющихся, математически предсказуемых рабочих действий уже достаточно велико, чтобы на него могло успешно опираться планирование. Обозначить характерные признаки плана значит выявить автоматизм отдельно взятого автомата. Поэтому в самом автоматизме должна заключаться способность соотносить с собой каждое имеющееся в распоряжении механическое движение. Так оно и есть на самом деле, в автоматизме мы видим метод установления механического порядка, при помощи которого все механические движения направляются в единый центр, с тем чтобы от него получить свое целевое направление. Если бы не центр, движение бы развалилось.

Поскольку эффективность плана и его успех зависят от числа имеющихся в распоряжении механических повторений, то его влияние и масштаб зависят от соответствующей стадии развития. Сначала план вообще отсутствует, как это можно наблюдать в начале движения. Затем он создает свои скромные центры и начинает сплетать сеть, стягивая все туже ее ячейки. План развивается на отдельных предприятиях, охватывая одну фабрику, один комбинат. Затем он проявляется в масштабе промышленных районов, где уже образовалась крепкая связь между аппаратурой и организацией: в Манчестере, в Руре, в районе бакинских нефтяных промыслов. План проходит различные ступени развития, на самых первых еще не осознаваясь как план, затем поднимаясь на уровень сознательного планирования. Стремясь преодолеть пространственную раздробленность и изолированность, он развивается вширь, превращаясь в рабочий план, охватывающий целые народы и государства. Это план нового типа. Новизна его заключается не в том, что с его помощью планируется работа, ведь работа и планирование существовали всегда. Новизна его заключается в том, что планирование теперь входит в тесную связь с новым явлением: оно прочно привязано к автоматизму и нормированию. Приняв это во внимание, начинаешь также понимать, что новый план искусственно привит к старому. Он ведет к изменению понятия работы и требует связи с новым понятием работы. Таким образом, он все набирает и набирает силу, пока не достигает стадии, на которой его можно назвать специальным рабочим планом, то есть той стадии, на которой мы сейчас находимся. Четырехлетние и пятилетние планы, целью которых является не что иное, как усовершенствование автоматизма посредством установления более четких и всесторонних связей между аппаратурой и организа-

цией, представляют собой специальные рабочие планы. Одновременно такие планы относятся к мероприятиям отсталых стран, которые вынуждены форсировать свое развитие; в странах с высокоразвитым автоматизмом специальный рабочий план не требует для своего выполнения сосредоточенных усилий, которые должны укладываться в строго определенные сроки. Выходя из этой сферы, план, поскольку он в силу своих механических предпосылок не привязан к пространственным границам, разделяющим отдельные государства, страны и народы, стремится к тому, чтобы развернуться в планетарном масштабе, то есть стремится создать такое централизованное управление, которое контролировало бы взаимодействие аппаратуры и организации в масштабе всего земного шара. Таким образом, он превращается в универсальный план. На этой стадии наивысшего развертывания механических сил план разбивает систему границ, обеспечивающих самостоятельность отдельных государств, стран и народов, и вызывает к жизни те конфликты, которые нам хорошо известны, так как они возникли на нашей памяти и мы при них выросли. Эти конфликты возникают и будут возникать в дальнейшем, поскольку вопрос об управлении и руководящей роли в осуществлении универсального плана вызывает столкновения интересов, которые не поддаются мирному разрешению. В процессе поступательного развития техники для нас все яснее становится ход и направление исторического движения. Порой легко может показаться, что это движение сводится к тому, что историческое развитие вообще поворачивает вспять. Такое впечатление возникает оттого, что преодоление механического сопротивления приводит к высвобождению все более мощных стихийных сил, настолько мощных, что в исторических процессах осязаемым становится дыхание грядущих стихийных

катастроф. Однако если мы будем исходить в своих рассуждениях из такого предположения, это приведет нас к слишком поспешным выводам. Нам неизвестно, какое сопротивление заложено в самом историческом движении. Рациональность происходящего определяется точно просчитанным взаимодействием аппаратуры и организации. Им же измеряется достигнутый успех. Сам факт успешности не подвергается сегодня со стороны техников никакому сомнению. Овладение атомной структурой материи, казалось бы, позволяет человечеству ожидать свершения небывалых возможностей. Отчасти ожидания оправданны. Однако эти возможности меркнут по сравнению с тем мощным процессом распада, который представляет собой необходимое условие на пути их реализации. Нельзя ожидать, что атомная техника играючи даст нам то, чего не дала ни паровая, ни электрическая, — вечный двигатель. Вечный двигатель — фантом, который маячит перед воображением как конечный результат процесса абстрагирования, иначе говоря, как его идеальный вариант. Но как бы не были важны наблюдения, дающие представления о последствиях применения новой аппаратуры, еще более важным является вывод. Процесс расщепления, происходящий в мышлении, отражением которого является механицизм, вызывает еще гораздо дальше идущие последствия. Они заключаются в атомизации исторической структуры, которая выражается в том, что в исторических процессах начинает отчетливо проступать их атомарная структура. Цепные реакции начинают проявляться в исторической жизни. Это и есть то, что мы иначе называем веком мировых войн, и этот век есть одновременно век появления универсального рабочего плана.

Универсальный рабочий план, целью которого является полная и окончательная технизация и который по своей структуре носит планетарный характер и управляется из единого планетарного центра, сначала представляется решением всех запутанных проблем, с которыми столкнулись государства и нации. Этот план, с которым люди связывают представления об исключении из человеческой жизни всякого риска, об установлении арифметического равенства, об экономии труда, об изобилии и беззаботном существовании, неизбежно терпит крушение, поскольку он основан на ошибочных расчетах и неверных представлениях о человеке. Этот план неизбежно терпит крушение, так как может осуществляться только ценою убытков, которые характеризуют его как хищнический и разрушительный. Идет не только односторонняя работа машин на пользу человека, человек, на которого они работают, сам приобретает черты машин, и это уподобление человека машине приводит в конце концов к тому, что машинное производство начинает обходиться без человека. В план, как и в машину, приходится вкладывать больше, чем можно получить от нее прибыли. Но это значит, что из человека нужно вытянуть больше, чем можно в него вложить. Поборники плана не хотят признавать потребительского характера этого движения в целом. Процесс в целом не дает никакой прибыли, а только приводит к дополнительному потреблению, необходимому для его поддержания. Его мощь, его самодвижущаяся динамика, его неукротимое, вулканическое развитие тем и объясняются, что он создает дополнительное потребление, не брезгуя при этом никакими средствами, не останавливаясь ни перед чем. Дальнейшее развитие этого процесса, как явствует из напряженности при-

лагаемых усилий, не может продолжаться бесконечно. Скорее всего, до его окончания осталось не так уж много времени.

Здесь, вероятно, последует возражение: мол, если это так, если все движение в целом, а следовательно, и универсальный план, представляющий собой не что иное, как управление, руководство, централизацию всего этого движения, то есть то, что предназначено для руководства работающими в единой связке аппаратурой и организацией, не оправдывают связанных с ними ожиданий, если занятые этим делом работники должны будут его оставить, как некогда вынуждены были оставить Вавилонскую башню, то почему же все это происходит? Почему человек пускается в эти игры? Почему он не прекратит эту работу? Все это наивные вопросы, однако на них можно ответить следующее. Движение достигло той точки развития, когда оно продолжается уже само собой, автоматически, с механической необходимостью. Оно достигло точки, когда его уже нельзя просто так остановить, так как у него есть свои внутренние закономерности, оно носит исторический характер, приобретенный им в результате многолетней, многовековой работы, вложенной в него человеком. Универсальный рабочий план означает не что иное, как централизованное включение в хозяйственную деятельность человека, являющегося представителем массы, его хозяйственное использование. Мы находимся в самом центре Мальстрема. И в то же время наше теперешнее положение обязывает нас ради самозащиты, ставшей жизненной необходимостью, научиться такому мышлению, которое было бы неоднородно этому универсальному рабочему плану, которое нельзя было бы включить в него в качестве одной из рабочих конструкций или гипотез, то есть как используемый и подлежащий потреблению составной элемент. Мы долж-

ны вступить с ним в борьбу, чтобы не дать ему себя поглотить. Каковы отношения между наукой и универсальным рабочим планом, в каком положении оказывается наука по отношению к этому плану? Какое значение имеет для этого плана наука? Большое, пока делает то, чего он от нее требует: тогда это наука планирования. И план принуждает ее к выполнению этой роли, навязывает и будет навязывать ей эту роль. Раньше науку определяли как нечто, лежащее за пределами такого плана. С субъективной точки зрения наука — это состояние человека, который знает, то есть обладающего знанием. С объективной точки зрения она представляет собой определенным образом структурированную совокупность знаний, добытых путем систематизации и применения единого метода. Если задуматься о том, что может служить символом человеческого знания, то вспоминается понятие энциклопедии, систематизированного науковедения. Наука в ее чистом виде занимается фундаментальными исследованиями, в остальных случаях — прикладными исследованиями. Знание может быть получено индуктивным или дедуктивным путем, может быть реальным или формальным, эмпирическим или философским. Но для плана все эти различия и систематизация наук не имеет никакого значения, так как план требует от науки ответа только на один-единственный вопрос: согласна она быть на службе у плана или нет. За наукой больше не признается независимость от плана, она изначально включена в план и должна подчиняться его директивам, следовать его генеральной линии. План — это данность, предписания которой безусловны для науки, его предписания препарируют мышление в соответствии с ним и его требованиями, указывают его направление. План не терпит при себе никаких контролирующих инстанций, не терпит для себя ничьей указки.

Тут можно было бы возразить, что такого универсального плана еще нет. Действительно, пока нет плана, охватывающего все население планеты, которым управлял бы сосредоточенный в определенном месте немногочисленный мозговой центр, распоряжаясь людьми и ресурсами посредством доведенных до совершенства автоматических методов. Но зато есть детально разработанные специальные планы, которым вынуждена подчиняться значительная часть живущих на земле людей. Эти специальные рабочие планы являются моделями и зачатками универсального рабочего плана. Какие же характерные особенности свойственны им всем? Вера в то, что техническими средствами можно решить все проблемы, в том числе ликвидировать бедственную нехватку чего бы то ни было, что и послужило причиной их появления. Для этих планов характерны механические расчеты, которым должен подчиняться человек, стремление свести условия существования человека до минимального уровня, причем все расчеты планирования производятся исходя из этого минимума. В таких планах всегда чувствуется присутствие деятельной воли и пронизательного рассудка, но за ними стоит элементарная нужда, она-то и является их движущей силой. Вопрос о положении науки в условиях плана, зависимость от которого означает, что наука вместе с самим планом становится объектом потребления, звучит отнюдь не отвлеченно, и практический опыт уже дал на него ответ. Разумеется, такие планы не сочетаются с утонченностью и бережным подходом при решении поставленных задач, принципы, на которых они построены, радикальны и безжалостны. Например, врач, который, ревностно выполняя план, забывает о том, что его профессиональная обязанность состоит в лечении пациентов, а не в умерщвлении душевнобольных, слабоумных, калек и неугодных, то есть забывает

сверять свои профессиональные решения с голосом со- вести, в конце концов окажется в том положении, которое возникает, когда наступает крах специального рабочего плана. Неизбежно ли появление универсального рабочего плана? На этот вопрос невозможно ответить с полной уверенностью. Однако вероятность того, что такой план появится, весьма велика, она достаточно велика, чтобы оправдать интерес к этому явлению и его возможным последствиям. Кто не видит этого, тот, очевидно, совсем не понимает, что происходит вокруг, он слеп, как страус, который, спасаясь от охотников, прячет голову в песок.

Если, наконец, нам захотят возразить, что в масштабе подобных процессов отдельный человек ничего не значит, то есть право принимать решение перешло теперь к коллективу, то в этом есть своя доля правды. План — великая сила, он располагает необходимым арсеналом оружия, которое позволяет ему наносить удар заранее, чтобы еще в зародыше подавить всякое сопротивление. Он имеет опору в лице всех зависящих ученых, которые подводят под него теологический фундамент, говорят о его биологической оправданности, приводят нравственные обоснования, снабжают механическими аргументами. Но этот колосс стоит на глиняных ногах. На самом деле отдельный человек в наше время стал не слабее, а сильнее, чем когда-либо. Его свобода получила в мире механической необходимости более основательное подкрепление, чем когда-либо прежде. В эпоху нигилистических построений он впервые приходит к тому, чтобы полностью осуществить свою свободу. *Sergo sapiunt Phryges.** Лишь после того, как оказываются побиты.

Человек, который отвык и позабыл, что к земле нужно относиться, как к матери, перестает быть сыном земли. Он живет на картезианском глобусе, который мертв и вследствие этого подлежит безжа-

лостному использованию. Его понимание истории включает в себя взгляд на природу как на нечто безответное. Тот, кто сконструировал обладающее самодвижением понятие, которое мыслится как универсальное, указал также метод необходимого дальнейшего движения, благодаря которому становится очевидным развитие идеи и который ведет ко все более конкретному познанию истины. Каким представляется этот метод необходимого прогрессивного движения с его многообразными переходами с точки зрения современного понимания? Он ведет к автоматизации механики, в которую человек включил и самого себя. Целью нашего исследования было вскрыть потребительскую, истребительную силу этого автоматизма. Читатель, который в этом более или менее разобрался, прочел книгу с пользой для себя. В обстановке исторического движения, сила которого направлена на уничтожение и действует во вред человеку, необходимо уяснить себе следующее.

Внеисторическое нельзя противопоставить истории как ее противоположность, поскольку оно, напротив, представляет собой почву, которая ее питает, ее субстрат, ее *υποκειμενον*.* Внеисторическое — это не пройденный и не будущий этап, оно лежит внутри нас. Если эту почву разрушить и уничтожить, не будет никакой истории. Как и всякое сознание, историческое сознание связано с определенной субстанцией, которая питает его жизненной силой, из которой оно добывает огонь и свет. Мы не можем себе позволить взять и уничтожить эту субстанцию, мы должны ее беречь. И она не возникает из Ничто: либо она есть, либо ее нет. Чисто потребительское сознание ведет себя по-разбойничьи, по-воровски, поэтому научное знание стало двусмысленно. Тот арсенал понятий, с которыми работает наука и которые становятся все более точными, все больше напоминает орудия взлом-

щика. Успешность его применения не подлежит сомнению. Но процесс познания происходит не ради успеха. Познание — это не цепочка хитроумных изобретений, не лукавая система, нужная для того, чтобы опустошать сундуки и мешки. Не наука принесет нам исцеление. Земле нужен человек заботливый, человек-пастырь. Нам предстоит заново научиться тому, как нужно относиться к матери. Тогда и для нас наступит благоденствие.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 10

* Аргумент к человеку (*лат.*).

** Бог из машины (*лат.*).

С. 13

* «О наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (*лат.*), 1516.

С. 15

* От возможного не следует заключать к действительному (*лат.*).

С. 17

* Смотреть, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы предотвращать (*фр.*).

С. 19

* Досуг без достоинства (*лат.*) — в противоположность к *otium cum dignitate* (достойный, т. е. заслуженный, отдых). — Цицерон. Об ораторе. 1, 1.

С. 32

* Тайна тайн (*лат.*).

С. 36

* «Промышленность — дочь бедности». — Ривароль (*фр.*).

С. 44

* Более вечен, чем медь (*лат.*) — Гораций. Оды. III 30, 1.

С. 51

* Человек-мастер, создатель орудий труда (*лат.*).

С. 56

* Естественное влияние (*лат.*).

** Вещь мыслящая (*лат.*).

*** Вещь протяженная (*лат.*).

С. 57

* Отношение духа и тела (*лат.*).

С. 58

* «Рассуждение о методе» (*фр.*).

** «Для достойного направления разума и отыскания истины в науках» (*фр.*).

*** Природа сотворенная — в отличие от *natura naturans* (природа сотворяющая) — термин Спинозы (*лат.*).

С. 59

* «Сумма всей логики» (*лат.*).

** «Трактат по логике в трех частях» (*лат.*).

*** Глава (или: князь) номиналистов (*лат.*).

**** К самым общим и очевидным принципам (*лат.*).

С. 61

* От *лат.* *caput* — главное, основное; *-pitis* — голова.

** От *лат.* *cambiare* — менять, обменивать.

С. 63

* То, что нельзя помыслить иначе как существующим (*лат.*).

** Причина самого себя (*лат.*).

*** «Математические начала натуральной философии» (*лат.*), 1687.

**** «Бог без господства, проведения и конечных причин был бы не чем иным, как судьбою и природою» (*лат.*) — перевод А. Н. Крылова (цит. по: *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии // Собрание трудов академика А. Н. Крылова. Т. VII. М.; Л., 1936).

***** «Время абсолютно, потому что протекает равномерно». — Ньютон (*лат.*).

С. 64

* Субсистентный (от *лат.* *subsistent(em)*) — характеризующий сущность; то, благодаря чему вещь есть то, что она есть.

** Ингерентный (от *лат.* *inhaerent(em)*) — присущий, несамостоятельно существующий (об отношении свойства к носителю).

С. 66

* Цит. по: *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.

С. 69

* Равномерно (*лат.*).

С. 72

* Мертвое время (*лат.*).

С. 73

* Помни о смерти (*лат.*).

** Теологи-кальвинисты, которые придерживались жесткой доктрины о предопределении, предызбрании благодатью и наказании: Творец предопределил грехопадение человека, и выбор одних ко спасению, а других к осуждению произошел еще до грехопадения (*supra* 'до, вне', *lapsus* 'падение' (*лат.*)).

С. 74

* «Formula concordiae» (формула согласия), одна из символических книг лютеранской церкви.

** «Рассуждение о неравенстве» (*фр.*) — написано на конкурсную тему, объявленную Дижонской академией на 1754 год. Впервые напечатано в июне 1755 года.

С. 85

* Непрерывное творение (*лат.*).

С. 87

* Свобода воли, выбора, решения (*лат.*).

** Безразличие равновесия (*лат.*).

*** Равновесие (*лат.*).

С. 88

* Рабство воли (*лат.*).

** Все, что происходит, происходит по необходимости (*лат.*).

С. 89

* От лат. *praeformation(em)*, 'предформирование', 'образование заранее', 'предназначение'.

** От лат. *praedestination(em)*, 'предопределение'.

*** Неизгладимое клеймо; непреходящее своеобразие (*лат.*).

**** Необходимость следствия (*лат.*).

С. 107

* В своем праве, полноправно (*лат.*).

С. 108

* Господство, собственность (*лат.*).

** Власть господина (*лат.*).

*** Свободы, гражданства и семьи (*лат.*).

С. 109

* «Львиное товарищество» (*лат.*). — Имеется в виду такое содружество, где на долю одного приходится только убытки, а на долю другого — выгоды. Источник — басни Эзопа.

С. 114

* Связь (*лат.*).

С. 116

* Цит. по: Кант И. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 68.

** Действительная причинная связь (*лат.*).

*** Целевая связь (*лат.*).

**** Техника природная (*лат.*).

С. 119

* После вещи (*лат.*).

** В вещи (*лат.*).

*** До вещи (*лат.*).

С. 127

* Немецкие слова *Leitung* и *Führung* в общеупотребительном смысле означают «руководство, управление», а в качестве технических терминов не выражают этих понятий. *Leitung* в технике означает «провод», «проводка», «линия (электрическая)», «трубопровод» и т. д. *Führung* — «направляющая» (термин машиностроения).

С. 128

* ἀκηδία — уныние, безразличие, апатия (*греч.*).

** Кассиан (род. около 360 г.) — основатель первых монастырей и латинский церковный писатель. В трактате «Institutiones» («Установления») описал монашескую жизнь в Египте и Палестине, включая восемь пороков, которые монахи должны избегать. Одним из этих пороков является и уныние (*acedia*).

С. 130

* В чьих интересах (*лат.*) — Цицерон, Филиппики, II 14.

С. 132

* Регресс в бесконечность (*лат.*) (до бесконечности).

С. 136

* По преимуществу (*франц.*).

С. 137

* Разрабатываемый закон (*лат.*).

** Уже принятый закон (*лат.*).

*** Мнение о необходимости (*лат.*).

**** Законы отменяются не только голосованием законодателя, но и молчаливым согласием всех об их неприменении (*лат.*). — Julian. L 32. § 1 D. de leg. (1, 3). — Сальвию Юлиану, римскому адвокату, жившему во II веке при императоре Адриане, было поручено составить окончательный текст преторского эдикта, явившегося кодификацией преторского права. Он один из авторов, наиболее часто цитируемых в Дигестах, то есть основной части византийской кодификации права, известной под названием *Corpus juris civilis* (Свод гражданского права).

***** Согласие всех (*лат.*).

С. 139

* Строгое право, строгая законность (*лат.*). — Формула римского права, позволяющая противопоставить строго формальному применению правовых норм углубленное истолкование их с учетом требований добросовестности.

** Справедливое право, равное право (*лат.*).

*** Вынуждающее (императивное) право (*лат.*).

**** Не может изменяться договорами частных лиц (*лат.*).

***** Диспозитивное право, норматив (*лат.*).

***** Законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть (*фр.*).

***** «О духе законов» (*фр.*).

С. 148

* Систематическое воспитание (*греч.*).

** Систематическое наставление (*лат.*).

С. 149

* Мрачное море (*лат.*).

С. 150

* Воспитание (*греч.*).

** Всеобщность, целостность, а также «университет» (*лат.*).

С. 151

* «Естественная история души» (*фр.*), 1745 г.

** «Человек-машина» (*фр.*), 1748 г.

*** «Философские опыты о человеческом разумении» (*англ.*), 1748 г.

**** «Исследование о человеческом разумении» (*англ.*), 1758 г.

С. 153

* Для здоровых все является здоровым (*лат.*).

С. 169

* Вбивание разливного крана в бочку с вином.

С. 173

* Сила инерции (*лат.*).

С. 174

* Человек-машина (*фр.*).

С. 187

* Охраняемое правом материальное или нематериальное благо.

** Я наблюдал самую высокую планету тройственной формы (*лат.*).

*** Окружен кольцом, тонким, ровным, не соприкасающимся ни с чем, наклоненным к эклиптике (*лат.*).

С. 188

* Страх пустоты (*лат.*).

С. 209

* Имеется в виду традиционный праздник, связанный с окончанием сельскохозяйственных работ.

С. 216

* Религиозный человек (*лат.*).

С. 221

* Народное ополчение (*фр.*).

С. 222

* Юридически (*лат.*).

С. 234

* «О рабстве воли» (*лат.*), 1525 г.

** См. примечание к с. 15.

С. 239

* Машина машин (*лат.*).

С. 240

* В церкви да хранит молчание женщина (*лат.*).

С. 241

* См. примечание к с. 51.

** Этот сброд неуязвимый,
Как машина из железа,

Не знаком — ни в зной, ни в стужу —
С чувством истинной любви.

С. 242

* Велоцифер — распространенный в XIX веке вид общественного транспорта, легкая повозка, ходила чаще и быстрее, чем дилижанс. От лат. *velox*, *ōcis* (быстрый) и *fero* (несу). Но Юнгер, очевидно, употребляет слово в метонимическом, несобственном, смысле, намеренно вызывая ассоциацию с Люцифером.

** Человек бряцающий, лязгающий (*лат.*). Здесь Юнгер обыгрывает значение латинского глагола *scerpitare*, связанное с разного рода пронзительными, резкими звуками, как-то: треск, скрежет, шорох, шелест, шуршание, журчание, дребезжание, хруст, а также крепитация, то есть медицинский термин, означающий звук, получающийся при трении двух поверхностей, например костного перелома, так что *homo scerpitans* может означать как 'человек, лязгающий (оружием)', так и 'человек, скрежещущий (зубами)' или 'хрустящий (костями)'.

С. 243

* Работы и дни. 176—177 (перевод В. В. Вересаева).

С. 249

* Песня об отступлении наполеоновской армии из России была напечатана в виде листовки. Автор — Э. Ф. Аугуст (1795—1870).

** «Война войной живет» — цитата из трилогии Шиллера «Валленштейн» («Пикколомини», в пер. Б. Эйхенбаума, действие первое, явление второе, 136). Шиллер в свою очередь заимствует эти слова у Тита Ливия: «Катон запретил подрядчикам закупать хлеб для войска и отослал их обратно в Рим, сказавши: «Война сама себя кормит»» (цит. по: История Рима от основания города. XXXIV, 9 / Пер. Г. С. Кнабе).

С. 250

* Весело, живо (*лат.*).

С. 253

*Любовь к року (*лат.*).

С. 255

* И побежденный побежден, и победитель проиграл (*исп.*).

С. 267

* Триумфальный путь (*лат.*).

С. 270

* Тиртей (2-я половина VII века до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик. По преданию, хромой школьный учитель, посланный афинянами в Спарту взамен требуемой военной помощи и сумевший своими песнями поднять боевой дух спартанцев.

С. 272

* Μὴ κινεῖν εὖ κείμενον — «Не тревожить того, что хорошо лежит» (*Платон. Филеб. 15 с*) (*греч.*), пословица, которую, по словам схолиаста, произносили жители Родоса, не желавшие поднимать упавшего Колосса, причинившего массу разрушений: ср. русскую пословицу: «Не буди лихо, пока оно тихо».

** Вечный двигатель (*лат.*).

С. 280

* Действительная связь (*лат.*).

** Конечное звено связи (*лат.*).

*** Причина (*лат.*).

**** Случай, повод (*лат.*).

С. 282

* Взаимоотношения (*лат.*).

** «О равновесии плоских фигур» (*лат.*).

С. 285

* Перводвигатель (*лат.*).

С. 286

* «О преобразовании европейского общества» (*фр.*).

С. 287

* «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (*фр.*).

С. 291

* Τραπεζίτα (*греч.*) — меняла.

** Argentarius (*лат.*) — банкир, меняла.

С. 292

* Гарантия банкира, принятое обязательство (*лат.*).

С. 293

* Договор хранения, то, что дано кому-нибудь на сбережение. Предметом поклажи в собственном смысле слова являются вещи индивидуально определенные; обязанность поклаженанимателя состоит в том, чтобы хранить вещь, а по окончании срока хранения возвратить ее.

** Не обычный, не нормальный вид договора (необычная пок-лажа), обязанность поклаженанимателя возратить не те же самые вещи, которые были им получены, а только такое же количество вещей такого же рода.

С. 294

* Кредит (ссуда) под движимость (*фр.*).

С. 296

* Ллойд — страховое общество преимущественно морского страхования.

С. 301

* Домашние животные, скотина (*лат.*).

** Имущество, состояние, деньги (*лат.*).

С. 307

* «Основы идеологии» (*фр.*).

** Вероятно, имеются в виду «Максимы и мысли узника Святой Елены» (*Maximes et pensées du prisonnier de Sainte-Hélène*).

С. 320

* Конечный смысл (*лат.*).

С. 330

* Награда справедливая; надлежащее воздать (*лат.*).

** Противоречие в определении (*лат.*).

*** Основа, субъект (*греч.*).

С. 331

* Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 427.

С. 349

* *Dominium* — собственность, право собственности (*лат.*). Этот древний термин означал господство и применялся ко всему, что находится во власти какого-нибудь лица или просто в хозяйстве, в доме. Отношения собственности охватывались этим термином наряду с другими отношениями господства над вещью. Юлиан (II век) употребляет термин «доминиум» для обозначения вообще права на вещь.

С. 354

* Вещь ничья принадлежит тому, кто первый ее захватил (*лат.*).

** Ничья вещь (*лат.*).

С. 356

* Вещь, которая не может быть предметом торговли (*лат.*).

** Вещь, которая может быть предметом торговли (*лат.*).

С. 357

* Вещи, являющиеся объектом сакрального права (*лат.*).

** Городские стены и ворота каждой общины (*лат.*).

*** Божественные энергии (*лат.*).

**** Места погребения членов рода, семьи, отдельного человека и даже раба, священные вещи (*лат.*).

***** Институты Гая (*лат.*).

***** То, что является объектом сакрального права, не находится ни в чьем обладании (*лат.*).

***** Общественная собственность (*лат.*).

***** Частная собственность (*лат.*).

***** Предметы, принадлежащие всем (*лат.*).

С. 358

* В обороте (*лат.*).

С. 359

* Вещи, принадлежащие кому-либо по праву собственности (*лат.*).

** Вещи, не принадлежащие кому-либо по праву собственности (*лат.*).

*** Любая вещь является или не является чьей-либо собственностью (*лат.*).

**** Преимущество права торговли, торговая привилегия (*лат.*).

**** Peregrini — иноземцы (*лат.*); лица свободные, не имеющие римского гражданства, получали статус перегринов.

***** Итальянское поместье (*лат.*).

***** Рим начал свою историю в области семейного права с семьи, основой которой была patria potestas, власть главы семьи, pater familias. Вместе с рабами, а первоначально и вместе с принадлежащими pater familias неодушевленными вещами, подвластные образуют familia. В позднейших памятниках это также и совокупность рабов.

***** Имущество, состояние (*лат.*).

С. 360

* Кадастровая книга, земельная опись Англии, произведенная Вельгельмом Завоевателем в 1086 году.

** Кадастр земельных городов.

*** Кадастр дворянских земель.

**** Вначале манципация представляла собой реальную передачу вещи путем ее обмена на цену перед пятью свидетелями и

при содействии весовщика, затем превратилась в фиктивную продажу.

***** Общественная земля (*лат.*).

С. 361

* Сын земли (*лат.*).

С. 362

* Религия (*лат.*).

** Насажение, посадка (*лат.*).

*** Застройка, строительство (*лат.*).

**** Относится, принадлежит только земле (*лат.*).

С. 363

* Общественная польза (*фр.*).

С. 364

* *Гете*. Фауст. Часть вторая. Акт пятый / Пер. с нем. Б. Л. Пастернака.

** Там же.

С. 365

* Товарищество (*лат.*).

С. 371

* *Fiscus* — казна (*лат.*).

С. 374

* Собственность — это воровство (*фр.*).

С. 376

* В конце классического периода (III век) разработка частного-правового понятия собственности была завершена, и привычным обозначением для собственности с этого времени становится термин *proprietas*.

С. 380

* Вещи, которые при использовании уменьшаются или тратятся (*лат.*).

** Вещи, которые описываются весом, числом либо мерой (*лат.*).

С. 388

* Намерение обладать вещью (*лат.*) — в отличие от *corpus possessionis* (реальное господство над предметом владения).

** Тело (*лат.*).

*** Дух (*лат.*).

**** Дух хозяина (*лат.*).

**** Владелец по доброй воле (*лат.*).

С. 397

* Глагол образован от фамилии Фуггер, богатой купеческой династии XV—XVI веков.

С. 402

* «Сумма всей логики» (*лат.*).

** «Трактат по логике в трех частях» (*лат.*).

С. 409

* Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27. С. 320—321.

С. 412

* Там же. С. 321.

С. 427

* Универсальный землевладелец (*лат.*).

** Порождение богатства (*англ.*).

*** Новый излишек, который общество может использовать для общих целей (*англ.*).

С. 432

* Немецкое слово *der Passant*, представляющее собой заимствование из французского языка, по форме является субстантивированным причастием.

С. 440

* Изготовленное рукой (*лат.*).

С. 445

* Взаимоотношение (*лат.*).

С. 449

* Все сильней и сильней, все больше и больше, все быстрее и быстрее, все бесчеловечней и бесчеловечней — вот формулы автоматизма (*франц.*).

С. 458

* Тиран без титула (*лат.*).

С. 462

* Человек — существо, у которого существование предшествует сущности (*фр.*).

** Существование (*лат.*).

*** Сущность (*лат.*).

**** Действие следует за существованием (*лат.*).

***** Причина философского и логического порядка (*фр.*).

***** «Экзистенциализм — это гуманизм» (*фр.*).

***** Разумная сущность (*лат.*).

***** Метафизическая сущность (*лат.*).

С. 464

* Техническое видение мира, с точки зрения которого, можно сказать, производство предшествует существованию (*фр.*).

С. 465

* Пропащий человек (*фр.*).

С. 466

* Да осуществится применение (*лат.*).

С. 473

* Всеобщее согласие (*лат.*).

С. 476

* Μύωψ — близорукий, щурящий глаза (*греч.*).

С. 480

* Аксиомы движения (*лат.*).

С. 489

* Предвосхищение основания (*лат.*) — логическая ошибка, заключающаяся в скрытом допущении недоказанной предпосылки для доказательства.

С. 490

* Техники (*лат.*).

С. 493

* «Чем сильнее становимся, чем величественнее, чем жизнеспособнее, тем бесчеловечнее» (*фр.*).

С. 506

* Фригийцы поздно понимают (*лат.*). — Согласно Фесту, эта поговорка появилась у троянцев, которые через десять лет захотели вернуть Елену ахейцам. Ср. также русскую поговорку «Задним умом крепок».

С. 507

* Плодородный слой (*греч.*).

ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛЫ «СОВЕРШЕНСТВУ ТЕХНИКИ»?

Настоящее издание включает в себя две работы Фридриха Георга Юнгера (1898—1977) — «Совершенство техники» и «Машина и собственность». Их объединяет одна тема — техника. Поэтому, повинувшись гипнозу установившейся академической дисциплины, можно сказать, что здесь мы имеем дело с «философией техники». И даже сделав поправку на то, что в работах Юнгера содержится «культуркритика» современной техники, мы не откроем особой проблемы, двигаясь в уже размеченном горизонте «философии техники». Однако классифицируя названные тексты, мы наиболее легким и в то же время наименее осмысленным образом относим их к заранее сформированной рубрике. Мы поступаем технично, то есть умело, профессионально. И не в этой ли бездумной легкости в отношении к понятиям кроется и исток признания универсальной компетенции техники в решении любых проблем? Мы просто умеем «обходиться с ними (с понятиями. — С.Ф.) по типу технического манипулирования, превращая их в простые орудия».¹ И таким образом избавляемся от трудностей дальнейшего прояснения понятий «техника» или «совершенство» в данном контексте. Между тем Юнгер утверждал: «Любая мысль, какой бы она ни была, возникает из соприкосновения, а соприкосновение предполагает сопротивление». Соприкосновение с чем, сопротивление чего? Другой мысли, непонимания или того, чью сущность еще трудно помыслить, поскольку исторически она еще не сформировалась. Другая мысль — это не просто «критические высказывания техников», мировоззрение Техника, убеж-

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 43.

денного в том, что «с помощью машин будут разрешены все трудности, которые встанут в будущем перед человечеством». Сопротивление оказывает сам предмет мысли, техника, коль скоро она претендует на включение рассматриваемой мысли в сферу собственной компетенции.

Но почему, собственно, мы должны задумываться о технике? Не лучше ли отдать это дело в руки техников и инженеров — тех, кто в силу своей профессии находится в более близких отношениях с этим предметом и, следовательно, должен обладать соответствующей компетенцией? Стоит признать, что побудительным мотивом размышлять о технике служит для нас не желание формального размежевания сфер компетенции между «физиками и лириками», между гуманитарной и инженерно-естественнонаучной версиями «философии техники». Сфера собственной компетенции, свое дело неотъемлемо от техники, но техника становится нашим делом, как только затрагивает наши экзистенциальные основания, воплощаясь в атомной бомбе или геной инженерии, ставящих под угрозу идентичность нашего тела или само существование нашего мира. Тревогами по поводу техники пронизано и массовое сознание. Если определение киноиндустрии как «фабрики грез» воспринять буквально, то можно заметить, что кино в качестве образов будущего постоянно воспроизводит то ли массовые желания, то ли вытесненные страхи. Характерным отличием этих «грез о будущем» является всеобщая технизация: люди живут в искусственных городах, на космических кораблях, окруженные роботами и т.п. И посреди всего этого разгула экстраполяции нынешнего уровня техники на гипотетическое будущее в буквальном смысле нет ничего живого. Вероятно, витальное, собственно тело есть то, что еще способно испытывать страх перед тотальностью техники, и поэтому постоянным мотивом показа/вытеснения в фантастических фильмах является синтез человека и робота, создание всевозможных гибридов, киборгов. В то же время для человека открываются устрашающие возможности искусственного замещения органов, вплоть до смены тела. В чем же еще, помимо угрозы потери тела и собственной идентичности, состоит угроза со стороны техники? Быть может, она коренится в том ужасе, которым веет от легенды о Големе, искусственном существе, порожденном пражским кабаллистом. Причем, будучи искусственно созданным, оно выпадает из рядов божественного творения и может вдохновляться таинственными инспирациями зла. Это существо погубило своего создателя, вложившего в него не только магическое знание, но и частицу духа. Однако угроза даже не в том, что техника несет гибель своему создателю, а в том, что она замещает его, стано-

вится alter ego, будучи более совершенной и в то же время лишенной человеческих недостатков, делающих человека человеком. У Гоббса в самом начале «Левиафана» есть следующая характерная фраза: «Человеческое искусство (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное. Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь?»² Сущность техники (которая здесь замещается родовым термином искусства) открывается в умении делать «искусственное животное», то есть нечто в природе не встречающееся, целиком зависящее от человека (и одновременно не зависящее от природы и Бога?). Но это «подражание жизни» оказывается чем-то более могущественным, чем сама жизнь... Искусственная жизнь, «искусственный интеллект» — разве их автономия, хотя и инициированная человеком, но в дальнейшем самоподдерживающаяся, не порождает тревогу, наподобие той, какую будит в нас фантазм двойника или инопланетного разума? Техника — это наш искусственный образ, порождение нашего разума, между тем в иные моменты кажется, что наш разум спал и порождал чудовищ. В лице техники мы вырастили себе конкурента, отличного от нас во всем, кроме разума. Однако «негуманность» этого нечеловеческого, идеального разума, его эмоциональная стерильность и несут угрозу человеческому бытию. В таком результате нет ничего удивительного — именно идеальный разум, отринувший все эмоции и человеческие предрассудки, моральные авторитеты и спонтанные симпатии, был исходным пунктом проекта универсальной науки, выдвинутого на заре Нового времени и послужившего базисом для развития современной техники, в том числе компьютерной. Так, может, техника готова заместить нас и в самой способности мыслить? А чем же иным чревата редукция мышления к исчислению, в горизонте которого излюбленный на заре кибернетической эры вопрос «может ли машина мыслить» звучит уже не по-детски? Итак, можем ли мы еще мыслить без техники, мыслить не технически и мыслить в то же время сущность техники? Ведь непомысленное продолжает обладать нами...

Уже в платоновских диалогах раскрывались те специфические трудности, которые сопряжены с нахождением предметной кор-

² Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М., 1991. С. 6.

реляции «умению мыслить». Если с умением что-либо делать в плане ремесла, спорта или искусства все обстояло более или менее благополучно, а именно так, что умение, соответствующее своему делу, своей цели, достигало ее, то с умением мыслить дело обстояло совсем не благополучно — при высвобождении мышления из-под власти чуждых его целям техник, например риторической, обнаруживалась сущностная беспомощность, ставившая всякий шаг мышления под вопрос и вводившая в недоумение по поводу того, с чем мысль имеет дело. Казалось бы, в послесловии к «Совершенству техники» уместнее говорить не о технике мышления, а о попытке мыслить технику, причем мыслить критически. Мы должны как-то продемонстрировать состоятельность критической по отношению к технике мысли, ставя под вопрос универсальную компетенцию технических методов. Ведь техника доказывает свою эффективность, состоятельность через производительность, через практический результат. Не будет ли само производство текста доказательством состоятельности нашей мысли? Нет, даже превратив наш текст с помощью компьютерной программы в электронный документ, мы еще не заручились наличием в нем мысли. Сегодня говорят не только о технике, представленной машинами, но и о технологии как совокупности умений и навыков. В связи с этим хорошим тоном в деле мысли считается такая технологичность, которая умеет действовать, не обнажая своих приемов и тем не менее пользуясь ими с максимальной легкостью и ловкостью. Это и зовется профессионализмом. Применение санкционированных традицией порядков аргументации, логики, аппарата цитат — разве это не та же технология в деле мысли? Однако в некотором отношении такой профессионализм обращается в неадекватность и даже неискренность, что, конечно же, недопустимо в деле выяснения истины, в том числе истины о технике. Не об этой ли разборчивости в средствах постоянно дискутировали Сократ и софисты в диалогах Платона? Софисты отстаивали технократическую позицию, или как раз позицию универсальной компетенции техники, сводимую к тезису о том, что «зная как» говорить, владея техникой убеждения, можно правдоподобно и убедительно говорить о чем угодно, достигая своих целей — политических, эротических и т.п. Софисты, в частности, утверждали, что можно не любя, средствами одной лишь риторики добиться успеха в любви или не имея в виду никакого блага для родины завоевать власть. Вопросы же Сократа о сущности любви или государства не получали ответа и отводились софистами как несущественные перед лицом тотально-эффективной технологии достижения чего бы то ни было. Однако такая софистическая тактика, нацеленная на

эффективность и отвлеченная от сущности сферы, на которую она посягает, приводит к внутреннему разрушению этой сферы. Точнее, эта сфера оказывается недоступной для подобной тактики, а ее феномены — не испытанными в опыте. Любовь не заменяется властью или, во всяком случае, стремится освободиться от всякого принуждения, которому чужда в своей сущности. Вместе с тем, от сущности техники неотделима необратимая «окостенелость» определенного решения, которое получило в ней свою объективацию. Проблема изначально могла быть решена иначе, тысячью других способов, однако голая наличность технического аппарата уже загромождает эти иные возможности. Мысль, захваченная движением проектирования исходя из уже объективированных технических возможностей, является только апологией факта и гимном всепобеждающей технике (как в технократических утопиях Федорова, Вернадского, Гейяра де Шардена) и в общем не может мыслить генезис техники, не может вернуться к ее предпосылкам. Противоположная попытка помыслить «пропущенные смысловые структуры», родственная исследованиям позднего Гуссерля в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии», не может быть осуществлена в технических терминах, как немислимо в логических терминах мышление о логосе, правящем логикой. Поэтому попытка Юнгера понять технику не техническим, а, скорее, поэтическим образом вселяет надежду на удачу. Но прежде чем мы погрузимся в предварительное раскрытие юнгеровского текста, необходимо краткими вехами обозначить биографический контекст, в котором он рождался.

Фридрих Георг Юнгер родился 1 сентября 1898 года в Германии, в городе Ганновер, Нижняя Саксония. Особую роль в его формировании с детства играл его старший брат Эрнст Юнгер (1895—1998). Братьев захватывала романтика авантюры, дальних странствий, «фаустовская устремленность вдаль», которую позже Шпенглер назовет конститутивной чертой европейской души. Оба брата увлекались изучением природы. Наверное, это отразилось в их членстве в молодежной организации «Wandervogel» — «Перелетные Птицы», представлявшей собой прообраз современных экологических движений. Юноши и девушки из этой организации стремились уйти из больших городов на природу, к простой, деревенской, народной жизни. После окончания школы в 1916 году Фридрих вслед за братом пошел добровольцем на фронт и в 1917 году в битве при Лангемарке (в своем первом сражении) был тяжело ранен. Эрнст Юнгер в своем дневнике «В стальных грозах» описывает встречу с раненым братом. Остаток войны Юнгер-младший провел в госпитале. Таким образом, он

мало видел войну и, в отличие от старшего брата, не имел оснований считать себя ее героем. Быть может, поэтому он не столь остро переживал «отнятую победу» и потребность в реванше. Фридрих Юнгер увольняется из рейхсвера лишь в 1920 году в звании лейтенанта и изучает право в Лейпциге и Галле. В 1924 году он защищает диссертацию и становится практикующим юристом. Однако общее мироощущение «потерянного поколения», неустойчивость и неокончателность послевоенных порядков, чувство воинской солидарности и патриотизма подталкивают его к какой-то более действенной интеллектуальной практике. Фридрих Юнгер сближается с кругом национал-революционеров и с 1926 года становится свободным писателем. Атмосфера Веймарской республики не была комфортной и духовно-родственной для многих немецких интеллектуалов. Переживание войны, отрицание бюргерской эпохи и Веймарской республики воплотились в работах Фридриха Юнгера «Марш национализма» (1926 год) и «Война и воин» (1930 год).

Эпоха между двух мировых войн характеризовалась интенсивным переживанием крушения старых монархических и либеральных порядков, изжитости «бюргерской идеологии» эпохи Просвещения с ее верой в бесконечный прогресс и всеислие разума. Первая мировая война стала тем тектоническим разломом, в который провалились не только монархические конструкции государств, но и предрассудки позитивно-либеральной эпохи: вера в прогресс, в науку и технику как средства совершенствования человека и общества, почтение к правам личности и прочие добродетели XIX века. Эрнст Юнгер, свидетель эпохи и ее авторитетный толкователь, писал о глубинном смысле прошедшей войны: «В центре столкновения стоит вовсе не различие наций, а различие двух эпох, из которых одна, становящаяся, поглощает другую, уходящую... Метафизическая, то есть соразмерная гештальту, картина этой войны обнаруживает иные фронты, нежели те, которые могли открыться сознанию ее участников».³ Происходило размежевание масс под началом новых идеологий. Вызов коммунизма и происходящее повсеместно «восстание масс» провоцировали как поиск «третьего пути» в сфере социальной жизни, так и отказ от традиций рационализма в области мысли. Ответ на вызовы эпохи пытались сформулировать мыслители, объединенные исследователями под вывеской «консервативной революции». Определение «консервативная революция» впервые было сформулировано Томасом Манном, который, хотя и был далек от этой

³ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000. С. 236—237.

идеологии, воплощал в литературе свидетельства кризиса просвещенческой цивилизации. В научном же обороте это понятие было кодифицировано лишь благодаря послевоенной книге Армина Меллера «Консервативная революция в Германии. 1918—1932». В соответствии с логикой этой идеологии, немецкие «консервативные революционеры» ставили своей задачей выработку концепции «третьего пути» между традиционным монархизмом и либерализмом и угрожавшим Европе коммунизмом. В частности, таким ответом на вызов коммунизма, с его выдвиганием на передний план беспочвенных, лишенных родины и национальности, готовых к «классовым битвам» пролетарских масс, была фигура «Рабочего», выведенная Эрнстом Юнгером на историческую авансцену в одноименном произведении. Рабочего, «в котором через гуманистическую и экономическую традицию марксизма собирается вся мысль о естественных движении и силе, секуляризованная со времен Галилея, Декарта, Ньютона и Лейбница в механику. Ту самую механику, к которой обращается Юнгер, чтобы призвать к „всеобщей мобилизации” сил, составляющих потенциал народа и его (мета-) физическую сущность, ради победы, рассматриваемой тогда как результат динамического превосходства».⁴

Круг размышлений «консервативных революционеров» не ограничивался, однако, социально-политической плоскостью, включая критику метафизических и религиозных установок предшествующей эпохи. Лозунгом дня в этом отношении становилось возвращение богов, приход Священного на место Просвещения. Как бы это не понималось — в горизонте традиционного христианства или неоязычества. Недаром в эмиграции русский философ Бердяев характеризует исторический горизонт, в направлении которого развертываются феномены эпохи, как «новое средневековье». Возвращение в круг сознания архаических голосов земли и крови, жажда подлинного ранга, героического свершения и харизматической власти, чувство тайны и потребность в сопричастности мистическому коллективу — все эти мотивы бродят в подсознании европейцев 20—30-х годов XX века. Среди германских идеологов «консервативной революции» можно особо выделить младоконсерваторов. Наиболее известными из них были Артур Мюллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, Отмар Шпани. У истоков младоконсерватизма стоял Мюллер ван ден Брук, впервые сформулировавший концепцию «Третьего Царства». В одноименной книге он настаивал на создании «Третьей

⁴ Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи». СПб., 2001. С. 109.

партии», которая положила бы конец национальному и политическому разделению немцев, призывал к преодолению династического противопоставления Габсбургов, правивших в католической Австрии, и Гогенцоллернов, владевших протестантской Пруссией. Мюллер ван ден Брук настаивал на недостаточности и правой и левой идеи применительно к Германии. В теологическом аспекте концепция «Третьего Царства» связывалась с учением средневекового монаха и мистика Иохима Флорского, у которого история делится на три эпохи — Отца, Сына и Святого Духа. «Третье Царство», по мысли Мюллера ван ден Брука, должно стать Царством Святого Духа, что родственно зарубежным размышлениям Мережковского о грядущей эпохе Святого Духа, в которой произойдет не только сакрализация плотского начала в человеке, но и освящение общества. Эти параллели неслучайны, поскольку Мюллер ван ден Брук был одним из лучших переводчиков Достоевского на немецкий язык и следил за событиями в России. Младоконсерваторы находились в постоянном диалоге с политическими деятелями, определявшими облик эпохи 20—30-х годов. И хотя интеллектуальный уровень политиков и мыслителей был трудносопоставим (достаточно вспомнить встречу Шпенглера с Гитлером, из которой оба вынесли только взаимное разочарование), правомерно поставить вопрос о роли и ответственности «консервативных революционеров» за водворение фашистских режимов в ряде стран Европы. Безусловно, в политико-правовых теориях, например в концепции нового, социально-корпоративного строя, разработанной Отмаром Шпанном, или в подчеркнутом увязывании суверенитета верховной власти с чрезвычайными полномочиями у Карла Шмитта можно видеть вполне ясные руководства к политическому действию. Однако даже этих мыслителей, зачастую примыкавших к «политическому движению», нельзя упрекнуть в добросовестном продумывании альтернативы господствовавшим идеологиям современности — коммунизму и либерализму, что остается в виду тотального торжества моноидеологии вызовом и для мыслителей наших дней.

Братья Юнгеры, вместе с Э.Никишем и рядом других деятелей, принадлежали к левому крылу «консервативной революции», и некоторые из них, например Никиш, даже пострадали от национал-социализма. Что касается Ф.Г. Юнгера, то он после 1933 года заметно дистанцировался от нового режима. В 1939 году он заканчивает работу над «Иллюзиями техники», изданными в 1944 под названием «Совершенство техники». В книге, чудом пережившей войну (весь первый тираж сгорел во время пожара), сконцентрировался особый опыт переживания техники как все-

поглощающей силы, полученный в ходе второй мировой войны. В традиционных перечислениях деятелей «немецкой консервативной революции» имена братьев Юнгер предельно сближены алфавитным порядком, самым движением перечисления и узамы родства. Однако это сближение порой затушевывает противоположную тенденцию в рассмотрении ими проблемы техники. Безусловно, «Совершенство техники» возникает в интертекстуальном пространстве, на пересечении силовых линий и понятийных рядов таких текстов, как «Рабочий» Эрнста Юнгера, двухтомник «Ницше» и «Вопрос о технике» Мартина Хайдеггера. Однако проблема техники разрабатывается Ф.Г. Юнгером в особенном ключе, быть может, не менее необходимом для дальнейшего продумывания ее сущности, как импульс «Рабочего» оказался необходим для размышлений Хайдеггера о технике в контексте европейского нигилизма и воли к власти в двухтомнике «Ницше». Если футуристически-восхищенному видению Эрнста Юнгера техника открывается через «тотальную мобилизацию мира гештальтом рабочего» в перспективе господства над землей, то Юнгер-младший видит проблему техники в горизонте исчерпания всего сущего и человека.

Уже в самом названии работы эксплицировано то специфическое предпонимание существа техники, которое определяет все своеобразие его рассмотрения у Ф.Г. Юнгера. Название пишется по-немецки «Die Perfection der Technik», что переводится соответственно как «Совершенство техники». Мы не стремимся эксплицировать все содержание текста из одного названия, а хотим лишь обратить внимание на то, как можно ошибаться в его понимании. Ведь что имеет в виду Юнгер, говоря о совершенстве применительно к технике? Ему чужды дифирамбы победному шествованию техники и восторги перед ее совершенством. Не случайно вместо *Vollkommenheit* — совершенства в смысле завершенности и полноты, о которых говорится применительно к произведению искусства, Юнгер употребляет слово *Perfection*. В современном разговорном немецком слово *Perfection* звучит в значении чего-либо качественного, детализированно-проработанного, доведенного до педантизма. Соответственно, человека, стремящегося к такому педантично-профессиональному исполнению чего-либо, называют *Perfectionist* — «перфекционист». Это уже, скорее, следствие технического понимания традиционного немецкого добросовестного отношения к делу. Таким образом, языковая интуиция позволяет увидеть здесь понимание совершенства как внутренней расчлененности механизма, в своем стремлении к наибольшей эффективности, постоянно усложняющегося и детализирующегося.

Еще один смысловой аспект заголовка «Совершенство техники» позволяет открыть примечательная реплика из «Рабочего» Эрнста Юнгера. Между братьями-мыслителями происходил постоянный интеллектуальный обмен, и тем интереснее подобный резонанс в мышлении, что он приводит к противоположным результатам. Эрнст Юнгер пишет: «Теперь возникает вопрос, насколько изменятся формы жизни, если за динамически взрывным состоянием, в котором мы находимся, последует состояние завершенности. Мы говорим здесь о завершенности (Perfektion), а не о совершенстве потому, что совершенство принадлежит к атрибутам гештальта, а не к атрибутам символов, которые только и может увидеть наш глаз. Состояние завершенности поэтому столь же вторично, что и состояние развития: и за тем и за другим стоит гештальт как неизменная величина более высокого порядка».⁵ У Юнгера-старшего техника есть то, что выявляет гештальт в процессе тотальной мобилизации всего сущего, и если совершенство как исполненность присуща гештальту, то технике принадлежит завершенность в смысле динамического соответствия гештальту: «техника... есть мобилизация мира гештальтом рабочего...».⁶ Если гештальт имеет характер целостной и неизменной парадигмы происходящего, то техника как раз осуществляет движение его воплощения, выхода на поверхность ландшафта. Техника оформляет этот новый ландшафт, в котором воля к власти уже не знает пределов. Она выравнивает неоднородности ландшафта, мешающие полному проявлению власти нового гештальта, и сметает на своем пути страны и социальные конструкции, горы и города. Апофеозом этой нивелировки ландшафта, его прогрессирующей однородности выступает война. Эрнст Юнгер пишет: «Война выступает в качестве примера потому, что она раскрывает присущий технике властный характер...»⁷ И поскольку технике соразмерен планетарный простор, война приобретает мировой и перманентный характер. Война, ее перспектива, подготовка к ней становятся постоянным стимулом совершенствования техники, но одновременно и динамика изменений, в ходе которой техника ликвидирует как собственные отжившие формы, так и все нетехническое, может быть представлена метафорой войны (о Полемосе как отце всех вещей говорил еще Гераклит). Что становится в этом контексте с миром, известно из знаменитой эпопеи Толстого. После того, как в России под давлением все той же обусловленной технической необходимостью всеобщей

⁵ Юнгер Э. Рабочий. С. 260—261.

⁶ Там же. С. 236—237.

⁷ Там же. С. 245.

грамотности, сменились правила правописания, изменилась орфография, название романа Толстого стало читаться как война и отсутствие войны, то есть мир как промежуток между войнами. И такое прочтение действительно близко историческому сознанию XX века, сознанию, «борющемся за мир во всем мире» и живущему в промежутке между первой и второй, второй и третьей мировыми войнами. Иными словами, мир человека XX века добывается в постоянном сверхусилии, в борьбе за то, чтобы представление о мире, система ценностей стало самим миром. В конце «По ту сторону добра и зла» Ницше писал: «Приходит время, когда пойдет борьба за мировое господство, она пойдет во имя основополагающих философских учений». Между тем, толстовский «мир» в заглавии книги писался через *i* с точкой, что значило совокупность сущего, мировое целое, включающее в себя и человека с его деяниями, в том числе войнами, и синее небо, которое видит у себя над головой лежащий на Бородинском поле князь Андрей, то есть и человеческое и нечеловеческое сущее.

В своем развитии техническая динамика устремлена в дурную бесконечность опредмечивания мира, поэтому она в любом моменте своего исторического развития неокончательна и в тоже время адекватна стоящим перед ней задачам. Техника неорганична, она не имеет внутренней энтелехии, формы завершения, поэтому в ее развитии нет апогея, высшей точки, акме, поэтому ее совершенство не является зрелостью. Ведь «зрелость никогда не бывает насильственной и не может быть вымученной. Если вообразить мир, в котором все зависит от воли и волевых усилий, это был бы мир, которому неведома зрелость». Поскольку созревание предполагает органический процесс, подчиненный внутреннему времени роста, а не мертвому времени технического расчета («И ты машинами не вынудишь у ней, чего твой дух не угадает». — Ф. И. Тютчев), то все, что относится к машине, «может обладать свойством идеальной законченности, но отнюдь не зрелости». Однако исходя из текста «Совершенства техники», можно сказать, что выявленные нами смысловые аспекты заголовка выглядят по-прежнему неокончательно. По Юнгеру-младшему, техника носит тотальный, планетарный характер, поэтому ее совершенство трактуется и в смысле всеобщности, полноты проникновения во все сферы деятельности. Юнгер пишет: «Совершенство заключается в том, что нет больше ничего, что не было бы подвластно технике; она проникает в рекламу, пропаганду, спорт, кино и, соответственно, во все области человеческой деятельности. Не остается больше ни одного свободного места, которое не было бы занято техникой». Техника нас окру-

жает, причем до такой степени плотно, что мы даже затрудняемся сказать, что не относится к ней и где ее нет. Техника проявляется не только в компьютере, на котором набирается этот текст, но и в самом способе набора. Она не всегда приобретает внешний, аппаратный облик. Воплощаясь в технике быстрого чтения или запоминания, она сублимируется до интеллектуального алгоритма, до «ноу-хау», чистого умения что-то делать. В этом смысле говорят даже о технике медитации, то есть об умении размышлять каким-то особо организованным и эффективным способом или о технологиях программирования, позволяющих машине «мыслить». Такого рода интеллектуальные практики считаются важнейшим достоянием современной «постиндустриальной эпохи», поскольку являются информационными матрицами для организации других процессов. Вот что пишет по этому поводу провозвестник постиндустриальной эпохи Дэниэл Белл: «Поскольку технология есть инструментальный способ рационального действия, я назвал эти новые разработки „интеллектуальной технологией”, так как все они дают возможность поставить на место интуитивных суждений алгоритмы, то есть четкие правила принятия решений. Эти алгоритмы могут быть материализованы в автоматической машине, выражены в компьютерной программе или наборе инструкций, основанных на какой-либо статистической или математической формуле, представляющей собой способ формализации суждений и их стандартного применения во многих различных ситуациях. Поскольку интеллектуальная технология становится основным инструментом управления организациями и предприятиями, можно сказать, что она приобретает столь же важное значение для постиндустриального общества, какое для общества индустриального имела машинная технология».⁸ Здесь выявляется различие, которое в англо-американской традиции интерпретируется через понятия «техника» (technics) и «технология» (technicnology). Под техникой в собственном смысле имеется в виду совокупность орудий, машин, средств производства, под технологией же — совокупность навыков, «ноу-хау», необходимых для технического производства. В русской и немецкой традициях оба значения растворены в понятии «техника». Само современное мышление в этом смысле становится «интеллектуальной технологией». Однако, несмотря на перемещение акцентов с машинной техники на информационные технологии, для современной технократической мысли характерна все та же вера в

⁸ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна. М., 1986. С. 123.

мифы о технике, которая сопутствовала утопиям от Бэкона до Фурье и воодушевляла Маркса в его намерении «изменить мир» через перестановку субъектов собственности на средства производства. И в утопиях и у Маркса ключ к человеческому счастью, к всеобщему изобилию виделся в технических средствах. Именно марксистская альтернатива в отношении техники была тем актуальным вызовом, которому отвечали работы «консервативных революционеров», в том числе братьев Юнгер. Маркс впервые понимает совокупность сущего как предмет труда — в горизонте всеобщего опредмечивания, то есть технически, хотя и формулирует это на языке политэкономии. Однако благодаря такому переосмыслению история, перестав быть, как у Гегеля, историей духовных свершений, саморазвертывания Духа, становится ареной социо-технического эксперимента. Сам же принцип исторической динамики, заимствованный в гегелевской системе, находит новое применение. «Радикально действующий принцип этой системы состоит в том, что она переносит динамику, которая возникла как раздел механики, на исторический процесс... Диалектика Гегеля не только объясняет этот процесс, но вмещивается в него в определенной исторической ситуации и становится средством, ускоряющим его движение». Исторический процесс через его осознание и революционизацию должен стать контролируемым и посредством социальной инженерии привести к снятию самоотчуждения человека в царстве коммунизма.

Марксистская идеология становится методом, то есть технологией и генеральным планом подобного овладения историей. Коммунистическое форсирование истории в пятилетних планах индустриализации для Юнгера уже развернувшееся событие, в котором небывалым прежде образом торжествует техническая организация. Не осуществив экономического изобилия, а совсем наоборот, создавая дефицит во всем, вплоть до спичек и соли, плановая экономика между тем позволяла осуществлять мобилизацию средств и ресурсов для осуществления сверхсложных и сверхзатратных технических проектов в ущерб собственному экономическому целому. Она являла собой образец победы технической рациональности над экономической целесообразностью, чему Юнгер посвящает целые главы своей книги. Его тексты развенчивают миф о технике, несущей изобилие и всеобщее благосостояние (миф, играющий немаловажную эмоциональную роль в чувственном представлении о царстве свободы, победившего коммунизма). Однако представление об изобилии как результате технического прогресса, о росте общественного богатства по мере совершенствования техники характерно и для противостоящего коммунизму американского «общества потребления». Поэтому

мышление Юнгера отвечает общему вызову этих братьев-близнецов, рожденных технической цивилизацией. Тезис Юнгера о том, что техника не создает богатства, а лишь распределяет дефицит, на первый взгляд, выглядит парадоксом. Юнгер начинает с переопределения понятия богатства, выводя его из экономического измерения в онтологически более широкий горизонт. Он пишет: «Люди, отвергающие онтологию как нечто вздорное, не признают, что понятие богатства можно толковать двояко, понимая его либо как бытие, либо как обладание... Если я понимаю богатство как бытие, то, следовательно, я буду богат не потому, что многим обладаю, напротив, всякое обладание зависит от моего богатого бытия».

Одним из людей, «отвергающих онтологию», оказался Карл Ясперс, который в примечаниях к своей работе «Смысл и назначение истории» критикует такую, с его точки зрения, подмену понятий. Он пишет: «Оспаривая тезис, будто техника увеличивает богатство, Юнгер совершает скачок в сферу иного „богатства“, где утверждается, что богатство — это бытие, а не имущество... Это — как бы подобие мифологического мышления: не знание, а образ, не анализ, а набросок видения, — однако все это дано в категориях современного мышления, и читатель легко может счесть, что перед ним результат рационального познания».⁹ Ясперс упрекает Юнгера в неправомерном с точки зрения рационального познания скачке от одного контекста употребления понятия богатства к другому — от экономического к духовному (как видится Ясперсу). Однако Юнгер и не намерен оставаться в поле «рационального анализа», он сознательно избирает стратегию свободного перехода из этого поля на почву мифа и поэтической стихии языка, где слова еще сохранили свою многозначность и не закреплены жестко в понятийной сетке позитивных дисциплин знания, вроде экономической науки, поэтому переход от богатства-обладания к богатству-бытию совершается континуально. Упрек в мифологичности не страшен такому мышлению, поскольку всякое мышление о началах, например платоновское, также вынуждено черпать из мифа как предшествующей мышлению континуальной смысловой стихии, свободно переходя затем на почву диалектического анализа. Кстати, проблематика богатства в близком Юнгеру смысле рассматривается в платоновском диалоге «Пир». Эрос, движущий не только людьми, но и всем сущим, рождается как сын Нужды и Полноты бытия, то есть это онтологическая сила, стремящаяся восполнить неполноту

⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 283—284.

бытия. Современная экономическая наука имеет дело лишь с дифференцированными нуждами-потребностями людей, тогда как мышление о началах ищет одну базисную нужду (подобный же «мифологический ход» проделывает уже в XX веке метапсихология Фрейда, редуцирующая многообразие психических импульсов к инстинктам Эроса и Танатоса). Стоит также подчеркнуть, что богатству-обладанию противопоставляется у Юнгера не так называемое духовное, культурное богатство, понимаемое как образованность. Такое богатство тоже есть обладание (знаниями, умениями, навыками), то есть оно по существу техническое. Богатство-бытие — «это богатство исконное, оно есть некий избыток свободы, искра которой заметна в отдельных людях». Примечательно, что на связке свободы с бытием, понимаемой как «свой быт, самобытность», во многом держалось миропонимание русских славянофилов. Эта трактовка богатства как свободы поначалу может быть понята как родственная религиозно-аскетическому идеалу не-стяжания или не-деяния как условия распоряжения собой и собственными внутренними силами, а также доступа к трансцендентным планам бытия. Однако герой Юнгера обладает другим онтологическим рангом — не священника, а воина-царя. Эту мысль, посвященную богатству, ни в коем случае нельзя перетолковывать моралистически, в смысле некоей самодостаточности человека, укротившего свои страсти. Со времен Платона существует критика богатства, обнаруживающая относительность тех благ, которые можно приобрести в обмен на него, или тех целей, достижение которых можно обеспечить посредством него. Богатство есть одновременно и цель и средство, однако не всего можно добиться с помощью богатства. «Любовь купить нельзя», — пели «Битлз». «Продай, все что имеешь, и следуй за мной», — говорит в Евангелии Христос богатому юноше. Богатство оказывается непригодным для достижения сверхтелесного блага. В этой христиански-платонической концепции богатство всегда противостоит добру, понятому как моральное благо.

Между тем, противопоставления богатства и Бога, добра и богатства нет в архаических пластах языка и, следовательно, в изначальном миропонимании. Еще и сейчас по-русски говорят «раздобреть» в значении располнеть, стать толще, больше в своем телесном составе. А богатыри из русских былин — разве они не имеют отношения к богатству? Они избыточны силой земли, мощью своего тела. Иногда эта связь с землей как первоисточком всякого богатства проявляется так сильно, как в былинах о Святогоре, которому не дает подняться из гроба земная тяга. Эти дети земли, в чем-то подобные греческим титанам, почти ничего не имеют, но называются богатырями. Таково понимание богат-

ства в наших древних устных сказаниях, то есть в архаических пластах славянского языка. Поэтому не случайно, что онтологический смысл богатства-бытия проясняется Юнгером при обращении к корням языка. Он пишет: «В индогерманских языках богатство трактуется в смысле сущности. В немецком языке прилагательное *reich* („богатый“) и существительное *Reich* („империя, царство“) — слова одного корня. Прилагательное *reich*, как это явствует из латинского *regius*, означает не что иное, как „могущественный, благородный, царственный“. Существительное же *Reich* соответствует латинскому *rex*, которое означает „царь“. Таким образом, богатство есть не что иное, как царственное могущество человека-властелина». Итак, богатство-бытие предполагает онтологическую мощь, которой наделен человек того или иного онтологического ранга. Что же здесь имеется в виду? Для либерально ориентированного мышления всякая власть является следствием полномочий, делегированных лицу определенной институцией. Однако не случайно Макс Вебер наряду с рациональным и традиционным типами господства выделяет харизматический. Последний основан на личных способностях субъекта власти, поскольку «харизма» по-гречески означает дар. Хотя мысли Юнгера и чужда христианская традиция, можно вспомнить, что Христос учил, «как власть имеющий» [Мф. 7, 28], то есть не имея никаких формальных полномочий, он самой своей речью источал некую власть, заставляющую слушать и повиноваться. Власть появляется даже не столько в действительности слова, сколько в самом присутствии такого человека. Здесь уместно вспомнить близкого по духу Юнгеру итальянского «консервативного революционера» Юлиуса Эволу, в книге «Языческий империализм» противопоставляющего напрасному активизму лишенного онтологической мощи современного политика-демагога безмолвное не-деяние восточных владык, по одному взгляду которых подданные жертвовали жизнью. В традиционных религиозных практиках внутренняя сосредоточенность и неподвижность приводят к достижению более высоких онтологических состояний и стяжанию даров духа, супранатуральных способностей. Концентрация полноты бытия в таком лице создает поле притяжения для власти, богатства и уважения — все эти атрибуты приходят сами. Однако если власть религиозного авторитета во многом покоится на традиции, то власть человека абсолютного ранга проявляется благодаря личным дарам. «Верным признаком богатства является то, что оно, словно Нил, изливает вокруг себя изобилие. В человеке оно сказывается царственной щедростью, которая золотыми жилами пронизывает все его существо. Прирожденные проедатели, то есть законченные потребители, неспособны создавать богатства».

Более профанным и переходным статусом обладает талант, понимаемый как выдающаяся способность к определенной сфере человеческой деятельности. В отличие от таланта в религиозном смысле (как дара благодати ко спасению), такой дифференцированный талант нуждается в культивировании и может быть обменян на экономические блага. Можно сказать, что талант не может проявиться без технических методов — тренировок, репетиций, овладения теми или иными навыками. Однако важно то, что техника не создает даров, а лишь эксплуатирует их. Музыкальному слуху и хорошему вкусу ясно отсутствие самого феномена искусства в бездарной музыке и бездарных стихах, держащихся на одной лишь декламаторской и версификаторской технике. Оказывается, что техника не может подменить двух вещей, которые условно можно назвать данными и талантом, а вместе — даром. Но если в сфере человеческого искусства дар или талант есть специализированная способность к какой-либо деятельности как богатство бытия его носителя-получателя, то как быть с метафорой «дары природы»? Современное потребительски ориентированное понимание видит в «дарах природы» лишь продукты, специально предназначенные для удовлетворения человеческих appetites. Однако дары природы относятся к другому — к некоей избыточности, коренящейся в самой производящей силе природы, в этой целесообразности без цели, понятие которой кантовская эстетика применяла к искусству. Подлинными дарами они являются для человека, который их не покупает и не культивирует, просто живя среди них. Природа производит изобилие, благодаря которому разворачивается жизнь всякого существа в своем кругу. И лишь человеческая техника превращает это изобилие сначала в ресурсы, а затем в дефицит.

Каково же существо техники, которое приводит к такому состоянию? Юнгер дистанцируется от традиционного аристотелевского понимания сущности техники как «совокупности средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства обслуживания непроектируемых потребностей общества». Но для того чтобы шире представить набор альтернатив в понимании сущности техники, мы не должны ограничиваться противопоставлением традиционного и юнгеровского понятий и можем обратиться к примечательному обзору интерпретаций сущности техники, осуществленному современным немецким философом Хансом Ленком. Ленк показал, что в течение XX века внутри традиционно-ориентированной философии техника понималась и толковалась:

1) как прикладное естествознание (у Рело и совсем еще недавно — с незначительными модификациями — у Бунге, а также отчасти у Румпфа);

2) как система средств, которая: а) является нейтральной по отношению к цели и может употребляться в качестве экономящего усилия посредника-переключателя или обходного пути для каких угодно целей (Спенсер, Зиммель, Шпрангер, Ясперс, Тондл, Закссе); б) по своему определению служит хозяйственному удовлетворению потребностей и предотвращению определенных действий в качестве «порядка исполнения этих действий» (Готтль-Оттилиенфельд и, в известном смысле, Шпрангер); в) служит вообще облегчению и формированию нашего бытия (Гелен, Ясперс); г) представляет собой «уравновешенную совокупность методов и вспомогательных средств действий по овладению природой» (Готтль-Оттилиенфельд);

3) как выражение стремления человека к эксплуатации и власти и желания управлять на основе соответствующих знаний (Шпенглер, Эллиул, Бьюкенен);

4) в онтологической интерпретации как бытийно-исторически развивающееся «раскрытие» (Entbergen) и «назначение» природы, например в снабжении энергией, в управляемой передаче энергии и как наличного материала (Хайдеггер);

5) в христианско-платоновском толковании как реализация идей в анализе, которые извлекаются изобретением из четвертого царства предустановленных способов решений, или продолжение дела изначального божественного творения (Дессауэр);

6) как реализованное или стремящееся к секуляризации самоосвобождение человека через собственную деятельность, «через формирование действительности с помощью труда» (Бринкманн);

7) как производство вещей в качестве дополнения объективного мира, что тем самым впервые делает человека существом культурным и что является для него в широком смысле «необходимым» (Ортега-и-Гасет);

8) как «эмансипация от ограничений, налагаемых органической природой» (Фрейер), «проект искусственного мира в целом», как прогрессивная замена естественного мира «созидающего самого себя культурным миром» (Шиллинг);

9) как объективация человеческой деятельности и как средство не прямой самоинтерпретации деятельного существа, указывающей на анализ, проекцию и отзвук в «не-Я» (Гелен).¹⁰

¹⁰ Ленк Х. Размышления о современной технике. М., 1996. С. 42—43.

Чем же юнгеровское толкование техники отличается от вышперечисленных подходов? Техника, по Юнгеру, — это рационализация трудовых процессов, то есть ее существо состоит в технической организации всего неорганизованного бытия. Организация предполагает разбиение и построение, правило предполагает повторение образца, выправление чего-либо как повторяющегося оглядывание на изначально данный образец. Здесь техника оказывается сродни памяти. Не секрет, что там, где царит техническое, уходит не только случайность, но и оригинальность. Источник перестает проглядывать из-за правила. Но и само повторение несет внутреннюю проблему и разлад. Возможно ли точное повторение, без идеализации, аппроксимации, бесконечного приближения, без дистанцированности от образца? Мы не знаем, что получится в деятельности первооткрывателя. Предведением мы обладаем в деятельности умельца-кустаря. Но здесь еще речь не идет о точности и повторении. Ценится как раз отличие, показывающее, что перед нами «ручная работа». Техника же руководствуется стандартами, которые с помощью все более точных инструментов позволяют устранять всякое различие и разнообразие, позволяя технической организации слаженно функционировать, осуществляя массовое производство. Во внедрении в трудовую деятельность правил, образцов и стандартов заключается суть технической рационализации. Рационализация же является «испытанным методом, который регулярно находит применение там, где возникает нехватка и нужда». Откуда же берется эта нужда? Ответ лежит в следующей плоскости — всякое производство отвечает нуждам, потребностям, поэтому условием роста производства является растущее потребление. Производство и потребление образуют круг, в котором потребление всякий раз освобождает место для нового производства. «Увеличение производства и повышение производительности труда не может создавать богатства, так как они вызваны нуждой и появились как средства удовлетворения повышенного спроса». Поддерживаемый техническими методами (развитие фармакологии, вообще медицины, урбанизация) рост человеческих масс служит для оправдания расширенного производства.

Техническая организация на всех континентах и во всех социальных устройствах создает соразмерную ей по усредненной сумме способностей-потребностей человеческую массу. На этот процесс образования «общего выражения лица» обратил внимание еще в XIX веке русский консервативный мыслитель Константин Леонтьев. Он остроумно предлагал говорить не о развитии в отношении технических изобретений, а о распространении — железные дороги, по мысли Леонтьева, распространяются

так же, как эпидемии и пороки, как чума и холера. Сущность его претензий к техническому прогрессу можно сформулировать следующим образом: технический прогресс ведет к усилению единообразия форм жизни, а единообразие — это упрощение, влекущее смерть всякого духовно-культурного организма. На смену различным в своих традициях, языках и образах жизни народам и странам идет единый земной шар, по которому быстро перемещаются из одного, ничем не отличающегося от другого, места буржуа в «скучных и одинаковых костюмах». Более современный образ будущего кочевника-«номада», не имеющего ни дома, ни родины, ни семьи и включенного мобильными коммуникациями в единую систему технического производства рисует в XX веке Жак Аттали. И о той же «нивелировке», исчезновении различий между народами, странами, отдельными людьми как следствии технического прогресса говорит Ф.Г. Юнгер. Леонтьева тревожило исчезновение «великих людей» и всей эстетической стороны социальной иерархии. Юнгера тревожит уже просто возможность исчерпания человека. Он пишет: «Стремление к равенству реализуется в некоем централизме, который работает одновременно по горизонтали и по вертикали... В то время как нивелировка делает излишними сначала сословия, потом партии, а затем и классы, пока исчезают все конституционные определения демократии, на первый план все более явственно выступает компактная масса... Процесс нивелировки имеет планетарный размах; состояние минимума, ради которого ведется работа, является планетарным состоянием».¹¹ Каким же образом связан процесс нивелировки и образования масс, происходящий в социальном плане, с техникой? Юнгер пишет: «Образование масс и механический прогресс суть тождественные процессы. Технический прогресс идет нога в ногу с образованием масс и кончается вместе с ним... Нет смысла развивать технику, там где нет масс... техника есть не что иное, как организация процесса потребления, посредством которого масса направляется к состоянию минимума; таким образом, с завершением процесса потребления становятся излишними и служащие ему аппаратура и организация».¹² Техническая организация, производя предметы потребления, воспроизводит и потребляющие их массы.

Дополнительным фактором, ускоряющим оборот производства-потребления, является внутренняя «запрограммированность» технических изделий на быстрейшую изнашиваемость, которая

¹¹ Юнгер Ф. Г. Ницше. М., 1999. С. 224.

¹² Там же. С. 231.

делает их непригодными для пожизненного пользования и передачи по наследству, как это было с вещами крестьянского обихода. Реклама и мода переключают потребительские вожеления на очередные технические новинки и новые модели, в которых якобы воплощены преимущества, полностью устраняющие необходимость еще сохранивших потребительские свойства старых вещей. При этом реклама играет уникальную роль катализатора, ускорителя цикла производства-потребления, помогая сублимировать жизненные импульсы в потребительские желания, то есть осуществляя функцию репрессии от лица технической организации с целью канализировать всю свободную от труда энергию в потребительскую активность. Странно сопоставлять эти два слова — реклама и репрессия. Казалось бы, реклама — средство выбора или, скажем, условие выбора на свободном рынке. Вас не принуждают ни к чему, тем более не подавляют. Вас просто спрашивают и соблазняют разными способами и на разные голоса. Но все не так-то просто. Реклама как система в своей тотальности не предъявляет вещи, она манипулирует знаками, складывающимися в определенные «образы жизни». Она является поставщиком этих образов-образцов, которые смежны или заимствованы из других образных миров, миров-грез, — кино, моды, поп-искусства, интернета и др. Реклама — это коллективная греза, тем более желанная, чем более четкая и воплощенная. Репрессия происходит как раз в момент отождествления, примерки на себя «образа жизни», жизненного стиля, поставляемого рекламой. Именно в этот момент на месте «смутного объекта желаний» или просто в перспективе безобъектного стремления возникает рыночный товар. То, что в нас стремилось в неведомые дали, обретает чувственный эквивалент в товарном теле, которое имитирует исполнение желаний. Счастье — это краска для волос, беседа — это чай, для любви нужен поход в ресторан, улыбка ребенка вызывается хорошим подгузником. Прочтенная буквально, без фона, подающего «образ жизни», рекламная событийность кажется ареной действия слабоумных, поставленной на сцене пьесой Хармса. Естественность подмене придает только язык. Антипоэтический язык, который устраняет многосмысленность всякого слова и предложения тут же предъявляемым вещественным означаемым. Метафора переводит к вещи. Вещи становятся условием желания и гарантом его бесконечного возобновления. Все наши смутные, индивидуальные и безобъектные стремления подавляются и вытесняются очевидным «хочу это», потому что «это» служит наглядным и общераспространенным сублиматом желанного.

Недостаток, нехватка, нужда царят как внутренняя необходимость цикла производство-потребление еще и потому, что потребление не удовлетворяет инстинктивно-жизненного и экзистенциального голода. Этот обманутый, метафизический голод воплощается в видении Юнгера в машине, стремительно перерабатывающей природные вещи, ставшие материалами. А Хайдеггер отмечает: «Потребление всех материалов, включая сырье „человек“, для технического производства неограниченной возможности изготовления всего потаенно обусловлено полной пустотой, в которой взвешено сущее, материал для „действительного“».¹³ Иными словами, всякое сущее — рыба, алмаз, дерево, — вырванное из собственного круга существования и лишенное имманентного этому кругу предназначения, превращается в «ресурс». Лишь в собственном кругу существования сущее способно расти, размножаться, находиться в изобилии. В качестве «ресурса» оно лишь добывается, складировается, перерабатывается и потребляется, то есть оно лишено всякой самостоятельности и способности к росту, восполнению, помимо самого добывающего его производства. Сущностью технической организации является придание «неорганизованному сущему», вырванному из круга своего бытия, нового порядка, движения и цели внутри цикла производства-потребления. Хайдеггер пишет: «Техника, стоящая без своего ведома перед пустотой бытия, есть упорядочение недостатка. Повсюду, где сущего нехватка, — а для наращивающей себя воли к воле всего и всегда и повсюду в растущей мере не хватает, — техника должна быть на подхвате для создания заменителей и для исчерпывающего израсходования сырья».¹⁴

Итак, техническая организация появляется там, где испытывается недостаток. Там, где существует избыток чего-то, например рыбы в мировом океане, в организационных мерах нет нужды. Действительно, «никому не придет в голову вводить какие-то ограничения и распределять предметы, которые находятся в изобилии, зато недостаток и дефицит незамедлительно понуждают принимать соответствующие меры». Техническая организация обращена прежде всего к распределению ограниченных ресурсов, к организации неорганизованной сферы. А такое распределение это не приумножение богатства, а возрастающее оскудение. Настоящее богатство, даже понятое как обладание, основано не на количественных, а на качественных отличиях. Уве-

¹³ Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 190.

¹⁴ Там же.

личение добычи алмазов с помощью новейшей добывающей техники ведет к общему обесцениванию алмазов как драгоценностей. Появление искусственных алмазов еще более усугубляет ситуацию. Богатство — это редкость, техника же осуществляет массовое производство. А массовое производство ведет к удешевлению и обесцениванию. Обесценивание провоцирует ускорение и увеличение истощения ресурсов. Например, все более усовершенствующиеся технологии нефтедобычи, увеличивающаяся пропускная мощность нефтепроводов в совокупности с растущей перерабатывающей способностью нефтехимических комплексов ведут не только к росту объемов производства и потребления, но и ко все убыстряющемуся оскудению месторождений нефти. Нефть, формирующаяся в пластах земли миллионы лет, может быть выкачана, распределена и переработана в более ограниченные сроки. Месторождения, разрабатывавшиеся старыми методами в течение десятилетий, при совершенствовании техники могут быть истощены за годы. Однако по мере оскудения ресурсов и усложнения техники добычи происходит рост самой организации, обслуживающей эту технику (ярким примером может служить российский «Газпром», это гигантское технико-бюрократическое «государство в государстве», содержащее целые города). Юнгер показывает, что «с технической точки зрения наилучшей организацией является наиболее рациональная, то есть такая, которая обеспечивает наибольшее потребление, ибо чем рациональнее устроена организация, тем безжалостней она подметает все имеющиеся ресурсы». Когда эксплуатация ресурсов становится дороже, чем содержание технической организации, или когда распределять больше нечего, техническая организация погибает. Таким образом, техника не создает богатства, а лишь распределяет нужду.

Примерно в том же стиле Юнгер развенчивает мысль об освобождающей человека миссии техники. Кажется, утверждение о том, что техника не увеличивает досуга, создавая, наоборот, дефицит свободного времени, не выдерживает критики фактами. Этому утверждению, на первый взгляд, сопротивляются не только социальные факты, но и наши сокровенные надежды на технические устройства как избавление от бремени труда. Эти иллюзии, постоянно разворачивающиеся в утопиях и научной фантастике, проникают и в наше повседневное отношение к технике. Юнгер же утверждает, что с увеличением технических инноваций растет количество труда. Однако это положение нуждается в дальнейшей экспликации. По мере охвата неорганизованного сущего техника все активнее влетает внутрь своей организации аспекты человеческой жизни, организуя время. Это становится возможно

благодаря внедрению точного измерения времени и его рационального планирования. Рациональному планированию подлежит не только рабочее время, но и так называемое свободное время, которое служит лишь для восстановления сил в интересах нового трудового цикла. Для понимания позиции Юнгера мы можем, отойдя от текста его «Совершенства техники», совершить экскурс в сторону работы «Эрос и цивилизация» другого немецкого мыслителя — Герберта Маркузе. По мнению Маркузе, интенция которого кажется далекой от интенции Юнгера, цивилизация создала техническую базу как раз для освобождения человека от труда, увеличения его досуга и развития способностей. Однако принцип реальности, воплощенный в институтах господства, препятствует подобному освобождению, осуществляя контроль и над свободным временем человека с помощью «индустрии развлечений». Постоянная «занятость» человека навязанными ему способами работы и досуга ведут, согласно Маркузе, не только к самоотчуждению, но и к формированию человеческого образа, наиболее пригодного для использования в тотальной технической организации. Развлечение — лишь игровая тренировка рабочих, технических навыков и умений. Техника у Маркузе, казалось бы, ни при чем, поскольку, продолжая мыслить в духе марксизма, он видит в ней базис для освобождения эроса: через переход к автоматической технике человек возвращает себе время для свободного развития, а труд превращается в свободную игру сил. Между тем как раз в анализе Маркузе технического контроля над свободным временем зарыт ключ к пониманию тезиса о том, что техника похищает досуг. Происходит не просто перенос технических методов на сферу развлечения (игровые автоматы, компьютерные игры, ритмизированная музыка, телевидение и т.п.), но сама сфера развлечений становится формой поддержания «рабочего тонуса» человека даже во вне рабочее время (спорт и другие техноподобные занятия). Можно сказать, что работа и отдых современного человека представляют единую структуру отдыха-ради-готовности к работе. Пустое, неорганизованное, незанятое время чревато для вовлеченного в техническое производство человека произвольными размышлениями, ведущими к депрессиям и внутренним кризисам. А это приводит к его выпадению из «рабочего состояния», что, в свою очередь, является предметом заботы психоаналитиков, которых в их позднеамериканском воплощении правомерно называть психотехниками. Юнгер пишет: «Каждая остановка механического движения вызывает у технически организованного человека ощущение невыносимой пустоты жизни, ощущение, перед которым он бессилен и от которого он стремится избавиться при помощи усиленной подвижности». Не-

заполненное время чревато «измышлением» альтернатив техническому способу жизни и побегу человека от навязанной ему профессиональной деятельности в сторону раскрытия собственных способностей.

Другой причиной поглощения техникой свободного времени является способ взаимодействия человека с техническими устройствами. Внедряющиеся в работу и быт технические устройства постоянно обновляются. Поэтому на их освоение постоянно затрачивается время. Например, операционные системы в компьютерах обновляются примерно раз в 2-3 года. Для того чтобы научиться совершать в них примерно одни и те же операции, человек вынужден учиться. Время заботы о технических устройствах зачастую превышает экономию времени от их применения. Уже само наличие технических устройств является поводом для растраты свободного времени — ведь технические устройства вызывают к их использованию. Наличие компьютера, обусловленное рабочей необходимостью, побуждает в то же время к его использованию в качестве игрового автомата, похищающего свободное время и превращающего человеческую деятельность в чисто техническую. При этом человек тратит не потенциально бесконечное «машинное время», а конечное время своей единственной жизни. Человек, чей статус как свободного человека (в отличие от раба) определялся в античной цивилизации наличием досуга, лишается этого досуга, испытывает вечную нехватку времени, превращаясь в технического функционера, раба техники.

Сама исчерпаемость природных ресурсов и человека, противостоящая дурной бесконечности совершенствования техники, полагает предел техническому прогрессу. Пределы «совершенства техники» лежат, однако, не только в исчерпании сущего, но и в ответном «сопротивлении» природы. Мобилизованные техникой стихийные силы сохраняют угрозу случайного уничтожения для технической организации, по мере того как она распространяет свой тотальный контроль над земным шаром. *Perpetuum mobile*, вечный двигатель, как утопическая цель средневековой и ренессансной изобретательской мысли обнаруживает роковой недостаток современной машинной техники — недостаток самодвижения. Об этом часто забывается, когда техника рассматривается как замкнутая и будто бы самообеспечивающаяся система. Задача-максимум техники — такое обеспечение существования, которое предполагает не просто воспроизведение всего сущего, но расширенное и усовершенствованное воспроизведение. Однако техника чужда случайных и излишних, нерациональных, действий. Поэтому она воспроизводит то, что уже редуцировано к некоей идеальной типике. Техника не производит такого бесконеч-

ного богатства, каковым является в целом живой цветок, но производит некие «компоненты, идентичные растительным». Вот здесь-то и подвох. Вместо самопроизвольных, самовоспроизводящихся процессов жизни техника подсовывает то, что нуждается в постоянном возобновлении, на что нужно тратить все новую и новую энергию. И дело не только в так называемом законе сохранения энергии. Техника принципиально разомкнута на получение энергии и субстанции из природы. Однако, говоря словами Галилея, это вынуждение природы, то есть сжатие ее в тиски. Последняя метафора работает не только по отношению к научному эксперименту, но и к любому техническому производству. Атомные электростанции, создающие экстремальные условия для деления урановых ядер в своих реакторах с целью высвобождения внутриядерных сил, — те же тиски, попав в которые, природа *вынуждена* отдавать свою энергию. Правда, делает она это тем вулканическим способом, который чреват гибелью для самих получающих такую энергию, тем способом, несущим угрозу, о котором говорит Юнгер в заключении своей книги.

Какова же альтернатива хищнической эксплуатации природной субстанции? Юнгер лишь намечает ее, говоря о богатстве-бытии, порождающем избыток, а также рисуя архаически идиллический образ отношений человека и коровы. Техника как бы заслоняет для человека возможность творчества и заботливо-симпатических отношений со всем живым, в том числе с землей. Не случайно Бердяев говорит, что техника изгоняет «духов природы», доступных магии. С воцарением техники исчезает отношение к сущему как живому и одушевленному, чье откровение и дарящая щедрость не вынудимы силой. Таким образом, техника как бы заслоняет собой первоначальную установку деятельности, нацеленную не на одностороннее расхищение, а на обмен дарами. В связи с этим следует задаться вопросом, из какой сферы исходит техническое произведение? Есть ли это сфера трансцендентальной субъективности, производящая продукт воображения, связывания в рациональном синтезе чистых геометрических форм и математических отношений, или же это открытие трансцендентальных пред-решений в Божественном разуме, как думал Дессауэр, или произведение никогда не бывшего, по Хайдеггеру? В любом случае техника заслоняет свой источник, благодаря которому возможно открытие, создание чего-либо впервые. Напомним платоновское: «Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством...».¹⁵

¹⁵ Платон. Пир. 205 с.

Освобождение созидательного источника, творчество, а не тиражирование моделей, копий есть выход из замкнутого круга количественного роста технической организации. У многих мыслителей, в чьем поле рассмотрения находится феномен техники, она предстает как забвение этого источника.

Для Гуссерля «техне» означает пропуск смылосозидающих актов, забвение в научном мышлении процедур идеализации, имеющих почву в жизненном мире, но ведущих к созданию символических сущностей, формул, моделей, с которыми в дальнейшем теоретическое мышление оперирует как с чем-то в себе основанным и само-собой разумеющимся. Гуссерль пишет: «Метод, ставший методом постепенного решения задачи, будучи методом искусства (техне), наследует задачу, не сохраняя, однако, ее действительного смысла. Теоретическая задача и все достижения естествознания (и мировой науки вообще), которое овладевает бесконечной тематикой лишь с помощью бесконечности методов, а бесконечность методов может стать господствующей лишь благодаря техническому мышлению, утратившему смысл, и благодаря технической деятельности, могут остаться действительно и изначально осмысленными лишь в том случае, если ученый сформировывает в себе способность постоянно ставить вопрос об изначальном смысле всех своих смыслообразований и методов — об их исторически первоначальном смысле, прежде всего о смысле всего того, что принимается нами без всякой проверки и равным образом всего наследуемого нами последующего смысла... В реальной сфере своих исследований и открытий он не постигает того, что все, проясняющее эти размышления, само нуждается в прояснении, что наивысшим, наиболее важным интересом для философии и для науки является интерес к действительному познанию самого мира, самой природы. Это и было тем, что было утрачено традиционной наукой, ставшей техне, коль скоро оно определяло ее исток».¹⁶

Для Хайдеггера существо техники раскрывается в устанавливаемом представлении, заслоняющем более изначальный поэтический способ раскрытия потаенного. Техника является видом раскрытия потаенного, осуществления бытия сущего, наряду, например, с поэзией. Однако, «то раскрытие, каким захвачена современная техника, развертывается не про-из-ведением в смысле „пойэзис“ (это раскрытие происходит по типу поставления-в-наличие, которое предполагает возможность добывать и запасать

¹⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Новочеркасск, 1994. С. 95.

материалы и энергию. — С.Ф.). Царящее в современной технике раскрытие потаенного есть производство, ставящее перед природой неслыханное требование быть поставщиком энергии, которую можно было бы добывать и запасать как таковую».¹⁷ Для определения сущности этого поставляющего представления, осуществляющегося техникой, Хайдеггер вводит через дефис слово «постав» (Ge-stelle). Дефис заставляет отчетливее звучать основу *stelle*, которая в описании свершений техники звучит постоянно, «громоздятся сухой, однообразной и потому тягостной грудой»... через слова «ставить», «предоставлять», «поставлять» и т.п. Хайдеггер отсылает при этом к довольно архаическим значениям слова, которое в современном языке означает «подставка» или «каркас». Причем в основе не случайно звучит «ставить», то есть основывать на чем-то. Поставляющее производство основано на упорядочивающем мышлении. Иными словами, в отличие от «природного», или «божественного», порядка вещей, который предшествует всякой человеческой деятельности и в котором каждая вещь, вплоть до абсолютной Вещи — Бога, занимает свое место, в современную эпоху все сущее обретает свое место лишь благодаря устанавливающему, методически упорядочивающему мышлению. Таким образом, у Хайдеггера просматривается параллель юнгеровскому определению техники как организации. Однако Хайдеггер, в отличие от Юнгера, глубже эксплицирует онтологический характер техники как производящей деятельности, то есть раскрывающей потаенное. В чем же отличие и опасность технической деятельности для человека в сравнении с другими видами производства: производением в искусстве, ремесленной деятельностью и само-произведением, самораскрытием природы? Хайдеггер пишет: «Существо техники покоится в поставе. Его власть отвечает судьбе исторического бытия. Последняя всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности — а значит, и приближается к тому, — что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу поставы, все измеряя его мерой. Тем самым закроется другая возможность — что человек все раньше, глубже и изначально будет вникать в существо непотаенного и его непотаенности, принимая эту требующуюся для ее раскрытия принадлежность к ней как свое собственное существо».¹⁸ Иными словами, захваченный техническим

¹⁷ Хайдеггер М. К вопросу о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 226.

¹⁸ Там же. С. 232

манипулированием над производимыми вещами, человек «поворачивается спиной» к открытости как таковой, позволяющей явиться в историческом горизонте тем или иным вещам и событиям. Понятие «пойэзис» как произведение привычно переводится у нас словом «творчество». И это не случайно, потому что за привычным значением в нем еще явно присутствует буквальное значение «отворять», «открывать». Результаты не должны заслонить исток открытия, которым является не трансцендентальная сфера или сфера пред-решений божественного/космического разума, а человек и который получает предварительную форму в языке.

Символический обмен с этим истоком и для Юнгера важнее, чем продуктивная деятельность. Поэт, прислушивающийся к происходящему, к тому, что еще только показалось на грани существования, и дающий ему слово, оказывается первичнее Техника. Первична для Юнгера не научная деятельность, не исследование, а поэтическая игра, в которой осуществляется самооткровение сущего через символический обмен с ним. Обмен дарами как продолжение поэтического обмена символами в форме некоего симбиоза распространяется как архетип на сферу самообеспечения человека. Человек, заботящийся о корове, кормящий ее и получающий в обмен молоко, состоит в некоем живом симбиозе, для него корова не является неисчерпаемым «агрегатом по производству молока», к которому необходимо лишь присоединить доильный аппарат. Он должен возвращать корове своей дар в виде пищи и ласки. То же самое происходит в отношениях земли и земледельца. Земля, напичканная химическими удобрениями, рано или поздно отказывается плодоносить. Не случайно в архаических земледельческих ритуалах Земле для получения урожая приносятся жертвы. Этот символический образ эквивалентного обмена может стать прототипом для иного, нетехнического, образа жизни человека на земле, черпающего свою меру в позволении всему сущему разворачиваться до собственной полноты, принося изобилие, и одновременно в заботе о сохранении всякого сущего в отдельности. Необходим поворот к раскрытию внутренних сил человека, к символическому творчеству, давшему столь мощный толчок для развития на заре человеческой истории. Л. Мамфорд пишет: «...обряды, язык и общественный строй, не оставившие после себя никаких материальных следов, — но неизменно присутствуя в любой культуре, — вероятно, являлись важнейшими творениями человека уже с самых ранних стадий его развития; и... первой заботой первобытного человека было вовсе не покорение природы или изменение окружающего мира, а овладение собственной чрезмерно развитой и необычайно активной нервной

системой и формирование своего человеческого „я”...»¹⁹ Обращение к возобновляемым источникам энергии и одновременно раскрытие творческих сил человека смогли бы привести к изменению текущей ситуации. Однако, представляется, что лишь посреди всеобщего оскудения и запустения, когда ресурсы и материалы будут использованы без остатка и сама человеческая природа будет истощена, возможен отказ от потребляющего способа бытия в пользу по-настоящему творческого.

Сергей Федоров

¹⁹ *Мамфорд Л.* Миф о машине. М., 2001. С. 27.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПО ГЛАВАМ

Книга первая

СОВЕРШЕНСТВО ТЕХНИКИ

1. Технические утопии. Темой современной утопии служит уже не государство, а техника. Утопия как сочетание научности и литературного сюжета. С. 13. — **2.** Все большая мрачность утопических прогнозов. Механизируя рабочий процесс, техника не прибавляет досуга и вообще не имеет к досугу никакого отношения. Происходит количественный рост массы механического труда. Ручной труд, заменяемый машинным, не исчезает, а только перераспределяется в рамках системы технической организации. Количество ручного труда, привязанного к механике, также растет. С. 17. — **3.** Технический прогресс не создает богатства. Конъюнктуры эксплуатации, связанные с техническим прогрессом. Определение богатства. Аристотелевское определение. Рационализация рабочего процесса не создает богатства. Для положения рабочего на всех этапах технического прогресса характерен пауперизм. С. 24. — **4.** Техническая организация решает только технические проблемы. Определение понятия организации. Ее границы, цели. Характерным признаком технической организации является не преумножение богатства, а распространение бедности. Техническая организация как организация дефицита. Связь между техникой и затратным хозяйством. С. 31. — **5.** Рассмотрение машины. Голод машины. Техника сочетается с хищнической эксплуатацией природных богатств. Рациональность технического способа производства является лишь мнимой, так как эта рациональность служит для хищнической эксплуатации и уничтожения субстанции. Объектом этой хищнической эксплуатации является не только земля, но и человек. Принцип хищнической эксплуатации заложен в мышлении Техника, поэтому он одинаково присутствует как в свободной экономике, так и в плановом хозяйстве. Никакая

технократия ничего бы не изменила в этом положении. С. 36. — 6. Рационализация рабочих методов ведет к совершенствованию технического рабочего процесса. Между экономическим и техническим мышлением возникает спор, который заканчивается поражением экономического. Стремление к техническому совершенству идентично затратному хозяйствованию. С. 46. — 7. Признаки истинной экономичности. Мистерии Деметры. Человек и корова. С. 49. — 8. Стремление техники к совершенству тождественно увеличению автоматизма. Признаки автоматизма. Возрастающее значение проблем, связанных с временем. С. 53. — 9. Декарт и дуализм, заключающийся в отношении *res cogitans* и *res extensa*. Гейлинкс. Увеличение под влиянием картезианской философии количества вещей, подлежащих механическому определению. Учение Декарта как философское обоснование процесса технической эксплуатации. Спор томистов и скотистов. Декарт и Бэкон. Соединение эмпиризма с рационализмом. Точка зрения Спинозы. Декарт и капитализм. Зависимость денежного хозяйства от динамики. С. 56. — 10. Влияние галилеевско-ньютонской механики на понятие времени. Кант. Проникновение механизма в понятие времени и появление механических способов измерения времени. Часы. Автоматизация понятия времени. С. 63. — 11. Естественные науки и механическое понятие времени. С. 70. — 12. Любое механическое время есть *tempus mortuum* — мертвое время. К истории часов. Кальвинизм и часовая промышленность. Руссо. Практическая полезность измеряемого времени и его пригодность для потребления. Дробление времени на отрезки и его влияние на рабочего. Техника и расщепленное время, *tempus mortuum* и автоматизм. С. 72. — 13. Принципиальное значение для техники колеса как движущего и связующего средства. Техника как передаточный механизм. С. 77. — 14. Лапласова фикция. Детерминизм и статистическая вероятность. Проявление проблемы времени в точных науках. Понятие точности. С. 81. — 15. Учение о несвободе воли. *Indifferentia aequilibrii*. Лейбниц и буриданов осел. Различие между *Liberum arbitrium* и механической необходимостью. Техника как колесо, приводимое в движение человеческой силой. Марксизм и спинозизм. С. 86. — 16. Последствия механизации проявляются в специализации и дроблении работы на мелкие отрезки. Путь от каузализма в направлении функционализма. Превращение рабочего в раба машины. Рабочие организации. С. 93. — 17. Возникновение рабочего вопроса. Возрастающая потребность в защите возникает у рабочего под влиянием его растущей зависимости от аппаратуры и организации. С. 98. — 18. Насильственный характер машины. Ее работа убыточна, поэтому она заставляет идти по пути организа-

ции рабочего процесса и самого рабочего. Различие между институтом и организацией. Принцип эксплуатации. Появление пролетария. Расколотость сознания рабочего. С. 103. — 19. Век техники начинается с развития динамики. Рабочий и аппаратура эксплуатации. Потребность в надежности и каузальная точность. С. 110. — 20. Кант. Разграничение *technica intentionalis* и *technica naturalis* у Канта. Телеология и механика. Шеллинг. С. 115. — 21. Спор между механистами и виталистами. Каузальное и телеологическое мышление сочетаются в работе аппаратуры. Понятие технической целесообразности и его границы. С. 119. — 22. Границы технической целесообразности. Мышление Техника — это мышление часовщика. С. 122. — 23. Техника и принцип механической организации. Аппаратура и организация — взаимно дополняют друг друга. Конвейер. Статистическое мышление. С. 126. — 24. Понятие научной точности. Машина как подражательное изобретение. Функционализм и его последствия для человеческого труда. Функционализм и автоматизм. Потребление как свойство функционализма. С. 131. — 25. Отличие технической организации от других организаций. Техника и право. С. 136. — 26. Отношения между наукой и техникой. Биология как вспомогательная наука технического прогресса. Техническая организация и медицина. С. 140. — 27. Влияние технической организации на финансы и валюту. Упадок валют. С. 145. — 28. Влияние технической организации на сферу образования и систему знаний. Исчезновение *encyclois disciplina*. Энциклопедическое знание. Юм. С. 148. — 29. Техника и питание. С. 151. — 30. Механическое перестроение государства, производимое технической организацией. С. 154. — 31. Задачи, которые ставит перед собой рассудок в научной деятельности. Определение рассудка. Грабительские походы научного рассудка. С. 156. — 32. Понятие научной истины. Правильность и истинность. Мертвое движение машины и человека в мертвом времени. С. 163. — 33. Земля как мертвый шар. Разрушительная сила техники проявляется в создании планетарно организованной системы заправочных станций. Вулканизация земли и эпоха перманентной революции. Производственная авария. Деформация человека и вещи. Зоны опасности. С. 168. — 34. Понятие технического совершенства. Разрушительная энергия функционального мышления. С. 178. — 35. Техника и массы — взаимосвязанные явления. Характерные признаки и понятие массы. Мобильный и перемещаемый человек. Идеологии. Перемещаемое знание. С. 181. — 36. Аппаратура и идеология — взаимосвязанные явления. Проблема актера. Реклама и пропаганда. С. 188. — 37. Идеология и отвлечение. Фотография. С. 193. — 38. Рационализм и иррационализм. Человек в условиях развивающегося

функционализма. Техника мобилизации. С. 196. — 39. Ресурсы, которые имеются в распоряжении человека. Уроки римской истории. Римские массы. С. 200. — 40. Взаимная обусловленность техники и спорта. Спорт появляется при достижении определенной степени механизации. Спорт как реакция на процесс механизации. С. 204. — 41. Разрушение праздника. Механизм кинематографа. С. 208. — 42. Наркотическое действие автоматизма. Функционализация сознания. С. 212. — 43. В конце развития техники нас, вопреки представлениям утопистов, ожидает не идиллия, а хищническая эксплуатация природных ресурсов, организованная в планетарном масштабе. Принцип эксплуатации достигает такой степени, когда он перерастет в мобилизацию и тотальную войну. Технический прогресс и военное дело. С. 215. — 44. Защищенность и потребность в защищенности. Задача организации дефицита. С. 223. — 45. Философские системы. Лейбниц. Кант. Гегелевская диалектика как отражение механически организованного прогресса. С. 228. — 46. Философии воли. Теории катастроф. Пределы совершенствования техники. Стерильность механики. Прометей. Гефест. Техника как проявление вырвавшихся на волю титанических и циклопических сил. Соотношение механического прогресса и стихийного регресса. С. 234.

Приложение

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Предпосылки мировых войн. Отличительной особенностью войны является то, что изменяется характер труда. Бесславно и страдания рабочих войн. Война как механический барабан, как конвейер. Первая и вторая мировая война. Государство как автоматизированное военное производство. Тотальный характер труда и тотальный износ. Война на стадии колоссального развития техники. С. 248.

Книга вторая

МАШИНА И СОБСТВЕННОСТЬ

1. Отношение между историей и техникой. С. 277. — 2. Аппаратура и отвлечение. С. 281. — 3. Машина и социальная теория. Сен-Симон, Фурье, Прудон, Луи Блан, Оуэн, Маркс. Эко-

номические и технические теории. С. 284. — 4. Связь между механическими законами динамики и движением капитала. Банковское дело. Статическое банковское дело античных времен и динамическое банковское дело машинного века. Банковское дело и автоматизм. Биржа. С. 289. — 5. Ранние деньги. Отвлечения понятия денег. Вещественные деньги, символические деньги, расчетные деньги. Абстракции денежной системы. Экономические деньги и технические деньги. С. 299. — 6. Теория и идеология. Идеологии и теория развития. Теория высвобождения и теория компенсации. Маркс как представитель экономической теории эпохи паровой техники. С. 306. — 7. Отвлечение и нормирование. Нормирование и автоматизм. Их воздействие на организацию труда. С. 317. — 8. Машина в представлении XIX века. Машина как вещь в вещном мире. Капиталист-собственник. Экономическое общество и технический коллектив. Прибавочная стоимость. Соотношение между машинным капитализмом и машинным социализмом. Превращение экономических понятий в техническом коллективе. С. 324. — 9. Превращение капиталиста-собственника в технического функционера. Форд и его вертикальный трест. С. 337. — 10. Континуальность и дисконтинуальность. Континуальная собственность и дисконтинуальное понятие силы. Самоэкспроприация машинного капиталиста. Разрушение вещественных границ. Коллектив в качестве капиталиста. С. 344. — 11. Теория собственности. Понятие вещи в римском праве. С. 353. — 12. Право собственности. Коллизия отчуждения между машиной и собственностью. Расширение коллектива и положение рабочего. С. 362. — 13. Противоречие между вещью и машиной, собственностью и коллективом. Исчезновение государственной собственности. Безграничность технического коллектива. Собственность и мнимая собственность. Границы собственности. Технический коллектив как затратный коллектив. С. 370. — 14. Собственность и мнимая собственность. Анонимность механики. Вещественные границы собственнического порядка. Владение. С. 383. — 15. Вещь и деньги. Изменение понятия денег. Финансовый капитал и промышленный капитал. Финансы и понятие силы. Деньги в техническом коллективе. С. 392. — 16. Концентрация денег и машины. Позитивизм Маха. С. 400. — 17. Анонимность предприятий. Процесс монополизации денег и машинной техники. Отношения между наукой и техникой. «Обобществление» производства как апогей эксплуатации и монополизации. Машинный капитализм и машинный социализм. Империализм в техническом коллективе. С. 405. — 18. Вещь и функция. Задачи автоматизма. Нормирование и автоматизация. Человек как знак дорожного движения. Снятие вещественных границ. Нумерация.

Обособление составных частей. Задачи рекламы. Технические типы. С. 413. — **19.** Зависимость собственности от технических связей. Машина как протез универсальной эксплуатации. Собственника сменяет функционер. С. 424. — **20.** Превращение личности в техническую деталь. Собственник и функционер. Конвейер. Человек как технический артикул. С. 429. — **21.** Воздействие автоматизма на человека. Человек в техническом коллективе. С. 437. — **22.** Технический коллектив и автоматизм. Продолжающаяся монополизация финансов и механики. Технический коллектив как механический производитель и потребитель. Преобразование государственной системы. Специальные коллективы и коллектив в целом. Тесная связь коллектива с автоматизмом. Механический рабочий план как план эксплуататоров. Техника методов отвлечения. Фотография. Методы механического тиражирования. Техническая реклама и пропаганда. С. 444. — **23.** Кризис легитимности. Страх. Экзистенциализм Жан-Поля Сартра. *Tu te foutra* в литературе. С. 456. — **24.** Человек технического коллектива. Понятие труда. Свободный труд и принудительный труд. Человек как эксплуататор и объект эксплуатации. Функционер как форма деградации. Специализированность и процесс потребления. С. 466. — **25.** Перевод человека в мертвую цифру в условиях коллектива. Метод тестирования. Человек как объект эксплуатации науки. Увеличение числа механических детерминаций. Препараты и консервы. Потребность в безопасности. Риск как историческое понятие. Истоки страха. С. 480. — **26.** Техника и наука. Универсальный рабочий план как цель технического коллектива. Техницизм универсального рабочего плана. Универсальный рабочий план и универсальная машинная аппаратура. Техника как взрыватель. С. 489. — **27.** Границы вещи и личности и перекройка, производимая нормированием. Управляющая роль универсального рабочего плана. Цепная реакция и мировая война. С. 496. — **28.** Критика универсального рабочего плана. Потребительский характер движения в целом. Наука как служанка универсального рабочего плана. Автоматизм как итог гегелевской диалектики. Соотношение между историей и внеисторическим. С. 502.

Примечания 509

Есть ли пределы «совершенству техники»? (С. А. Федоров) . . 524

Фридрих Георг Юнгер
СОВЕРШЕНСТВО ТЕХНИКИ
МАШИНА И СОБСТВЕННОСТЬ

Утверждено к печати
Редколлекцией серии «ПОЛИС»

Редактор *Т. В. Глушенкова*

Лицензия № 000190 от 03 июня 1999 г.
Подписано к печати 15.11.02. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32.6. Уч.-изд. л. 23.7.
Тираж 2500 экз. Тип. зак. № 3752

Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, д. 19

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-93-615014-3

9 785936 150142

ΠΟΛΙΣ

Юнгер рассеивает прогрессистские иллюзии техники как всеобщего кормильца и создателя бесконечных потребительских благ. В парадоксальном видении мыслителя техника не умножает богатства, а создает вечный дефицит. Однако ограниченность и истощаемость ресурсов земли и самого человека полагают предел развитию технической цивилизации, совершенствованию техники и подают надежду, что посреди всеобщего оскудения и запустения возможен отказ от потребляющего способа бытия в пользу по-настоящему творческого.

